

МИОН
Межрегиональные
исследования
в общественных
науках

Т

Человек - текст - эпоха

Томский
Межрегиональный Институт
Общественных наук

**Межрегиональные
исследования
в общественных науках**

Министерство
образования
Российской
Федерации

**«ИНОЦЕНТР
(Информация. Наука.
Образование)»**

Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)

Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)

Фонд Джона Д.
и Кэтрин Т. МакАртуров
(США)

Данное издание осуществлено в рамках программы “Межрегиональные исследования в общественных науках”, реализуемой совместно Министерством образования РФ, “ИНОЦЕНТРОм (Информация. Наука. Образование)” и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона, при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) и Института “Открытое общество” (Фонд Сороса). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

Человек – текст – эпоха

Выпуск 1

Формирование жизненной среды и менталитета

*Под редакцией
доктора исторических наук В.П. Зиновьева
и кандидата исторических наук Е.Е. Дутчак*

Издательство
Томского
университета
2004

УДК 93/99 (093)

ББК 63.2

Ч39

Рецензенты:

доктор исторических наук В.П. Бойко

доктор исторических наук С.Ф. Фоминых

кандидат исторических наук В.В. Керов

Печатается по решению Совета научных кураторов программы “Межрегиональные исследования в общественных науках” в рамках проекта “Человек и общество евразийского фронта: эволюция жизненной среды и ментальности”

Ч39

Человек – текст – эпоха: Сб. науч. статей и материалов. – Вып. 1: Формирование жизненной среды и менталитета / Под ред. В.П. Зиновьева, Е.Е. Дутчак. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 320 с.

(Серия «Научные доклады»; вып. 4)

ISBN 5-7511-1861-8

Сборник научных статей и материалов содержит публикации источников по истории России XVIII – XX вв., а также научные статьи, исследующие особенности разных по своему происхождению и назначению текстов. Для представителей всех гуманитарных отраслей знания академической и вузовской сферы.

УДК 93/99 (093)

ББК 63.2

Книга распространяется бесплатно

Издание осуществляется при финансовой поддержке МИОН,
грант К017-2-01/2003

ISBN 5-7511-1861-8

© М.Л. Бэр, Е.Е. Дутчак, А.Н. Жеравина, О.А. Жеравина, В.П. Зиновьев, В.А. Есипова, О.Н. Катионов, Е.А. Ким, А.К. Кириллов, Е.В. Комлева, А.Н. Котляров, В.М. Кулемзин, Э.Л. Львова, П.Ф. Никулин, И.Я. Соснер, В.Н. Сыров, Е.Н. Туманик, В.В. Шевцов, Л.И. Шерстова, В.Д. Юшковский, 2004

© АНО «ИНОЦентр (Информация. Наука. Образование)», 2004

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов	
<i>А.Н. Жеравина.</i> Памяти Александра Никитича Котлярова.....	7

I. ТЕКСТ И ИСТОРИК

А.Н. Котляров. Просвещенческий романтизм как синкретический способ мышления (на примере трактовки Б.Н. Чичериним истории средневековой знати).....	14
<i>П.Ф. Никулин.</i> О некоторых особенностях социокультурного подхода к анализу массовых источников.....	19
<i>В.Н. Сыров.</i> Что может сказать текст историка?.....	27

II. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПОХА В ДОКУМЕНТАХ

<i>В.А. Есипова.</i> К вопросу о географической локализации письменного источника по данным материала для письма.....	54
<i>И.Я. Соснер.</i> Частные письма Петровской эпохи.....	69
<i>Е.А. Ким.</i> Томск в 1721 г. глазами иностранцев.....	74
<i>М.Л. Бэр.</i> Работа И.П. Елагина в Уложенной комиссии 1767 г.	89
<i>О.Н. Катионов.</i> «Сибирь – золотое дно» Федора Соймонова.....	105
<i>Е.В. Комлева.</i> «Доношение о уменьшении членов» Енисейского провинциального магистрата – памятник городского самоуправления XVIII в.	118
<i>В.В. Шевцов.</i> Шампанское губернатора: метод «насыщенного описания».....	131
<i>Е.Н. Туманик.</i> Декабрист А.Н. Муравьев и его «Наставление сыну Михаилу».....	144
<i>В.Д. Юшковский.</i> Записка Г.С. Батенькова о состоянии сибирских путей сообщения.....	154

<i>В.Д. Юшковский.</i> Новые материалы об инженерно-строительной работе Г.С. Батенькова в Томске.....	162
<i>Л.И. Шерстова.</i> «Устав об управлении инородцев» как источник по этнополитической истории сибирских аборигенов.....	176
<i>В.П. Зиновьев.</i> В.Е. Воложанин и сибирское областничество Из истории одной полемики.....	191
<i>М.В. Дорофеев.</i> Земельные конфликты в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.....	206
<i>А.К. Кириллов.</i> История податной инспекции в 1917 г. как зеркало «демократической альтернативы» в русской революции.....	212
III. НАРРАТИВНЫЙ ФОН ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ	
<i>О.А. Жеравина.</i> Некоторые аспекты повседневной жизни на страницах дневника саламанкского студента XVI в.....	252
<i>М.И. Львова.</i> «Хованщина. Моя семья». Подготовка текста и публикация А.Л. Бийчаниновой и Э.Л. Львовой.....	268
<i>В.М. Кулемзин.</i> «Медведь, далекий от политики».....	303
IV. ЮБИЛЕИ	
<i>В.П. Зиновьев.</i> Блинов Николай Васильевич (к 75-летию юбилею).....	310
Список авторов.....	316

ОТ РЕДАКТОРОВ

Идея издания сборника «Человек – Текст – Эпоха» на кафедре отечественной истории Томского государственного университета родилась и обсуждалась давно. Побуждением к этому стали события последних десятилетий, когда отечественные гуманитарии «примеривали» на себя одежды «кризисного состояния науки» и учились понимать, что презумпция инаковости – политической, экономической, интеллектуальной – является необходимым условием выживания современного мира.

Оглядываясь назад, несложно увидеть, что в нашей рефлексии по этому поводу была своя логика и задавалась она традициями кафедры, персонифицированными в исследованиях ее основателей – профессоров Зои Яковлевны Бояршиновой, Алексея Александровича Говоркова, их коллег и учеников. Следует выделить уже ушедших из жизни профессора Григория Хацкелевича Рабиновича и заведующего кафедрой доцента Александра Никитича Котлярова, памяти которого и посвящен сборник, а также ныне здравствующего профессора Российского университета дружбы народов Николая Васильевича Блинова. Именно с их работами связано формирование «научной установки» кафедры – любой избранный исследователем социокультурный комплекс должен быть логически интерпретирован и внутренне согласован, а искомая целостность пространства исторической реконструкции в своих основаниях означает профессиональный подбор и анализ источников. Поэтому не случайно безусловной ценностью исследователь-

ского дискурса в кафедральных работах всегда оставался и остается исторический источник.

Дистанция между полюсами объектной и субъектной истории огромна, но для сообщества историков по-прежнему важным оказывается обращение внимания лишь на крайности методологий-оппонентов – позитивизма и постмодернизма. Вероятно, этому есть объяснение. Последовательно возраставшая на протяжении XIX–XX столетий дифференциация гуманитарного знания нашла выражение в автономности научно-дискурсивных плоскостей. С одной стороны, возникла и существует историсофская традиция с ее представлением о том, как должно понимать феномены прошлого, семантически размытыми понятийными категориями и абстрагированием от временных и пространственных координат; с другой – мощный пласт конкретных исследований с относительно устойчивыми дефинициями и самостоятельной задачей выяснения и уточнения отдельных сторон исторического процесса. В итоге сбалансированного изучения человека и общества так и не возникает, но возрастает взаимное неприятие «теоретиков» и «практиков».

Сближение двух интеллектуальных традиций возможно на основе понимания, что требование полидисциплинарности на самом деле задает не суммарную величину «прошедших экспертизу» технологий, а тенденцию при отборе инструментария. Лишь теория, описывающая круг изучаемых явлений наиболее точно и полно, может считаться приемлемой в исследовании конкретного исторического материала. В этом, на наш взгляд, заключается признание равенства возможностей объективной реконструкции исторического прошлого и права историка на умозрительное суждение.

Этими соображениями мы руководствовались, предлагая коллегам участие в сборнике статей, ориентированном как на представление документальных и нарративных «осколков» прошлого, так и на выяснение способности текстов представить человека разных исторических эпох.

Мы сердечно благодарим коллег, откликнувшихся на предложение, и надеемся, что он будет интересным не только авторам статей, а значит, будет иметь продолжение.

А.Н. Жеравина (Томск)
Памяти Александра Никитича Котлярова

Александр Никитич Котляров появился в Томске летом 1966 г. Успешно сдав вступительные экзамены, стал студентом историко-филологического факультета. В то время, время большого конкурса, на факультете было много одаренных студентов. Многие его сокурсники уже давно стали докторами исторических наук, профессорами, известными учеными.

А.Н. Котлярова мне довелось хорошо узнать не только как преподавателю, ведущему в течение всего учебного года практические занятия по истории СССР. Я была еще и куратором в группе, в которой он учился. Период становления А.Н. Котлярова как историка пришелся на, может быть, самые интересные годы в жизни единого историко-филологического факультета. Не случайно Мария Ермолаевна Плотникова называла его «золотым временем», а Фаина Зиновьевна Канунова – Ренессансом.

Со студенческих лет Александр Никитич запомнился своей скромностью, прилежностью, самостоятельностью в суждениях, способностью оригинально мыслить. На меня очень сильное впечатление произвел его ответ на экзамене по истории СССР на вопрос «Задачи курса истории СССР». В такой формулировке он ставился во вводной части к учебнику для вузов. Меня поразил нестандартный и глубокий подход к пониманию задач курса. И еще больше поразило то, что Зоя Яковлевна Бояршинова поставила за такой содержательный ответ «хорошо», а не «отлично». Об этом при подведении итогов экзамена на собрании группы в присутствии

Зои Яковлевны я позволила себе с большим огорчением за Сашу Котлярова сказать.

Мне думается, что Зоя Яковлевна не могла не оценить уровень ответа Саши по достоинству. Но для нее был характерен, может быть, более высокий уровень требований к тем, кто был талантлив.

Александр Никитич был, бесспорно, талантлив. Убедиться в этом я имела возможность по его интересу к исследовательской работе. Начав на I курсе с темы «Оценка опричнины в трудах дореволюционных ученых (Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский), с каждым следующим годом углубляясь в тему, дипломную работу посвятил опричнине как этапу консолидации групп феодалов в класс-сословие.

Взятая А.Н. на I курсе тема в формулировке не менялась, менялся характер интереса к ней, менялся выбор сюжетов, совершенствовались и углублялись аргументация.

Выбор темы предопределялся интересом к событиям XVI в., к «Ивановой эпохе», особенно к жестокому детищу – опричнине. Познакомившись с литературой, он убедился в том, что опричнина Ивана IV является не только интереснейшим событием русской истории, но относится к числу проблем политической истории России XVI в., которые в наименьшей мере исследованы и в наименьшей степени разрешены.

В процессе углубления в тему А.Н. самостоятельно определил сюжет новой проблемы, почти не затронутой исследователями опричнины, – проблемы послужильчества как социального явления в русской истории до опричнины и его судьбы во время опричнины.

Социальный состав, источники, формирования послужильцев; состав лиц, концентрировавших вокруг себя послужильцев; правовое и экономическое положение послужильцев, их роль в общественных отношениях; отношение к ним центральной власти до и во время опричнины стали объектом исследования для А.Н. Ему удалось показать опричнину как удар по этому древнему пережитку времен уделов, как время значительной социальной консолидации феодалов.

Дипломная работа оказалась посвящена одному из наиболее сложных и наименее изученных вопросов истории феодальной России. Темы, сформулированной А.Н. Котляровым, касались истори-

ки опричнины, государственных учреждений, крестьянства XVI в., специалисты по военной истории. Но никем еще тогда, в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. эта тема не была определена как заслуживающая специального изучения.

В работе Александра Никитича оказались ценные наблюдения, свежие собственные высказывания, и по теме дипломного сочинения, и по русской истории XVI в. в целом.

В процессе работы над избранной темой Александр Никитич привлек все основные опубликованные источники, часть неопубликованных духовных жалованных грамот, актов Троице-Сергиева монастыря, хранящихся в Архиве АН СССР в Москве, а также опубликованные записки иностранцев.

Характеристика использованных им источников свидетельствовала об основательной источниковедческой подготовке, об умении дать анализ архивных документов и печатных публикаций.

В начале 1971 г. во время пребывания в Москве на преддипломной практике Александр Никитич по рекомендации Зои Яковлевны познакомился со знаменитым историком Сигурдом Оттовичем Шмидтом, который проявил большой интерес к изысканиям молодого исследователя.

После защиты Александром Никитичем дипломной работы члены Государственной комиссии и кафедры дружно поддержали пожелание рецензента канд. ист. наук Юрия Михайловича Критского, высоко эрудированного специалиста, чтобы Александр Никитич в дальнейшем не прекращал занятий именно этой темой. Но начатая в студенческие годы научная работа была прервана на 2 года в связи со службой в армии.

Что характерно было для Александра Никитича – относиться к делу со всей ответственностью. Это проявилось и во время службы в армии. Его сослуживцы говорили, что Александр Никитич мог бы стать высочайшего уровня кадровым военным – так он себя зарекомендовал отношением и к своим обязанностям, и к подчиненным, будучи очень требовательным и столь же заботливым.

По окончании положенного срока армейской службы Александр Никитич вернулся на факультет, прошел через аспирантуру, ассистентство, должность старшего преподавателя, стал доцентом. Много лет было отдано им партийной работе на факультете, работе в

качестве заместителя декана факультета. В последние годы заведовал кафедрой отечественной истории, готовился к защите докторской диссертации.

Кандидатская диссертация Александра Никитича была посвящена недостаточно исследованной истории феодальной знати в историографии XVIII в., взглядам дворянских историков XVIII столетия на прошлое своего сословия в процессе его становления и развития.

В диссертации были выяснены время и условия зарождения историографии дворянства, определены основные этапы изучения истории дворянского сословия в XVIII в. В ней дана характеристика предмета историографии дворянства, источниковедческих основ, творческой лаборатории первых историков дворянства России.

Александр Никитич впервые ввел в научный оборот богатейший материал по истории дворянства, содержащийся в сочинениях дворянских историков XVIII в., историко-юридические справки, публицистику, проекты научных и научно-публицистических работ; использовал труды по истории генеалогии.

Впервые в качестве исследователей привилегированного сословия России в диссертации Александра Никитича предстали и малоизвестные авторы XVIII в. Он использовал «портретный» метод, позволивший увидеть индивидуальные особенности и общие тенденции в развитии взглядов на прошлое русского дворянства. Приобретенные в годы студенчества, аспирантуры и преподавательской работы знания и опыт создали хороший фундамент для успешной исследовательской и педагогической деятельности.

Имя Александра Никитича было хорошо известно научной общественности страны. Его выступления на всесоюзных и всероссийских научных конференциях всегда привлекали внимание и вызвали большой интерес со стороны ученых. Его участие в чтениях, посвященных памяти А.А. Зимина, в Москве (май 1990 г.) было событием не только для него самого.

Показателем высокого авторитета Александра Никитича Котлярова в научном мире, бесспорно, можно считать вынесение на обсуждение на «круглом столе» международной конференции – чте-ний памяти академика Л.В. Черепнина (Москва, 1994 г.) заявлен-

ной им темы выступления «Средневековый тип государственности и его русская модель XIV–XVI вв.».

Педагогическая деятельность Александра Никитича раскрыла его как талантливого лектора, пользовавшегося уважением и любовью учеников. Особого внимания заслуживает Александр Никитич как прекрасный методист. Пять выпусков методических рекомендаций по общему курсу «История СССР», посвященных проблеме русского феодализма, являются итогом многолетней работы по осмыслению им самим основных проблем русского феодализма и по разработке методических рекомендаций на самом высоком уровне.

Он исходил из того, что пособие с учебно-методическим уклоном призвано, прежде всего, пропагандировать наиболее значимые подходы, выработанные научной мыслью и практикой обучения.

I. ТЕКСТ И ИСТОРИК

А.Н. Котляров

Просвещенческий романтизм как синкретический способ мышления (на примере трактовки Б.Н. Чичериным истории средневековой знати)¹

Все стали свидетелями и участниками тех трансформаций, которые характеризуют развитие историко-научной мысли последнего десятилетия. Очевиден закат советской фазы восприятия истории исторического познания и стремление выстроить картину исторического процесса на новых основаниях с приоритетом социокультурных (цивилизационных) и интеллектуальных составляющих. Уходя в прошлое, советская история оставила множество «белых пятен», к числу которых, несомненно, принадлежит вопрос о русском романтизме или о романтическом периоде в российском историописании XIX века. Здесь сложилась некая парадоксальная ситуация: влияние романтизма прослежено во всех основных отраслях культуры (литература, архитектура, живопись, даже естественные науки). [Но в историографии] вопрос же даже не ставился. (Ни в одном обобщенном труде мы не встретим ни разделов, ни характеристики отдельных историков-романтиков.)

Это подвигло [меня] на новое прочтение трудов классиков-ученых первой половины и особенно середины XIX в., и в частности Б.Н. Чичерина, формирование исторических воззрений которого выпало на 1840–50-е годы. (Последующее время принципиально не изменило их содержания.) Фигура Чичерина привлекает внимание еще и потому, что в [его] обильных саморефлексиях есть пря-

¹ Тезисы доклада, представленного на Всероссийской научной конференции «Междисциплинарный синтез в методологии гуманитарного исследования» (г. Томск, 29–31 января 2002 г.).

мые суждения о романтизме. Б.Н. Чичерин отстаивал космополитический взгляд на развитие науки истории, был убежденным противником так называемой «народности». Главной задачей [отечественной науки] считал восприятие (заимствование) достижений западноевропейских ученых. Однако этот призыв не касался романтиков (преимущественно немецких), их манера историописания воспринималась исключительно со знаком «минус». ([Прежде всего, речь идет о] носителях феодальной идеологии, желающих ее консервации и в новейшее время). Чичерин свой подход идентифицировал как «реалистический» и возводил его истоки к французским историкам («великому» Гизо) и не менее великим в его глазах представителям нашей исторической школы права (К. Савиньи, К. Эйхорн и др.). Новейшая история (отечественная и зарубежная) рассматривает их в качестве наиболее плодотворной ветви романтического историзма. Суть [взглядов историков-романтиков]. [Ими создана] новая объяснительная модель: Открытие культуры (дух), ее типизация по национальному принципу («народный дух»), антропологизация (обращение к подлинным историческим представлениям – «понятиям»), приверженность к идеям предопределенности культурного и исторического развития в силу действия метафизических суперначал («Ананке»).

Все эти классические характеристики ясно обнаруживаются у так называемого «реалиста» Чичерина. Сходство еще более увеличивается и углубляется при знакомстве с «чичеринской» интерпретацией отдельных исторических проблем. К их числу может быть отнесена его трактовка предыстории русского дворянского сословия (использовать как проблему... традиционной мысли). Деструкция данной трактовки позволяет выявить ряд таких особенностей способа мышления историка-профессионала, как использование источникового и в неисторическом знании, манеру аргументации, специфику историко-сравнительного метода.

В целом в интересе к истории средневековой знати у Чичерина условно выделяются два направления. Первое, вполне прагматическое, связано с его неизменно высоким и постоянным вниманием к решению так называемого дворянского вопроса. Им он занимался, по его словам, более 30 лет, впервые начав с середины 1850-х годов. Дворянский вопрос – проблема нынешнего и будущего «бла-

городного сословия» в условиях развернувшейся буржуазной модернизации страны. В большом цикле статей отстаивал оригинальный проект – превращение дворянства в ядро среднего класса, исторически не сложившегося в дореформенное время. Потомственное дворянство могло бы выполнять эту роль при условии пополнения его образованным высокопоставленным чиновничеством и землевладельцами-недворянами, имевшими 500 десятин и университетский диплом. Способ аргументации этого положения давным-давно известен как романтический либерализм. Вместо строго социологического анализа прогноз строился на обращении к истории. Для Чичерина этот исторический аргументизм заключался в общем виде в тезисе о неоднократных изменениях облика русской знати, что и позволяло говорить о возможности (желательности) еще одной трансформации. Конкретный материал Чичерин привлекал из своих более «академичных» сочинений. В отличие от либерально-романтической публицистики предыстория дворянства в них служила решению фундаментального вопроса о содержании русского национального духа.

Подобно своим коллегам-романтикам на Западе, историк-юрист Чичерин считал воплощением народного духа правовую культуру и отводил историческому правоведению главную роль в раскрытии его загадок. С этой целью он, собственно, и обращался к проблеме юридического сознания, одним из главных носителей которого выступала русская средневековая служилая знать.

Исторический нарратив, посвященный ее истории, выступал в особом жанре – жанре историописания. [Он] типичен для романтизма с его основным объектом, которым является «историческая жизнь народа». Жизнеописание сословия [строилось] подобно биографии отдельного человека, в нем не предусматривалось ни специфической постановки проблемы, ни исторического обзора. История представляла как своеобразный триптих, выстроенный в виде трех образов прадворянства, успевших смениться еще до юридического оформления сословия в XVIII столетии. Триптих выстроен и подчинен «Ананке», – полностью коррелируется с фазами...

Первый образ – дружинники-завоеватели (они возглавляют родовую строй). Второй – княжеские слуги (к государству наемники), и третий – государевы служилые люди-холопы (полное омерт

вление юридического сознания и недееспособность). Конструирование [сословия] по одной схеме. 1. Никогда не поднимался вопрос об историко-правовом аспекте темы. Почему? Уверенность в достатке фактов, уверенность в абсолютной прозрачности текстов, нацеленность на поиск готовых «понятий», которые не нуждаются в извлечении и в переводе на современный язык. 2. Создание образов или ликов сопровождалось гипостадированием одного признака: [например] дружинники потому завоеватели, что утверждали свой статус путем завоевания; образ наемника [Чичерин] вывел из единства правовой формулы: «Боярам и слугам воля», а холопский образ подтверждался обычаем XVI–XVII вв. именоваться холопами перед лицом Монарха. 3. Образы явились как результат избыточной роли внеисточникового знания, в частности сравнительно-исторических наблюдений (это преклонение перед законом). По широте [реконструкций] Чичерин не имел равных. Но его параллели с феодальной знатью Запада были следование за образом (французским или английским), вскрытые особенности воспринимались [Чичериным] как отклонения от этой нормы (эталона). Вопрос же о подлинно русских «понятиях» [не ставился].

Красной нитью через все три образа прошла идея о крайне низком уровне (шатком и неопределенном, по словам Чичерина) русской правовой культуры, незнакомой с теми строгими формально-юридическими нормами и процедурами, которые были свойственны феодальной аристократии. [Россия] ближе к Востоку, а Восток – это вовсе не правовая стихия. Из-за слабости правосознания [понятна] и роль Государства, благодаря которой сложился анализ Чичерина как историка-государственника. Сколько бы историк не подчеркивал, что все эти «особенности» сложились спонтанно-исторически, везде сквозит его восприятие духа (культуры) как образа «неразумия» в законах и обычаях, о примитивном полуевропейском характере, о необходимости исправить положение с помощью более разумных начал.

«Европейские», европоцентрические установки и ориентизм выглядят как идеал универсального западного Просвещения, вторгающимися в [его] восприятие прошлого, настоящего и будущего (автор не находит исторических достоинств).

Таким образом «реализм», заявляет Чичерин при самоидентификации собственного стиля, это не что иное, как скрещенье двух европейских по происхождению [направлений] – традиционного романтизма и просветительства, которое стало возможным в культурном мире либерала-западника середины XIX века.

П.Ф. Никулин (Томск)

О некоторых особенностях социокультурного подхода к анализу массовых источников

Научно-историческое познание основано на источниках. Исторические источники – это остатки прошлого, продукты функционировавших в прошлом социокультурных систем. Они содержат в себе объективную информацию о прошлом. Содержащиеся в источнике исторические факты, однако, облечены в субъективную культурную и личностную форму, которая искажает восприятие прошлого субъектом – историком. Это требует выработки особой источниковедческой методики, призванной освободить заключенные в свидетельстве факты от субъективных искажений.

Очень важным направлением общей источниковедческой критики является учет того, что различные типы и виды исторических источников имеют разную степень выраженности субъективного. Особенно разнообразны письменные свидетельства. Одни из них, будь это законодательные акты или статистика, несут на себе ярко выраженную реальность. Субъективное в них, скорее, интегрировано в отображенную документом историческую реальность и подчинено ей. Субъективная форма здесь как бы стала частью содержания. Другие – особенно письменные свидетельства личного происхождения – более ярко представляют субъективно-культурное и личностное начало. Реальное в них прямо принимает форму личностных впечатлений, стереотипов и становится частью субъективного.

Столь существенные различия, естественно, породили попытки классифицировать исторические источники по степени их субъективности. Первым такую классификацию попытался осуществить

И.Л. Шерман. Он разделил письменный тип исторических источников на документы и повествовательные (нарративные) свидетельства:

Представленная И.Л. Шерманом классификация, однако, была по сути модификацией более общего, типового деления на остатки и предания, которое предложил А.С. Лаппо-Данилевский². Потребностям видовой классификации она не отвечала. Самым существенным недостатком был неучет происхождения, социальных функций и фактического содержания, без оценки которых определить степень субъективности не представляется возможным. Поэтому данная классификация не была принята.

Более плодотворным – и это подтвердила вся последующая и следователъская практика – оказалось деление письменных источников на массовые и индивидуальные, представленное И.Д. Ковальченко и Б.Г. Литваком в 1979 г.³

Они, однако, предложили разные подходы. Б.Г. Литвак определял массовые источники через их форму – в виде следующей системы признаков: 1) ординарность обстоятельств происхождения 2) однородность, аналогичность или повторяемость содержания 3) «однотипность форм, тяготеющая к стандартизации»; наличие законодательно установленного, а также сложившегося или складывающегося формуляра⁴. В отличие от него, И.Д. Ковальченко предложил определение массовых и индивидуальных источников по их фактическому содержанию: «Массовыми являются источники – характеризующие такие объекты действительности, которые образуют определенные общественные системы с соответствующими структурами. Массовые источники отражают сущность и взаимодействие массовых объектов, составляющих эти системы, а следовательно, строение, свойства и состояние самих систем⁵. В отл

¹ Шерман И.Л. Русские исторические источники X–XVIII вв. Харьков, 1913. С. 9–10.

² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Ч. 2. СПб., 1913. С. 74–75. А.С. Лаппо-Данилевский разделил исторические источники на остатки (остатки бытия) и предания (пересказ события). По сути, это деление источников на объективные и субъективные. По современным представлениям, это некорректно: любые свидетельства прошлого содержат в себе как объективную, так и субъективную стороны.

³ См.: Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979; Литвак Б.Г. Основы источниковедения массовой документации: XIX – начало XX в. М., 1979.

⁴ Литвак Б.Г. Указ. соч. С. 7.

⁵ Ковальченко И.Д. Задача изучения массовых исторических источников. Массовые источники... С. 6.

чие от массовых индивидуальные источники отражают индивидуальные, субъективно-единичные неповторимые явления общественной жизни⁶.

Оба подхода правомерны: их выбор и применение зависят прежде всего от целей, задач и направления источниковедческого исследования. Вместе с этим следует признать подход, открытый школой И.Д. Ковальченко, более широким и универсальным. Внутренняя сторона источника – его фактическое содержание – определяющая для исследователя-историка. Существенным аргументом в пользу данного подхода можно считать и тот факт, что в рамках предложенной Б.Г. Литваком системы признаков массовых источников нет места важнейшему виду массовых письменных документов – статистике, поскольку она не соответствует первому признаку ординарности (повседневности) условий происхождения. Достоинством предложенной И.Д. Ковальченко системы является характеристика общих принципов и методов сбора, обработки и анализа сведений массовых источников: актов, делопроизводственной документации и статистики⁷.

В 70–80-х гг. XX в. были заложены фундаментальные, теоретико-методические основания анализа массовых источников. Они способствовали дальнейшему процессу онкретно-исторических исследований⁸ к массовым источникам стали основой для развития современной теории и методики источниковедения⁹.

⁶ Ковальченко И.Д. Указ. соч.

⁷ Там же. С. 6–11; Он же. Методы исторического исследования. М., 1987.

⁸ См.: Панеях В.М. Кабальные книги первой половины XVII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. Вып. 9. С. 89–113; Каштанова С.М. Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996; Воронкова С.В. Массовые источники по истории промышленности России конца XIX – начала XX века. М., 1995; Миронов Б.Н. К вопросу об использовании скрытой исторической информации: (На материалах статистических источников XVIII – начала XX в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Вып. 17. С. 17–35; Свищев М.А. Налоговая статистика как источник для изучения социальной структуры города 20-х гг. // История СССР. 1985. № 6. С. 128–142; Литвак Б.Г. О закономерностях эволюции делопроизводственной документации в XVIII–XIX вв.: (К постановке вопроса // Проблемы источниковедения истории СССР в специальных исторических дисциплинах. М., 1984. С. 48–55; Кабанов В.В. Документация сельского схода в первые годы Советской власти (1917–1920 гг.) // Археологический ежегодник за 1985 г. М., 1986 и др. См.: Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996; Исторический источник: человек и пространство. М., 1997; Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998; Голиков А.Г., Круглова А.Т. Источниковедение отечественной истории. М., 2000 и др.

Современный этап развития источниковедения характеризуется освоением новых, более глубоких способов научного мышления. Центральное место среди них в настоящее время занял универсальный цивилизационный подход к обществу как к саморазвивающейся социокультурной системе. Культурологическая «революция» охватила и методологию источниковедения. Её первоначальным импульсом стали идеи А.С. Лаппо-Данилевского¹⁰. Согласно его учению источник – это реализованный продукт человеческой психики, овещенное произведение его физического и духовного творчества. Он – реальный остаток материальной и духовной культуры своего времени, продукт функционирования определенной социокультурной системы. Если идеи А.С. Лаппо-Данилевского перевести на язык современных представлений, то в источнике исследователю являются две стороны: во-первых, это культура породившего источник субъекта (субъективное), во-вторых отражение источником культуры тех социальных систем, с которыми взаимодействовала изучаемая культура – субъект (объективное). И это культурное «раздвоение» исторического документа, безусловно, требует модификации общей источниковедческой методики, чтобы можно было восстановить не только отраженную в источнике историческую реальность, но и породившую документ субъективную культуру. Настоящая работа и представляет одну из таких попыток. Её цель – на примере главным образом массовых источников попытаться модернизировать в социокультурном направлении традиционную общую методику анализа письменных свидетельств, направленную на оценку степени адекватности источников исторической действительности¹¹.

Прежде всего, необходимо остановиться на наиболее важных аспектах современного цивилизационного подхода к источникам, не касаясь уже изложенных идей А.С. Лаппо-Данилевского.

Исторический источник – продукт функционирования в прошлом определенной общественной культуры. Основа культуры – присущая только ей целостная система ценностей и идеалов. Цен-

¹⁰ См.: *Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории.* СПб., 1910–1913. Вып. 1–2.

¹¹ См.: *Источниковедение истории СССР: Учеб. пособие / Под ред. И.Д. Ковальченко.* М., 1981. С. 4–17 и др.

ности дают человеку (социальной группе) смыслы, ориентиры существования и деятельности. Руководствуясь ценностями и воспроизводя их, человек прошлого создавал свои духовные и материальные произведения. Прошлое в источнике не только отражалось, но и перерабатывалось его создателем в соответствии со своей ценностно-смысловой системой. Так, в средневековой Руси XI–XVII вв. все повествовательные произведения были составлены в духе господствовавших православно-христианских ценностей и символов.

Содержание источника составляют, во-первых, сама культура, которую он представляет, ее целостная система; во-вторых, заключенные в источник реальные исторические события. Они преломлены субъективной, ценностно-смысловой призмой данной культуры. Сам источник реален. Реальными были и отображенные им события. Но в источнике они облечены в его субъективно-смысловую, культурную форму. Поэтому, работая со свидетельством, историк должен освободить имеющиеся в нем факты прошлого от субъективно-культурных искажений. Для этого он должен правильно понять заложенные в источнике ценности и смыслы. Особенно те, в контексте которых были помещены интересующие исследователя события. Так, русские летописцы часто выражали вкладываемые в свои произведения смыслы, отбирая и располагая описываемые события по аналогии с событиями Священной библейской истории¹².

Работающий с документом исследователь, однако, сам включен в контекст современной ему культуры и представляет также научную субкультуру с её требованиями научной объективности, концептуальности, доказательности и проверяемости проводимого исследования и его результатов. По существу, работа историка с источником является взаимодействием двух культур: создателя текста и самого исследователя. Историк – активная сторона: он организует взаимодействие. Он даже может навязывать источнику смыслы своей культуры и раскрыть его содержание в своей ценностно-смысловой системе. Это, однако, закроет реально существовавшее прошлое. Единственно верный путь к нему – изучить и понять смыслообразующую систему ценностей, идеалов и символов и язык

¹² Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. С. 195–196.

исследуемой культуры. Основываясь на ней, можно определить назначение, социальную и культурную функцию текста и его субъективно-смысловую сторону. Это позволит историку оценить фактическое содержание документа, освободить его от субъективно-культурных искажений и построить достаточно объективную картину изучаемого прошлого (культуры).

Рассмотрев социокультурную трактовку внутренней природы исторического источника, можно обратиться к главной задаче настоящей работы – ее методическим аспектам. Источниковедческая методика условно делится на общую и видовую. Общая методика вытекает из общевидовых свойств памятников и рассчитана на работу со всеми видами, и именно она является предметом теории и методики источниковедения. Видовая методика связана с особенностями отдельных видов письменных свидетельств и является органичной частью конкретно-видового источниковедения. Традиционная позитивистская методика, лежащая в основе социально-классового подхода к анализу исторических источников, направлена на определение степени достоверности документа и снятие с его информации субъективно-классовых искажений. Главная ее цель – освободить изучаемый объект – историческую реальность – от субъективных наслоений и искажений. Субъект, как равноценный реальности самостоятельный предмет исследования, старую методику не интересует. И в этом, как представляется, ее главный недостаток, который, к счастью, снимается более широким социокультурным подходом.

Для социокультурной парадигмы субъективно-культурное в источнике и отображенная им культурная реальность суть равные предметы исследования. Согласно ее логике прежде необходимо изучить субъект – культуру. Лишь затем станет возможным полноценное исследование через источник реальных культур прошлого.

При изучении культуры, представленной автором письменного свидетельства, в первую очередь необходимо определить ее место в прошлом. Полное представление об этом дают социальные функции данного вида источников. Так, русское летописание XI–XVI вв. имело функцию исторического и политического самосознания средневековой Руси и ярко выраженную культурную функцию. Затем следует очертить и понять круг ценностей, идеалов, смыслов и сим-

волов субъект-культуры и мировоззрение автора. Очень характерна в этом плане «Повесть временных лет», представляющая православно-христианскую культуру Руси начала XII в. Далее станет возможным определить систему смыслов (целей), заложенных в данный текст автором и представленной им культурой. «Повесть временных лет», несомненно, имела как одну из целей повысить в распадающейся Киевской Руси значение киевского центра и его князей, а также давала читателю-князю идеал христианского государя.

Восстановление культуры-субъекта отнюдь не начало исследования. Это конечный результат (синтез) всей проделанной источниковедческой работы, включающей в себя традиционные процедуры определения внешних особенностей и происхождения источника, его интерпретацию и истолкование. После восстановления целостности культуры-субъекта можно приступить к исторической реконструкции прошлого.

У массовых источников субъективная, ценностно-смысловая сторона выражена значительно слабее, она даже становится скрытой. Это следствие обезличенного характера массовых документов. Они создаются группами людей и учреждениями, их содержание структурировано формуляром, поэтому восстановление субъект-культуры при изучении массовых источников имеет некоторые особенности.

Как и при работе с индивидуальными свидетельствами, в первую очередь необходимо выяснить социальные функции данного вида массовых источников. Так, статистика XIX–XX вв. была направлена на изучение закономерностей жизни с ее количественной стороны для социального управления. Затем следует определить систему учреждений, создавших изучаемый комплекс массовых материалов и выяснить цели создания и социальные функции данной системы учреждений. Последнее особенно важно, поскольку позволяет определить смысл (систему смыслов) создания данного вида или комплекса массовых документов. Смысловая сторона в деятельности учреждений субъективно себя не проявляет. Смысл в существование и деятельность учреждения вносит его создатель. Заложенные им смыслы реализуются в целях существования и социальных функциях созданной системы государственных (общественных) институтов.

Определив систему учреждений, можно приняться за изучение избранного комплекса массовых документов. Прежде всего необходимо выяснить цель создания комплекса. Далее следует определить фиксируемую массовыми документами общественную систему (объект), единицу учета (описываемый элемент системы), набор описываемых сторон (программа, формуляр), принципы сбора информации и ее отбора в публикациях. Перечисленные стороны исследуемого комплекса массовых источников определяются теоретико-методологическими взглядами основателей и руководителей учреждений, которые также требуют своего изучения. В этом плане показательна деятельность органов земской статистики в 80-е гг. XIX в. – 1900 г. В своем большинстве земские статистики имели неонароднические взгляды. Господствовавшая среди них народническая доктрина привлекла их внимание к крестьянскому хозяйству Европейской России, что было обусловлено стремлением определить наличие «почвы» для общинного социализма.

В заключение источниковедческого анализа избранного комплекса массовых материалов производится реконструкция отраженных ими общественных систем.

(Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 03-01-00878а)

В.Н. Сыров (Томск)

Что может сказать текст историка?

Кому, как не историку, хорошо известно, что любой текст может стать не только субъектом, но и объектом исследования. И для этого не обязательна смена хронологической перспективы. Вполне достаточно смены исследовательских установок. В данном случае близкие вещи могут стать бесконечно далекими, приобретая ту степень отстраненности, которая необходима для того, чтобы увидеть их в ином свете. Речь пойдет о работах историков, о том, что могут и что должны сказать их тексты, особенно в свете смены мировоззренческих и теоретико-методологических установок. Отметим, что данная статья носит более теоретико-методологический характер и скорее призвана сформировать рамки такого прочтения. Контекст хорошо известен. Это отказ от пресловутых мета-нарративов. Суть его, конечно, состоит не просто в том, что дискредитированы концепции всемирно-исторического развития или универсальные телеологии в целом. Дискредитировано само стремление строить всемирно-исторические концепции, будь то формационные или цивилизационные, с притязанием сказать последнее слово по поводу существования исторического процесса.

Однако дело не решается простым переходом к практике производства микро-нарративов или работ, посвященных обсуждению и решению частных и конкретных вопросов. Ведь уже элементарная рефлексия по поводу смысла создания всемирно-исторических концепций позволяет сделать как минимум два вывода, необходимых для разворачивания нашей темы. Очевидно, прежде все-

го, что программы создания историй подобного рода могли иметь ценность только в рамках определенного представления о целях и задачах истории. Соответственно, и следствие. Если представления о ценности истории явно или не явно конституируют представления о том, что за истории следует писать, мало только отказаться от одного из исторических жанров. Следует еще разобраться в том, насколько остальные формы написания историй свободны от власти доминировавшей парадигмы о смысле и ценности истории.

Данное рассуждение влечет за собой и второй вывод. Может быть, не столь очевидно, как в предшествующем рассуждении, но отказ от стремления сказать по поводу истории последнее слово предполагает радикальный поворот и встречу лицом к лицу со знаменитым постмодернистским тезисом о том, что нет ничего внешнего по отношению к тексту. Собственно, все историки начинают свое образование со знакомства с крылатой фразой о том, что каждое поколение переписывает историю заново. Но радикализм поворота состоит не в том, чтобы, переписывая пресловутую историю, сохранять веру в способность создаваемых продуктов отражать объективную историческую реальность. Можно, конечно, успокаивать себя тем, что мета-нарративы умозрительны и спекулятивны, потому что удалены от «живой исторической действительности», в отличие от конкретных исследований, опирающихся на факты, а точнее, на свидетельства источников. Но ведь на то прошла столь долгий путь методология исторического познания, чтобы вскрыть сконструированность даже такого компонента исторического исследования, как исторический факт. Хайден Уайт еще раз подчеркнул эту старую истину, отметив, что «определяющую метафору исторического описания можно было бы трактовать как эвристический принцип, предполагающий сознательный отказ признавать определенный вид данных в качестве доказательств»¹. А в конечном счете это означает явное или неявное признание того, что нет ничего внешнего по отношению к историческому тексту. По этому поводу позволим себе процитировать В.О. Полевина: «Глупость же человека, а также его гнуснейший грех заключен вот в чем: человек верит, что есть не только отражения, но и нечто такое, что отра-

¹ *White H. The burden of history // White H. Tropics of discourse: Essay in cultural criticism. The Johns Hopkins University Press, 1978. P. 46.*

зилось. А его нет. Нигде. Никакого. Никогда. Больше того, его нет до такой степени, что даже заявить о том, что его нет, означает тем самым создать его, пусть и в перевернутом виде»².

Текстуальная природа истории всплывает как минимум в двух аспектах. В буквальном смысле слова если история не написана (произнесена, артикулирована), то она отсутствует как область знания, по поводу которой возможна коммуникация как внутри сообщества исследователей, так и за его пределами. В более глубоком аспекте те или иные объекты (события, ситуации в качестве наиболее показательного примера) смогут приобрести облик истории только в том случае, если предстанут в свете финала, а именно некоторых последствий, которые они произвели, или некоторых последующих событий, которые помогут прояснить значение данных объектов. Как писал Артур Данто, «чтобы понимать историческое значение событий в тот момент, когда они происходят, необходимо знать, с какими более поздними событиями их свяжут историки будущего в своих нарративных предложениях»³. В любом случае стать историей возможно только задним числом, а именно благодаря субъекту, который занимает по отношению к интересующим его объектам удаленную временную или концептуальную позицию. Но придание им значения, их понимание и толкование становятся возможными только тогда, когда они примут нарративную форму, а именно смогут стать частью некоторой целостности. Если исследуемый объект становится историей только задним числом, то, как история, он может существовать только в виде текста. Но этим сказано и более.

Если мы придерживаемся тезиса о текстуальной природе истории, то вопрос о том, как писать, уже не может быть второстепенным по отношению к вопросу о том, что писать. Ведь только и только наррация как определенный способ представления объектов превращает их в историю, а именно обеспечивает их достоверность, понятность, объясняемость. Если использовать выражение Коллингвуда, то можно сказать, что наррация, как аналог исторического воображения, носит «не орнаментальный, а структурный характер»⁴.

² Пелевин В.О. Запись о поиске ветра // Пелевин В.О. Дialeктика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда: Избранные произведения. М.: Эскмо, 2003. С. 375.

³ Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 164.

⁴ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 230.

Но тогда она становится не просто формой, которая приходит извне к чуждым ей объектам, а условием конституирования исследуемой сферы как истории. Отсюда следует еще один принципиальный момент. Создание исторического текста предстает тогда не отражением некоей объективной исторической реальности, а реализацией тех целей и задач, которые ставит современность, даже если эта цель заключена в простом стремлении понять, что же имело место в прошлом. В этом смысле все истории действительно говорят только о современности.

Но говорят они о современности не в том, конечно, смысле, что все осовременивают и тем самым подают прошлое в чуждом ему свете. По написанной истории мы можем судить об ожиданиях, возлагаемых на нее современностью. А это, в свою очередь, означает, что все надежды и разочарования по поводу истории лежат не в ней самой (да и не в богатстве или скудости источников), а в тщательном анализе тех ожиданий, которые возлагаются на исследование прошлого. Суть анализа должна состоять не в простой констатации многообразия запросов, с которыми можно обращаться к прошлому (например, прошлое может стать условием идентификации, сублимации, развлечения, приобретения опыта и т. д.), а в определении приемлемых целей. Приемлемость означает, что не все задачи, возлагаемые на нее, история может выполнить так, чтобы не утратить своей идентичности.

Чтобы понять, что это может означать, снова обратимся к рассуждениям Данто по поводу различения типов историй, которые он называет «субстантивными» и «аналитическими». «И все-таки мне кажется, что субстантивная философия истории по сути своей ошибочна и опирается на фундаментальную ошибку. Ошибочно предполагать, что мы можем написать историю событий еще до того, как они свершились»⁵. Иначе говоря, возможно, конечно, представлять ход вещей в виде нарратива, который повествует об их движении из прошлого к цели, которая реализуется в будущем. Но будет ли это историей в достаточно строгом смысле слова? В ответ могут возразить, что данное рассуждение Данто относится не собственно к историческому исследованию, а к философии истории. Однако не следует забывать, что любой род и уровень историчес-

⁵ Данто А. Указ. соч. С. 23.

ких размышлений всегда осуществляется в контексте тех или иных представлений о целях и задачах истории, вне зависимости от того, осознаются они сообществом исследователей или нет. Поэтому можно отвергать такой жанр исторических повествований, как философии истории, но по-прежнему верить в те же самые цели истории, ради которых данные философии создавалась.

Итак, не все, что историей называется и даже пишется, историей является. И дело здесь не в степени достоверности или недостоверности сообщаемой информации. Дело в специфике наррации, посредством которой преобразуется исследуемый материал. Проще говоря, тип нарратива, избранный исследователем, будет определять, станет ли произведенная продукция историей или нет. Данный тезис позволяет нам перейти от общетеоретических положений к перспективам их применимости. В свете данных рассуждений очевидно, что история воплощена в исторических текстах и больше нигде. Можно утверждать, что ими она и конституируется, определяя этим, кстати, читательские ожидания. Любой текст явно или неявно является выражением совокупности представлений как общества историков, так и культуры в целом о целях и задачах истории. Можно утверждать, что данные представления конституируют специфику нарративной обработки прошлого. Вот потому-то исторический текст и выдает себя, выступая симптомом и объективным свидетельством того, осуществился ли практически мировоззренческий сдвиг или остался простой декларацией. И наоборот, только исторический текст, а не заявление его автора является подлинным и единственным свидетельством реального сдвига в мировоззренческих установках.

Анализ исторического текста может осуществляться с двух позиций, которые внешне могут выглядеть автономными, но тем не менее являются внутренне взаимосвязанными. Можно назвать их интерпретативным и нормативным подходами. Интерпретация предполагает выявление реального положения дел, нормативность – его оценку с позиций некоторой идеальной модели. Несмотря на множество критических стрел, пущенных в сторону нормативности, все-таки следует признать, что только введение и использование некоторого образца позволяет превратить интерпретативные процедуры из формальных в конструктивные. Ведь возможно вычлени-

в тексте набор повествовательных инстанций, иерархию нарраторов от скрытого до открытого, от экстрадиегетического до интрадиегетического, оставив фактически открытым вопрос о смысле проделанной процедуры. Наличие идеальной модели позволяет определить направление интерпретации – установить наследие старого и ростки нового.

Что искать в историческом тексте, предопределено исходной теоретической установкой – природа истории текстуальна и нарративна. Поэтому критический анализ, основное внимание уделяющий характеру использования источниковой базы, по необходимости остается далеко не полным, а возможно, даже становится творцом иллюзий. За его пределами остается огромное поле принципов, правил и техник, посредством которых, собственно, и конструируется исторический нарратив. Тем самым интерпретация предполагает поиск знаков нарративности. Иначе говоря, если прошлое становится историей только посредством деятельности особого рода, то должны иметь место следы авторской (нарративной) активности, специфические формы игры со временем и процедуры «осюжечивания», предполагающие реализацию определенных принципов построения исторических сюжетов.

Если говорить о нормативности, то в контексте предшествовавших рассуждений с известной долей условности можно выделить две парадигмы и обозначить их следующим образом: нарратив классического типа и нарратив постклассического (постмодернистского) типа. Как и всякие теоретические конструкции, в конкретных объектах они воплощаются, как правило, в виде тенденций. Но тем не менее именно следы их присутствия, а также доминирования, господства или конфликта следует обнаружить в наличной исторической продукции в ходе реализации интерпретативных процедур.

О чем могут и должны сказать нарративы подобного типа? Прежде всего, о тех задачах, которые они призваны реализовать, и тех результатах, к которым приводит или может привести их реализация. Мы уже подчеркивали выше, что исторический дискурс в целом конституируется суммой общекультурных и мировоззренческих представлений о целях и задачах истории. Творцами конкретной исторической продукции это может не осознаваться, но фактически осуществляться. Прежде чем реконструировать связь форм

наррации и данных предпосылок, еще раз обратимся к соотношению текста и замысла (или авторской интенции). Может показаться, что рассуждения о текстуальности как условия конституирования истории и тексте как воплощении определенных мировоззренческих установок противоречат друг другу. Но это не так. В некотором смысле слова сказать, к примеру, что история есть путь человечества к счастью, уже означает создать нарратив определенного типа, предполагающий столь же определенную позицию нарратора, видение и изложение событий и свидетельств, на них указывающих, и т. д. Соответственно констатация определенной позиции нарратора в тексте, способов видения и изложения событий станет указанием и, более того, условием конституирования столь же определенной идеи истории. В таком контексте авторская интенция, как аналог идеи истории, характеризует не намерение воплотиться в последующем создании текста, а воплощенность, свидетельством чего текст и является. Вот почему становится возможным говорить и представляет особый интерес исследование тех средств (знаковых, в частности), посредством которых достигалось выражение новых культурных и социальных реалий (открытие субъективности, линейности времени и т. д.).

Если же мы спустимся на уровень эмпирический, а именно уровень конкретных текстов, то перед нами предстанет другая картина. Здесь требование толковать текст, исходя из него самого, приобретет иное звучание, поскольку реально воплощенный в нем тип наррации может существенно отличаться от деклараций научного сообщества и выдвигаемых культурных установок в целом. На уровне деклараций может провозглашаться тезис о необходимости демифологизации истории, а на уровне конкретного воплощения исторические тексты могут продолжать сеять мифы в силу сохранения и воспроизведения определенных форм их нарративной организации. В таком контексте вполне правомерно говорить о расщеплении повествовательных инстанций на «автора реального», представленного в заявлениях сообщества, к примеру, и «автора подразумеваемого», который извлекается из анализа самих текстов.

Прояснение данных методологических установок позволяет нам перейти к экспликации заявленных моделей нарративов. Можно, видимо, утверждать, что конститутивной чертой нарративов клас-

сического типа является установка, что писать историю – значит стремиться показать, как это было на самом деле или пытаться дать полное описание прошлого. В данном случае описание должно пониматься в буквальном смысле слова как осознанное и превращенное в методологический принцип намерение избегать употребления интерпретативных и объяснительных процедур, поскольку последние явно демонстрируют присутствие субъективности историка. Это весьма созвучно знаменитому и ставшему классическим заявлению Леопольда фон Ранке, что он хотел бы забыть себя в процессе познания истории⁶. На языке нарратологии это означало бы использование фигуры нарратора имплицитного, скрытого, безличного, но всеведущего и вездесущего. Знаки или индексы его присутствия были бы вкраплены в состав частей текста, предназначенных описывать те или иные события прошлого, а их выявление требовало бы особых интерпретативных процедур. Нарратор подобного типа выступал бы необходимым следствием компромисса между неизбежностью осуществления акта рассказывания истории и попыткой sobлюсти чистоту требования писать так, как было на самом деле.

Вообще говоря, нарратив классического типа во всех его модификациях представляет собой серию компромиссов подобного рода и вследствие этого обречен сеять иллюзию за иллюзией. Прежде всего, очевидно, что желаемая объективность фактически превратилась бы в требование писать нарратив, «корректно сообщающий всякую мало-мальски ценную информацию, содержащуюся в архивах по тому или иному аспекту прошлого»⁷. Не касаясь всех аспектов этой стороны дела, отметим, что такой подход раскалывает исторический дискурс на два достаточно автономных жанра. Для их обозначения и характеристики можно воспользоваться рассуждениями Франка Анкерсмита, который говорит о различии между «историческим исследованием» и «нарративным написанием истории». «Понятие «историческое исследование» говорит о стремлении историка установить исторические факты с максимальной точ-

⁶ Цит. по: Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики М.: Прогресс, 1988. С. 259.

⁷ Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков М.: Идея-Пресс, 2003. С. 83.

ностью»⁸. «Нарративное написание истории» предполагает объединение фактов в «последовательное историческое повествование»⁹.

Подобное деление кажется самоочевидным, напоминая разделение на теоретиков и экспериментаторов. Оно предполагает столкновение в историческом дискурсе двух прямо противоположных установок. Не будем отрицать тезисов Анкерсмита о том, что одни историки «занимаются тем, что устанавливают, как те или иные города или монастыри приобретали юридические и феодальные права, как возводились исторические памятники, как заключались дипломатические договоры... С другой стороны, есть историки с более синтетическим складом ума; в полную меру своих сил и способностей они стараются объединить факты, обнаруженные в ходе исторического исследования, в большие панорамные картины прошлого»¹⁰. Не будем даже отрицать необходимости создания исторических текстов как первого, так и второго рода. Но оправдано ли такое структурирование исторического дискурса теоретически и должно ли оно сохранять нормативный статус для деятельности историков?

Прежде всего, отметим, что с теоретической точки оно подрывается тезисом о конструировании исторического факта. Это означает, что свидетельства источников могут быть лишь объектом интерпретаций и требовать тем самым наличия интерпретативной модели. Что касается пресловутых фактов, то, не говоря уже о сомнительности структурирования научного знания на факты и теории, стереотипом нынешней методологии науки является тезис об их функциональности. Иначе говоря, бытие фактом есть опровержение или доказательство какой-либо гипотезы. Мы пока не касаемся момента, связанного с нарративностью самого их конструирования. Достаточно обратиться к рассуждениям Данто о характере ответа на вопрос: «Откуда взялась вмятина на автомобиле?»¹¹ С другой стороны, связь пресловутых фактов в панорамные картины автоматически поднимает вопрос об основаниях предпочтения одной такой панорамной картины другой. Несомненно, что апелляция

⁸ Анкерсмит Ф. Указ. соч. С. 22.

⁹ Там же. С. 23.

¹⁰ Там же. С. 23–24.

¹¹ Данто А. Указ. соч. С. 226.

к источникам остается одним из определяющих аргументов в выборе предпочтений. В конечном счете все это говорит о том, что в действительности все уровни исторического дискурса конституируются одной и той же вопрос-ответной структурой. В этом смысле гораздо ближе к истине остаются гениальные прозрения Коллингвуда о том, что «история – это разновидность исследования или поиска... т.е. тех форм мышления, посредством которых мы задаем вопросы и пытаемся ответить на них»¹². Под таким углом зрения тезис о делении работы историков на поиск фактов и их обобщение оборачивается пропагандой мелкотемья, которое выдается за научную добросовестность, или тоской по мета-нарративам, которые выдаются за глубокий философский взгляд на историю. Более того, как ни парадоксально, но, несмотря на, казалось бы, внешнее глубокое различие, данные векторы сохраняют принципиальное внутреннее сходство.

Разовьем эту мысль. Мы начали с тезиса о том, что нарратив классического типа фактически становится производителем иллюзий. Причина в расхождении между парадигмами о природе и значении исторического познания, в данном случае между представлениями об истории как постановке вопросов и поиске ответов и истории как поиске фактов и их последующем обобщении. Понятно, что каждое видение будет задавать соответствующую композицию текста. Не касаясь подробно анализа облика, который по необходимости примет пресловутое «историческое исследование» или установки на поиск фактов, больше сосредоточимся на экспликации общих черт, присущих наррации данного типа, которую вне зависимости от кажущейся противоположности векторов деятельности можно отнести к классической. Хотя добавим, что сам способ подачи данных источников, вплоть до особенностей расположения ссылок и сносок в тексте, возможно, мог бы много сказать о том, какая парадигма реально господствует в сознании сообщества историков. Но в конечном счете доминирование работ, ориентированных на «историческое исследование» (в том духе, в каком они представлены у Анкерсмита), объективно ведет к росту профессионализма в средствах, но совершенной бессмысленности в целях. Мало того, что отдельные отряды сообщества в силу

¹²

Коллингвуд Р. Дж. Указ. соч. С. 12.

возрастающей специализации утрачивают способность и интерес к диалогу, но историческое познание в целом теряет способность откликаться на запросы современности.

Казалось бы, эту нишу и должны заполнить нарративы, рисующие синтетические картины прошлого. Но как ни парадоксально, фактически они переводят производство иллюзий в новую и уже не так безобидную сферу. Наррация классического типа, явно или неявно опирающаяся на концепцию истории как отражения объективной исторической действительности, перейдя на уровень пресловутого синтеза, объективно благоприятствует мифотворчеству и идеологическим манипуляциям. Самое главное, что это происходит вне зависимости от личной честности и гражданской позиции историка. Эффект производится в силу сохранения определенных принципов создания исторического текста. Можно сказать, что их использование конституирует как читателя, так и самого автора.

Что же происходит на этом уровне наррации? Вернее, что происходит, когда историки сохраняют и продолжают реализовывать эту двухуровневую парадигму? Здесь исследователю приходится снова пойти на компромисс: между требованием писать, как это было на самом деле, и потребностью в синтезе той или иной степени масштабности (вплоть до картин всемирной истории). Для прояснения подобной ситуации воспользуемся рассуждениями американского исследователя Луиса Минка, а прежде всего, его тезисом о так называемой «нерассказанной истории». Действительно, право писать повествования синтетического характера, как полагает Минк, дает «предположение, что историческая реальность сама обладает нарративной формой». Поэтому, продолжает он, «работа историка состоит в том, чтобы открыть такую нерассказанную историю или часть ее и пересказать ее пусть в сокращенной или отредактированной форме. ... Понятое подобающим образом, повествование о прошлом нуждается только в том, чтобы быть переданным, а не сконструированным»¹³. Конечно, отмечает Минк, это скорее вид убеждения, а не прямых деклараций, который «имплицитно предполагается столько же широко, сколь и эксплицитно отрицается»¹⁴. Добавим к этому, что данная установка неизбежно вытекает

¹³ *Mink L.O. Historical understanding. Cornell University Press, 1987. P. 188.*

¹⁴ *Ibid. P. 188.*

из представления об отражающей природе исторического познания.

Минк считает, что исторически такое понимание является «наследием идеи, которая в свое время получила название Всемирной Истории – идеала, который никогда не становился достигнутым, но служил регулятивным принципом осмысления прошлого»¹⁵. Связь их несомненна, и, не вдаваясь в подробности обсуждения вопроса о том, что первично и что вторично, отметим корреляцию между написанием всемирных историй и требованием писать, как было на самом деле. Внешне они кажутся противоположными друг другу. Оставим в стороне метафизические рассуждения о тождестве бытия и мышления, которые в свое время стали хорошим основанием для конструирования всемирных историй, и перейдем к более изощренным модификациям. Казалось бы, неокантианский прорыв Вильгельма Виндельбанда и Генриха Риккерта должен был покончить с идеей исторического познания как отражения. Но как только Риккерт ставит вопрос о поиске критерия ценности «со сверхъисторической значимостью»¹⁶, все возвращается на круги своя. Как бы ни оговаривался немецкий мыслитель, что «философии как критической и систематической науке о ценностях совсем не нужно предпосылать в качестве критерия абсолютной ценности с каким-нибудь определенным содержанием»¹⁷, фактически это означает, что прошлое объективно представляет воплощение тех или иных ценностей. Более того, такой подход вместо развития критического импульса способствует легитимации исторических нарративов весьма определенного жанра. Ведь убеждение, что исторический текст должен воплощать ценностные ориентиры, особенно если верить в объективные общечеловеческие, национальные и т.д. ценности, делает его легкой добычей мифологических и идеологических манипуляций.

Как ни парадоксально, но в противовес позиции Минка, который настаивает на том, что «истории не проживаются, а лишь рассказываются»¹⁸, стоит согласиться с тем, что прошлое в определенном смысле действительно является нерассказанной историей:

¹⁵ *Mink L.O.* Op. cit. P. 188–189.

¹⁶ *Риккерт Г.* Философия истории. СПб.: Изд. Д.Е. Жуковского, 1908. С. 111.

¹⁷ Там же. С. 111.

¹⁸ *Mink L.O.* Op. cit. P. 60.

Как справедливо отмечает другой исследователь, Дэвид Карр, «...действительное различие между «искусством» и «жизнью» состоит не в противопоставлении порядка хаосу, но более в отсутствии в жизни такой точки зрения, которая трансформирует события в повествование посредством рассказывания о них»¹⁹. Ведь рождение историй обуславливается, как правило, целесообразными человеческими действиями, поэтому сама историческая и социальная реальность в целом нарративна. Оговоримся при этом, что данная фраза означает не признание существования реальности, которую нарративы должны отразить, а выражение тезиса о том, что не существует никаких разрозненных хаотических элементов, которые должен упорядочить нарратор задним числом. Мир есть текст в смысле его изначальной артикулированности и нарративной организованности. Поэтому и вывод будет прямо противоположным. Прошлое становится историей не в свете целесообразности человеческих действий, а в свете неожиданного финала их завершения. Вот почему задача историка состоит отнюдь не в том, чтобы вербализовать нерассказанное, а в том, чтобы преобразовать первичные нарративы. Правда, мы забежали вперед, реализовав процедуру, которую в нарратологии принято обозначать термином «пролепсис», или забегание вперед.

Вернувшись назад, отметим: вне зависимости от имплицитной веры, что задача историка – воспроизводить нерассказанные истории, или эксплицитной установки на правомерность писать истории, выражающие объективные ценности, результат одинаков. Он выливается в определенные формы организации текста, которые конституируют не только его восприятие, но и восприятие истории в целом. Иначе говоря, возникнув как следствие определенного понимания природы исторического познания, в дальнейшем данные формы становятся условием его конституирования уже вне зависимости от изменения идейных установок его автора.

Если перейти к характеристике текстов подобного рода, то можно сказать, что как на уровне «исторического исследования», так и на уровне «исторического нарратива» нарратив классического типа организуется вокруг темы, а не проблемы (или вопроса). Что это

¹⁹ Carr D. *Time, Narrative and History*. Indiana University Press, 1991. P. 59.

значит? В данном контексте под темой понимается не столько один из принципов членения текста на блоки, сколько способ подачи, да и организации, излагаемого материала. Организовывать и подавать текст тематически – значит воплощать его в виде совокупности утверждений или положений, которые кажутся само собой разумеющимися и предполагают их развертывание и иллюстрацию, а не дискутируемость и доказываемость. Можно сказать, что такой подход фактически маскирует действительное происхождение сюжета повествования, поскольку автор, как правило, во введении отделяется ничего не значащим, хотя и многозначительным, тезисом о том, что тема анализа структуры античного полиса, к примеру, имеет большое значение. Конечно, предполагается, что знающие, а именно члены профессионального сообщества, в отличие от профанов, уже в курсе дела зачем и почему следует об этом писать. Но на самом-то деле как члены сообщества в силу их специализации, так и просвещенный читатель в целом фактически вынуждены руководствоваться лишь банальным здравым смыслом по поводу цели и статуса данного текста. Собственно уже в этом проявляется сохранение установки, что писать истории – значит фактически воспроизводить какой-то отрезок прошлого. Потому тематически организованные тексты предстают своеобразными эксплицированными фрагментами нерассказанной истории, которая предполагается уже известной читателю. Тем самым он вынужден сам помещать этот текст в некоторый контекст, в частности хотя бы для того, чтобы понять, насколько данное описание предпочтительнее, чем остальные на ту же тему. Фактически такой способ подачи материала объективно рассчитан лишь на узких специалистов, и пока он таким является историческое исследование надежно защищено от служения тем целям, ради которых когда-то возникло само историческое знание.

Вопрос об основаниях выбора среди нарративов, описывающих один и тот же объект исследования, можно считать принципиальным на всех уровнях функционирования исторических произведений: от общества в целом до профессионального сообщества, от мифов, идеологий, литературы до таких же исторических исследований. На уровне практики он провоцируется размножением продукции, на уровне теории – тезисом о том, что факты надо не только создать, но и придать им соответствующую конфигурацию. Ка-

залось бы, сама природа исторического текста как научного исследования должна служить надежным ориентиром в определении того, как выбрать приоритетное повествование. Но дело в том, что тематическая организация текста размывает или уничтожает все индикаторы, позволяющие сравнивать его с собратьями и осуществлять процедуру выбора.

Начнем с пресловутого историографического обзора, призванного ввести в курс дела. Собственно, по нему мы должны судить о степени разработанности вопроса, да и вообще о том, в чем состоит проблема и ответом на что должен служить данный текст. Однако поскольку историк действует в свете установки писать про что-то, а не из-за того что, историографический обзор не только не становится импульсом к созданию повествования, а воспринимается как досадная задержка в виде дани традиции на пути к достижению цели. Поэтому зачастую описание деятельности предшественников тяготеет к простому перечислению их позиций, связанному лишь хронологической последовательностью, и подаче их взглядов лишь в виде кратких резюме с оценочными суждениями типа «автор модернизировал данные свидетельства», «автор недооценил...», «автор сильно упрощил...». Проблема в том, что, как правило, автор создаваемого текста, а точнее нарратор, его представляющий, стремится занять экстрадигетическую позицию, иначе говоря, встать над схваткой или выйти за пределы повествуемого мира.

Если по отношению к созданию картины самого прошлого такая позиция кажется вполне правомерной, то по отношению к собратьям по цеху выглядит сомнительной и искажающей перспективу. В отличие от художественного повествования, экстрадигетическое положение в жанре исследования объективно ставит нарратора в позицию судьи, который к тому же лишает подсудимых права высказаться, а именно права привести аргументы в защиту своих идей. Как правило, такой нарратор присутствует имплицитно, скрывая метки своего «Я», что дополнительно создает иллюзию объективности и абсолютности суда. Дело, конечно, не в том, чтобы превратить работу в перечисление суммы мнений, к которым в итоге прибавится еще одно, а в том, чтобы обеспечить корректность демонстрации преимуществ своей позиции теми средствами, что соответствуют идеалу рациональности, принятому в современ-

ной культуре. Нарратор, который не является создателем и участником диалога с оппонентами и тем самым не становится частью истории, обречен в дальнейшем на использование внерациональных ресурсов, чтобы придать своему повествованию убедительность, или на превращение его в нечто подобное хронике, рассказу в буквальном смысле слова.

Дело в том, что отказ от применения модели диалога в организации историографического обзора объективно лишает исследователя возможности правильно расставить акценты в той части его нарратива, что призвана реконструировать объект исследования. Ведь дискуссия (воображаемая, конечно) позволила бы понять долю недосказанного, непроговоренного, неубедительно аргументированного, а значит, выстроить логику текста и соответствующую композицию. В противном случае на распределение элементов текста начинают влиять иные факторы. Там, где дело касается истории событий, композиция повествования фактически определяется следованием ходу событий, а не авторской позицией. В данном жанре историй это легко сделать, поскольку сама нить событий обеспечивает ход повествования и характер изображения отдельных эпизодов. В том, что касается истории структур, а именно исследований, посвященных устройству социальных институтов, взаимоотношениям различных социальных групп, описанию отдельных эпох типа Возрождения, рискуем утверждать, что последовательность распределения текстовых блоков будет определяться только здравым смыслом, и ничем иным. А с чего еще историк сможет начать описание объектов подобного рода, где искать предпочтения тому, что начать надо с характеристики рабов, а не рабовладельцев, к примеру, если он предварительно не выявил посредством дискуссии с предшественниками болевых точек своего исследования. Но здравый смысл, по сути, лишен критической и конструктивной силы. Он обрекает работу историка на описательность в буквальном смысле слова или пересказ, фактически лишенный внутренней логики. Такой подход столь же создает иллюзию научности, но именно иллюзию, поскольку за скрупулезным и дотошным описанием каждого из разделов стоит хаотичность и бессвязность их объединения. Можно было бы сказать, что при таком подходе историк обре-

чен следовать логике объекта, если бы сам объект имел какую-то логику вне той, которую ему навязывает автор.

Фактическая бессвязность проявляется в том, что все разделы исследования, как правило, лишены каузальных отсылок к предшествующим и последующим разделам. Поэтому каждый новый шаг приходится начинать с фразы «а теперь рассмотрим это». Исследователь, вынужденный употреблять связки подобного рода, сам чувствует, что ничто из предшествующего не обуславливает его переход к последующему. А что это как не произвол и полная субъективность, прикрытые имплицитностью нарратора? Но причина этого не в профессиональной некомпетентности историка, а в принятии заведомо порочной парадигмы о цели и средствах исторического познания. Как следствие, обсуждение проблемных аспектов фактически приобретает побочный характер. Их изложение создает ощущение, что исследователь на них натывается в ходе описания и вынужден остановиться не в силу развития внутренней логики сюжета, а просто потому, что принято реагировать на спорные моменты, тем более слишком знакомые сообществу профессионалов, чтобы их просто игнорировать. Но в том-то и дело, что они становятся не имманентной частью повествования или условием его конституирования, а разрывом, задержкой, внешним вмешательством в цепь описаний. Помимо того, что рассказ подобного рода обречен навевать скуку, он подает изображение объектов в весьма опасной перспективе – перспективе утраты актуальности их обсуждения для читателя.

Наконец, установка на репродуктивность и, соответственно, подача материала в форме изложения темы разъедает и святая святых исторического исследования, а именно работу с источниками. Нетрудно заметить, что в нарративах, притязающих на создание синтетических картин, как ни парадоксально, апелляция к источнику вообще не находит себе подходящего места. Поскольку синтез представляется в виде изложения идеи, призванной обобщить или интерпретировать пресловутые факты, указание на источник, откуда данные факты черпаются, с неизбежностью приобретает облик ссылки, примечания, отнесения в конец исследования. Рискнем утверждать, что дело здесь не только в том, что таков неизбежный характер работы с источником, что все не занесешь в конечный

продукт, а в сохранении явной или неявной методологической установки, что написание истории есть воссоздание прошлого, а не ее, его пересказывание, предполагающее первоначальное вычленивание фактов из данных свидетельств, а затем их обобщение или связывание в целостную картину.

Такой подход действительно отправляет источники в ссылку потому что специальное внимание к ним всякий раз разрывает плановое рассказывание истории и кажется нарушением последовательности повествования. Но так происходит именно потому, что историк продолжает видеть себя рассказчиком, а не исследователем. Потому и исторический текст остается похожим на художественное произведение, только лишенное художественности. Как ни парадоксально, но вера в подобные идеалы приводит к тому, что историк стремится скрыть и замаскировать то, что является сущностью научной деятельности, а именно исследовательский характер своего труда, дискуссию с оппонентами, поиск аргументов, озарение позволяющее увидеть вещи (свидетельства) в ином свете, выстраивание логики рассуждений и доказательств. В результате на всех уровнях исторических исследований выстраивается одна и та же картина: на поверхность подается только результат, естественно формулируемый в виде готовых утверждений, а не размышлений а так называемые факты приобретают облик иллюстраций, а не аргументов, приводимых в доказательство или опровержение.

Что же мы получаем в итоге? Какой облик приобретает нарратив, который можно назвать классическим, или тенденция к нарративизации подобного типа? Что предстает перед глазами читателя? Понятно, что сознательное или бессознательное принятие установки о роли историка как беспристрастного передатчика требует предоставления повествованию соответствующего облика. Как правило, такой нарратив выражает стремление изобразить объекты с позиции камеры или бесстрастной регистрации. Соответственно, условия распределения объектов в последовательность будет выступать либо хронология, либо внушительность самих явлений, либо некритически воспринятый здравый смысл. Некоторым образом данная модель текста объективно создает у читателя «эффект присутствия» при течении событий, тем более что, образно говоря, за скобки выносятся авторская позиция. Проявляется данный эффект благ

даря намеренному стиранию всех знаков авторства, ибо считается, что его явный голос потворствует субъективности. В первую очередь это отражается на объеме и характере изображения историографического обзора и работы с источниками.

Поскольку рассказываемость истории обеспечивается такой повествовательной инстанцией, как нарратор, то нарратор классического повествования занимает экстрадигетический статус. Он находится вне и над описываемыми событиями, что правомерно, если работу историка понимать как хранителя далекого прошлого, но становится подозрительным, если помнить об исследовательском характере его деятельности. Нарратор также становится скрытым и безличным, но тем не менее остается вездесущим и назойливым. Правда, назойливость его часто достигается не открытой декларацией своих предпочтений, а неспособностью читателя оценить преимущество его позиции из-за подавленности альтернативных голосов. Текст подобного рода объективно монологичен, поскольку в нем не предоставлено право высказаться как другим авторам, так и материалам источников. Конечно, любое изображение является следствием интерпретативной работы, но в нарративе классического типа оно проводится посредством создания эффекта «рациональной очевидности». Это означает, что смысл и оценка происходящего обеспечиваются самим фактом его показывания, а не явной демонстрацией рациональной аргументации. Кроме того, сами интерпретативные предпочтения осуществляются не посредством прямых заявлений о своей позиции, а путем неявного смещения акцентов в описании событий. Можно сказать, что классический нарратив стремится стереть все следы текстуальности.

В противоположность этому если автор считает себя вправе высказать собственные исследовательские и ценностные предпочтения, то форма классического нарратива обрекает его на неудачу. Прежде всего, они начинают выглядеть инородными вставками в ткани повествования: в лучшем случае вызывающими раздражение разрывами в последовательности рассказывания истории, когда автор вдруг начинает рассуждать по поводу достоверности или недостоверности толкования того или иного сюжета, а в худшем – демонстрацией явной субъективности, когда автор по поводу тех или иных сюжетов замечает, что с этим он не согласен, по-видимо-

му, это преувеличено и т. д. Если автор желает привлечь интерес читателя, то нарратив классического типа предоставляет ему весьма ограниченный и опасный спектр возможностей: либо использование фигуративного языка или, выражаясь словами Коллингвуда, «орнаментального воображения», а иными словами, лишь художественных средств, либо обращение к величине самих событий (войны, революции, перевороты и т. д.), либо «осюжечивание» посредством применения литературных жанров. Еще раз подчеркнем, что причина этого не в сходстве истории и литературы, а в сохранении представления о том, что дело историка рассказывать истории. Если же автор желает высказать свои ценностные предпочтения, то опять-таки он вынужден либо применять эффект «рациональной очевидности», либо заниматься морализаторством, вставляя периодически свои оценки по поводу характера действий тех или иных исторических персонажей, либо придавать исследуемым объектам эпическую, трагедийную и иную подобную форму, а значит снова «осюжечивать» посредством применения литературных жанров.

Драматизм ситуации состоит в том, что сама форма классического нарратива конституирует их формы функционирования исторических повествований в культуре. Выдвинем тезис, что нарратив подобного типа объективно становится производителем мифов. По крайней мере, он, а значит и автор, его воплощающий, беззащитны перед экспансией идеологического или мифологического содержания. Нетрудно заметить своеобразную объективную неизбежность этого. Прежде всего, сама конечность работы должна заставить автора придать прошлому весьма определенный облик. Всякая история должна с чего-то начаться и чем-то закончиться. Если же сохраняется убеждение, что дело историка рассказать, отобразить, воспроизвести нерассказанное прошлое, то всякая попытка придать данному рассказу осмысленность обречена на изображение прошлого либо как достижение успеха, либо как крах планов и надежд. Но такая форма, особенная поддержанная безличностью и скрытостью нарратора, объективно благоприятна для вторжения в тело истории мифов и идеологий. Ведь пребывание в мифе также предполагает создание эффекта присутствия, поскольку, как писал Мирча Элиаде, «по мере того, как некоторое действие приобретает некую реальность, благодаря повторению парадигматических дей-

ствий, и только благодаря этому, осуществляется неявная отмена мирского времени, длительности, «истории», и тот, кто воспроизводит образцовое действие, таким образом переносится в мифическое время первого явления этого действия-образца»²⁰. Правда, миф требует отмены истории, но ведь и историк, стирая все метки текстуальности, фактически старается совершенно мифическим образом отменить время, в котором он живет и с позиций которого описывает прошлое. У неискушенного читателя это создает требуемый эффект – убежденность в достоверности описанного. Правда, достигается он не посредством рациональных процедур, а благодаря приемам, более свойственным литературе.

Читатель более искушенный объективно лишается возможности сопоставить данное описание с альтернативными повествованиями, а значит, определить его преимущества. Он лишается такой возможности ровно настолько, насколько в тексте минимизировано право высказаться оппонентам и голосам источников. А если к тому же ценностные предпочтения проводятся посредством создания эффекта рациональной очевидности, как не идентифицировать себя с персонажами данных сюжетов (славяне – самый миролюбивый народ, самый религиозный, самый многострадающий и т. д.), как идентифицирует себя с архетипами носитель мифосознания. Но драма состоит в том, что установка на рассказывание истории может выполнить только одну функцию в культуре – сделать историю служанкой мировоззренческих установок (или продемонстрировать полную бессмысленность изучения прошлого). Само по себе это не так уже плохо, но реализуется некорректными средствами, когда историю изображают как путь к реализации тех или иных ценностей, либо как их воплощение, либо как дискредитацию всех возможных ценностей. Подчеркнем еще раз. Это не объективная черта самой истории, а следствие определенного способа ее изображения.

Параллели можно проводить и далее. Дело здесь, конечно, не в субъективных предпочтениях историка, а в продолжающей господствовать парадигме о цели и назначении истории и вытекающей отсюда модели ее написания. Пока она продолжает доминировать в умах исследователей, исторический текст объективно и по форме,

²⁰ Элиаде М. Космос и история: Избранные работы. М.: Прогресс, 1987. С. 57.

и по содержанию беззащитен перед вторжением в него мифов и идеологических фантазмов. Либо, по крайней мере, такая парадигма не в состоянии предоставить эффективные критерии, по которым можно мифы и истории отделить друг от друга или обнаруживать в исторических текстах присутствие элементов, весьма привлекательных и читабельных, но чуждых духу исследования. В конечном счете она приводит к сохранению и доминированию в историческом дискурсе весьма определенных жанров. Либо это истории стран и народов, периодов, конституированные фактически хронологией или идеологией, либо это истории людей и событий фактически в жанре хроник и биографий, либо вид исследований, особенно по социальной и экономической истории, понятный только узким слоям специалистов, страшно далеким друг от друга. Но пригодны ли они современной культуре в ситуации дискредитации мета-нарративов и повышенной чувствительности к идеологическому воздействию? Не приводят ли они в очередной раз к дискредитации ценности истории в глазах читателя с достаточно развитой рефлексивностью и чувством историчности бытия?

Поэтому рискнем выдвинуть тезис, что доминирующим типом исторического текста должен стать нарратив совершенно иного типа, нарратив, где как раз эксплицировано то, что скрыто и подавлено в повествовании классического типа. Назовем его исследовательским нарративом как воплощением постклассического нарратива, но будем отличать от того типа исторических текстов, что Анкерсмит сводил к так называемым «историческим исследованиям». Как ни парадоксально, но чем менее мы скрываем тот факт, что имеем дело лишь с текстом, не с самой реальностью, тем более история приобретает черты подлинного научного исследования. В этом смысле принципиальными чертами исторического текста должны стать полифоничность и диалогичность, подобные тем, что М. Бахтин приписывал роману как новому жанру в истории литературы. Ведь чем более мы позволяем высказаться нашим оппонентам, тем более убедительной может стать и наша позиция. Чем более мы позволяем звучать голосу источников, тем более они приобретают характер тех самых «оснований», о которых писал Коллингвуд. Да и нарратор, открыто говорящий от первого лица, демонстрирует тем самым намерение ничего не скрывать и в первую очередь на-

личие альтернативных толкований, а значит, способность взять на себя ответственность за те или иные суждения. Парадоксальным образом явное присутствие в тексте знаков субъективности оказывается наиболее благоприятным для достижения впечатления объективности.

Это означает, что композиция исторического текста должна стать иной. Она должна конституироваться не темой, а проблемой. Поэтому текст разбивается на два блока. Первый блок представляет собой проблематизацию, которая предполагает, что сюжет дальнейшего повествования будет разворачиваться вокруг вопроса, на который нет однозначного ответа. Глубокая мысль Коллингвуда, о том, что «историческое знание может расти только из исторического же знания»²¹, означает, что история создается не восстановлением забытого прошлого, а теми вопросами, которые задает сообщество определенному типу объектов. Такой подход должен принципиально изменить статус, место и способ подачи историографического обзора. Собственно, он предназначен показать, где спрятана болевая точка, на какой вопрос у сообщества нет достойного ответа, а значит, что и как должно стать предметом исследования. Тогда описание накопленного багажа должно осуществляться согласно гегелевскому принципу тождества логического и исторического. Иначе говоря, голоса оппонентов должны распределиться не в хронологической последовательности, а в последовательности демонстрации степени богатства и глубины аргументов, приводимых тем или иным автором в пользу своего видения проблемы. Соответственно, единственно оправданным способом подачи их голосов может быть только диалог или своеобразная публичная полемика, где каждому предоставляется право высказаться со всей полнотой и ответственностью.

Конечно, это не диалог в буквальном смысле слова, даже по форме подачи, поскольку в композиционном плане решающий и определяющий голос автора должен располагаться в конце данного блока, чтобы служить завязкой интриги, вокруг которой должен разворачиваться блок второй. Можно сказать, что в рамках историографического обзора достаточно ограничиться только критикой оппонентов, приберегая авторскую идею и нагнетая тем самым напряжение. Но в любом случае в рамках исследовательского narra-

¹ Коллингвуд Р. Дж. Указ. соч. С. 235.

тива нарратор должен занимать интрадиегетическую позицию, а значит, быть частью повествования возможно даже в виде не свидетеля спора, а его активного участника, что делает его гомодиегетическим рассказчиком. Нарратор должен стать эксплицитным, возможно даже заявляя о себе как «Я». Как ни парадоксально, но такой подход расширяет читаемость текста, потому что в нем эксплицирована рациональная аргументация, а не только специфика объекта исследования, что делает текст доступным любому читателю, способному мыслить.

Второй блок должен группироваться вокруг авторской гипотезы, ее разворачивания и аргументации. Можно сказать, что композиция этой части текста также должна строиться на базе реализации гегелевского принципа от абстрактного к конкретному или наполнения идеи богатством содержания, где каждый последующий шаг предопределяется предыдущим. Это радикально меняет задачу историка и его отношение к обрабатываемому материалу. Как ни парадоксально, его цель не в том, чтобы рассказать историю, а в том, чтобы доказать правомерность выдвинутой им гипотезы, поэтому и материал он должен распределять не в хронологическом, а в логическом порядке. При таком подходе принципиально меняется как статус, так и подача данных свидетельств, поскольку они уже не иллюстрируют заранее подготовленные тезисы, а доказывают предлагаемую гипотезу. Этот подход позволяет читателю стать незримым свидетелем работы творческой лаборатории автора, поскольку последний не скрывает, как он прошел путь. Тем самым он не навязывает читателю свою точку зрения, а предоставляет ему право самому судить, насколько корректно осуществлено исследование. Опять-таки, это делает текст доступным любому рациональному мыслящему индивиду. Соответственно, нарратор продолжает занимать интрадиегетическую позицию, так как повествует, собственно говоря, о своей исследовательской деятельности. По отношению к предмету своего исследования он остается гомодиегетическим, по отношению к объекту – гетеродиегетическим. Настолько, насколько нарратор рассказывает о проведении исследования, он остается частью повествуемого мира, настолько, насколько он рассказывает о прошлом, он становится чуждым повествуемому миру. Он должен оставаться эксплицитным и возможно даже говорить о

имени «Я», а не от имени «Мы». Следует заметить, что нарративное «Я» при таком подходе уже не становится инородным вторжением в тело рассказываемой истории, поскольку это «Я» относится не к этической оценке событий, а к исследовательской оценке степени надежности данных источников, потому что посредством работы нарративного «Я» создается само историческое событие, а в широком смысле слова – предмет исторического исследования.

Логично спросить, а что здесь нарративного и как это способно сохранить для истории статус культурной ценности. Как ни парадоксально, но нарративность исследования конституируется не рассказыванием о времени, а временем, а точнее, временностью рассказывания. Это значит, что блоки текста будут располагаться по принципу «сначала – потом», причем связь между ними будет не просто хронологической, а каузальной, когда постановка проблемы с неизбежностью предполагает выдвижение гипотезы, а затем ее аргументацию и т. д. Соответственно, интрига исследовательского нарратива должна разворачиваться вокруг не самих событий, а их интерпретации сообществом исследователей. Пока мы будем искать интригу в ходе самих событий, чтобы привлечь читателя, мы будем беззащитны перед неизбежным смещением акцентов в сторону мифологической архетипизации событий прошлого или их идеологической ориентированности, или их литературизации в конце концов. Иначе упрек, сделанный еще Аристотелем в его знаменитой «Поэтике» в том, что «поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история – о единичном»²², будет оставаться в силе. Поэтому история должна заинтриговывать, но логикой постановки и решения исследовательской проблемы. Это означает, что нет надобности делить работу историков на поиск пресловутых фактов и их обобщение, а стоит скорее изменить характер проблем, обсуждаемых сообществом историков.

Вот с этого места возможно говорить о значении истории в культуре и соответствующей актуальности исторического текста. Очевидно, что исторический дискурс в целом должен конституироваться не узкоспециализированными интересами профессионального сообщества, а спецификой потребностей культуры. Ведь давно ушедшие события будут привлекать только тогда, когда они что-

²² *Аристотель. Поэтика // Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 655.*

то могут сказать нам о нас самих. Но посредством создания исследовательской интриги прошлое может стать важным для нас не только для удовлетворения эстетической или ценностной потребности. В конечном счете если бы мы представили, что условием человеческого существования является только богатство накопленного опыта, то могли бы сказать, что принципом построения всех исследовательских интриг должна быть их способность внести вклад в расширение этого богатства. Поэтому богатство и разнообразие повествований, нарративизирующих объекты прошлого в свете их неожиданного финала и воплощающих тем самым постмодернистскую иронию – вот что должно быть результатом возможных исторических исследований. И наоборот, необходимость накопления опыта, что можно сделать только за счет обращения к прошлому, должна стать основанием как для конституирования исторических нарративов, так и для определения направления проблематизации накопленной исследовательской традиции. Мы не случайно говорим об опыте, потому что только тогда, когда мы осваиваем те или иные объекты в свете возможного опыта, то начинаем мыслить исторически. А это означает, что жанр всемирных историй, повествующих о неизбежности исторического процесса, как и жанр узкоспециализированных исследований, направленных на установление фактов, должны угаснуть. Нарратив, призванный формировать наш опыт, функционально не способен быть мета-нарративом или продуктом деятельности антиквара.

Данный тезис позволяет иначе увидеть взаимоотношения автора и читателя. Очевидно, что функция историка состоит не только в том, чтобы отражать некие потребности культуры, а в том, чтобы их конституировать посредством выбора и обсуждения тех вопросов, которые он считает актуальными. Но это не простая декларация. Дело в том, что только последовательное проведение исследовательского духа позволяет ему не идти на поводу как у объекта исследования, так и у сложившейся традиции их изучения. Очевидно, что последовательная демонстрация исследовательской работы способствует расширению круга потенциальных читателей, поскольку понять логику рассуждений и доказательств, особенно в том, что касается дел человеческих, способен любой рационально мыслящий индивид. Конечно, это и сужает круг адресатов, поскольку

потенциальным читателем исследовательских нарративов может быть только сообщество интеллектуалов или образованных людей в целом. Кстати, только они способны получать специфический род наслаждения от текста – наслаждение от мастерства развертывания исследовательской интриги. Наверное, следует смириться с тем, что в массовой культуре исторический текст может функционировать только как миф или разновидность художественной литературы. Поэтому стремление писать нарративы классического типа с имплицитным нарратором будет только способствовать размножению мифов. Но установка на создание исследовательского нарратива, призванного вносить вклад в формирование и расширение нашего опыта, пусть обращенная к определенному кругу читателей, позволяет преодолеть их пассивность. В постструктуралистской традиции много говорилось и говорится о роли читателя как соучастника в создании текста. Конечно, данное соучастие требует от читателя способности к интерпретации. Но суть ее не в том, чтобы проводить собственное расследование по поводу обсуждаемой проблемы. Читатель остается читателем. Соучаствовать в создании текста для него означает быть способным его применить к чему-то. Читательская интерпретация рождается в применении и с целью применения. Читать исторический текст – значит накапливать опыт, позволяющий всякий раз производить переоценку современности.

К этому следует добавить, что речь идет не о том, что наконец найдено безотказное средство решения всех вопросов. В принципе, конечно, любая форма беззащитна, и содержание может прорваться сквозь любую форму. Дело, скорее, состоит в том, что исторической науке следует освободиться от груза тем и проблем, мучающих ее уже сотни лет, от вращения в порочном круге критики и самокритики весьма определенного типа, и двинуться к новым горизонтам. С другой стороны, проблема не в том, что нарратив исследовательского типа еще не существует. С момента появления истории как сферы познания исследовательский дух является ее имманентной частью и этим спасает историческое предприятие. Чтобы обратить осознанное внимание на существование и преимущества нарративов неклассического типа в поисках спасения ценности истории, стоит смотреть не ностальгически назад, а проективно вперед.

II. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПОХА В ДОКУМЕНТАХ

В.А. Есипова (Томск)

К вопросу о географической локализации
письменного источника по данным материала
для письма

Рассмотрение материала для письма является неотъемлемой частью источниковедческого анализа письменного документа, точнее – той его части, которая традиционно называется внешней критикой. Целью этой операции обычно является подтверждение или опровержение подлинности источника, т. е. действительно ли он написан в том месте и в то время, которое обозначено в тексте либо следует из него.

Если подтверждение времени написания документа по данным писчего материала является довольно обычной операцией, имеющей богатую традицию, то определение по этим данным места создания документа проводится на практике достаточно редко. Из общих соображений ясно, что географические различия при использовании писчего материала существовали. Действительно, «в одних странах в качестве писчего материала употреблялись глиняные таблички, в других – папирус, пергамен, бумага»¹. Понятно, однако, что посылки такого рода могут дать лишь весьма грубые географические оценки.

Что же необходимо, чтобы хотя бы с некоторой долей вероятности определять место создания документа по данным, извлеченным из писчего материала? Проанализируем для ответа на этот вопрос процесс датировки документа по филиграммам, т. е. процесс определения времени его создания.

¹ *Пронштейн А.Н., Данилевский И.Н.* Вопросы теории и методики исторического исследования. М., 1986. С. 151.

Этот процесс хорошо разработан и давно известен всем, кто работает со средневековыми рукописями. Основу его составляет тот факт, что в результате технологического процесса производства бумаги на листе остаются видимые на просвет водяные знаки (филиграни)².

Поскольку не существует двух абсолютно идентичных сеток для отлива бумаги, а срок, в течение которого они обычно заменялись, составляет около 2 лет, можно достаточно точно определить время производства конкретного листа. При благоприятных условиях (например, если достаточно хорошо подобран и обработан фактический материал) можно даже соотнести данный лист с конкретной формой, в которой он был отлит. Такие умозаключения, правда, возможны в настоящий момент, пожалуй, только для отдельных регионов Европы; в России же обработка изначального фактического материала еще не достигла соответствующей стадии.

Существуют формулы для определения залежности бумаги, по которым можно установить хронологический интервал, в течение которого лист мог использоваться с наибольшей вероятностью. В результате мы можем получить, иногда с большой точностью, некоторый интервал, в течение которого – наиболее вероятно – был создан документ, например написана интересующая нас рукопись.

Итак, в основе умозаключений лежат следующие факты: а) наличие филиграни на бумаге; б) бытование конкретной филиграни (а фактически – бумажной формы, которая использовалась для производства конкретного листа) в течение определенного, довольно ограниченного времени; в) передвижение бумаги до пункта употребления с определенной – предположительно известной – скоростью и употребление ее в течение некоторого наиболее вероятного промежутка времени.

Для уточнения процесса датировки, таким образом, требуется: а) выявление репертуара филигрanei; б) установление, в каком месте и в какое время производилась бумага с интересующей нас филигранью. Предел точности: соотнесение листа с конкретной бумажной формой. Отсюда вытекает необходимость изучения бумажного производства и использование его данных для датировки докумен-

²

Здесь и далее имеется в виду технологический цикл европейского типа, сложившийся в Италии в XII–XIII вв.

тов; в) изучение процессов распространения бумаги (торговля, централизованное снабжение государственных учреждений и др.).

Как видно, здесь фигурируют в основном две стадии «жизни» бумажного листа: его производство и распространение. Изучение бытования бумаги для нужд датировки, вообще говоря, не является строго обязательным. Хорошо, если в нашем распоряжении окажутся данные такого рода – ведь не зря же Н.П. Лихачев организовал в своем справочнике расположение филиграней по рукописям и документам, из которых он их скопировал. Однако полная картина бытования бумаги в некотором регионе для нужд датировки не обязательна.

Представим себе процесс бытования отдельного бумажного листа. Произведенный на некоторой бумажной мельнице, он поступал затем в составе стопы произведенных одновременно с ним листов в обращение. Способы этого поступления могли быть различными, но два из них наиболее вероятны. Во-первых, бумагу мог приобрести купец для дальнейшей реализации. В этом случае путь рассматриваемого бумажного листа зависел от личных качеств главы торгового предприятия и его сотрудников: насколько широка была у них география торговых связей, как быстро реализовывался товар и т. д.

Во-вторых, бумажная мельница могла непосредственно снабжать своей продукцией, например, органы местного управления – как это делала бумажная мануфактура в Тобольске, принадлежавшая В.Я. Корнильеву³. В этом случае бумага не поступала в торговую сеть, а непосредственно от производителя передавалась потребителю. Интересно, что при этом, по крайней мере в сибирских условиях, срок залежности не сильно уменьшался. Проблемы с доставкой были настолько велики, что судя по документам, отложившимся в ТФ ГАТО, корнильевская бумага доходила до ожидавших ее городовых магистратов в течение тех же 1–2 лет⁴.

Следует отметить, что в последнем случае местные власти, естественно, должны были заключать договор с той бумажной мануфактурой, которая находилась на подведомственной им территории, что мы и видим в случае с В.Я. Корнильевым. Во всяком случае,

³ См., например: ТФ ГАТО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 87. Л. 4–11 об.
⁴ Там же. Л. 10–11 об.

такое развитие событий наиболее вероятно. Таким образом, мы будем иметь дело с обращением бумаги внутри одной – как правило, административно ограниченной – территории. Это не значит, что продукция данной бумажной мельницы вовсе не будет встречаться за пределами этой области. Просто появление ее в делопроизводственных документах местной власти представляется весьма вероятным.

Но вот бумагу доставили тем или иным способом в определенный географический пункт, с которым у данной торговой фирмы имеются деловые связи. Здесь ее приобрел потребитель и пустил в дело в соответствии со своими замыслами.

Однако в рассматриваемом географическом пункте могли действовать агенты ряда торговых фирм, занимающихся реализацией бумаги. Соответственно, у каждого из них могли быть связи с одной или несколькими бумажными мельницами. Эта картина могла меняться со временем: например, бумагопроизводящее предприятие переставало существовать либо, наоборот, появлялось новое; эволюционировали торговые связи, менялась ситуация на рынке (например, в результате конкуренции) и т. д. При этом неизменным оставался один момент: всеми перечисленными моментами ограничивался репертуар бумаги в одном отдельно взятом географическом пункте в данный момент времени. Действительно, невозможно себе представить, чтобы даже в достаточно большом городе одновременно в употреблении была бумага всех действующих на данный момент бумажных мельниц – пусть даже только бумажных мельниц отдельно взятой страны.

Следовательно, в различных географических пунктах репертуар бумаги будет меняться в зависимости как от вышеперечисленных факторов, так и от времени. Если в нашем распоряжении будет иметься достаточное количество точно датированных документов, по их бумаге можно реконструировать репертуар бумаги рассматриваемого пункта и его изменения в зависимости от времени. Очевидно, что в репертуаре будут наблюдаться различия в зависимости от территории. Если составить карту таких различий и проследить ее эволюцию в течение хотя бы некоторого времени (скажем, в течение века или двух), то мы получим весьма ценную опорную информацию для определения не только времени, но и места создания вновь обнаруживаемых документов. Разумеется, определять место

создания документа в такой ситуации можно лишь с определенной долей вероятности; конечно, будут попадаться в единичных случаях и документы, на экзотической для данного пункта бумаге, но такие сложности возможны и при определении даты посредством филиграней (например, аномально большие сроки залежности). Именно поэтому речь и идет о вероятностном подходе; вполне возможно, что после составления описанной выше карты вероятность появления того или иного типа бумаги в определенном географическом пункте можно будет выразить численно.

Итак, представляется, что для установления места создания документа существенными будут являться следующие факты: а) наличие филигрانی на бумаге; б) бытование бумаги с аналогичной филигранью (или хотя бы с филигранью той же мельницы, но это уже более сложный случай, требующий отдельного рассмотрения) на рассматриваемой территории.

Таким образом, для установления места создания документа необходимо: а) выявление репертуара филиграней; б) изучение процессов распространения бумаги (торговля, централизованное снабжение государственных учреждений и т. д.); в) установление, в каком месте и в какое время бытовала бумага с данной филигранью.

Как видно, первые два пункта совпадают с операциями, необходимыми для датировки. Последний же пункт, являющийся для датировки лишь желательным условием, здесь становится обязательным. Решающее значение приобретает последняя стадия «жизни» бумажного листа, можно обозначить ее как бытование или, например, потребление.

Следует отметить еще один существенный момент. Делать вывод о месте создания документа можно лишь в случае, если в его составе представлен достаточно широкий спектр типов бумаги, относительно которой установлено, что она бытовала на данной территории в рассматриваемый период. Вопрос о географической локализации единичных листов либо документа, написанного на бумаге одного-двух типов, видимо, так и останется открытым. Действительно, существовали бумажные мельницы, поставлявшие свою продукцию (и достаточно стабильно) не только в ряд географических пунктов, но и в ряд регионов. Поэтому существенным следует считать не просто наличие в документе бумаги определенного про-

изводителя, а именно сочетание различных типов бумаги в составе одного документа.

Попробуем применить приведенные выше тезисы на примере анализа бумаги сибирских документов XVII–XVIII вв. К рассмотрению были привлечены делопроизводственные документы и частные рукописи, хранящиеся в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРК НБ ТГУ), Государственном архиве Томской области (ГАТО), отделе редких книг Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук (ОРК ГПНТБ СО РАН, г. Новосибирск), секторе археографии Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (ИИ СО РАН, г. Новосибирск) и Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике (ТГИАМЗ). В общей сложности было просмотрено более 60 тысяч листов в составе более чем 600 документов сибирского происхождения. На основе этих материалов удалось составить справочник филиграней сибирских документов XVII–XVIII вв.⁵

Особенность этого Справочника заключается не только в том, что на основе сибирских документов такая работа выполнена впервые. Была предпринята попытка учесть и систематизировать все встретившиеся случаи употребления бумаги того или иного типа.

Кроме того, Справочник снабжен системой указателей. Один из них – Список мест создания документов и употреблявшейся в них бумаги (в хронологическом порядке). В нем представлен в алфавитном порядке список городов, сел, деревень Сибири, в которых отмечено употребление разных типов бумаги. Типы бумаги расположены внутри каждого населенного пункта в хронологическом порядке; дается краткое описание филигрانی и ссылка на номер, под которым она описана в Справочнике. Приводятся также дата составления документа, белая дата (если она имеется) и ссылка на источник. Список позволяет составить представление о репертуаре бумаги на разных территориях Сибири и его изменениях в зависимости от времени.

Всего в Списке учтено 112 различных географических пунктов (преимущественно находящихся на территории Западной Сибири),

⁵ Справочник доступен желающим в виде машинописной рукописи в фонде ОРК НБ ТГУ. Надеемся, что в ближайшее время его удастся опубликовать.

в которых зарегистрировано наличие того или иного типа бумаги. Далеко не по всем географическим пунктам удалось составить исчерпывающую статистику; во многих отмечено два-три случая употребления определенного типа бумаги – как правило, эти случаи датированы второй половиной – концом XVIII в. Однако для крупных городов составленный спектр охватывает 10 и более лет; особенно обширен материал по Томску и Тобольску, что вполне объяснимо, учитывая географию обследованных хранилищ. Так, для Томска хронологический охват составляет 166 лет (1633–1799 гг.), описано 109 различных филигранных; для Тобольска – 120 лет (1679–1799 гг.), 78 типов; для Кузнецка – 121 год (1672–1793 гг.), 46 типов. Правда, даже для этих городов спектр не является сплошным: имеются разрывы в 1–2 и более лет. Для других городов охват меньше: Тара – 90 лет (1660–1753 гг.), 12 типов; Бердск – 68 лет (1732–1800 гг.), 40 типов; Колывань – 58 лет (1742–1800 гг.), 53 типа; Омск – 55 лет (1727–1782 гг.), 17 типов; Бийск – 40 лет (1754–1794 гг.), 21 тип; Барнаул – 29 лет (1774–1803 гг.), 18 типов.

Итак, наиболее представлен материал по Томску и Тобольску. Интересно, что здесь удалось построить спектры употребления бумаги определенных типов за много лет подряд. Так, употребление здесь бумаги фабрики Ф. Турунтаевского (филигрань «ВФ (в волнистой рамке) | СТ (в волнистой рамке)») прослеживается с 1739 по 1798 г., т. е. бумага появилась в обороте через 10 лет после основания мануфактуры и бытовала более 60 лет. Довольно долго бытовала бумага этой же мельницы с филигранью «РФ (лигатура) | ФТ (лигатура)» – с 1741 по 1795 г. Видимо, здесь следует говорить либо о больших сроках залежности (белая дата на бумаге не представлялась, так что сделать точное заключение не представляется возможным), либо, вероятнее, что уже после смерти основателя мельницы, Федора Турунтаевского, его наследник продолжал представлять на бумаге в виде филигранный инициалы отца – такие случаи описаны для других мануфактур.

Довольно долго бытовала в томских документах бумага производства мануфактуры П.И. Репнина: «ФК (в картуше) | ПР (в картуше)» (с 1761 по 1778 г.), «ПР | РФ (лигатура) К» (с 1764 по 1776 г.). И снова отметим: бумага появляется в обороте спустя примерно 10 лет после основания мануфактуры (точная дата ее основания

неизвестна, исследователи называют интервал с 1745 по 1750 г.) и бытует вплоть до продажи мельницы новому владельцу в 1776 г. Новый владелец (С.Я. Собакин) поместил на филигрании герб Ростовского уезда (олень), который присутствовал там до 1787 г., когда с. Плещеево, вместе с мануфактурой, перешло на территорию Ярославского уезда; олень при этом сменил на филигрании медведь. В томских документах бумага с гербом Ростовского уезда представлена в период с 1789 по 1797 гг., т. е. опять более чем с 10-летним запаздыванием и в тот период, когда маркировка производителя уже поменялась.

В течение длительного периода поставлялась в Томск бумага вятской мануфактуры Ф.М.Рязанцева. Она помечена филигранью с литерами «ВСМ | СФР», гербом Вятской губернии (рука в облаках, держащая лук со стрелой) и белой датой. Такая бумага появляется в томских документах в 1784 г. т. е., практически в год основания мануфактуры, и бытует до 1803 г.

Была представлена в Томске и продукция одной из крупнейших бумажных мануфактур в России – мельницы в Полотняном заводе, принадлежавшей изначально Т.Ф. Карамышеву. Бумага с филигранью Карамышева («РФ (лигатура в картуше с двуглавым орлом) | ФТ (лигатура в картуше с розеткой)») появляется в Томске в 1734 г. К этому моменту мельница в Полотняном заводе существовала уже более 20 лет (основана в 1718 г.); более того, именно 1733–1735 гг. являлись для нее сложным периодом: умер основатель мануфактуры, вышла из партнерства его вдова, а компаньоны – А.А. Гончаров и Г.И. Щепочкин – занимались разделом имущества. В результате бумажная мельница досталась А.А. Гончарову. Бумага с его филигранью (литеры «РФ | АГ») появляется в Томске уже в 1738 г. и бытует (с вариантами) до 1764 г.

Бумага с филигранью мельницы Ф. Колесова встречается в Томске с 1770 по 1785 г., т. е. она появляется в обороте всего 3 года спустя после основания мануфактуры. Встречаются разные варианты филигрании Колесова: «РФ (лигатура) | ФК (лигатура)», «РФ (лигатура) ФК (лигатура) | стилизованное дерево», «РФ (лигатура) ФК (лигатура) | корабль».

Особо следует сказать об употреблении в Томске продукции местных сибирских бумажных мануфактур. Бумага тобольской

мануфактуры, основанной купцами Медведевыми в 1744 г., появляется в томских документах спустя 10 лет и бытует далее на всем протяжении владения Медведевыми этой мельницей. Последний случай ее употребления зафиксирован в 1781 г., когда мельница уже находилась в совместном владении Медведевых и В.Я. Корнильева⁶. Позже, когда тобольская мануфактура принадлежала уже одному В.Я. Корнильеву, на филигрань появились литеры «ТФ | ВК» с обозначением года изготовления. В томских документах бумага с такой филигранью появляется в 1786 г. (белая дата 1785) и бытует до 1802 г., т. е. до года продажи мануфактуры А.Г. Дьяконову.

Особенно широко в томских документах представлена бумага производства туринской мануфактуры. Она появляется в 1769 г. (филигрань «СГТ (в волнистом круге) | ФΩК (в волнистом круге)»), т. е. через 9 лет после основания ее Осипом Коноваловым, чьи инициалы запечатлены в филигрань. Бумага с такими филигранями присутствовала в обороте до 1772 г. Известно, что в 1775 г. Коновалов продал мельницу М.М. Походяшину. Последний сначала помечал бумагу литерами «СТ | ФМП» (в томских документах встречается с 1777 по 1784 г.), а затем – «СТ | ФП» с указанием белой даты. Бумага с последней филигранью пользовалась особой популярностью; в томских документах она представлена в период с 1775 по 1800 г. (последняя белая дата – 1799). Получается, что старую маркировку сохранили новые владельцы мануфактуры – дворянская семья Панаевых, которым Походяшин продал мельницу в 1789 г.

Если мы рассмотрим распределение типов бумаги в Томске по десятилетиям, то получим следующую картину. Самые ранние из имевшихся в нашем распоряжении документов относятся к 30-м гг. XVII в.; они написаны на бумаге с филигранью «кувшин». С 70-х гг. XVII в. появляется бумага с филигранью «голова шута», а с 80-х гг. – с гербом Амстердама. Они соседствуют до конца XVII в. 20-е гг. XVIII в. – время употребления бумаги с разными вариантами филигрань «герб Амстердама». Встречаются единичные листы с филигранью «почтовый рожок», а в 1730 г. – Strasburg lily.

⁶ По данным З.В. Участкиной, специально изучавшей этот вопрос, бумага тобольской мануфактуры с разными вариантами филиграней Медведевых, бытовала в период 1858–1862 гг.

30-е гг. XVIII в. – время соседства импортной и российской бумаги в томских документах. Самыми первыми из российских мануфактур начинают поставлять свою продукцию на томский рынок мельницы Ф. Турунтаевского (документ 1734 г.) и А.А. Гончарова (документ 1738 г.). В 40-е гг. XVIII в. появляется бумага Большой Ярославской мануфактуры с характерной филигранью – «медведь с секирой». Продолжает широко употребляться бумага мельницы в Полотняном заводе и мануфактуры Ф. Турунтаевского; встречаются единичные листы с филигранью «герб Амстердама».

С середины столетия иностранная бумага начинает уступать место отечественной: если в начале 50-х гг. XVIII в. еще встречаются листы с филигранью «герб Амстердама», то к концу десятилетия они исчезают из обращения окончательно. Продолжают часто встречаться в документах листы с филигранями мельниц Ф. Турунтаевского и А.А. Гончарова, с гербом Ярославля. Появляется бумага производства мануфактур А.М. Воронцова, В.М. Евреинова и М. Переяславцева. Именно в этот период в Томске входит в обращение бумага Тобольской мануфактуры.

В 60-е гг. XVIII в. продолжает употребляться бумага производства Ф. Турунтаевского, А.А. Гончарова, Большой Ярославской мануфактуры и М. Переяславцева, а также тобольская бумага. Исчезает продукция мельницы В.М. Евреинова, зато появляется на рынке бумага вятского производства, мельниц С. Золотарева, И.П. Масалова и П.И. Репнина. Кроме того, начинает активно завоевывать рынок вновь созданная Туринская бумажная мануфактура.

В 70-е гг. XVIII в. остается в употреблении бумага с филигранями Ф. Турунтаевского, Большой Ярославской мануфактуры, А.М. Воронцова, М. Переяславцева и П.И. Репнина (последнюю в середине десятилетия приобретает владелец Большой Ярославской мельницы С.Я. Собакин, и инициалы Репнина исчезают с этой бумаги, но производитель остается тот же). По-прежнему активны вятские производители бумаги, а также местные – тобольские и туринские – владельцы бумажных мануфактур. Уже не встречается бумага мельниц С. Золотарева и И.П. Масалова, мануфактуры в Полотняном заводе, зато появляется бумага с филигранями мануфактур Ф. Колесова и Ф. Постовалова.

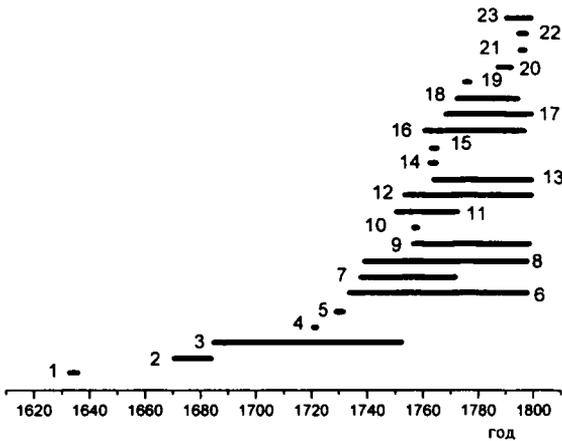

Рис. 1. Типы бумаги в томских документах:

1 – «кувшин»; 2 – «голова шута»; 3 – «герб Амстердама»; 4 – «почтовый рожок»; 5 – «Strasburg lily»; 6 – мануфактура Ф. Турунтаевского (с. Шеломово на р. Тосна, Вологодская губ.); 7 – мануфактура Т.Ф. Карамышева, позже – А.А. Гончарова (с. Полотняный завод, Малоярославский уезд, Калужская губ.); 8 – Большая Ярославская мануфактура, М.С. Затрапезнов, позже – С.Я. Собакин (Ярославская губ.); 9 – мануфактура Ф. Чапурина и Д. Титечкина, позже – А.М. Воронцова (р. Таль, Симбирская губ.); 10 – мануфактура В.М. Евреинова (р. Уча, рядом с д. Пушкино, Московская губ.); 11 – мануфактура М. Переяславцева (г. Углич, на берегу р. Корожечной, Ярославская губ.); 12 – мануфактура Медведевых, позже – В.Я. Корнильева (Тобольск, Тобольская губ.); 13 – мануфактуры П.С. Бедаревой, позже – Е.М. Машковцевой (Никольская и на р. Медянка); Ф.М. Рязанцева (на р. Коса); П.Е. Озерова (все – Вятская губ.); 14 – мануфактура И.П. Масалова (на р. Шаня, недалеко от Медыни, Калужская губ.); 15 – мануфактура С. Золотарева (недалеко от Калуги, на берегу р. Киевки, Калужская губ.); 16 – мануфактура П.И. Репнина, позже – С.Я. Собакина (в с. Плещеево; она же – Великосельская фабрика; Ярославская губ.); 17 – мануфактура Ф. Колесова (Вологодская губ.); 18 – мануфактура О. Коновалова, позже – М.М. Походяшина, позже – семьи Панаевых (Туринск; Тобольская губ.); 19 – мануфактура Ф. Постовалова (Воронежская губ.); 20 – мануфактура казенная Красносельская (в Красном селе, Санкт-Петербургская губ.); 21 – мануфактура Н.И. Маслова (в Каширском уезде, рядом с деревней Острог, Тульская губ.); 22 – мануфактура Д.Я. Земского, позже – Д.Д. Мещанинова (в Кинешемском уезде, на р. Седеге, недалеко от деревни Адишево, Костромская губ.); 23 – мануфактура П.Б. Шереметьева (на р. Юхоть, в Рыбинском уезде, Ярославская губ.)

В 80-е гг. XVIII в. стабильны поставки бумаги с мельниц Ф. Турунтаевского, Ф. Колесова, А.М. Воронцова, Большой Ярославской, владелец которой является теперь и владельцем мануфактуры, ранее принадлежавшей П.И. Репнину; ее продукция с гербом

Ростова Ярославского (олень на гербовом щите или постаменте) также остается в употреблении – как и бумага вятских мануфактуристов. Тобольск и Туринск продолжают также поставлять свою бумагу в Томск. Исчезает бумага с филигранями М. Переяславцева и Ф. Постовалова, зато появляется (эпизодически) бумага Красносельской бумажной мануфактуры.

И наконец, в 90-е гг. XVIII в. в Томске продолжала использоваться бумага Ф. Турунтаевского, А.М. Воронцова, Красносельской мануфактуры и Ф. Колесова, а также вятских и ярославских производителей, включая продукцию мельницы в с. Плещеево (теперь также Ярославская губерния; мельница принадлежала ранее П.И. Репнину). Остается в обороте тобольская и туринская бумага. К концу столетия появляются новые поставщики: Н.И. Маслов, Д.Д. Мещанинов и П.Б. Шереметев.

На рис. 1 приведена хронологическая развертка бытования бумаги разных типов в документах томского происхождения. Посмотрим, какие типы бумаги бытовали в Томске достаточно продолжительное время. Данные по XVII в. довольно отрывочны; единственное, что можно утверждать с уверенностью, длительное присутствие в томских документах бумаги с различными вариантами «герба Амстердама». Появляясь в конце XVII в., этот тип филигрانی присутствует до середины XVIII в. Можно, в частности, отметить наличие этой филигрانی с контрамаркой известного французского бумажника Ф. Маро (F. Marot).

Из российских мануфактур дольше всего удерживали позиции на томском рынке вологодские бумажные фабриканты Турунтаевские. Бумага производства их мануфактуры появляется в томских документах в 30-е гг. XVIII в. и встречается до конца столетия. Довольно долго бытовала в Томске и бумага Большой Ярославской мельницы – как в период, когда она принадлежала А. Затрапезнову, так и позже, когда ее приобрело семейство Яковлевых (начиная с 40-х гг. XVIII в. и до конца столетия). «Долгожителем» на томском рынке можно также назвать Тобольскую бумажную мануфактуру (с 50-х гг. XVIII в. до конца столетия); стабильны были поставки из Туринска и с. Плещеево (несмотря на смену хозяев): продукция этих мануфактур представлена в томских документах с 60-х гг. XVIII в. В это же время появляется и начинает активно ис-

пользоваться бумага всех вятских мельниц; ее особенно много в томских документах конца XVIII в. Более 30 лет (с 70-х гг. XVIII в.) поставляла в Томск свою продукцию мануфактура Ф. Колесова.

Однако были и мельницы, бумага которых фигурировала в томских документах, а затем исчезала. Это могло случиться по разным причинам: прекращение деятельности мельницы, смена владельца, а с ним – и торговой политики и т. д. Так одно из крупнейших предприятий России – бумажная мельница в Полотняном заводе, принадлежавшая Т.Ф. Карамышеву, а затем А.А. Гончарову и его наследникам, поставляла бумагу в Томск в 30–60-е гг. XVIII в. В более поздний период (с начала 70-х гг. XVIII в.) ее продукция в томских документах не встречается. Бумага мельницы М. Переяславцева бытовала в Томске в 50–70-е гг. XVIII в. В течение одного десятилетия встречается бумага производства С. Золотарева, И.П. Масалова (60-е гг. XVIII в.) и Ф. Постовалова (70-е гг. XVIII в.). Единичными листами представлена продукция мельниц В.М. Евреинова (50-е гг. XVIII в.) и Красносельской (80–90-е гг. XVIII в.). Лишь в последнее десятилетие XVIII в. появляется в томских документах бумага Н.И. Маслова, Д.Д. Мещанинова и П.Б. Шереметева, причем особенно популярна была последняя.

Следует отметить один весьма интересный факт. Принято считать, что обычно при смене владельца мануфактуры филигранны на бумаге менялись. Так, описывая историю бумажной мануфактуры в с. Плещеево (Великосельская мельница на р. Которосли, Ростовский уезд Ярославской губ.), С.А. Клепиков сообщает о приобретении этой мельницы в 1776 г. С.Я. Яковлевым у П.И. Репнина⁷. По данным исследователя, Яковлев заменил филигрань: вместо инициалов П.И. Репнина на бумаге появился герб Ростовского уезда – олень. В 1787 г. с. Плещеево было административно переподчинено в Ярославский уезд; С.А. Клепиков считает, что в это время олень на бумаге был заменен медведем – символом Ярославля. Однако в томских документах неоднократно встречаются филигранны с изображением оленя и белыми датами начала 90-х гг. XVIII в., причем сроки довольно длительны: одна сетка не могла столько прослужить. Видимо, изготовление бумажных форм по старым об-

⁷ Клепиков С.А. Бумага Ярославской фабрики Затрапезновых (1728–1764 гг.) // Советские архивы. 1971. № 6. С. 27.

разцам продолжалось и в то время, когда мануфактура уже располагалась на территории Ярославского уезда.

Еще один случай относится к практике туринской бумажной мануфактуры. Приобретший ее в 1775 г. М.М. Походяшин ввел новую филигрань: литеры «СТ | ФП» и белую дату. З.В. Участкина расшифровывает эти литеры так: «Сибирь, Туринск, фабрика Походяшина». В 1789 г. мельницу приобрел И.А. Панаев, представитель известной дворянской семьи. Однако он оставил филигрань в неприкосновенности: бумага с литерами «СТ | ФП» и белыми датами 1789–1799 встречается в томских документах до конца столетия. Тут, видимо, имел место комплекс факторов: во-первых, инициалы владельцев (точнее, первая буква фамилии) совпадали; во-вторых, бумага с такой филигранью была чрезвычайно популярна – она очень часто встречается не только в томских документах, но и в делопроизводстве других городов. Видимо, все это и побудило нового владельца сохранить хорошо известную покупателю маркировку. Это не единственный случай; У. Черчилль, в частности, описывает похожий случай на мельнице Нерсак в Ангумуа – одном из крупнейших районов бумажного производства Франции. На этой мельнице с 1643 по 1683 г. работал известный мастер-бумажник Клод де Георг. Он делал бумагу с изображением французской лилии и литерами CDG. Эта бумага пользовалась такой популярностью, что после смерти мастера его вдова приняла решение сохранить маркировку. В результате бумага с такой контрамаркой выпускалась до 1706 г.⁸

Все это говорит в первую очередь о необходимости изучать бытование бумаги параллельно с изучением истории бумажных мануфактур. С другой стороны, приведенный выше анализ показывает, что при наличии достаточно полной информации о бумаге, бытовавшей в том или ином географическом пункте, можно составить своеобразные «спектры» употребления бумаги, подобно составленному для Томска. Из общих соображений, приведенных выше, ясно, что эти «спектры» будут различаться для различных мест. Если же в составе достаточно объемистой рукописи будет представлена бумага с определенными филигранями, то, сопоставив их состав с имеющимися «спектрами», можно с определенной

⁸ *Churchill W.* Watermarks in paper in Holland, England, France etc. in the XVII and XVIII centuries and their interconnection. Amsterdam, 1935. P. 84.

долей вероятности установить, в каком именно месте (а не только в какое время) написан рассматриваемый документ.

Разумеется, путь этот весьма трудоемок. Прежде чем делать более или менее обоснованные выводы, необходимо собрать и структурировать огромный материал. Думается, что полученный результат будет стоить затраченных усилий. Европейские коллеги движутся сейчас именно в этом направлении; достаточно назвать в качестве примера базу данных Международной ассоциации историков бумаги⁹. К сожалению, российские (а тем более сибирские) архивы и хранилища рукописей еще не проработаны до такой степени; мы еще не скоро сможем назвать имена не только владельцев мануфактур, но и мастеров-формоплетов, черпальщиков и пр. Но, имея в распоряжении те возможности, которые предоставляет нам современная техника, можно и нужно стремиться к этому.

⁹

Размещена в Internet на сайте ассоциации: www.paperhistory.org.

И.Я. Соснер (Москва)
Частные письма Петровской эпохи

Находка этих писем была, казалось бы, случайной. Просматривая в Архиве древних актов множество книг, переплетенных в телячью кожу, я наткнулся на несколько сероватых листков из грубой бумаги, с плохо читаемыми строчками¹. Среди соседних копийных листов – это были подлинники. Архивы так называемых дел «Молодых и старых лет» по различным уездам Центральной России давно вызвали интерес. Составлялся этот фонд из дел, присылаемых с мест в центральные учреждения. Вот-вот должно было начаться генеральное межевание российских земель. Все собственники имений, да и просто клочков земли срочно изыскивали возможности доказать свои притязания на них. Вот из этих-то бумаг и составилась фонд, который охватывает рамки практически двух столетий – с 1620 по 1820 г.

Отсчитывая первые шаги XXI в., мы не можем не возвращаться мыслью к ушедшему времени. В недавнем прошлом своем ищем истоки настоящего, причины, по которым оно приняло именно такое обличье. События же трехвековой давности, с одной стороны, успели уже стать далекой для нас и древней историей, но с другой – еще по-своему живы и определяют собою сегодняшний день. Для многих людей они не только строки школьного учебника, а часть истории семьи – их предков. Вот эта до конца не всегда понятная ниточка из прошлого и объединяет нас вместе, дает ощущение неразрывнос-

¹ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Москва. Дела старых лет. Кн. 9915/3. Л. 177–180, 170–310.

ти (несмотря на катаклизмы) духовного и исторического пространства, ощущение Родины, гордость за великие деяния предков!

Относиться к ним со спокойной отрешенностью исследователя – непростая задача. В любом рассказе из истории Отечества почти неизбежное стремление к объективности переплетается с осознанием гражданской позиции автора. И здесь самый прямой путь – предложить читателю подлинные свидетельства эпохи, чтобы он мог прислушаться к тихому голосу документа, поразмышлять о сложности и драматизме нашей недавней истории. Самому сделать выводы о состоятельности общеизвестных и признанных обществом фактов.

Найденные письма были написаны в начале XVIII столетия, во времена царствования императора Петра I Алексеевича. Частные письма тех лет – редкость, поэтому я обрадовался, отыскав их в архиве, в кляузном деле о наследстве, недвижимом имении, оставшемся после смерти капитана Ивана Яковлевича Ловзина. Драма раздела имущества происходила между его матерью и женой. Подмосковное имение находилось «в Шершинском отъезде стану в сельце Горбунах с пустошьми». Одна из спорящих сторон приводила эти письма в качестве доказательства законности брака между Иваном Яковлевичем Ловзиным и Катериной Ивановной, его женою.

Сын стольника Якова Гавриловича Ловзина (ум. после 1714 г.) и Феодоры Ивановны (ум. в 1726 г.) – Иван служил в Киевском пехотном полку капитаном. После Полтавской битвы 1709 г., проходя с полком на Ригу через Витебское воеводство, в местечке Смоляны он познакомился и женился на девице Катерине Ивановне Корсаковой. Жена четыре года следовала за ним во всех его походах, службах в разных городах. В браке у них родились две дочери – Дарья и Анна. Вскоре Киевский пехотный полк был расформирован, и в 1713 г. Ловзины переехали в Москву, где сначала жили в собственном доме на Воронцовом поле, а затем с родными мужа в их подмосковном имении.

Отпуск закончился, и уже через полгода Иван Яковлевич вновь отбыл на государственную службу в Санкт-Петербург, а оттуда – на Олонец, в Олонецкий батальон. Эти полки охраняли подступы к новой строящейся столице и служили также для охраны верфи.

Работы, производившиеся там, всегда были в центре внимания Ингерманландского губернатора – светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова. Он был в курсе всех происходивших событий, то и дело, справляясь о постройке кораблей, их размерах, количестве отлитых пушек².

Именно там в 1715 г. Ловзин и скончался, а еще раньше умерла его маленькая дочь Анна. Пробыв четыре года вдовой, Екатерина Ивановна вышла замуж за кречетника, а позднее – драгуна Никиту Степановича Редрикова «с прожиточным своим поместьем», о котором и шло спорное дело со свекровью. Старшая же дочь Ловзиных, Дарья, которой было присуждено имение отца, в 1728 г. вышла замуж за денщика Михаила Ивановича Бурцева. Позднее она продает свое оспоренное у родственников отца поместье «генерал-фельдмаршалу и орденов апостола Андрея и Св. Александра кавалеру и лейб-гвардии Преображенского полка полковнику князю Ивану Юрьевичу Трубецкому», за кем имение и было справлено в 1732 г.

Письмо I

«Государыне моей матушке Феодоре Ивановне сын твой Иван благословения твоего просит и рабски челом бью

(К тому приписано другой рукой: *Сын твои Иван благословения твоего прошу и челом бью*).

Здравствуй матушка на множество лет и прикажи писать про свое здоровье а я на службе Великаго Государя в олонецком батальоне на Петровских заводах еще жив а от скорби освободится не могу Пожалуй буди милостива до жены моей послал бы я до вас денег да для того не посылаю что нам здесь жалованье малое

Друг мой Катерина Ивановна здравствуй из детьми нашими на множество лет прошу и тебя утешай матушку и ни в чем не гневи токож де смотри и над домом

(К тому приписано другой рукой: *Муж твой капитан Иван Ловзин кланяется*)

Детем моим Дарье Ивановне Анне Ивановне мир и благословение вам от меня на веки

² Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. М.: Наука, 1983.

(К тому приписано другой рукой: *Мир всем от меня и благословения капитан Иван Ловзин кланяется*)

Отцу моему духовному священно иерею Козме Григорьевичу поклон Священно иерею

Маркелу Козмичю поклон.)

С Петровских заводов сентября 13 дня 714 г.»

Письмо 2

«Государыне моей матушке Федоре Ивановне сын твой Иван благословения твоего прошу и челом бью пожалуй матушка прикажи ко мне писать про свое здравие

(К сему другой рукой: *Иван кланяется*)

А променя поволишь ведать и я на службе в Санкт питер бурхе еще жив а апрель без волен Мы еще живем без мест и жалованья нам нет

Пожалуй Государыня матушка буди милостива до жены моей и не покинь а мужик Ванука не может и он как встанет и я тот час пришло Катерине Ивановне муж твой кланяется пиши Катерина ко мне про свое здоровье и про детей

А я твоего здоровья слышать желаю на всякой час и как я поехал с Москвы и мне о вас посе число грамоток не бывало Детем моим Дарье Ивановне Анне Ивановне мир и благословение и будите покровены десницею вышняго бога на лета многа»

(*Письмо без числа и года*).

Письмо 3

«Моей матушке Федоре Ивановне сын свой Иван благословения твоего просит и рабски челом бью

(На обороте написано: *Государыне моей матушке Федоре Ивановне*)

Здравие твое да сохранил десница вышняго бога на лета многа

Пожалуй матушка прикажи комне писать про свое многолетное здравие а про меня ежели поболит и я на службе в Санкт питер бурхе еще жив

• Упомянут в письме Московского уезда вотчины Григория Урусова села Беседы церкви воскресения Христова поп Козьма Григорьев (ум. после 1719 г.), у которого был сын Маркел.

Пожалуй матушка буди милостива до моей жены и до детей моих а я определен к Федору Матвеевичу Опраксину За сим матушка здравствуй на века.»

(Письмо без числа и года. На обороте письма следы небольшой красновосковой печати.)

Письмо 4

«Другу моему Катерине Ивановне от мужа твоего Ивана челобитье

(На обороте написано: Жене моей Катерине Ивановне)

Здравствуй на множество лет и пиши комне грамотки про свое здоровье и про детей и про свое житье как ты живешь да ищи милости в матушке и ее не гневи а я в Санкт питер бурхе еще жив и ты Катерина ни о чем непечалься молися богу а я к тебе денег пришлю как возьму жалованье Детем моим Дарье да Анне благословение и будите хранимы богом Пишите ко мне грамотки и про бабушкино и материно и прасвое здравие.»

(Письмо без числа и года.)

И несколько слов в дополнение: капитан Ловзин свои письма, вероятно, диктовал какому-то сослуживцу-грамотею, а собственно-ручно лишь дописывал то, что у нас выделено курсивом в тексте писем.

Думается, что эти письма не требуют наших дополнительных комментариев. Из них и так видно, как нелегка была дворянская служба Великому Государю и как немного давала она рядовому армейскому русскому офицеру XVIII столетия.

Оригиналы всех писем написаны на четвертушках бумаги хорошей сохранности. Тексты публикуются по оригиналам с максимальным сохранением стилистического своеобразия документов XVIII в.

Е.А. Ким (Томск)

Томск в 1721 г. глазами иностранцев

С XVIII в., точнее с петровского времени, начинается научное изучение Сибири. Первая экспедиция связана с именем немецкого ученого Даниила Готлиба Мессершмидта, родившегося 16 сентября 1685 г. в городе Данциге. В 21 год он приступил к изучению медицины в Йенском университете, затем через два года был зачислен на медицинский факультет университета в Халле, где особый интерес проявил к медицине, зоологии и ботанике. После окончания университета Д.Г. Мессершмидт получил ученую степень доктора медицины, тема и название диссертации фактически отражают весь последующий путь в науке и жизни немецкого ученого: «О разуме как главенствующем начале всей медицинской науки». Затем он возвращается в свой родной город, где занимается врачебной практикой, продолжает научные изыскания в области медицины, зоологии и ботаники, совершенствует свои знания греческого, латинского и еврейского языков. В эти годы он тесно общается с профессором Иоганом Брейном, основателем широко известного в Европе Музея естественно-исторических коллекций города Данцига.

В 1716 г. Данциг оказался в центре военных действий. Город был осажден и взят русскими войсками. Эта победа и дала возможность возглавлявшему военную кампанию Петру I осмотреть музей И. Брейна. В ходе беседы он спросил ученого, кого бы тот посоветовал ему для собирания естественно-исторических коллекций и основания подобного музея в российской столице. Профес-

сор предложил доктора Д. Мессершмидта. В начале 1718 г. Мессершмидт поступил на русскую службу, а в ноябре того же года с Медицинской коллегией был подписан контракт о научной экспедиции по Сибири и сборе раритетов для Кунсткамеры. Условия контракта – 7 лет и 500 рублей годового оклада – представлялись тогда Мессершмидту весьма привлекательными и выгодными, чему немало способствовали личный интерес в успехе экспедиции самого Петра I.

Все долгие семь лет ученый вел дневники о ходе экспедиционных работ. По сути дела, они являлись отчетным государственным документом, который лично ученому не принадлежал. Дневниковые тетради до февраля 1721 г. позднее были утрачены, остальные записи, касающиеся путешествия вплоть до 1727 г., дошли до нас и хранятся в Архиве Академии наук г. Санкт-Петербурга. До настоящего времени дневники, и научное наследие Д.Г. Мессершмидта не переведены на русский язык, хотя в 60-е гг. прошлого столетия совместными усилиями немецких и тогда еще ленинградских ученых они были изданы Берлинской академией наук¹. В дневниках мы находим сведения о флоре и фауне Сибири, населявших ее народах, полезных ископаемых и т. п., которые привлекались исследователями для научных изысканий на протяжении почти трех столетий. Поворот в исследовательских традициях в XX в. дает возможность рассматривать дневники Д.Г. Мессершмидта в иных смысловых контекстах. К ним можно отнести в первую очередь формирование образа Другого, прослеживающегося на различных уровнях – от описания контактов с местными властями до наблюдений за повседневной жизнью сибирской провинции начала XVIII в.

Осенью 1719 г. доктор Мессершмидт выехал из Москвы в Тобольск с посольством Измайлова в надежде на то, что Блюментрост (глава Медицинской коллегии) сначала разрешит ему поездку в Китай. В Тобольске он познакомился и духовно сблизился с пленными шведскими офицерами. Многие из них были по происхождению немцами либо знали немецкий язык и проявляли интерес к разным областям науки. Некоторые из новых знакомых выразили желание принять участие в экспедиции. Это не случайно. Их объе-

¹ Автор статьи опирался на немецкое издание дневников: *Messerschmidt D.G. Forsolungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Akademie-Verlag-Berlin, 1962–1968. Т. 1–4.*

диняло не просто общее европейское происхождение, но и духовная близость, определявшаяся пиетическими воззрениями на устройство Вселенной и верой в ее научное познание. Так, в состав экспедиции были включены увлеченный историей татар капитан Табберт, рисовальщик Карл Шульман и квартирмейстер Капелль – люди, искренне заинтересованные в успехе экспедиции, что наложило свой отпечаток на ее внутренний климат. Вероятно, это обстоятельство и объясняет особый стиль и содержание дневниковых записей первых двух лет: сотрудничество единомышленников заставляло писать «мы» при фиксации информации и не сосредотачиваться на очевидных трудностях экспедиционного быта.

Мессершмидт приступил к исследованиям уже в Тобольске. Здесь он получил из Петербурга отказ присоединиться к посольству в Китай. Ему недвусмысленно напомнили, что его задачей является прежде всего изучение природных богатств России, а не чужой страны. Ученому ничего не оставалось, как следовать намеченной программе путешествия. 1 марта члены экспедиции отправились в путь через Тару и Барабинские степи к Томску, и ровно через месяц путешественники прибыли в юрты зуштинских татар, расположенные напротив Томска, едва успев до вскрытия рек. Дальнейшее продвижение становилось невозможным, и Мессершмидт задержался в городе до начала навигации, а капитан Табберт – до конца ноября (он же весь этот период вел дневник).

Дневниковые записи о Томске и его окрестностях представляют собой синхронный срез исторической ситуации, точно привязанной ко времени и месту, и в этом, на наш взгляд, заключается их исключительность в плане проникновения в другую эпоху, в процесс познания Другого.

Знакомство с городом началось с установления контактов с местной администрацией. Утром 30 марта в город был отправлен квартирмейстер Капелль с ордером из Тобольска. Он должен был доложить о приезде доктора Мессершмидта и «подготовить квартиру». Квартира была расценена как «удобная», но с некоторой досадой отмечается отсутствие отдельных «Gornizen» для Мессершмидта и Табберта. Правда, воевода обещал Капеллю выделить еще одну на следующий день, если доктор «в письменной форме изложит свои пожелания». На выполнение всех необходимых формаль-

ностей ушел весь день. Вечером с большим трудом, по фактически уже растаявшему санному пути, участники экспедиции добрались до города. Трудности переезда дополнились двумя печальными обстоятельствами – путешественники стали свидетелями пожара, уничтожившего дом шведских пленных, и узнали о смерти «доброего христианина» пастора Остерберга².

На другой день «господин воевода прислал к господину доктору шведского корнета по имени Жорист и приказал передать ему наилучшие пожелания в связи с приездом, извиниться за то, что квартира не соответствует желанию господина доктора. И что здесь в столь дурном месте не найти хорошего дома. ... Также господин воевода просил сказать, что его долг снабжать кухню господина доктора продуктами, но так как сейчас пост и трудности с мясом и он не знает, любитель ли господин доктор рыбы или мяса, то по этой причине произошла задержка. Господин доктор, подумав, сказал – если господин воевода хочет оказать помощь в этом вопросе, то он ест с большим удовольствием мясо и дичь, чем рыбу. После этого корнет распрощался»³.

Обещания были исполнены сразу же. «1 апреля (суббота) господин воевода послал на кухню господина доктора некоторые продукты, а именно 10 штук изысканного хлеба, несколько ведер ячменного пива, партию тетеревов и прочее. Господин доктор выразил признательность и сказал, что он охотно посетил бы господина воеводу, но так как он не имеет экипажа и лошадей, а идти очень грязно, то он приносит извинения, но не мог бы он их получить, чтобы нанести визит господину воеводе. После этого господин воевода еще раз послал в этот день корнета Жориста и передал через него, что приглашает господина доктора отобедать и вышлет карету и лошадей, чтобы его встретить». «На другой день, 2 апреля, когда он прислал господину доктору лошадей с каретой и приглашение к обеду, туда последовал и капитан Табберт. Так как был пост, угощали одной рыбой»⁴.

Вероятно, сначала гостеприимство томского воеводы определялось служебными обязанностями, но затем общение становится

² *Messerschmidt D.G. Forsolungsreise... T. 1. S. 83–84.*

³ *Ibid. S. 85.*

⁴ *Ibid. S. 86.*

постоянным, а приглашения на обед – вполне обычным делом. В ходе этих визитов, «помимо всего прочего», велись беседы, интересные для обеих сторон: преимущественно о мире животных и растений, аборигенных народах Томского уезда, о пушном промысле и торговле. Воевода, страстный любитель охоты, демонстрировал Мессершмидту своих соколов и несколько раз приглашал доктора вместе поохотиться на дичь и зайцев, желая доставить ему удовольствие. В свою очередь, доктор отправляет ему лечебный бальзам для больного сокола⁵.

Содействие воеводы, который не только выполнял свой служебный долг, но и проявил личный интерес, очень серьезно помогло Мессершмидту, о чем свидетельствует ряд дневниковых записей. Так 18 апреля «был издан указ по случаю доставки всевозможных редкостей, который был оглашен и вывешен на базарной площади»⁶, а «29 апреля (суббота) было сказано, что господин воевода здесь приказал, чтобы крестьяне и служивые приносили господину доктору различных птиц, зверей, а также другие минеральные вещи, которые они могут достать»⁷. Нужно отметить, что местное население (русские крестьяне, служилые, люди, татары, остяки, пленные шведы) весьма исправно выполняло эту повинность – приносили различные вещи из курганов, языческих остяцких идолов, птиц и зверей, рассказывали о травах и их лечебных свойствах, о том, где можно найти те или иные «минеральные вещи».

Однако были случаи, когда члены экспедиции получали отказ. «Сегодня у господина доктора был фенрих Зоймерн, который вместе с Петром ездил на Обь за курганными вещами. Он рассказал, что видел у дворянина, по имени *Visneveckij*, жившего ранее в Томске, а теперь в остроге Чаусский, искусно сделанного из меди идола, а именно козла, убегающего от льва. Он хотел его купить, однако дворянин назначил за каждый золотник цену в 50 копеек. Но Зоймерн и Петр стали упрекать его, как он может требовать столько за медь, ведь они хотят это купить для господина доктора, который разыскивает всякие диковины для его Величества царя, на это он

⁵ *Messerschmidt D.G. Forsolungsreise... S. 89.*

⁶ *Ibid. S. 90.*

⁷ *Ibid. S. 93.*

ответил, что мог бы и сам отправить это Его Величеству Царю в кунсткамеру»⁸.

Господин воевода лично от себя прислал господину доктору черного аиста, также он содействовал приобретению двух калмыцких свитков и курганных вещей, отправлял к нему крестьян с реки Яи с кусочками железной руды и т. д., обеспечивал участников экспедиции транспортными средствами для выездов за пределы города. Поэтому в записи, связанной с отъездом Мессершмидта, на наш взгляд, отражается не просто выполнение со стороны воеводы своих формальных обязанностей, но и знак дружбы и уважения.

«4 июля господин доктор еще раз посетил господина коменданта и получил от него отписку (свидетельство), что господин доктор ничего от него, кроме железа, не получил. Господин доктор еще раз попросил его подписать бумаги об всем, что он здесь в Томске получил, однако он отказался сделать это. Затем он подарил господину доктору 1 ведро уксуса, полтуши свиного мяса и полфунта чая. После этого господин доктор распрощался с ним и поехал вниз к лодке. Пока шла подготовка к отплытию, туда около 6 часов приехал господин комендант, чтобы посетить господина доктора и пронаблюдать за отплытием. И пробыв там некоторое время, попрощался с господином доктором и отбыл. При прощании господин комендант обещал, что он будет думать о том, как можно раздобыть еще те или иные курганные вещи...»⁹

Итак, капитан Табберт остался в Томске один, как мы уже отмечали до конца ноября 1721 г. За это время он предпринял поездку в Нарым с целью встретиться с господином Белле, возвращавшегося в составе посольства Измайлова из Китая, который вез для доктора раритетные вещи и редкие травы. Еще одной задачей поездки было получение от нарымского воеводы, видимо, редкого и необычного остяцкого шайтана через посредничество майора Борлюта. Табберт приложил максимум усилий для решения этой задачи, так и не достигнув желаемого результата. Воевода даже не показал шайтана, а затем прямо заявил, что уже упаковал его в ящик и собирается отправить князю в Тобольск¹⁰. Капитану ничего не

⁸ *Messerschmidt D.G. Forsolungsreise... S. 110.*

⁹ *Ibid. S. 112–113.*

¹⁰ *Ibid. S. 130–132.*

оставалось, как отправиться в обратный путь. Судя по записям, после своего возвращения Табберт занимался сбором экспедиционных материалов, написанием истории татар и ожидал возможности присоединиться к доктору в Абакане. В этот период сложилось тесное общение с томским воеводой (в частности, он присутствовал на обеде в честь именин его недавно родившегося сына) и пастором Вестадиусом.

В октябре стало известно о приезде нового главы томской администрации. И теперь уже Табберт вынужден был дожидаться того времени, когда тот вступит в должность и даст ему разрешение на поездку. В дневнике капитан аккуратно отмечает все доходившие по этому поводу известия и слухи. Наконец 17 ноября «приехал новый воевода, старый, мрачный человек, должно быть бездетный. Его имя Павел Федорович Загрязский. Старый комендант встретил его в Приказе, затем направился с ним в церковь, после этого все ему показал и, наконец, привел в комендантский дом, где был приготовлен обед...». На следующий день в Томск прибыли воеводы из Енисейска и Иркутска, по всей видимости, для знакомства с П.Ф. Загрязским¹¹.

Впервые в дневнике описываются обстоятельства, связанные с оформлением отъезда. Для нас они интересны одним – многое в успехе экспедиции зависело от личных контактов с местной администрацией. Поэтому смена воеводы сразу перевела контакты с властью на сугубо официальный уровень.

«Сегодня я пошел к новому воеводе, просить о моем отъезде. Он ответил, что я обязан представить доношение о моих просьбах, которое я тут же и составил. Я просил 6 подвод, 3 для вещей господина доктора, одну для себя и по одной для каждого денщика. Прочитав его, он обратился к писарю, чтобы тот нашел тобольский ордер господина доктора и его доношение, а я должен был завтра снова прийти в Приказ»¹².

20 ноября по распоряжению нового воеводы Табберт вновь явился в Приказ. «Когда я к нему пришел, он спросил, зачем я попросил шесть подвод. Я ответил, три я беру для вещей господина доктора, которые он возвратил мне из Кузнецка, которые он из-за трудной дороги через горы не мог взять с собой, одну я беру для

¹¹

¹² *Messerschmidt D.G. Forsolungsreise... S. 145.*

Ibidem.

себя и две для драгунов. Потом он прочитал ордер господина доктора из Тобольска, и после всего этого, он разрешил, чтобы писарь мне все подготовил». На следующий день капитан потратил много сил на получение лошадей и драгунов, но ему давали плохих лошадей, которых он не хотел брать. Чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, Табберт отправился к подъячему и сказал ему «тихо на ухо», если тот ему прикажет дать хороших лошадей, то вознаградит его за усилия. Ордер был получен, и капитан заплатил за услугу 1 гривну и пригласил подъячего в гости (22 ноября)¹³.

На этом фоне, с одной стороны, упоминание полного имени прежнего томского воеводы – Василий Елизарович – не выглядит случайной оговоркой, а с другой – понятной становится его ответная забота об отъезде Табберта: «Я тебя не отпущу, так как может случиться беда. Оставайся до тех пор, пока поедет енисейский воевода, он будет делать санный путь... я его попрошу тебе оказывать помощь в дороге от Енисейска до Красноярска. И так будет хорошо, и приходи завтра к обеду, так как он у меня здесь будет...»¹⁴. Таким образом, мы можем констатировать, что среди записей, связанных с властью, в дневниках практически отсутствуют негативные оценки ее действий, но в то же время проговаривается важность установления личных контактов и строгого соблюдения с обеих сторон этикетных норм «благородного общества».

Особенности научного полевого дневника всегда характеризуются присутствием в нем не только сугубо научной информации, обусловленной задачами экспедиции, но и сведениями, казалось бы, прямо к ним не относящимися. Их характер и содержание зависят от самого исследователя, особенностей его личности. Доктор Мессершмидт и его ближайший помощник капитан Табберт относились уже к людям «нового» времени, что проявлялось в стремлении познать окружающий мир во всем его многообразии. Изучение общества, его иерархической структуры логично укладывалось в это представление.

«...Они происходят из разных слоев, таких как: 1. Dworonins (дворянин 'Adliger'), 2. Сын боярский и 3. Служивые, или казаки. Эти три вида являются как бы обычными защитниками или военны-

¹³ *Messerschmidt D.G. Forsolungsreise... S. 146.*

¹⁴ *Ibid. S. 147.*

ми силами всей этой области, однако первые два – это офицеры, а казаки ниже. <NB. Дворян и сынов боярских приблизительно 150, казаков в двух полках конных и пеших приблизительно 1000 человек>. Все эти три вида обязаны в военное и мирное время во всех случаях и событиях исполнять царскую службу, используются посылными, при наказаниях виновных, при всяческих житейских и торговых царских делах, за что они несколько раз в год получают жалованье из царской казны. Также они свободны от всяких сборов и налогов. 4. Не верстанные дети боярские и 5. Казачьи дети, которые также свободны от налогов, но не получают жалованья из царской казны и являются как бы волонтерами и добровольцами. Однако же они должны в исключительных случаях собираться и идти в поход, и из них, при убыли двух первых, отличившихся верстают на их место. 6. Посадские, или нижний слой городских жителей, которые платят налоги деньгами, хлебом и принимают участие и в других сборах. 7. Крестьяне, или деревенские жители и землепашцы, тоже платящие налоги. 8. Ясачные люди, или языческие татары, чьи налоги состоят из шкурок пушных зверей, таких как соболя, лисы, горностаи и белки. И наконец, 9. “Гулящие” люди (или свободные люди) не живут постоянно на одном месте, они могут переходить из одного города в другой. Ежегодно они платят 1 рубль деньгами, и когда показывают свою квитанцию, что заплатили налог, то никто не имеет права с них требовать непосильного и преследовать. Но здесь наблюдается и такой факт, в настоящее время, во-первых, дворяне, сыны боярские и служивые также должны платить пушшиной, что ежегодно в деньгах составляет 8, 9 и до 10 гривен; во-вторых, что среди татар тоже есть немного служивых и казаков, которые получают жалованье; и, в-третьих, что “гулящих” задерживают, чтобы закрепить их на одном месте; также, в-четвертых, что теперь много казацких детей и не верстанных детей боярских записывают в солдаты, в-пятых, что татарские семьи или волости облагаются налогами, а именно семья в 100 или 50 человек ежегодно должна давать столько-то шкурок. Они умирают, больше их стало или меньше, остается все время столько, сколько сначала по соглашению, поэтому получается так, что все они одновременно налоги не платят.

Основные царские сборы в здешних местах состоят из ясака (налог пушнинаой), или налог шкурами пушных зверей с язычников, или татар. Затем сборы с кабаков, с рыбных промыслов, с соляных озер, с баней в городах, с мельниц и потом, наконец, с торговли в Китае, Монголии или Бухаре, куда продаются все лучшие меха и товары единственно для обогащения царя»¹⁵.

Сбор материалов заставлял Мессершмидта и его спутников постоянно общаться с людьми самой разной социальной, конфессиональной и этнической принадлежности. Поэтому закономерно, что в дневниках мы находим сведения о повседневной жизни Томска.

Большая часть информации о занятиях жителей Томска и Томского уезда носит отрывочный характер. И все же представляется возможным составить достаточно целостную картину, отражающую переплетение частного хозяйственного интереса и обязанностей, связанных с исполнением государственных повинностей.

Из записей мы узнаем, что были здесь и пашни, и мельницы (на р. Басандайка, на р. Черная речка и на р. Киргизка) и что земледельческий сезон 1721 г. был весьма неблагоприятным. Июньские ночные заморозки наносили вред огородам, летняя засуха вызывала беспокойство у земледельца об урожае, поздней осенью пожары в степи дошли почти до Томска¹⁶.

В дневниках есть описание рыбных промыслов на р. Оби, упоминание об остяках, которые перетапливали рыбий жир. «Что касается реки Оби, то это очень богатая рыбой река, так между устьем Томи и Николаевским стоят постоянно день и ночь свыше 20 сетей. И всегда, когда их поднимают, вылавливают множество рыбы, такой как осетр, белуга, муксун, щука и др. ... Все рыбные промыслы, о которых сообщалось выше, принадлежат городу Томску и приносят ежегодно налогов в размере 250 рублей. Заинтересованные лица, таким образом, разделены, чтобы две партии ловили на одном месте, одни – днем, другие – ночью, и с каждой сетью управляются и владеют 24–25 человек, и длина сети 250–300 сажень. Каждая сеть ежегодно приносит ее владельцам от 200 до 250 рублей, из этого половину получают рабочие, другую половину владельцы сетей»

¹⁵ *Messerschmidt D.G. Forsolungsreise...* 105–106.

¹⁶ *Ibid.* S. 108, 103–104, 136.

(20 августа). Развито, видимо, было и кожевенное дело. «Сегодня, 17-го (понедельник), пришел струг [струг = 'барка'] из Тобольска, на котором был один татарин, мой знакомый из Тобольска по имени Муса. ...Этот татарин приехал здесь купить кожу, которая должна быть отправлена из Тобольска в Петербург для армейских штанов и камзолов»¹⁷.

Есть ряд записей о кузнечном деле. «Пастор Вестадиус дал капитану Табберту кусок железной руды, который он нашел у источника на р. Ушайка, но он был очень маленький. Также этот пастор сообщил, что крестьяне кругом находят много железной руды, которую они выплавляют без особых усилий и потом употребляют железо для всяких вещей» (16 мая). Помимо прочего, «...Табберт узнал, что в Томске используют «три разновидности железа: уртамское, шегарское и енисейское. Первое самое плохое и используют мало, второе – довольно хорошее и применяется для изготовления всевозможных вещей, енисейское – превосходит по своим качествам все другие, так как крепко, как сталь» (10 июня)¹⁸.

Собирали лекарственные травы. «...Господин пастор Вестадиус сообщил, что они отсюда должны послать в Петербург большую партию зверобоя, о чем пришло распоряжение»¹⁹. Распространен был и так называемый «курганый промысел», весьма рискованный из-за опасности попасть в плен к казахам или даже быть убитым. Но при этом он давал возможность добывать золотые, позолоченные вещи и монеты, которые можно было неплохо продать (записи от 4, 5, 16 апреля)²⁰. Однако кому принадлежали те или иные промыслы, в дневниках не указывается. В тексте присутствует лишь одно известие о некоем крестьянине Григории Белове, на квартире у которого проживал шведский офицер, поведавший капитану Табберту, как тот варит «каменное масло».

«18 июля (вторник) я узнал имя человека, который варит каменное масло. Его зовут Григорий Белов. Швед, который у него квартирует, сказал мне, что он сначала кладет грубую материю на 24 часа в холодную воду, потом воду сливает в горшок с водой.

¹⁷ *Messerschmidt D.G. Forsolungsreise... S. 117.*

¹⁸ *Ibid. S. 98, 107, 109.*

¹⁹ *Ibid. S. 88.*

²⁰ *Ibid. S. 86, 90.*

Когда печь разгорится, он остужает ее наполовину, и потом ставит в нее горшок с водой. Если она с первого раза не загустела, то он ставит ее еще раз в печь. После этого он достает гушину, перекладывает ее с помощью деревянной лопатки на маленькие досточки и оставляет сушиться»²¹.

Сведения о торговых делах эпизодичны и касаются внешних торговых связей с Бухарой и Китаем. 15 апреля «некоторые шведские офицеры обсуждали, когда в этом году пройдут бухарцы в Кузнецк, чтобы там торговать». А 26 июля стало известно, что «бухарцы пришли торговать в Барабу, привели 100 верблюдов и 200 лошадей с товарами, но было сказано, что сюда они в город не придут». Ссылный швед фенрих Зоймерн сообщил, что «те купцы, которые отсюда ездят торговать в Иркутск, сначала едут вверх по реке Оби, где живут ишимцы. Там они покупают горностаев, белок, плохих лис и другую более мелкую пушнину, после этого они едут опять вверх в Кузнецк, здесь они покупают плохих соболей, а также соболиные хвосты и потом едут в Иркутск», а из беседы с воеводой становится известно «о наиболее близкой и удобной дороге в Китай. А именно, они идут с товарами из Оби в Чулым, вверх по течению которого есть две реки Ако-ijus и Кага-ijus, и еще другая река, называется Ugrur; эти реки недалеко от большой реки Енисей (думает, приблизительно 6 или 8 часов), где они по суше едут к Енисею, потом вверх, в сторону Красноярска и таким образом находят через степи ближайший путь в Западный Китай»²².

Из дневников становится понятным, с какими сложностями была сопряжена доставка товаров в европейскую часть России: «Сегодня я обедал у господина Василия Елизаровича, где я нашел... комиссара Николая Грека, который с господином послом Измайловым был в Китае. Он закупил много товаров (особенно шелк) в Китае для двора, но его струги замерзли между Нарымом и Сургутом. Поэтому он пришел сюда с 80 санями и просил в Томске лошадей, чтобы с товарами идти через Барабу»²³.

Живыми “картинками”, дополняющими повседневную жизнь Томска, становятся наблюдения иностранцев за нравами и обычая-

²¹ *Messerschmidt D.G. Forsolungsreise... S. 117.*

²² *Ibid. S. 89, 119, 95, 97-98.*

²³ *Ibid. S. 147.*

ми горожан, хотя им в дневниках отводится слишком мало места (всего 4 упоминания). Скорее всего, эмоциональная окраска заметок и само присутствие их объясняется вполне понятным вниманием путешественников к необычности увиденного.

«Сегодня, 21-го (воскресенье), здесь в городе торжественно встречали Богородицу (Божья Матерь, мать Господа = Мария), которая была принесена с Оби, и люди несли ее до Томска. На четыре недели она останется в городе, и после того как они ей поклонятся, с такой же процессией вернется назад. Ее постоянное место пребывания в большой деревне на Оби, называемой Благовещенское (Maria Verkündigung) или Богородское (Божья Матерь), отсюда 25 старых или 50 новых верст». 1 августа «здесь в городе у русских было крещение на воде, была большая процессия, которую сопровождали казаки верхом»²⁴.

«19 апреля кап[итан] Табберт видел в переулке в городе знатных татарских женщин, верхом, во всем блеске и парадных одеждах. Они были одеты в зеленые и красные штофные ткани, сидели в седле так же хорошо, как мужчины, в руках держали кнуты... ехали тихим шагом, за ними ехало много подлых батрачек в качестве служанок. Они, как сказали, гостили у других татар в деревне»²⁵.

«4 мая (четверг) господин доктор с кап[итаном] Таббертом отправились на прогулку к воде за квартирой господина доктора. Здесь на берегу реки Томи увидели женщину, стоящую у воды, которая стирала льняное платье. Так как отмель для стирки, где она выбивала платье с помощью Waschholz, была навозным ручьем, который стекал прямо в реку из домов, то нас удивил этот способ стирать платье, и нам пришло на ум при этом, насколько ее действия пропорциональны ее стремлению к чистоте»²⁶.

«В этот день кап[итан] Табберт в переулке видел одного русского, который свою жену неизвестно где вытащил из пьяной компании и которую вел с собой. И как он ее всякий раз, пройдя приблизительно 30–40 шагов, останавливал и награждал ужасными ударами. И так как ее дом находился на другом конце города, то она получила по дороге таких ударов 20 или 30, от которых она

²⁴ Messerschmidt D.G. Forsolungsreise... S. 140, 121.

²⁵ Ibid. S. 90.

²⁶ Ibid. S. 94.

временами даже падала на землю. Собралось много зевак и детей, одни кричали «Бей пуше!», другие, однако, «Прекрати!». Чем она провинилась, было неизвестно»²⁷.

Каждый день пребывания в городе приносил и новую информацию, и новые знакомства, но особую атмосферу для путешественников создавало присутствие в Томске значительного числа пленных шведов (в дневнике упоминается порядка 25 фамилий офицеров с воинскими званиями). Они были активными и образованными людьми, проявлявшими живой интерес к окружающему их миру, с удовольствием делились своими знаниями и наблюдениями за время, проведенное в Сибири. В качестве служилых людей они посылались с поручениями в различные города и остроги, использовались в качестве переводчиков; вели оживленную переписку со своими соотечественниками, рассыпанными по сибирскому краю.

Безусловно, постоянное общение с представителями европейской, немецкоязычной культуры сглаживало трудности экспедиционного быта, тоску по родине. Доктор Мессершмидт не чувствует усталости, не сетует на условия или отсутствие жалования, как это будет позже, когда после заключения Ништадского мира все шведы должны были покинуть места ссылки и он остался один.

Для нас представляет несомненный интерес и другой аспект, связанный с пребыванием шведов в Томске. Одной из привычных форм проведения досуга были встречи и беседы в доме воеводы и пастора Вестадиуса. Контакт и взаимопонимание устанавливаются между собеседниками независимо от их этнической или конфессиональной принадлежности, что является отражением тех процессов и изменений в культуре, которые происходили в петровское время в России. В дневниках присутствует целый ряд записей, подтверждающих этот тезис: беседы со старейшим муллой в Томске Ассержендом, встречи и беседы Табберта с художником Ремизовым, его работа над картой со «знающим казаком»²⁸.

Таким образом, придавалось значение прежде всего интеллектуальному общению, дающему новую интересную информацию и пищу для ума. Это становится особенно заметным на фоне других

²⁷

²⁸ *Messerschmidt D.G. Forsolungsreise... S. 103.*
Ibid. S. 91–92, 96.

рассказов о встречах. Еще по дороге от Тобольска до Томска доктор Мессершмидт познакомился с преображенским сержантом Бестужевым. В Томске сержант, правда с пьяной компанией, навещил его, и «общение уже не принесло ему удовольствия». Доля сожаления звучит в записи о «знающем сибирский край фискале Великосельском, который многое может рассказать, но его нужно при этом угостить вином»²⁹.

Личность Мессершмидта наложила свой отпечаток на дневниковые записи, в них не просматривается явной оппозиции «своего / чужого» ни по конфессиональному, ни по социальному признаку, а если она имеет место, то это всегда передача слов информантов. Даже упоминание о социальных коллизиях, например о бунте рекрутов или о непростых отношениях между татарами и русскими, не вносит диссонанс в содержание и стиль текста. Напротив, именно сдержанное, спокойное отношение ученого-путешественника и его спутников к увиденному позволяет и современному исследователю погрузиться в атмосферу жизни сибирского города начала XVIII столетия и почувствовать все ее своеобразие.

²⁹ *Messerschmidt D.G. Forsolungsreise... S. 93.*

М.Л. Бэр (Томск)
«Работа» И.П. Елагина в Уложенной комиссии
1767 г.

Во главе первой широкой организации русского масонства стоял Иван Перфильевич Елагин (1725–1794), «тайный советник, сенатор, ордена Белого Орла кавалер, Главный Дворцовый Канцелярии член, Главный Директор музыки и театра», известный тем, что «во молодых своих летах писал весьма изрядныя стихотворения», и тем, что «его тщаниям Российский театр возведен на степень совершенства»¹.

О «работе»² И.П. Елагина как масона существует единственное личное свидетельство – «Записка», дошедшая до издателей «Русского архива» неоконченной. Но то немногое, что, несмотря на веление мастера³, дошло до опубликования, вызывает большой интерес.

Елагин вступил в братство вольных каменщиков в 1750 г. «с самых юных лет» и поначалу посещал его «с удовольствием». Потом он разочаровался, посчитал свои действия «игрою» и охладел

¹ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб., 1999. С. 44.

² Под «работой» масоны подразумевают любую деятельность, направленную на совершенствование как внутреннего мира человека, так и мира, его окружающего.

³ «Прошу и заклинаю их страшным именем и судом Бога живого, да содержат они предание моё в совершенном таинстве, во знамение чего да будет им знаком познания друг друга *перст гарусов*, на уста возлагаемый. По пресечении же моём за порог смерти от них да присутствующим при том часе отдадутся писания мои на сохранение единому из братьев, которое имя в заглавии сей первой части написано есть [как указывают издатели, в рукописи такого имени указано не было], с тем, чтобы списков никогда не было, и он бы при кончине своей вручил опять единому» (Елагин И.П. Записка // Русский архив. 1864. Вып. I. С. 98).

к масонству, ведь никаких масонских таинств он не узнал и с огорчением подвел итог своим первым шагам в Ордене: «В таком бесплодном упражнении открылась мне токмо та истина, что ни я, ни начальники ложи иного таинства не знают, как разве со степенным видом в открытой ложе шутить, и при торжественной вечери за трапезою несогласным воплем непонятым реветь песни и на счет ближнего хорошим упиваться вином, да начатое Минерве служениеокончится празднеством Бакху»⁴.

Совершенно разочаровавшись, он «спознался с афеистами и деистами» и «стал искать просвещения разума» в книгах «так называемых новых философов и ансиклопедистов»⁵.

Но однажды он понял, что в своем увлечении «вольтерьянством» «дерзнул забыть и веру, в которой родился, и страх Божий, и учение, которое мне при воспитании в училищах преподаваемо было»⁶. И он опять находится в поисках, теперь – успокоения встревоженной совести через беседы «с просвещенными и учеными» руководителями. И что же? К его величайшему удивлению, руководители оказались масонами. То обстоятельство, что люди, от которых он наконец-то услышал авторитетное слово, его успокоившее, «были масонами, да ещё со стажем», привело его к «неудоборешимой загадке» – почему люди, знающие и мудрые, разные по своим убеждениям, одни почитающие Вольтера, другие его «презирающие», все они (да и сам Вольтер) находились в Обществе свободных каменщиков? «Для чего однакож люди вступили и пребывают там, дела которого с ученостью их весьма не сходны?»⁷ Решение этой «загадки» для Елагина лежало в новой мысли о том, что есть что-то объединяющее этих разных людей в общество каменщиков – «нет ли в нем чего-нибудь им, яко знающим, притягательного, а мне, яко невеже, сокровенного?»⁸ «Напоенный сею мыслию» он «иначе» стал посещать ложи и «при том стал искать знакомства с людьми, состарившимися в масонстве и не пропускал почти ни единого из чужестранных братьев, к нам приезжавших»⁹.

⁴ Елагин И.П. Записка. С. 100

⁵ Там же. С. 101.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 102.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Этот новый период в мировоззрении И.П. Елагина относится не позже 60-х гг. XVIII в., потому что в 1772 г. он уже был ревностным и знающим масоном, гроссмейстером русских лож, следовательно, люди, «состарившиеся в масонстве», были, во всяком случае, люди начала царствования Елизаветы, если ещё не времен императрицы Анны¹⁰. Кто они были и что именно узнал от них И.П. Елагин, из «Записки» не видно. Но спустя много лет об этом периоде пребывания в Обществе И.П. Елагин отзовется как о нахождении с «перевязкой на очах, закрывавшей истинный свет»¹¹.

После такого открытия он с новой для себя тщательностью и откровением обратился к масонской литературе и «за безумно истраченные деньги собрал громады писаний», чтобы отыскать среди них истинное масонство. Так было и с И.П. Елагиным, и с кн. Н.В. Репниным, и многими другими. Тем же искательством был занят и Н.И. Новиков. В своей «Записке» И.П. Елагин подводит итог своим исканиям: «Но при всем старании моём, открылась мне только та истина, которую в осторожность всем братьям и предлагаю, что за деньги масонская истина не продается и не покупается ни под каким видом. И понеже она не пишется, то следов ни за пергаменты, ни за тетради, ниже за труды писцов и за приложение великих печатей ничего не платится»¹².

Масоны, которые к тому времени были распространены не только среди иностранцев, находящихся на службе русскому престолу, но и охватили в 50–60-е гг. XVIII в. почти весь аристократический верх, не могли упустить шанс повлиять на развитие общества, какой предоставлен им был Законодательной комиссией 1767–1768 гг. Начало работы Комиссии совпадает, вероятно, со вторым периодом «работы» в масонстве И.П. Елагина, когда, как он признается «братьям» в своей «Записке», «открылся мне несколько тот свет, который при начальном в Орден наш вступлении освобожденным от перевязки очам нашим показуется»¹³.

Рискнем предположить, что одним из лучиков того «света», который открыл глаза Мастеру, был пункт масонской программы

¹⁰ *Пытин А.* Русское масонство до Новикова // Вестник Европы. 1868. № 6. С. 554.

¹¹ *Елагин И.П.* Записка. С. 108.

¹² Там же. С. 104.

¹³ Там же. С. 108.

пути достижения «идеального государства». Этот пункт в условиях России требовал в первую очередь «исправления нравов» общества и неизбежно был связан с вопросом воспитания «новой породы» людей, которые в будущем должны были стать не только опорой, но и проводниками идей Ордена.

Вот только в чем масоны могли видеть источник, дающий им эту «новую породу», и из каких же сословий должны быть набраны «рекруты» для «исправления нравов»? Возможно, их взор обратился в сторону детей. Сословные рамки этого источника, учитывая малочисленность дворянства и закрытость крестьянской общины, не должны были быть весьма широки. Следовательно, на повестку дня встал острый для Российской империи середины XVIII в. вопрос как о создании образовательных учреждений разного уровня, так и об организации системы сиротских домов призрения.

Итак, вполне вероятно, что для достижения своих целей масоны должны были активно использовать трибуну Законодательной комиссии, а затем включиться в работу становления новых органов самоуправления, которым подведомственны, между прочим, вопросы образования и призрения. Исходя из вышесказанного, выступление И.П. Елагина с законопроектом «Об опекунстве» стало для русских масонов важным событием их «работы», в том числе и в Комиссии 1767 г. Этот законопроект, вероятно, должен был содержать одно из решений проблемы в «воспитании новой породы людей».

30 октября 1767 г. на открытии пятьдесят первого заседания Большой комиссии маршал А.И. Бибиков объявил, что депутат от дворянства Пусторжевского уезда Иван Елагин подал мнение «Об опекунстве». Мнение это было им самим прочитано в собрании.

Этот законопроект сейчас, спустя более 200 лет от его создания, можно прочитать благодаря Д.В. Поленову, русскому историку и библиографу, одним из основных трудов которого было издание документов Уложенной комиссии 1767–1768 гг. При издании сборника документов Комиссии мнение «Об опекунстве» уже тогда Д.В. Поленову показалось интересным и достойным внимания и, не ограничиваясь протокольным описанием этого заседания, он вынес выступление И.П. Елагина отдельным Приложением к сборнику документов.

Чтение этого мнения, продолжавшееся около часа, выслушано было всеми присутствовавшими с большим вниманием. Как во вступительной части «Мнения», так и на протяжении всего документа И.П. Елагин обосновывает «полезность» принятия закона об опекунстве в России, который прекратит «бедствия сирот», «не имеющих законного себе покровительства» (п.1)¹⁴, и приводит к тому ряд аргументов. Во-первых, отсутствие закона в деле опеки не позволяет решать вопросы правомерности действий всех заинтересованных сторон. Во-вторых, назрела необходимость назначения опекунов не по обычаю, а по закону и, возможно, это не обязательно должны быть родственники, которые обычно и становились опекунами, плохо исполняющими свои обязанности; «сами вы свидетели, и правительство утвердит моё слово, колико гнусных поползновений к неправильному имений ближнего стяжанию сие горестное сиротство в... родственниках рождало» (п.1). Наконец, особо обращает внимание автор, сама Екатерина «прозорливостью своей... напоминает нам в Большом Наказе п. 428, 429, 430, 431», «что «полезно сделать опекунов» (п. 2). Таким образом, работа над решением вопроса об опекунстве – это, в чем особо пытается убедить депутатов И.П. Елагин, исполнение в первую очередь «наставления» Екатерины.

Следующая мысль, которую автор развивает в своем «Мнении», заключается в том, что хотя опека есть естественное обязательство человека перед человеком, но «нерушимую твердость» ей может придать только гражданский закон, иными словами, И.П. Елагин стремится придать опекунству над детьми должную «законность». В подтверждение этого автор ссылается как на опыт народов Запада, так на российские законы, пытающиеся хоть как-то регулировать предмет опеки. Говоря об европейском опыте в деле опекунства, автор отмечает, что «Англия, Италия, Франция, Немецкая земля, Швеция и Дания, хотя под разнообразными учреждениями, однако все постановления опекунства имеют... Везде правительство печется о благонравном воспитании детей, лишенных во младен-

¹⁴ Далее приведены ссылки на номера параграфов, на которые разбит законопроект, опубликованный в работе: *Поленов Д.В. Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта Нового Уложения: В 3 ч. СПб., 1871. Ч. 2. С. 398–419.*

честве отца, и о отвращении от них всякого притеснения и обид» (п. 5). Законность опекунству в этих странах придает решение суда, которое утверждает опекуна, назначенного родителями в завещании или при отсутствии такового назначает его. Что же касается российского опыта государственного надзора в деле опеки, то тут автор сетует: «У нас сего закона не было», а если и были раньше опекуны «под именем душеприказчиков», то они отличаются от опекунов отсутствием «законности» своей власти, т. к. «они судебным местом, во власти, от умерших родителей над детьми им препорученной, утверждаемы не были» (п. 8).

Существующий на момент прошения (1767 г.) указ 1722 г. об опекунстве касался только «безумных», да и то, по мнению И.П. Елагина, «весьма мало, или почти и никогда исполняем не был», часто вызывал споры среди родственников, т. к. «как в оном точно не объяснено, что под именем безумного законодатель разумел», а это влекло злоупотребления со стороны родственников, которые, «уповая на право наследства своего, иногда неправильно называют родственника своего безумным» (п. 7). Таким образом, имеющиеся высочайшие указы о назначении «прямых опекунов» являются «частными именными указами», а «не государственным положением», т. к. «не может сие на всецелое относиться государство; ибо сколько таких, по пространству отечества нашего разсеянных младенцев бывает, о сиротстве которых и слух до милосердного и попечительного о всех престола нашей всемилостливейшей Матери и Государыни не достигает» (п. 7).

Далее в утверждении мысли о «законности» опеки И.П. Елагин при определении «кто есть опекун» подчеркивает, что «опекун есть тот, кому законом препоручается попечение о чужом имении» (п. 10), а что касается обязательств, которые должен выполнять опекун, то только «законы дают опекуну силу и власть, необходимую к содержанию сих обязательств» (п. 15). Отсутствие закона приводит к отсутствию органа, который на законных, а не по обычаю, основаниях уполномочен бы был определять опекунов, а сейчас для назначения опекуна нужна частная инициатива в виде челобитной, без которой «ни юстиция, ни полиция, ни магистраты, ниже вотчинная коллегия... в сбережение имений, а тем меньше в воспитание детей, по кончине хозяина и отца, не вступаются» (п. 6).

В четвертом, последнем, отделении «Мнения» И.П. Елагин переходит к изложению своего проекта устройства опекунских учреждений в России. Устройство опеки в городах предлагается начать с того, что «полиция иметь должна в каждой части города своего комиссара или офицера, а магистраты – присяжного нотариуса», которым должно быть дано право входить в дом умершего для исполнения его завещания (п. 30). Завещание должно быть тут же объявлено при духовном отце и родственниках, а затем вписано нотариусом в книгу («нарочно для того ему от канцелярии города данную»), за подписью всех присутствующих (п. 31). Завещание читается (если оно есть) и отправляется в правительственное учреждение – магистрат или коллегию, в зависимости от сословной принадлежности сироты (п. 32). В этих правительственных местах должны быть рассмотрены следующие вопросы: не противоречит ли оно порядку наследования, установленному государственным законом, – «духовные должны быть такими, как об них в законах предписано, без развращения порядка в наследии; следственно и затруднения в разборе их правительством быть не может» (п. 32); а также соответствуют ли назначенные по духовной опекуны требованиям данного законопроекта (например, «опекуны должны быть честные, достаточные и добрые хозяева; люди непорочного жития и благонравия отличного, люди степенные, богобоязливые и не менее сорока, а не более шестидесяти пяти лет» (п. 13).

В случае, если назначенный завещанием опекун, «не соответствующий достоинствам опекуна, тогда определяют к ним в помощь от себя (от учреждения. – М.Б.) во всем такого точно, как предписано, который бы... под покровительством правосудия справедливое содержал равновесие между законами и стремлением опекунов, родителями назначенных... придавая им ту же власть, каковая выше (п. 16) мною объявлена» (п. 33). Помимо «действительных» опекунов, определенных родителями в завещании, дополнительно «прибавляются правительством, по мере состояния питомцев, ещё и почетные опекуны – кураторы. Должность их бывает надсматривать над приставленными опекунами, помогать им советами и ходатайствовать за них в случае нужды; чего ради и бывают они из людей знатных» (п. 12).

Ссылаясь на опыт европейских государств, И.П. Елагин предлагает опекаемое имущество передавать по описи, оговаривает размеры «полезных» расходов и вознаграждения за труды опекуна, а также обязывает его после окончания опекуинства дать полный отчет «перед питомцем своим и правосудием».

Что касается дворян, живущих в имениях, то автор полагает видоизменить опекуинское учреждение лишь тем, что там вместо полиции открывают и ведут дела опеки предводители дворянства, которые, «будучи честные и доверенностию от общества одаренные люди, могут удобно взять на себя сие производство и с успехом исполнять оное» (п. 41). Уведомлять предводителя об осиротевшем доме, помимо родственников, должен и священник: «Отец духовный, будучи к умирающему призван, должен усильно настоять, чтоб немедленно к предводителю послано было. Предводитель, получив сие известие, приедет и учинит все то, о чем выше о полицейском комиссаре сказано» (п. 41). Автор законопроекта считает необходимым особо оговорить полномочия священника, чтобы не допустить недобросовестного отношения к сироте со стороны близких родственников.

Особо необходимо отметить сам институт предводительства дворянства, которому поручено нести основную тяжесть учреждения опеки в империи. Ведь это, учитывая время создания законопроекта (1767 г.), ещё очень «молодой» орган самоуправления дворян. И.П. Елагин призывает Екатерину оставить должность предводителя дворянства не только на время выборов депутата в Комиссию, «но видится необходимость бытия их и навсегда», «о сем во многих нам от собратий наших данных наказах упоминается, и о сем просим мы... постановлением закона навсегда бытие сих почтенных предводителей наших утвердиться» (п. 40), и предлагает избирать их или на год, или на три года «как неисчерпаемой мудрости обитающей в душе великой нашей законодательницы заблагорассудится» (п. 40). Далее он оговаривает источники денежного содержания предводителя, т.к. «мы должны содержать его как дети отца, пекущегося об нас» (п. 43). Таким образом, по мнению Елагина, используя уже имеющиеся учреждения на территории империи, можно осуществлять опеку на всем её протяжении, хотя «пространство его меня страшит» (п. 29). Для этого необходимо расши-

рить штат губернской полиции комиссаром [опеки], а в уездах – «узаконить» должность предводителя дворянства, т.к. то короткое время, в которое начали работать предводители у себя в уезде, было уже достаточным, чтобы увидеть положительные стороны этого нововведения, и дворянство его всячески поддерживает.

Необходимо отметить характерную черту этого законопроекта – все содержание сочинения проникнуто мыслью о том, что его «усердие и верность» в решении этого вопроса продиктованы заботой не об управлении имения, исполнения обязательств и т.п. дел, а заботой о том, какое воспитание получит сирота (п. 1). Далее И.П. Елагин призывает депутатов Комиссии «со всеподданническим раболепием испросить» у монархини этот закон, который не меньше других законов империи направлен «к благонравному детей наших воспитанию, к сбережению имений, им принадлежащих, и к удалению от них всякой обиды и притеснения» (п. 2).

Говоря о приоритетах в обязательствах опекуна, автор их перечисляет в следующем порядке: «Первое: попечение о воспитании, благонравии и поведении питомца; второе: управление его имением и рачение о приращении онаго» (п. 15). В определении, кто такой «питомец», И.П. Елагин подчеркивает: «... тот, который с имением своим опекуну препоручается, есть питомец, зависящий воспитанием своим и благонравием от опекуна, именем его распоряжающим» (п. 10). Таким образом, автор призывает по-новому взглянуть на обязанности опекуна, которые раньше связывались в основном с исполнением обязательств в имущественной сфере, а воспитанию питомца не придавалось должного значения.

В свете вышесказанного интересен следующий момент в предлагаемом законопроекте – особые отношения, которые должны были сложиться за время опекунства между питомцем и опекуном. Вот в чем и перед кем, как видится И.П. Елагину, содержится ответственность опекуна по окончании опекунства: за имения и порядок в них он отвечает перед правительством, за воспитание – перед совестью своей, за гражданскую жизнь и поведение отвечает перед отечеством. Для этого все счета должны быть «чисты, верны и доказательны», чтобы «ничего нужного к воспитанию пропущено не было», а гражданская жизнь, старанием опекуна, была направлена на пользу ближнего и отечества (п. 21).

Но мало того, что новый законопроект придает воспитанию большее значение, чем прежде, теперь под контроль опекуна попадает его и гражданская жизнь, в том числе, например, вопрос женитьбы или замужества (п. 20). Интересен аргумент автора на этот счет: правительство по гражданскому обязательству, как отцу, передает ему управление домом и имением, и опекун, «воспитав питомца своего в благонравии, имеет уже почти естественное право отцом его называться» (п. 20). Питомцы, по мнению автора, должны быть «им во всем послушными, почтительными и благодарными, как будто бы они собственные их дети были» (п. 22), «без роптания всему тому, что во время малолетства их опекунами учреждаемо, покоряться, а при достижении совершенного возраста, с благодарным снисхождением принимать за благо все для них сделанное, почитая иногда и добрые намерения благим исполнением» (п. 23).

Подводя итог отношениям, которые должны возникать между опекуном и его питомцем, автор говорит: «Словом, обязательства у них взаимные – один должен благоразумием, попечением и прилежностью, другой снисхождением, признанием и благодарностью. Один властно распоряжает имением, другой распоряжения те за усердие к себе приемлет. Один честностию паче, нежели законом, побуждает, сохраняет, приумножает и защищает имение чужое, другой же, тою же честностию подвигнутый, считает, судит и приемлет свое имение, более чувствию благодарности, нежели строгости следуя. А через сие оба от общества похвалу и славу добродетелям своим приобретают» (п. 24).

Говоря о сословном круге, который должен быть охвачен опекунством, И.П. Елагин делает его очень широким: «Не исключаю я в нем ни одного рода людей, составляющих целое тело отечества нашего, ибо дворяне, купечество, мещане и словом все поколения имеют свои дома, имеют движимые и недвижимые имения, а потому разнообразны договоры, обязательства и сделки; имеют и детей, которые, по необходимому естественному пределу, в нежной юности... без всякого призрения остаются» (п. 1).

Не охваченными по этому пункту остаются только дети крепостных и государственных крестьян. Возможно, это связано как с образом жизни крестьян (наличие общины, которая берет на себя заботу о сиротах), так и с отсутствием «полноценного» имущества

у этого сословия. Хотя далее он говорит: «Опекуны приставляются обыкновенно ко всем малолетним наследникам, не исключая, ни богатого, ни убогого, как для управления их делами, так и для попечения о воспитании их» (п. 14). Ведь главное, по словам автора, в деле опеки – это воспитание своего питомца. Опекун должен стараться, «чтоб питомец его воспитан был в страхе Божьем и благонравии; чтоб он знал приличные природе своей науки; чтоб в юности вперено в него было усердие к службе и любовь к государству и отечеству» (п. 19). В целом автор предлагает очень широкий по своему сословному охвату закон, причем, не оговариваются условия опекунства отдельно для сирот дворян или, например, купцов.

Наконец, решая вопросы учреждения опеки, И.П. Елагин в своем законопроекте затронул вопросы, касающиеся в той или иной степени всего государства. Так, частный, казалось бы, вопрос о назначении опекуна по завещанию повлек за собой общее рассуждение о развитии правовой культуры граждан в решении личных дел. Если родители заранее хотят решить вопрос опекунства для своих детей посредством завещания, то «надлежит всем, помня, что мы смертны, иметь таковые завещания, и оные или писанные своеручно и запечатанные, у себя держать, или повелевать писать при отце духовном и свидетелях» (п. 31). При этом «духовные должны быть таковы, как об них в законах предписано, без развращения порядка в наследии; следственно и затруднения в разборе их правительством быть не может» (п. 32).

Касаясь вопроса об окончании опекунства, которое по проекту должно быть завершено с достижением совершеннолетия питомца в 20 лет (п. 26), автор справедливо замечает, что при этом могут возникнуть спор от неточности в определении лет наследника. Потому что решить такой спор «по нынешним положениям весьма трудно, ибо ни доказывать, ни отвергать почти нечем» (п. 44). Мало у кого найдется записка, сделанная рукою отца о его рождении, «хотя при церквах и записываются рождения и крещения младенцев». Однако и по этим записям по разным причинам справляться почти невозможно, «ибо часто случается, что остающийся малолетний в Петербурге родился и крещен в Сибири, у такой церкви, которая сгорела, и от такого священника, который уже умер».

Для этого автор предлагает «впредь ... брать всем от священников, крестящих младенца, расписку тому младенцу, в которой священник тот именно показать должен год и число рождения, имя и день крещения младенца, и оную написать и подписать своеручно. Сия расписка должна служить навсегда младенцу доказательством и сохранена быть до самого совершенного его возраста. Сие дело не новое, ибо во всех христианских государствах оно делалось и делается» (п. 44). И.П. Елагин убежден в необходимости этого нововведения в России для правильного устройства не только для опекунских, но и других учреждений империи.

Завершая анализ предложенного И.П. Елагиным законопроекта об опекунстве, необходимо отметить, что предлагаемый закон «открывает» новую для своего времени и важную грань опеки – воспитание питомца, которое не менее (а у автора и более) важно, чем ведение имущественных вопросов сироты, ведь перед правительством он ответит только по имущественным делам, а ответственность за воспитание, в котором боязнь не в том, что «много дать», а «чего нужного не пропустить», только перед своей совестью. Таким образом, «душа» питомца находится под контролем не правительства, а опекуна.

Между тем законопроект позволяет прямо вмешиваться в волеизъявление родителя, указанное в завещании при назначении опекуна, и является законным механизмом манипуляции опекой, ведь достаточно объявить, что опекун по завещанию «не соответствует достоинствам опекуна», и уже не он один решает вопросы опекунства, а ему «помогает» особый опекун, имеющий «ту же власть». Предлагаемый законопроект механизм опеки позволяет ввести ещё одного опекуна – «почетного опекуна куратора», если «общирно его имение, торги или промыслы» (п. 12). Такой «почетный опекун» советует и руководит уже не только питомцем, но и самими опекунами.

Таким образом, наблюдения, изложенные выше, позволяют говорить о «Мнении об опекунстве» И.П. Елагина как о хорошо подготовленном и тщательно продуманном законопроекте. В этом смысле необходимо ещё раз обратить внимание на предположение о соотношении развития мысли Магистра с неким «светом», который его озарил. Ведь спустя всего 4 года официально (а де-факто,

может быть, и раньше) И.П. Елагин был назначен Великим провинциальным мастером масонских лож в России. Возникает ряд вопросов. Зачем тайному советнику, сенатору, Директору музыки и театра так необходим этот закон, над которым он, по его словам, работал «долговременно» (п. 2)? Какое «коснулось до него дело» (п. 1), которое так ревностно воспламенило его на работу над этим документом? К каким «другим, не меньше сего полезным представлениям» он имеет «вящую ревность» (п. 45)? Прямого ответа, возможно, и не найти, ведь те буквально крохи эмоций и мотивов, которые звучат в этом выступлении, не позволяют более или менее определенно ответить на эти вопросы.

Но если принять во внимание факт руководства И.П. Елагиным в то время работой масонских лож и официальное выступление в Комиссии с законопроектом об опеке над малолетними сиротами, то можно найти точку соприкосновения этих, казалось бы, не связанных между собой событий, а именно воспитание «новой породы» людей для просвещенного государства. Для этого в работе по воспитанию детей необходимо иметь государственную, императорскую поддержку, чтобы опекунство и, следовательно, самое активное участие в жизни молодого человека выглядело не как частная инициатива, а как государственная политика. Иными словами, этот закон должен был бы выступать мандатом в будущей работе Ордена по воспитанию «новой породы» людей, ведь масоны всегда подчеркивали свою лояльность власти и не желали явно вступать с ней в конфликт.

Общества, подобные масонской организации, всегда стремятся оставлять как можно меньше следов своей деятельности. Дальнейшую судьбу законопроекта И.П. Елагина «Об опекунстве» можно проследить на примере закона «Учреждения для управления губерний» (далее – «Учреждения...»), гл. XVI которого так и называется – «О дворянской опеке и о должности сего места»¹⁵. Одним из ближайших сотрудников Екатерины II при составлении «Учреждений...», по свидетельству С. Иловайского, был граф Я. Сиверс¹⁶, имя кото-

¹⁵ Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1991. Т. 5. С. 207.

¹⁶ Чечулин Н. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в. СПб., 1889. С. 73. А также: Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. С. 169.

рого упоминается среди масонов, представленных в высших государственных учреждениях.

Этот законодательный акт – первое и важнейшее звено в цепи реформ местного управления, проведенных Екатериной II, позволяет выявить степень реализации теоретических изысканий Ордена в повседневную жизнь империи. Анализ этих двух документов показывает прямую «перекличку» в решении ряда проблем.

Так, законопроект «Об опекунстве» в п. 40 «просит» Государыню сохранить новый для того времени институт дворянского предводителя и выбирать его каждые три года. В «ответ» Екатерина в ст. 210 гл. XVI «Учреждений...» не только сохраняет эту должность, но отдает под её начало все дело опеки и «соглашается» с периодичностью избрания предводителя дворянства – 3 года (ст. 211).

Касаюсь вопроса о начале опеки, законопроект в п. 41 среди лиц, долженствующих заявлять об этом (вдовы, родственники сирот, уездный дворянский предводитель), указывает и на приходского священника, которому вменяется в обязанность оповещение опеки в целях защиты прав сирот от «остающихся наследников» в доме. «Учреждения...» в ст. 214 подтверждают это замечание и дают такое право приходскому священнику.

Также эти документы одного мнения о порядке перехода имущества под опеку – составление его описи (п. 41 Законопроекта и ст. 215, 222 «Учреждений...») и обязательной отчетности опекуна в виде письменного погодного отчета как о воспитательной работе, так и о состоянии дел имущества опекаемого (п. 17 Законопроекта и ст. 215, 218, 222 «Учреждений»).

Что касается размера вознаграждения опекунам за их участие в жизни сироты, то законопроект «просит» 2–3 % с годового дохода (п. 13), но из документа непонятно, каждому опекуну или на всех, в то время как «Учреждения...» «щедро» дают 5 % за опеку, независимо от числа опекунов (ст. 222).

Как было указано выше, основной акцент в законопроекте И.П. Елагина сделан на воспитание опекаемого, и потому необходимо подробно остановиться на п. 5 ст. 222 «Учреждений...», в котором речь идет о содержании и воспитании сироты. Екатерина подробно останавливается на этом пункте и прямо обращает

внимание на то, что «малолетний от самой младости поважен был вести жизнь порядочную... и удален бы был от жизни расстраивающей умы, изстребляющей в подчиненных повиновение и от умаляющей почтение ко властям законами определенными». Вероятно, здесь речь идет именно о масонском влиянии на систему образования молодого поколения. Во-первых, вряд ли эти опасения Екатерины были продиктованы недавней пугачевщиной (помним, что год выхода «Учреждений...» – 1775-й – год подавления крестьянских выступлений), т. к. речь в этом пункте идет о воспитании дворянских детей, а дворянство продемонстрировало свою верность во время бунта; во-вторых, сам слог этого предложения «перекликается» с высказыванием Екатерины II о влиянии масонства на умы подданных. Например, статс-секретарь Екатерины А.В. Храповицкий после появления книги А. Радищева отметил в своих записках: «Говорено о книге Радищева: тут рассеяние заразы французской, отвращение от начальства, автор мартинист»¹⁷. А вот отрывок из письма Екатерины к князю М.М. Голицину о посылке детей его в немецкое училище: «Не могу по совести иначе советовать вам как то, чтоб детей ваших не посылать в Немецкие училища, ибо во многих из них теперь ученые разделились на два класса, равно для общества вредные: одни явные безбожники, а другие, лицемерствуя, стараются отклонять умы от участия в делах света, на котором одинакож по воле Божией живем, и упражняют их сновидениями и другими иными нелепостями мартинизма»¹⁸.

Здесь уместно сделать небольшое отступление и отразить замечания М.М. Щербатова на «Учреждения...», касающиеся дворянской опеки: «Дворянская опека учреждается, а закона о опекуне нет». И далее: «Сиротский же суд учреждается, а права опекунства нет, то без того права, что он будет делать? Вот таково не подумавши писать»¹⁹. Возможно, М.М. Щербатов имел в виду то, что законопроект «Об опекунстве» был разработан, но ожидания, которые на

¹⁷ *Афанасьев А.* Николай Иванович Новиков // Библиографические записки. 1858. Т. 1, № 6. С. 176.

¹⁸ *Трефолов Л.* Алексей Петрович Мельгунов, генерал-губернатор Екатерининских времен // Русский архив. 1865. Вып. 9. С. 1138.

¹⁹ *Щербатов М.М.* Неизданные произведения / Под ред. П.Г. Любомирова. М., 1935. С. 97.

него возлагались, не нашли полного отражения в вышедших «Учреждениях...».

Приведенные аргументы говорят в пользу того, что Екатерина, возможно, опасалась некоего влияния именно Ордена. Таким образом, государство уже тогда демонстрирует заботу и опасение в деле контроля над только что нарождающейся регулярной системой воспитания и образования, в которой нуждается как само государство, так и его население. Может быть, именно в этом пункте и не сошлись интересы государства и масонов.

О.Н. Катионов (Новосибирск)
«Сибирь – золотое дно» Федора Соймонова

Федор Иванович Соймонов (1682–1780) был действительным тайным советником, сибирским губернатором, писателем. Он родился в Москве и происходил из старинного дворянского рода. Отец его, Иван Афанасьевич Большой, был стольником, но владел всего 22 дворами крестьян. Тем не менее он дал троим сыновьям вполне приличное по тому времени образование, Федор Иванович до поступления в 1708 г. в Московскую навигацкую школу обладал довольно хорошим знанием латыни. В 1713 г., по окончании Навигацкой школы, произведенный в гардемарины, он был послан для усовершенствования в морском искусстве в Голландию, где и пробыл три года. Возвратившись в Россию, он был пожалован в мичманы и определен на корабль «Ингерманландия», на котором Петр Великий, плавая по Финскому заливу во время войны со Швецией, имел свой вице-адмиральский флаг.

В 1719 г. Ф. Соймонов был командирован для описания Каспийского моря и устья Волги. В 1721 г. опись западного и южного берегов Каспийского моря была закончена, восточный же берег был исследован настолько, насколько этого требовало определение ширины моря. В том же году была составлена карта, которую Петр Великий тогда же отправил в Парижскую академию наук. На берегу Каспийского моря Ф.И. Соймонов пробыл до 1726 г., изредка выезжая в Москву и Санкт-Петербург с донесениями. В течение этого времени бывал в Персидском походе, участвовал во взятии Баку. В 1723 г. им было составлено полное описание Персидского

похода. В 1763 г. Ф.И. Соймонов напечатал в «Ежемесячных сочинениях к пользе и увеселению служащих» записки «Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваниях, яко часть истории Петра Великого». Переведенный в 1727 г. из Астрахани на службу в Балтийский флот, в 1730 г., когда была возобновлена должность прокуроров, он был назначен прокурором в Адмиралтейств-коллегию. В таковой должности Ф. Соймонов пробыл до 1732 г., когда был назначен обер-штер-кригс-комиссаром флота. В 1734 г. участвовал под командой адмирала Гордона в осаде Данцига.

С 1736 г. Ф. Соймонов прикомандировывается для рассмотрения следственных дел помощником к барону Шафирову, заведовавшему Сибирским приказом. В следующем году он выполнял дипломатическую миссию в переговорах с калмыцким ханом Дундуком. В 1738 г. Ф. Соймонов был назначен обер-прокурором Сената с чином генерал-майора, открыл целый ряд упущений и растрат президента адмиралтейств-коллегии Н.Ф. Головина, в лице которого нажил себе ярого врага. В том же году Ф.И. Соймонов издал атлас Балтийского моря под названием «Морской светильник, или Описание Варяжского моря». В следующем году он издал «Экстракт штурманского искусства из наук, принадлежащих к мореплаванью, сочиненный в вопросах и ответах для пользы и безопасности мореплавателей».

Назначенный генерал-кригс-комиссаром в Адмиралтейств-коллегию с предоставлением права «поступать ему в коллегии яко вице-президенту», Ф.И. Соймонов произвел тщательную ревизию военным судам и кронштадтским крепостям, а также занимался исследованием фарватеров и составил планы и карты берегов. В 1740 г. он подал обширное предложение о необходимости реформ на флоте. Обвиненный в соучастии в заговоре Артемия Волынского, он был приговорен Указом от 7 июля 1740 г. к смертной казни, которая манифестом императрицы была заменена наказанием кнутом с вырыванием ноздрей и ссылкой в Сибирь в вечную каторгу.

Ф.И. Соймонов был сослан в Охотск, близ которого находился завод для выварки соли из морской воды, начавший производство в 1735 г. На этом заводе он и работал вместе с прокурором Скорняковым-Писаревым и генерал-полицмейстером Санкт-Петербурга Антоном Девиером, которые были сосланы Бироном. Указом от

14 марта 1742 г. Ф.И. Соймонов был прощен. По получении прощения он, «не допущенный ни к военной, ни к гражданской службе», остался жить в Охотском порту, где впоследствии ему было разрешено поступить на службу во флот. До 1753 г. в биографии Ф.И. Соймонова пробел. В 1753 г. сибирский губернатор (из моряков) Василий Алексеевич Мятлев поручил Соймонову отправиться в Нерчинск, чтобы он исследовал фарватер Шилки и Амура, построил несколько ботов и разведал путь к Амуру. Ф.И. Соймонов выполнил поручение, составив подробные планы и описав берега с большой точностью. Сверх поручения ему удалось измерить устья Аргуни и Шилки и их фарватеры. На доклад В.А. Мятлева о трудах императрица Елизавета Петровна Указом от 14 марта 1757 г. ответила пожалованием «обретающегося в команде генерал-поручика Мятлева при направлении комиссией Федора Соймонова в тайные советники и в Сибирь в губернаторы с жалованием по 2 тыс. рублей в год».

Вступив в должность сибирского губернатора в Тобольске, Ф.И. Соймонов показал себя талантливым администратором. Из дел Ф.И. Соймонова видно, что он открыл в Охотске школу, приказал построить несколько новых судов на озере Байкал, соорудить маяк и гавань при Посольском монастыре на Байкале. По его инициативе был уничтожен Анадырский острог, который разорял инородцев, поставлявших в него провиант. В 1763 г. он был уволен от должности сибирского губернатора и по прибытии в Москву назначен сенатором в Сенатскую контору. После разделения Сената на департаменты Федор Иванович поступил в пятый департамент, где и был до 1766 г.

Ф.И. Соймонов был уволен с чином действительного тайного советника и с пенсией и прожил еще 14 лет. Умер он 11 июля 1780 г. Погребен в Высоцком мужском монастыре в двух верстах от Серпухова, где находились пожалованные Соймоновым земли.

Всего Ф.И. Соймонов опубликовал шесть работ, в их числе «Сибирь – золотое дно» в «Ежемесячных сочинениях 1761 г.» Осталась неоконченной рукопись «История Петра Великого». Н.И. Новиков говорил о Соймонове как о «муже ученом и искусном в латинском, немецком и голландском языках, также в астрономии, физике и других науках».

Ф.И. Соймонов располагал к себе мягкостью и прямою характером, а также и справедливостью – качеством необходимым, но очень редко встречающимся у администраторов того времени. В бытность сибирским губернатором он был любим сибиряками как человек, понимавший их интересы и хорошо знакомый с ними. Соймонов работал от ранней зари до поздней ночи. К телесным наказаниям прибегал редко, повторяя фразу: «Я сам испытал, каков кнут».

У Федора Ивановича было три сына и две дочери. Старший сын, Михаил (род. в 1723 г., ум. в 1804 г.), действительный тайный советник и кавалер ордена Андрея Первозванного, был сенатором и главным директором горных и монетных дел. Второй сын, Юрий, – статский советник. Третий, Афанасий, – премьер-майор¹.

Приведенное ниже сочинение Ф.И. Соймонова представляет краткое описание Сибири, впервые опубликованное в 1761 г. С той поры сочинение Ф.И. Соймонова не публиковалось, хотя имеет ценность как мнение о Сибири, шедшее вразрез с бытовавшим среди россиян XVIII в. представлением о нашем крае. Важно, что в сочинении, предназначенном для чтения просвещенной публики, Ф.И. Соймонов создавал позитивный образ Сибири как края богатейшего и перспективного, а не как отдаленного места каторги и ссылки, где царят трескучие морозы, живут варнаки и дикие инородцы. Труд не нуждается в особых пояснениях, поскольку, несмотря на особенности лексики XVIII в., вполне понятен.

*Древняя пословица «Сибирь золотое дно».
Описание сообщенное из Сибири*

Древняя пословица: «Сибирь золотое дно», отчего произошла, о том хотя ни по чему доказать не возможно, однакож за вероятное кажется, что она начала свое восприяла от завоевания Сибири, в которой в тогдашние времена великое изобилие в находящихся во всей Сибири звериных промыслах было, как то из Сибирской истории по многим местам при начале Российского селения явля-

¹ Изложено по: Гребенкин А. Соймонов Федор Иванович // Русский биографический словарь. СПб.: Сменовский – Суворин, 1909. С. 44–48.

ется, и такое в зверях изобилие ясным и бесспорным доказательством засвидетельствоваться может; а паче как потом в исходе прошедшего века в Даурской области в Нерчинском уезде происходящем с Китайцами торге, в великих прибытках изобилывал; а другое и то доказательством служить может, что урез толь многия лета, нельзя сказать, чтоб равное перьвому изобилие было; однакож и великого упадку против прежняго не находится. И потому то кажется, что и пословица толь справедливая о Сибири произошла, не изъясняя о всяком во особенности, но вместо того, чтоб говорить, в Сибири великое богатство, сокращено одним словом во употребление принято: Сибирь золотое дно.

И хотя по толь пространнейшей всей Сибири обширности, о каждом месте в особности, как Географического оной описания. Так каждогож места единого от другаго населения, я сообщить не намерен, потому, что Географическое описание из генерального Российской империи атласа видимо, а о населении потому же из примечанийв семячных в разных местах видеть можно: Но что принадлежит до изобилия, о том едином разделяя все Сибирские места на главные шесть частей, о каждой во особенности во известие представить за надлежащее нахожу, почему без всяких доказательств о древней пословице, что Сибирь золотое дно, всякий без сомнения уверен быгь может; а именно:

Первую часть полагаю я с начала Сибирской губернии, то есть от города Верхотурья чрез Туринск, Тюмень до Тобольска, и в южную сторону находящиеся онаго ведомства дистрикты: Краснослободской и Ялуторовской, Ишимской и Тобольской пригородной. Сии места донныне изобилуют 1) звериными промыслами, лосиными*, лисьими, горносталями. А к Северу в Пелымском уезде, и в четырех ясашных волостях Кошуцких, Кондинских, Козьмодемьянских и Коцких городках до Березовского уезда собольи и белии промыслы бывають довольные. 2) Рыбные ловли во всех тех местах можно по справедливости называть изобильными, а рыба Нельмы, язи и прочая, под именем белых рыб Щуки, Окуня, Чебаки и прочия. А хотя и может быть, как и здешние жители рассуждают, яко бы против прежних лет некоторым излишеством в цене превосходят, однако и нынешния настояция цены за весьма дешевые против всей России почитаться должны. 3) Что же принадле-

жит до хлебопашества и скота, то потому же несравненно противу Российских мест вышеописанные места изобилуют. В доказательство чего могут засвидетельствоваться: ржаная муки временем продается по четыре копейки пуд, а пшеничная по семь копеек, овес по двадцати копеек четверть и ныне покупается. 4) Изобильность же в лесах потому же, не свыше пяти копеек бревно; а дрова рубленые однополянная сажень с поставкою на берег по восьми, по десяти, а не свыше двенадцати копеек сажень бывает. Скотския мяса почти ordinarily одной копейки фунт не превышают.

Вторую часть я полагаю Тобольского уезду чрез Тару, Томск, Красноярск и Енисейск по Енисей реку, в которой части все вышеописанные довольства почти в той же мере состоят, а в рыбной ловле по Оби и около Томска и превосходнее. В сей же части между прочим бывает промысел диких коз и речных бобров, а речные бобры троякие: черные, карие и рыжие. И хотя кожа и шерсть их всем известна, однако о корпусе и о смысле их здесь изъясняется: Корпусом они с большого собачьего щенка, ноги лапками гусиными, хвост голый, и лопаткою на конце шире. О смысле их многие за достоверное уверяют: Бобр хотя и обоюдной зверь, которой может жить и на земле и в воде, однако большею частью живет в береговых норах около воды, их которых и на берег выходит для пропитания, с дерева кору здирает, и в воду для рыбы сходит, для заготовления пищи в зиму. Хотя и не мало удивительно, однако заподлинно уверяю, что и самому видеть случалось, стоящее близ берега дерево осину зубом перегрызает, и с той стороны, чтоб в реку она повалилась, и сколь ни мал зуб онаго, однако я сам видал, что толщиною в избенное бревно, или в толстый заборник, с одной стороны так изгрызает, что токие деревья упасть принуждены, а удивительно тем, что весьма гладко зложено или перегрызено, а промышленники тех бобров уверяют, что он то чинит для двух причин.

Первое: в летнее время ставит с верхней стороны по течению к тем поваленным деревьям прутьики, и так часто, что рыба пройтить не можеь, которую они при той загородке удобнее получить может, а чем укрепляет, того не примечено; только за подлинное же уверяют: Когда человеческою рукою до той загородки тронута будет, тогда будто вся та загородка повалится и разносится.

Второе: во время зимнее, когда то дерево сверху льдом покроеется, тогда он из своей норы, которая всегда в воде зачинается, но тем долее, тем выше строится, и так высоко, что его гнездо со всем выше поверхности речки, и потому зимою в норе в гнезде выше воды пребывание имеет, но по той норе в воду сходит, что всегда делается в некоторой немалой глубине в реку, и потому что тот выход бывает подо льдом, из которого выходя на поваленном осиновом дереве корм получает, и в нору для пищи относит.

Третью часть почитаю я от Тобольска в южную сторону между рек Иртыша и Оби Барабинскую степь и к югу лежащая места по Колыванской и Кузнецкой линии, около которой находящиеся серебряные и золотые рудники и заводы, как ныне изобилуют так и впрямь безсумненную надежду подают. И по справедливости именовать те места золотым дном за приличное почитается, о чем во особом месте показано будет.

Четвертую часть Тобольского ведомства по реке Оби уезды: Березовской, Сургутской, Нарымской и Кетской, в которых хотя хлеба не пашут, но звериными промыслами, соболями, лисицами, оленями, песцами, горносталями, белками, бобрами, в таком изобилии находятся, что по множеству и доброте оных (а паче чернобурых и самых черных лисиц) прочия места не мало превосходят. В той части в Березовском уезде ловля оленей диких странным образом употребляется, то есть: по низким местам, где оленей усмотрят много, ставят на немалом пространстве вехи, на которых навязывают из холстины, или из травы, на веревочках пучки, которые б ветром трогало и от того начала что далее, то уже, оные ставят, а потом и весьма уско сводят, и когда оленей между таких вех прежде в широкое место загоняют, тогда оные побегут вдоль по тем поставленным вехам, е ежели попадут на правой стороне вехи, тогда и сложа вниз вехи, поворачивают влево, а увидя в левой стороне веху, потому же поворачивают вправо; и так от гоняния за ними предержат до уско поставленных вех. А при тех уских вехах уже в готовности бывает по несколько человек с луками, и в таком к ним приближении и множестве, удобнее пространного места, не мало застреливают. Другой лов, уверяют, яко бы следующим порядком употребляю: Подгоняют дворовых оленей в дикое стадо, навязав на оные на рога по несколько веревок, и будто те дворовые олени иг-

рая с дикими, теми веревками за рога диких опутывают, что усмотря хозяин дворовых, диких половить может. Но правда ли то, того я подтвердить не хочу, а кто тому верить хочет тому то оставляю на его соизволение.

Пятую часть я почитаю по восточную сторону от Енисея реки, чрез остроги Каннской и Удинской, и Иркутским уездом до Иркутска, а далее на юг чрез Байкал Озеро, чрез Удинск и Селенгинск до Кяхтинского форпоста, а на восток от пригорода Удинска чрез Еравнинский и Читинский остроги до Даурской области, до Нерчинска, и от Нерчинска чрез 500 верст до устья реки Шилки и Аргуни, то есть до начала Амура реки, и от Аргуне в верх до серебрянях Аргунских заводов. Хотя в тех местах соболиных промыслов, кроме Селенгинских гор называемых Голцами, почти не имеется, однакож в прежние времена до начала XVIII в., по торгу с китайцами на мену великое богатство, а паче золотом и серебром, получасмо было, да и ныне дикими зверями, то есть лисицами, белками, рысями, дикими козами** и изубрями, великим довольством изобилует. Что же принадлежит до хлебопашества, то почти во всех тех местах, не только в русских селениях около Иркутска, и Брацкие иноверцы оное производят, и потому же кроме засушных лет, в которые неурожай бывает, не свыше десяти копеек пуд в покупке бывает***, и скота коров, овец, верблюдов и лошадей потому же великое есть довольство, для которого из Российских городов купцы на мену приезжают, и особливо на простой чай выменивают, по той причине, что всего Нерчинского уезду жители почти все ежедневно чай употребляют, а вместо сахару обыкновенно муку с коровьим маслом жаря в него мешают, что у них затуран называется, а в постные дни с конопляным толченым семенем смешивают. Сие так во обыкновении, что никакого работного человека, ежели чаю не будет, почти нанять не возможно; а самые бедные, кто чаю иметь не в состоянии, то брусничный и серебряной лист вместо чаю употребляют. А тот вымен лошадей и скота хотя по болшшей части происходит на Кяхтинском форпосте, однако немалою частию бывает и на Аргуне, на Цурухайтуевском форпосте, и обыкновенно также на бумажные холсты, которые дабами называются, великое число лошадей и скота выменивают по той причине, что во всем том Нерчинском ведомстве, кроме некоторых заводских крестьян, не знают,

что то гребень и веретено есть, и для того все те дабы или холсты выменивают, и на рубахи употребляют, и временно с такою прибылью, что за пятирублевую лошадь, от десяти до пятнадцати концов той дабы получают; а на деньги такие дабы один кусок покупается по два рубли и свыше, потом на мену за такую лошадь свыше тридцати Рублев получают. Не меньшая того и в рыбных ловлях, как по всем тем рекам, так и в Байкале озере великое множество по сту бочек омулей**** в одной тони получают; а в бочке не менее 600 омулей. А ниже Нерчинска по Шилке до устья к Амуру лов бывает летом великих рыб, называемых колушка*****, от двух и до десяти пудов. Лов то происходит следующим образом: а именно по большей части Тунгусами, которые следят при берегах и когда те рыбы в жаркие дни в верх воды идут, то обыкновенно так высоко, что перо видимо бывает, и потому когда Тунгус оную усмотрит, то немедленно садится в берестенную лодку, и догнав копьем с зазубриною закалывает, а потом и на берег выталкивает, и в таком довольстве, что за два или за три рубли сороковую бочку заполняют, только соль хозяйская. А хлебопашество такое изобильное, как то по самым действительным опытам засвидетельствовано, что в тридцать две меры противу посеву в урожай бывает.

От Иркутска ж на север до Якутского уезду, во-первых Илимской уезд, второе от Верхоленского острогу по Лене вниз до Витима и почти до Олекминского острогу по назначенной реке большими и малыми деревнями Российские поселения находятся, и хотя те, которые ниже Витима к Якутску, хлебопашества почти не имеют, однакож звериными промыслами и рыбными ловлями немалое удовольствие получают, а особлива лучшие и богатейшие соболиные промыслы по рекам Витиму и Олекме производятся, которые соболи из всех Сибирских мест за лучшие и превосходнейшие почитаются; и притом по все тем рекам немалыеж бельи промыслы бывают, которые белка первую под Нерчинскою из всех сибирских белок почитается. Промысел тех белок по большей части плашками, то есть расколоты из чурбанья с посторошкою привады из соленой рыбы, так что два человека около их зимовья во круг верст по десяти и больше тысячи таких плашек ставят, и ежедневно обходят, и белок собирают.

Шестая часть якуцкой уезд, под которым числятся Охотской и Камчатские остроги, в которых хотя хлебопашества и никакого нет; но по своей великой обширности и по множественному числу якутов и других разного именованя инородческих ясашных народов почти со всею Сибирью ясашными зборами сравняться может; и хотя многие разные иноверческие народы под ведением того города состоят; однако я здесь помяну об одном токмо якутском народе: означенные якуты питаются скотом и лошадьми, которых великое довольство имеют, а живут зимою в зимних юртах обыспанных землю, а летом в берестеных юртах. Зверей в той провинции есть великое множество лисиц и белок, а к морю белых и голубых песцов. Рыб разных родов великое множество; из плодов смородина, морошка, брусница, голубица; ясак платят разными зверями, на платье за неимением овец, употребляют лошадиные и коровьи кожи с шерстью*****. А хотя вышеописанный Якутской народ, как выше показано, по великому довольству скота и лошадей пропитание имеют мясами, молоком и маслом: однакож немалая часть из оных, а паче которые в северной стороне того уезда обитают, питаются сосною и лиственничною корою. А употребление того следующим образом происходит: 1) Которые из них позапаснее других, те сосновую кору здирают в летние времена, а высуша берегут, 2) Потом изломав, или истолча, кладут в воду в горшок, и варят, от того вода покраснеет, и некоторыя сиольные частицы в себя приемлет, 3) Кто имеет молоко, такой в дву и триведерный горшок вливает, например полкружки, а неимеющие молока и без онаго, разливая в берестеные чаши пьют, 4) А незапасные свежим довольствуются, втаща в юрту ежедневно сосновой или лиственничной чурбан, во первых толстую красную кору стешут; а потом что Белого на дереве останется, то соскабливают, искроша как шинкованную капусту, потому же в горшок кладут и варят, и употребляют, и так целую зиму тем питаются, а по наступлении весны то уже оставляют, и питаются птицами, которых ловят силками, в чем Якуты великие мастера.

К якутскому же ведомству еще и сие присовокупляется; на устье реки Лены по обе стороны, к западу до Хатанской губы, а на восток до Индимерки, а может быть и до Колымы рек, обитают российские под именем промышленных, из давних лет, из коих неко-

торые и породились там. А промысел их в том состоит, что промышляют великое число песцов и оленей и проезжающим Российским купцам променивают, не на деньги, но на потребные им вещи, то есть: на холст, на рубашки, на сукна, на платье, на табак и протчее. Жительство имеют в построенном из наносного лесу зимовьях, питаются зимою рыбами сырыми, которые стрыганиною называют, то есть: всякую мерзлую рыбу стружат, и то не только для довольствия в пищу, но как за лучший конфект почитают; и в летнее время всех тех трудных пропитаниев избавляются тем, что по великому множеству птиц собирают их яйца, и кладут в земляные ямы, которые вместо ледяных погребов им служат, а притом великого множества диких птиц во время их линяния разными манерами ловят, и оными питаются. Сверх того во времена ж летния и осенния при переправах оленьих великое число их, догоняя в берестеных лодках, колют, и как кожи для одежды, так и мяса для пищи получают.

К сей же части я причисляю те места, которые от Якутска к востоку находятся, то есть: во первых Охотской острог с протчими подчиненными ему острогами, а притом Камчатские и Анадырской остроги, в коих ведомстве живут разных родов иноверцы ясашные с которых ясак собирается, по большей части мякою рухлядью соболями и лисицами называемыми огневками, которые всех по Сибири лисиц превосходят. На Камчатке же, кроме воинских команд, как Камчатские обыватели, так и приезжие из Российских городов из купечества и протчих чинов называемые промышленные, вместо хлеба питаются рыбою, которой там превеликое множество, добротою, вкусом и сытостью всех рыб превосходящее*****, так что лучше желать невозможно. Оную рыбу русские и камчадалы копчением приготавливают и обыкновенно запасают, метая их в земляную яму, где оная згниет и провоняет, потом в пищу зимою употребляют. У тех же промышленников из нижняго Камчатского острогу промысел бывает на восточных островах бобровой, которой за богатый почитается. Промыслы ж бобровые отправляются следующим образом: строят морское судно около нижняго Камчатского острогу на Камчатке реке, а людей почти обыкновенно на них бывает от сорока до пятидесяти человек, половина русских, а другая из Камчадалов. По постройке и вооружении судна обыкновен-

но отходят на целую зиму на Командорской остров, лежащий от Камчатки к востоку, около четырехсот верст, на котором запасаются кормом, бив и ловя морских котов, сивучей, тюленей и протчих зверей морских, не имея хлеба кроме самого малого числа муки ржаной, и то для одного квасу. Отходят на восточные острова, и возвращаются не ранее году, и иногда и двух. И тако промыслы бобровые бывают весьма богатые, как то в 1760 году случилось, что на каждого работника, или на пай, досталось по сту по осьми бобров; а по пятидесят и по шестидесят, то почти ordinarily. Из той прибыли от каждого пая половину получает хозяин судна, а другую работник; и потому можно сей промысел почитать за весьма богатый, что на сорок паев пришло на каждый по сту по осьми, итого четыре тысячи три ста двадцать бобров цене Камчатской по двадцати рублей бобр, на восемьдесят тысяч Рублев, а по Кяхтинской может быть вдвое и больше. Из таких промышленных об одном я заподлинно уверен, что в Якутск плыл греческого купца работник, а был на Камчатке два года, возвратился с половиною на свой пай с пятьюдесятью четырьмя бобрами, продал в Иркутске, как он называл, дешево, между двадцати и дритцати рублей за один; и то лакомство к богатству принуждает таких людей без хлеба ходить, и все то время питаются мясом одних морских зверей.

И так по всем вышеописанным обстоятельствам можно уверенным быть, что древняя пословица: Сибирь золотое дно, хотя и аллегорическая, во употребление введена была; однакож и по самой истине за приличную почитаться должна, да и в самом деле многия Сибирския места Золотым дном называться по справедливости должны; а именно от изобилия разных минералов, и в том числе серебра и золота.

И хотя некоторые к размножению оных и препятствия были, однако ж ныне по высокоmaterнему щедрому Ея Императорского Величества к распространению российских интересов попечению, а по усерднейшим и ревностнейшим правителей тамошних стараниям, в надежде божией в том благословения несумненно ожидать должно, что со временем великое богатство оттуда получать будем. И потому то осмеливаюся сказать, что древняя пословица о Сибири, что она имеет золотое дно, по справедливости введена во употребление.

Примечания Ф.И. Соймонова

*Лосиные промыслы бывают разным образом: 1) травят собаками, которые их останавливают, а промышленные подошед убивают; 2) приметят дорожку или тропинку, по которой оные ходят из лесу к воде; на той дорожке, первое по сторонам ставят луки с ниткою через ту дорожку, и которой лось ту нитку тронет, то лук стрелит, и тем убивает; 3) по тем же тропинкам вырывают ямы уския, и настилают хворостом тонким, и сверх онаго застилают травюю, и зверь идя к воде, а паче по ночам, в те ямы проваливается, где онаго убивают, и получают.

**В 1753 году, в одной деревне, от Нерчинска в 25 верстах, двадцатью пятью человеками в один день и в один огород загнано 4027 коз.

***Кроме засушных времен, как то в 1755 и 1756 годах, в Нерчинском уезде в некоторых местах в 32 меры противу семян урожай был, а от 20 до 25 мер, того и очень много, но в засушной год великий неурожай бывает, напротив того в такие времена садка на озерах соли в великом довольстве бывает.

****Омуль точно Российская лодуга, а временем между тем и сигов довольно.

*****Видом почти Белуга Волская, точию телом и вкусом больше на осетра, нежели на белугу похожа.

***** Всех зборных ясашных мест считается 54.

*****Рыб разных пород: первая Кета, величиною и видом противу Архангельскогородских семг, другая Нярка по больше сельдей, третья Горбуша наподобие леща, но все тело имеет красное, и вкусное и сытное. Лов бывает в июле и августе месяцах, когда зная из моря в великом множестве в реки на пресную воду входит, то все тамошние жители запасают для себя и для собак в одно то время на весь год, а по большей части для прочности коптят в копильнях, а жир заготавливают вместо масла.

¹ Сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., 1761. Ч. 2. Ноябрь. С. 449-467.

Е.В. Комлева (Институт истории СО РАН)
«Доношение о уменьшении членов»
Енисейского провинциального магистрата –
памятник городского самоуправления XVIII в.

Сохранившееся в РГАДА «Доношение о уменьшении в Енисейском магистрате за изнеможением тамошнего купечества членов» Енисейского провинциального магистрата – интересный исторический памятник, никогда прежде не использовавшийся исследователями. Между тем он дает возможность почерпнуть сведения о численности податного населения Енисейска в середине XVIII в., материальном достатке местных купцов, числе и характере возложенных на горожан государственных служб и об отношении купцов к занятию выборных должностей в органах городского самоуправления.

«Доношение» было написано в период наибольшего расцвета Енисейска, приходившегося на середину XVIII в., когда он был одним из крупнейших городов не только Сибири, но и всей России. По числу посадских Енисейск тогда занимал 9–10-е место в стране и стоял впереди других сибирских городов¹. В Енисейске встречались и обменивались товарами купцы из Западной и Восточной Сибири². Тем не менее это не помешало енисейским купцам пожаловаться в «Доношении» на малочисленность горожан и скудость своей жизни.

Как видно из первой части нижеприведенного документа, «Доношению» предшествовала просьба бывшего тогда бургомистром енисейского купца Ивана Дементьева освободить его от занимае-

¹ История Сибири. Т. 2. Л., 1968. С. 271.

² Гакман И.Ф. Пространственное землеописание Российского государства. СПб., 1787. С. 263.

мой должности. Вообще, Енисейский провинциальный магистрат подчинялся непосредственно Тобольскому губернскому магистрату, а Главный магистрат был уже следующей инстанцией. Однако как просьба И. Дементьева, так и само «Доношение» были адресованы напрямую в Петербург. Видимо, вопросы, связанные с численным укомплектованием магистратов, могли решаться только на высшем уровне. По данной магистратам инструкции Енисейск попадал во второй разряд городов, в котором штат магистрата должен был состоять из одного президента, двух бургомистров и четырех ратманов. Причем все эти должности должны были занимать представители купечества, способные нести в случае необходимости материальную ответственность перед правительством³. С 1740-х гг. выборная служба в магистратах была признана бессрочной, и, несмотря на возраставшее на местах недовольство, Главный магистрат не шел на повсеместное ограничение ее сроков⁴. Удовлетворение просьбы И. Дементьева вызвало необходимость проведения среди местного купечества выборов нового бургомистра. Последовавшее замешательство повлекло написание и отправку в Петербург «Доношения о уменьшении в Енисейском магистрате членов», в котором местное купечество просило власти отменить должности одного бургомистра и одного ратмана.

Впрочем, «Доношение» не возымело никакого действия: пролежав в Главном магистрате 24 года без всякой резолюции, в 1784 г. оно было сдано в архив «за давностью лет»⁵.

Что касается И. Дементьева, то в 1776 г. он снова обратился к императрице с просьбой освободить его от должности. На этот раз он служил в Енисейском магистрате уже президентом, которым был выбран в 1763 г., а с 1769 г. стал еще и городским головой. Как причина просьбы об увольнении от должности выдвигалось указание на невозможность сочетать общественное служение с занятием коммерцией, от чего И. Дементьев «понес в капитале крайний упадок», т. к. после раздела имущества со своими братьями у него не осталось никаких помощников для ведения торговли. К

³ Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. М., 1999. С.229–330.

⁴ Там же. С. 243.

⁵ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 10083. Л. 4.

своему прошению И. Дементьев приложил аттестат, данный ему собранием енисейских купцов и мещан. В этом документе отмечалось, что в служении он «находился и ныне находится добропорядочно и по касающимся делам обид и налогов и притеснения никому нет так равно и противных поступок за ним нами не присмотрено, и состояния он честного и безпорочного»⁶. К сожалению, у нас нет сведений о том, как на этот раз отреагировали на его просьбу центральные власти. Неизвестно также и то, кто стал служить вторым бургомистром в Енисейском провинциальном магистрате с 1760 г.: может быть, им все же остался И. Дементьев вплоть до 1763 г., когда был избран президентом.

В «Доношении» приводятся данные о численности местного населения по второй ревизии (1744–1745 гг.) и в самом начале 1760 г. Вообще, вопрос о числе проживавших в Енисейске в то время людей достаточно сложен – в литературе нет какой-либо устоявшейся цифры, а расхождения между данными, приводимыми различными авторами, достигают больших величин (см. таблицу).

Наиболее полные данные о численности податных категорий населения, проживавшего в Енисейске в середине XVIII в., представлены в работе Г.Ф. Быкони (см. таблицу). Однако приводимые им цифры подчас сильно отличаются от данных других исследователей. Столь значительные расхождения можно отчасти объяснить разными первоисточниками, из которых черпали информацию авторы, хотя некоторые из них обращались к одним и тем же документам. Так, Г.Ф. Быконя основывался на ревизских сказках и делах о присяге императору Иоанну Антоновичу, П.А. Словцов – на ревизских сказках, М.Ф. Кривошапкин – на ответах екатерининской Уложенной комиссии выборного от Енисейска купца С.А. Самойлова, А.А. Кизеветтер – на ревизских сказках и материалах Комиссии о коммерции. В.М. Кабузан и С.М. Троицкий использовали подробные поуездные ревизские данные, а также материалы клировых ведомостей церковного учета, ведомости Военной коллегии о численности гарнизонных войск в городах и Ведомости о числе душ по городам, составленной в ходе третьей ревизии. Однако В.М. Кабузан и С.М. Троицкий сделали оговорку, что учитывали

⁶ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 19080. Л. 1–4.

население сибирских городов вместе с пригородами. Д.Я. Резун, В.А. Скубневский и В.Н. Разгон подсчеты производили по материалам Комиссии о коммерции, но первые два исследователя основывались только на одном документе – реестре о численности купечества, а В.Н. Разгон привлек еще материалы, дополняющие и уточняющие этот перечень, так что приводимые им числа можно считать более точными.

По всей видимости, данные А.А. Кизеветтера, так же как В.М. Кабузана и С.М. Троицкого, включали в себя население не только самого Енисейска, но и близлежащих деревень. В пользу этого говорит, в

Данные о численности населения Енисейска в 1740-х и 1760-х гг.; душ м.п.

Источник	Временной промежуток											
	Вторая ревизия (1744–1745 гг.)					1760-е гг.						
	Купцов	Посадских	Цеховых	Разночинцев	Всего податных	Всего Жителей	Купцов	Посадских	Цеховых	Разночинцев	Всего податных	Всего жителей
«Донοшение»	**	–	–	–	1138	–	–	–	–	–	814	–
М.Ф. Кривошапкин	–	–	–	–	–	–	1425	–	294	548	–	–
П.А. Слоцов	–	–	–	–	–	–	160	3000	400	–	–	4000
А.А. Кизеветтер	–	–	286	–	3347	–	–	–	0	–	1238	–
В.М. Кабузан, С.М. Троицкий	–	3347	–	678	4025	4075***	–	–	–	–	–	–
Г.Ф. Быконя	1136	289	683	2166****	2471	–	1144	235	625	2004	2218	–
Д.Я. Резун, В.А. Скубневский	–	–	–	–	–	–	3013	–	–	–	–	–
В.Н. Разгон	–	–	–	–	–	–	2103	–	–	–	–	–

*Составлено по: РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 10083. Л. 1–3 об.; *Кривошапкин М.Ф.* Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. Т. 1. С. 5; *Слоцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995. С. 402. (Кн. 2. СПб., 1886. С. 70.); *Кизеветтер А.А.* Посадская община России XVIII столетия. М., 1903. С. 103, 164, 168, 417; *Кабузан В.М., Троицкий С.М.* Численность и состав городского населения Сибири в 40–80-х годах XVIII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVIII–XIX вв.). С. 168; *Быконя Г.Ф.* Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981. С. 226; *Резун Д.Я., Скубневский В.А.* Енисейск // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 1. Кн. 2. Новосибирск, 1994. С. 153; *Разгон В.Н.* Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул, 1999. С. 36.

** – означает отсутствие данных в источнике.

*** Без духовенства, о численности которого у авторов не было сведений.

**** С учетом 58 крестьян, проживавших, по данным Г.Ф. Быкони, в Енисейске во время второй ревизии.

частности, и имеющееся в «Доношении» указание на то, что в 1760 г. 1932 души м. п. посадских (видимо, подсчет по второй ревизии) проживали в деревнях⁷. Получается, что в 1740-х гг., согласно «Доношению», в Енисейске и прилегающей к нему сельской местности насчитывалось 3070 душ м.п. посадских, что уже гораздо ближе к числам, указанным А.А. Кизеветтером, В.М. Кабузаном и С.М. Троицким (см. таблицу).

В целом данные по численности податного населения, приводимые в «Доношении», самые низкие (см. таблицу), особенно для 1760-х гг. Так, согласно «Доношению» к 1760 г. податное население Енисейска сократилось примерно на 1,4 % – теперь в нем насчитывалось только 814 душ м. п. податных (вместе с детьми, стариками и «шельмованными»). Однако вряд ли этому можно вполне доверять: в документе подробно расписывается, сколько душ убыло со времени проведения второй ревизии, но почти ничего не сказано о том, сколько прибыло, в частности нет ни слова о естественном приросте населения.

В «Доношении» говорится, что положенных в оклад енисейцев в течение II ревизии насчитывалось 1138 душ м. п. К податным слоям населения сибирских городов в то время относились купцы, посадские, цеховые, разночинцы. Последние, в отличие от разночинцев европейской России, были положены в подушный оклад⁸. Приведенные в «Доношении» данные близки к называемому Г.Ф. Быконой числу купцов и посадских, проживавших в 1740-х гг. в Енисейске. Правда, Г.Ф. Быконя указывает еще на наличие в это время среди податного населения Енисейска таких категорий, как цеховые и разночинцы. Возможно, авторы «Доношения» намеренно занизили приводимые ими данные по численности городского населения, чтобы создать у начальства нужное им впечатление о малочисленности и захудалости местных жителей, якобы выбывавшихся из последних сил на государственных службах.

К сожалению, в «Доношении» не приводятся сведения об общей численности енисейского купечества. Указывается лишь, что в 1760 г.

⁷

Л. 2 об. публикуемого документа.

⁸

Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав городского населения Сибири в 40–80-х годах XVIII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVIII–XIX вв.). Новосибирск, 1968. С. 171.

из местных купцов только 5 человек (видимо, речь идет о владельцах капиталов) считались первостатейными купцами, 25 относились ко второй статье, а все остальные – «самая и сушая подлость, и пропитание свое получают не от торгов, но черно своей работой»⁹. Эти данные, видимо, тоже сильно занижены (см. таблицу).

В «Доношении» также представлены сведения о числе и характере государственных служб, исполнявшихся городским населением в середине XVIII в. Согласно вышеприведенному документу, из проживавших в 1760 г. в Енисейске 814 душ м. п. 699 были годны к несению общественной службы по выбору. Остальные 115 человек либо не подходили по возрасту, либо были «шельмованными», которым запрещалось исполнять какие-либо общественные поручения. Из числа годных к службам горожан около 195 человек уже находились при исполнении различных обязанностей. Впрочем, возможно, что занятых на службах было несколько меньше, поскольку в «Доношении» указывалось, что в 1760 г. из енисейского купечества были выбраны в бурмистры, ларечные и целовальники 96 человек, «которые уже и впредь выбираемы быть имеют без всякой отмены»¹⁰.

Всего в «Доношении» упоминаются 14 различных общественных служб. Наибольшее число горожан (160 человек, что составляло около 82,5 % от числа всех исполнявших государственные службы горожан) были заняты на службах, связанных с казенными сборами. Сюда относились ларечные, целовальники, приставы, счетчики, соляной голова. В органах городского самоуправления (магистрат, земская изба, словесный суд) были задействованы 25 человек (около 12,7 % от числа всех служивших), включая ходоков. Другая группа должностей, исполнявшихся 5 горожанами (2,4 %) была связана со слежением за соблюдением общественного порядка: городничий, сторожа. Наконец, еще 5 человек (2,4 %) занимались распределением и контролем: квартирмейстер, выборные для смотрения запрещенных товаров в торговом ряду, а также для смотрения над кожевенными промышленниками.

⁹ Л. 2 об. публикуемого документа.

¹⁰ Л. 3 публикуемого документа.

Из всех служивших горожан 187 находились в самом Енисейске и уезде, а 8 – в других местах (в китайском караване, Таре, Ямышевской крепости, Красноярске и даже в Иркутске).

Скорее всего, приведенные в «Доношении» данные о числе служивших на государственных службах енисейцев отличаются полнотой, поскольку это было в интересах авторов документа. В таком случае, даже если верить приводимым в «Доношении» сведениям о численности местного населения, получается, что занятые на службах 195 человек составляли только около 27,9 % от числа всех годных к службам мужчин и около 22,7 % от числа всех горожан, а остальные 504 из 699 годных к службе мужчин оставались свободными.

Среди местного купечества примерно 105 человек находились на службе. Из них 9 (8,5 % от числа всех занятых на службах купцов) служили в выборных органах городского самоуправления и 96 (91,5 %) – на должностях, связанных с казенными сборами.

Как уже отмечалось, на наиболее ответственных постах в городском самоуправлении должны были находиться исключительно люди состоятельные, чтобы не подвергать риску материальный интерес казны и горожан. «Доношение» называет только 30 владельцев капиталов достаточно обеспеченными, чтобы занимать соответствующие должности. Деньги нужны были для покрытия в случае нужды недоимок: в «Доношении» говорится, что в 1757 г. с енисейских купцов было взыскано 1547 руб. 13 коп. за недоимки по сборам в Верхиртышских крепостях¹¹. Можно было также попасть и под штраф, как, например, это случилось в 1767 г. с енисейским купцом Иваном Тельных, исполнявшим обязанности городского головы, с которого Енисейской провинциальной канцелярией было взыскано 10 руб. 50 коп. «за непоказание которого числа выболотирован в депутаты из купцов Степан Самойлов»¹².

В целом, конечно, нельзя однозначно оценивать отношение купечества к участию в органах городского самоуправления. Известны случаи, когда купцы стремились занять высокие посты¹³, что

¹¹ Л. 2 об. публикуемого документа.

¹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 11. Д. 160. Л. 506.

¹³ Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984. С. 136.

повышало их авторитет в городском обществе и давало преимущества к ведению своей коммерческой деятельности (например, привилегии в получении откупов, казенных подрядов и пр.). Однако, на наш взгляд, данное «Доношение» Енисейского провинциального магистрата свидетельствует как раз об отрицательном отношении енисейских купцов к исполнению обязанностей в выборных органах городского самоуправления. Купцы рассматривали подобное служение как нанесение урона их материальному состоянию и стремились всячески от него уклониться, вплоть до прошения об отмене некоторых выборных должностей: в данном случае речь шла об исключении из штата магистрата одного ратмана и одного бургомистра. Причем при составлении «Доношения», видимо, не обошлось без искажения реальных данных о численности податного населения Енисейска. Желая получить положительный ответ на свое ходатайство, енисейские купцы, очевидно, сильно занизили приводимые ими сведения о численности как посадских, так и непосредственно купцов.

Ниже приводится текст «Доношения» с сохранением грамматических особенностей памятника. Пунктуация дана согласно современным правилам. В четырех местах слова, которые не удалось прочитать, взяты в квадратные скобки и пропущены.

*По доношению Енисейского магистрата о уменьшении
в Енисейском магистрате за изнеможением тамошнего
купечества членов*

л. 1.

«В главный магистрат из Енисейского провинциального магистрата,

Доношение

в указе Ея Императорского величества из главного магистрата, писанном ноября от 18 759 года, а в Енисейском провинциальном магистрате полученном февраля 18 числа сего 1760 год[а], по прописании во оной здешняго магистрата от бургомистра Ивана Деметъева доношении, написано: велено реченного бургомистра Деметъева, что он, как и в доношении ево значит, к правлению по Енисейскому магистрату дел в бургомистры выбран человек гра-

моте и писать недостаточно знающ, к тому ныне на себя имея с прошлого 758 году тресаточную болезнь, отчего весьма находится нездоров и в превеликой слабости, и да[бы], за умертвием матери ево, имеющейся в городе Енисейске ево дом и пожитки, за состоянием ево при следствии в другом городе, разтощены не были, от производимого в городе Тоболске по доносу купца Верхотурова следствия и отправления по Енисейскому магистрату дел уволить, и ту ево при магистратском правлении и в разных следственных комиссиях в бытность ему Дементьеву и брату ево Василию по их одиначеству, в силу имянного 731 году августа 11 дня указу, за честь в очередь, и для того на место ево, Дементьева, справление по Енисейскому магистрату дел енисейскому купечеству в бургомистры меж себя выбрать ис первостатейных, грамоте и писать и читать умеющего и к магистратскому правлению в силу главного магистрата регламента человека умного, и по выборе, сказав ему в Енисейском магистрате указ, привести к присяге, и что подлинной выбор и присягу прислать в главный магистрат//

л. 1 об.

немедленно. И по силе оного Ея Императорскаго Величества указу и подчиненному в здешнем магистрате определению о выборе, из енисейского купечества между себя к правлению по Енисейскому магистрату дел на место бургомистра Ивана Дементьева за прописанными во оном указе резон в бургомистры ис первостатейных, грамоте читать и писать умеющего и к магистратскому правлению в силу главного магистрата регламента человека умного. По представлении оного с подлинным за руками енисейского купечества выбором при рапорте немедленно в Енисейск к земским делам на общее енисейского купечества при согласовании велено послать и, по силе Ея Императорскаго величества указа, и на оной посланной указ в здешней магистрат от реченных земских дел и от купечества доношением объявлено, по справке де в Енисейску у земских дел состоит пс прошедшей ревизии по городу Енисейску в написании по книгам положенных в подушной оклад 1138. Сверх того, прописных после нынешней ревизии 27, итого городских числится 1165 душ. Ис тех городских взято по наряду 747 году в рекруты, которые по имянному Ея Императорскаго величества указу ис подушнаго окладу выключены, девять, да для отсылки в барнаульс-

кие заводы предъявлен в Енисейскую провинциальную канцелярию и две, сверх того, взято по нарядам 748, 754, 756 и 757^м годов в рекруты тридцать три, послан [в] ссылку по воровству и по церковной татьбе один, умерших после ревизии по 758 год 282, шельмованных, которы[х] в силу указов к службам выбирать не повелено, десять, престарелых и дряхлых, кои выше 70 лет, також и недошедших в указные лета, кои ниже 15 лет, 105, да из оного городского числа к разным Ея Императорскаго величества службам определяется по городу Енисейску и в уездах [...] без изъятия, бес которых пребыть невозможно. А именно://

л. 2

по Енисейской провинциальной канцелярии к соляной продаже по городу Енисейску в головы один, в ларешные один, в целовальники три, да Енисейского уезду во учрежденные десять продаж по два дватцать, к оценке яшашного збору и протчей разных пять, на винокуренной его высоко графского сиятельства Петра Ивановича Шувалова завод для развозу до указных мест вина два, по Енисейскому провинциальному магистрату присутствующих шесть, в приказных служителях по оному магистрату по земской избе и у словеснаго суда восемь, да к разным служениям, а имянно: в кварталмейстеры один, в сторожи в судейскую и подяческую светлицу два, в пристав семь, в земскую избу [...] один, в пристав шесть, за городничего один, в ходоки четыре, для смотрения и караулу в арестантскую и колодникам два, в Енисейской провинциальной магистрат для приему денежной казны в целовальники один, в Енисейскую земскую избу в старосты два, для збору подушных денег в щетки два, для смотрения в торговом ряду различных и [...] продаж два, к словесному суду выборные два, в приставы десять, для смотрения над кожевенными промышленниками два, да особливо во отдаленные от города Енисейска служения, а имянно – в китайской караван в целовальники один, в город Тару три, да в Емышевских крепостях, в Устькаменогорской крепости у приему и продаж вина два, которые поныне еще сюда не возвратились. Итого затем действительно якобы уже свободных составляя уже и то сколько полу [...] по щетам состоит, которых в силу указов и определять к другим службам, не сощитав, не велено, а особливо по соляной продаже и в Tobолское соляное комисарство за ревизованием ще-

тов посылаются, также из одного числа удерживаются по разным следствиям неотлучно, а сверх того и в винности падших и ушедших бес пашпортов, коих и сыскать нигде невозможно, 574 души и об оном остаточном числе по самой сущей справедливости, что достаточных по здешнему городу первостатейных и к службам незадолженных//

л. 2 об.

имеется пять, второй статьи, которые получив свое довольство также от торгу, 25, а остаточное число 544 души сам[а]я и сущая подлость, и пропитание свое получают не от торгов, но черно своей работой, ис которых, кроме деньщиных служб, и не выбираются, да и выбирать их никуда, кроме таковой, ненадежно; а остальные посацкие против ревизионного числа имеют жительство в селе и записаны особо в Енисейском уезде к платежу подушных денег состоит 1932 души, но токмо об оных свидетельством доносили, что пропитание получают они, как и здешнему магистрату небезызвестно, одною черной своею работою и хлебопашеством, и к интересным делам таковых выбирать за совершенною их скудостью всемерно почти неково и поверить никак невозможно, а особливо, по необходимости прошедшаго 757 году в силу губернского магистрата указу, выбраны были лутчие ис тех деревенских посацких в Вверхиртышские крепости к зборам, от которых и последовало взыскание со здешняго купечества немалой Ея Императорскаго величества интерес всего 1547 руб. 13 коп. с половиной, почему уже и неминуемо платить принуждены и платили, от коего платежа уже многие, за всеконечную нищетою и недостаточеству своему, лишились и домов своих, а что ж еще впредь последует ото всех тех служителей, знать не можно, потому что все сюда, как ис Тары, так Кузнецка и Устькаменогорской крепости и поныне не возвратились, чего ради енисейское купечество дать всеконечно не могли прийти в разорение и в крайнюю нищету и не отстать платежа подушных денег впредь, кроме отлучных и отдаленных службах, по городу Енисейску к разным Ея Императорскаго величества службам из остаточного числа, за малоимением доволно перво и второстатейных купцов, выбирать (хотя уже и оставя от очереди, как указами повелено, верстатца между собою) в соблюдение своего купечества, //

л. 3

чтоб во всеконечное и совершенное разорение не прийти, знать уже не могут, а по очередным из земских дел книгам точно окажется, что енисейское купечество не только чтоб в службах очередми считались, но и такие, которые подостаточнее против своей братьи, за малоимением перво и второстатейных купцов, почти из служб в службу выбираются погодно, да сверх того, еще по наряду 759 году взято в рекруты 26 человек, да ис первостатейных в распределении к разным делам, а имянно: по приписанному из Енисейского провинциального магистрата указу в город Иркутск к правлению по Иркутскому магистрату дел в президенты один, к правлению по Красноярской ратуше дел, за подозрением оной ратуши за бургомистра Терского, в бургомистры один, да в нынешней 760 год, по требованиям Енисейской провинциальной канцелярии, выбрано и определено из енисейского ж купечества к приему и отпуску вина и к варению пива и для продажи оных по кабакам в городе и в уезде в бурмистры, в ларешные и в целовальники всего 96 человек, которые уже и впредь выбираемы быть имеют без всякой отмены, да ныне по воспоследующему, присланному из Енисейского провинциального магистрата указу, в силу в нем прописанного от его высокопревосходительства господина тайного советника и сибирского губернатора Федора Ивановича Сойманова¹⁴ ордеру, а во оном указного правительствующаго сената повелению, велено назначить к переселению в Нерчинск с Енисейской провинции посацких и цеховых, не имеющих торгов и ремесел, 1200 душ, которым бы летами не меньше было половину в пятнатцати до пятидесяти лет, в кое число и определено енисейских градских и уездных посацких по числу душ назначить ко оному переселению 810, коих ежели без отмену повелено будет выслать, то уже в Енисейску с уездом тех посацких имеет остатца по наличию таковых, которые б могли действительно очередные службы отправлять//

л. 3 об.

и положенные подати платить, самое малое число – а за взятых в рекруты, тако ж умерших, престарелых и дряхлых принуждены будут уже ниминуемо положенные подати платить оставшие перво и вто-

¹⁴ Ф.И. Соймонов был сибирским губернатором в 1757–1763 гг.

ростатейные купцы, отчего и наивяще произойти могут во всеко-
нечное разорение и отстатие своего купечества, и енисейское купе-
чество оным доношением представляя, просили, хотя по вышепи-
санному из главного магистрата указу в неотменное по оному ис-
полнению и надлежало было вместо вышереченного бургомистра
Дементьева выбрать к правлению по Енисейскому магистрату дел
другово, точию, за вышепрописанным Енисейского купечества
изнеможением, не соизволит ли Енисейской провинциальной маги-
страт, за свидетельствованием о неимуществе енисейского купече-
ства, представить главной команде, чтоб по Енисейскому провин-
циальному магистрату при исправлении магистратских дел быть пре-
зиденту, да при нем одному бургомистру из ратманов, а бургомис-
тра и ратмана отменить, ибо уже из енисейского купечества, как и
выше писано, впредь в магистратские чины выбирать за скудос-
тию, а паче за малоимением грамотных, некого, и ныне, до получе-
ния на оное представление от главной команды указа, выбором
вместо Дементьева в бургомистры удержатца, и, по Ея Император-
скаго величества указу, в Енисейском провинциальном магистрате
определено в главный магистрат представить сим доношением и
притом с почтением в покорности просить, дабы соизволено было
[об] уменьшении по Енисейскому магистрату членов, за означен-
ными енисейского купечества изнеможениями, милостивую резо-
люцию учинить, и о том здешней магистрат наградить, с повеления
Ея Императорского величества указом.

Президент Петр Самойлов

Бургомистр Данило Терхонцов

Ратман Сидор Ступин¹⁵

11 генваря 1760 года

РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 10083. Л. 1–3 об.

Подлинник

¹⁵

К сожалению, нам ничего не известно о судьбе подписавшихся под «Доноше-
нием» людей. В списке енисейских купцов 1776 г. ни они, ни члены их семей
уже не фигурировали (РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 19080. Л. 4–4 об.).

В.В. Шевцов (Томск)
Шампанское губернатора: метод
«насыщенного описания»

В представленном тексте описывается случай, происшедший с поэтом и государственным деятелем Гаврилой Романовичем Державиным (1743–1816) во время его губернаторства в новоучрежденной Олонецкой губернии (декабрь 1784 – октябрь 1785 г.). О себе Державин повествует в третьем лице; «Записки» были надиктованы им уже на склоне лет – в 1811–1813 гг.

«Возвратился из сего путешествия в исходе Сентября¹, скоро после того получил указ о перемещении в Тамбовскую губернию. Но как надобно было Олонецкую так сдать, или к сдаче приготовить, чтобы после, а особливо по недоброжелательству наместника прицепок или взыкания не было; то осмотрел Державин вновь подчиненные Губернскому Правлению места и все, что не исправно, исправил, и как между прочим Приказ Общественного Призрения в особой был зависимости губернатора, то, осматривая оный, заметил в поданной денежной ведомости от помянутого секретаря Грибовского, который отправлял должность казначея, что итоги не верны, то он приказал поверить одному из заседателей, который донес о действительной неверности и явное сумнение в нецелости казны. Он приказал сличить с документами, по которым нашлось, что по определениям, подписанным одним губернатором без советников, выдано денег купцам заимообразно без расписки их в шнуровых книгах 7000 р., то в самом деле недоставало наличных

¹ 18 июля – 13 сентября 1785 г. Державин обследовал уезды Олонецкой губернии.

более 1000 р. Такое открытие потому более важно, что наместник всякими безделицами подыскивался под губернатором, то и легко мог сказать, что он сам похитил деньги, ибо определения на выдачу их подписаны были одною его рукою, а расписок от приемщиков в получении денег не было. При том знал Державин, что в угождение наместника прокурор и стряпчие, да и прочие чины, того и смотрели, чтоб что нибудь на него донести, то и надобно было исправить сей беспорядок так искусно и без канцелярского производства, чтобы зажать рот всем, восхотившим поступить на какое либо шиканство² и ябеду. А потому призвал он к себе Грибовского и лицо на лицо приятельским увещанием извлек из него искреннее признание в трате казенных денег. Он сказал, что проиграл их в карты, ведя игру с вице-губернатором, с губернским прокурором и с Уголовной Палатой председателем, которые были все любимцы наместнику. О розданных купцам деньгах объяснил, что для того подписаны одним губернатором определения, что он у купцов просил денег из занимаемых ими сумм, но как они на то не согласились иначе как взять без расписки, а когда заплатят, то тогда уже расписаться в книгах, что он и сделал, а для того и не подавал к прочим членам к подписке определений, чтоб они при выдаче денег не потребовали к своему усмотрению их расписок в книге. Он велел ему искренне сие признание положить на бумагу в виде письма к губернатору, в котором он, во всех своих шалостях раскаявшись, чистосердечно признался, написал по именам, кому что проиграл. Получив таковую бумагу, Державин тот час пригласил к себе вице-губернатора, и как уже был час 7-й вечера, то его весьма таковое необыкновенное приглашение удивило. Сначала, разговаривая о посторонних материях, губернатор в виде дружеской откровенности объявил ему несчастье, случившееся в Приказе Общественного Призрения, и требовал его совета, что ему делать. Вице-губернатор, услышав сие, принял важный вид, стал вычислять многие свои замечания на счет неосторожности губернаторской, что Грибовский не стоил его доверенности и тому подобное и что надобно с ним поступить по всей строгости закона и со всеми теми,

² Шиканить – «притеснять, придираться, цепляться, привязываться и надоедать или вредить» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1996. Т. 6. С. 632).

кто с ним был соучастник. Тогда губернатор просил его, чтобы он лежащую на столе бумагу прочел, и тогда бы дал ему свой совет, что делать. Вице-губернатор взял письмо и, коль скоро увидел свое имя между игроками, то сначала взбесился, потом оробел и в крайнем замешательстве уехал домой. Того только и надобно, чтобы, увидя себя замешанным, не предпринял каких с его стороны доносов или других шиканов. Тоже сделано с прокурором и с председателем Палаты. Все они перетрусили, кроме, что прокурор зачал было крючками вывертываться и каверзить. Между тем губернатор послал по купцов, которые взяли казенные деньги не расписавшись в книгах, представил им их дурной поступок во всей ясности и сказал, что отошлет он их тотчас в Уголовную Палату, коль скоро не распишутся в книгах. Они то без всякого прекословия исполнили. Тысячу рублей Державин внес свою; книги исправили и ведомости сочинили по документам, как быть им должно. Ко времени присутствия прокурор принес в правление протест, в котором изъяснил, что губернатором был призван в необыкновенное время ночью, где ему показана бумага, в которой умышленно замешан в карточной игре. Советники сего протеста не приняли, сказав, чтоб он сам отдал его губернатору; он и действительно то сделал, но губернатор принял его со смехом, сказав, что он все затевает пустое, что он его никогда к себе не призывал и деньги никакие в приказах не пропадали, в удостоверение чего поручает ему самому освидетельствовать денежную казну и книги по документам. Прокурор удивился, сходил в Приказ и, нашед все в целости и в порядке, возвратился. Губернатор, издрав его протест, возвратил ему как сонную грезу и, приказав подать шампанского, всем тут бывшим и прокурору поднес по рюмке, выпивал сам и отправился в Петербург, оставя благополучно навсегда Олонецкую губернию и не сделав никого несчастливым и не заведя никакого дела»³.

Итак, по словам Державина, ему предстояло приготовить к сдаче вверенную ему Олонецкую губернию, которая находилась под его управлением почти год (декабрь 1784 – октябрь 1785). Работоспособный и укомплектованный штат служащих, исправные финансы и отсутствие замечаний со стороны высшего начальства – вот что

³ Державин Г.Р. Записки 1743–1812 гг. М., 1860. С. 261–263.

могло рекомендовать действительного статского советника Державина перед императрицей и Сенатом для отличия и дальнейшего повышения по службе. Помешать этому могло «недоброжелательство наместника» – генерал-губернатора Олонецкой и Архангельской губерний, генерал-поручика и кавалера Тимофея Ивановича Тутомлина (1740–1809).

Отношения и обязанности генерал-губернатора и губернатора не были четко определены; наместник, окруживший себя в Петрозаводске почти императорскими почестями, потребовал от новоприбывшего губернатора подчинения. Вне службы Державин мирился с «почти несносной гордостью и превозношением» Тутомлина, но когда тот прислал губернатору «новый канцелярский обряд», возмутился, поскольку должен был подчиняться только установлениям и указам императорской власти. Тутомлин, пользуясь поддержкой генерал-прокурора Сената князя Александра Алексеевича Вяземского (между прочим, уличенного Державиным во время службы в Сенате в сокрытии 8 миллионов государственных доходов), настоял, чтобы составленные им законы были обязательны к руководству, о чем было объявлено губернским прокурором. С этого момента между губернатором и наместником началась открытая война, причем большинство петрозаводских чиновников встало на сторону последнего, поскольку Тутомлин присвоил себе право перемещать их и представлять к наградам. Ревизии вверенных Державину присутственных мест, сплетни и доносы, жалобы в Сенат, игнорирование распоряжений губернатора – такую изматывающую тактику избрали противники Державина. Наконец, трехтысячный Петрозаводск был потрясен делом о медведе.

Маленького ручного медвежонка в шутку привел в присутствие заседатель верхнего земского суда, за что был вытолкан вон. В угоду наместнику родился слух, что медведь был посажен на председательское место по приказу губернатора, обмакивал лапу в чернила и подписывал бумаги. Истории был дан ход в Петербурге. Вяземский на собрании Сената кричал: «Вот, милостивцы, как действует наш умница стихотворец: он делает медведей председателями!» Целый месяц Державин вынужден был оправдываться перед Сенатом. «Казалось мне, – писал он в рапорте, – странно и безрассудно (в благословенный и просвещенный век премудро царству-

ющей над нами великой Екатерины), заводить следствие и изыскание о проступке, происшедшим более от незнания службы, от легкомыслия и ветрености, нежели от злого сердца»⁴.

В этих условиях для Державина, ставящего превыше всего идею закона и измотанного чредой необоснованных и нелепых придиорок, вопрос о сдаче губернии был вопросом личной и профессиональной чести. На свою беду и к возможной радости недоброжелателей Державин обнаружил в ведомости приказа общественного призрения крупную недостачу в 8 тысяч рублей: 1 тысяча рублей наличных денег отсутствовала и 7 тысяч было выдано в заем купцам без их расписок в получении.

Это могло послужить основанием для обвинения в хищении. Державин был раздражен. Животрепещущий и извечный для всего российского чиновничества финансовый вопрос оказался в более чем неблагоприятном состоянии. Даже по прошествии почти трех десятилетий («Записки» были составлены в 1811–1813 гг.) бывший «до правды черт» Державин не мог сдержать охвативших его чувств: «...зажать рот всем, восхотевшим поступить на какое-либо шиканство и ябеду» и при этом «искусно и без канцелярского производства».

Виновным в растрате оказался 18-летний казначей приказа общественного призрения Адриан Моисеевич Грибовский (1766–1833), которого Державин сам привез на службу из Петербурга, тем самым ручаясь своим авторитетом за его порядочность. Грибовский был вызван Державиным для получения объяснений. «Приятельским увещеванием», а скорее прямым предъявлением изобличающих документов, Державин получил от Грибовского письменное признание в содеянном. Семь тысяч были выданы купцам при условии, что они распишутся в получении после их возвращения, поскольку Грибовский сам получил от купцов займы (фактически речь идет о взятке за предоставление бессрочной ссуды). Тысяча рублей была проиграна Грибовским в карты вице-губернатору, прокурору и председателю уголовной палаты.

Чтобы не потерять лицо перед законом и его поборниками «в угождение наместника», Державину необходимо было дооформить

⁴ См.: Грот Я.К. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам. СПб., 1880. С. 371–385.

заем и вернуть украденную тысячу. Первая неприятность была следствием оплошности самого губернатора, который из доверия к Грибовскому подписал определение о займе без подтверждения другими чинами и проверки росписей купцов в получении денег. Признание Грибовского отводило подозрение в присвоении денег самим казначеем или привезшим его на службу начальником. Вызванные и сурово отчитанные Державиным купцы «безропотно» подписались в книгах.

Вторая неприятность неожиданно становилась для Державина козырной картой против недоброжелателей-сослуживцев. Игра велась с лицами, которые согласно действующему законодательству⁵ обязаны были искоренять этот порок и которые по вскрытии факта выигрыша казенных денег становились соучастниками растраты. Однако сложность заключалась в том, что тысяча рублей пропала, растратчиком был ставленник Державина, а «любимцы наместника» могли, рассчитывая на его покровительство, отпереться и представить дело в невыгодном для Державина свете. Державин решил выгородить Грибовского и, по его собственным словам, внес свою тысячу рублей в приказ.

Ночью (в семь вечера на севере уже порядочно темно) вице-губернатор был вызван в дом губернатора. Державин завел с невольным гостем беседу о «посторонних материях» и между прочим открылся ему в своем «несчастье», прося совета. Напомним, что в служебной иерархии чин чина почитает, здесь же вышестоящий в растерянности и надежде спрашивал совета у нижестоящего, да еще и принадлежавшего к враждебной партии. Вице-губернатор, конечно, знал, кому проиграны казенные деньги, но не понял из разговора, известно ли об этом Державину. Первая реакция вице-губернатора в ответ на признание и просьбу о помощи была типичной реакцией чиновника, который до выяснения обстоятельств спрятался за букву закона, «принял важный вид» и начал с превосходством поучать допустившего оплошность начальника. Когда же Державин пустил в ход признание Грибовского, вице-губернатор «сначала взбесился» (оказался в глупом положении), «потом оробел» (из обвинителя превратился в обвиняемого) «и в крайнем за-

⁵ Устав благочиния или полицейский. 1782 г. Ст. 67, 215, 257 // Российское законодательство X–XX веков. М., 1987. Т. 5. С. 340, 368, 377–378.

мешательстве (что делать?) уехал домой». Точно так же Державин от души посмеялся над утратившими внешний лоск и пришедшими в смятение прокурором и председателем уголовной палаты.

В «Записках» Державин объяснил эту импровизацию тем, что «любимцы губернатора», увидя себя замешанными, не предприняли доносов, но избежать этого можно было просто внеся деньги за Грибовского, не разыгрывая целого представления с ночными визитами в губернаторский дом. К тому же при ликвидации растраты эти доносы сыграли бы обратную, желательную для Державина роль, так как их ложность показала бы всю необоснованность придирок (в том числе и предшествующих). Вероятно, Державин решил на эту тонкую игру, чтобы заставить чиновников отрицать факт игры: не было игры – не было и долга Грибовского.

Можно сказать, что Державин добился своего – прокурор, как самый опытный в юридических делах, уже в разговоре стал отпираться, а наутро принес протест о его намеренном втягивании в игру. И здесь Державин уже в открытую посмеялся над своими противниками еще раз – в связи с замешательством при обнаружении целостности казны. Оставалось только принять объяснение Державина, что все происшедшее ночью следует воспринимать как «сонную грезу», подобрать клочки разорванного рапорта и выпить шампанского по приказу (!) губернатора. Державин оставил своих недоброжелателей с носом и, опустошив рюмку с напитком победителя, покинул Олонецкую губернию и отправился в Петербург за новым назначением.

Так рассказ Державина выглядит в современной, более развернутой форме, позволяющей приступить к выяснению новых деталей и обстоятельств, которые приближают нас к пониманию текста и его автора.

Почему и каким образом Державин «взнес» тысячу для покрытия недостачи?

В своей непутевой молодости Державин сам был азартным игроком, пристрастившимся к картам под влиянием петербургского (1765–1767 гг.) и московского (1768–1769 гг.) офицерства. Проигравшись и наделав долгов, он стал промышлять шулерским ремеслом: «...спознался с игроками или, лучше, с прикрытыми благопристойными поступками и одеждою разбойниками, у них научил-

ся заговорам, как новичков заводить в игру, подборам карт, подделкам и всяким игрецким мошенничествам»⁶. Иногда Державин проигрывался так, что не на что было не только играть, но и жить. Свое отчаянное нравственное и материальное положение он выразил в стихах «Раскаяние»: «...я в роскошах забав // Испортил уже мой и непорочный нрав, // Испортил, развратил, в тьму скаредств погрузился, // Повеса, мот, буян, картежник очутился; // И вместо, чтоб талант мой в пользу обратил, // Порочной жизнью его я погубил...». После двух с лишним лет такой жизни Державин оставил это опасное ремесло (1770 г.), но не раз еще прибегал к помощи игры, правда уже честной, чтобы поправить свои финансы⁷. Обыгрывая «на хитрости», Державин не раз спасал новичков и неопытных людей от заведомого проигрыша, однако сам он проигрывал только свои и никогда чужие или казенные деньги.

Как в силу своей нелегкой молодости, так и силу текущих материальных обстоятельств Державин не был похож на человека, имеющего привычку и возможность разбрасываться деньгами, пусть даже и из человеколюбивых побуждений. Начав свою службу простым солдатом (1762 г.), по бедности Державин долго ходил в нижних чинах (1763–1772 гг.) и только в возрасте 29 лет (1772 г.) был произведен в офицерский чин гвардии прапорщика. Служба в гвардии обходилась недешево, необходимо было считать каждый рубль и брать займы, чтобы поддерживать требуемый от офицера образ жизни (мундир, карета, съём отдельной квартиры и т.д.). Несмотря на усердие, Державин был обойден наградами за подавление пугачевских мятежников, разоривших его поместье⁸. Всю свою жизнь Державин был рачителен в средствах и даже по завещанию отпустил на волю только нескольких крепостных, пожаловав самому близкому из них – камердинеру – всего 500 рублей⁹.

Отправляясь в Олонецкую губернию в чине действительного статского советника (пожалован за службу в Сенате) и имея в разных деревнях более тысячи крепостных, Державин был обременен долгами. При назначении на должность он получил от Екате-

⁶ Державин Г.Р. Записки... С. 35–37.

⁷ См.: Ходасевич В.С. Державин. М., 1989. С. 47–51.

⁸ См. Грот Я.К. Указ. соч. С. 64–84, 227–232.

⁹ См.: Там же. С. 1007.

рины 2 тысячи рублей, которых для выплаты долга было недостаточно, и в заклад отправились «некоторые вещи» и табакерка, пожалованная императрицей за оду «Фелица». Для будущего губернаторского дома и присутственных мест новый губернатор приобрел мебель, «водою отправленную» в Петрозаводск. Приехав в губернский город, Державин получил из своих казанских деревень 2700 рублей, которые тут же отослал в Петербург для уплаты долга (в том числе и карточного в 200 рублей)¹⁰.

Таким образом, наличными деньгами в требуемом размере Державин не располагал. Если исходить из рассказа, то искомая тысяча могла быть возвращена Державину Грибовским, который не успел (не захотел?) отдать свой проигрыш более удачливым игрокам. Среди военного и чиновного дворянства отдавать крупный карточный проигрыш сразу и целиком было не в обычае, играли под вексель или честное слово, с возможностью отыграться.

Однако если мы обратимся к частной переписке, которой суждено было через полвека после смерти поэта быть представленной на всеобщее обозрение в академическом издании, то мы обнаружим еще более невероятное объяснение – деньги были заняты у вице-губернатора – Сергея Никитича Зиновьева. В письме к Алексею Ивановичу Васильеву, который вел денежные дела Державина в Петербурге, от 7 сентября 1786 г. обнаруживаем указание уплатить Зиновьеву тысячу, «занятую мною у него для платежа за секретаря Грибовского в олонцеком приказе общественного призрения», а если денег для уплаты не предвидится, то «попросить у него, чтобы он взял в тех деньгах терпение и вексель переписал, представляя ему в резон то, что оную тысячу рублей заплатил я по пословице: стрёка¹¹ с боку, т. е. за них: они блудили, а я окачивался; они у Грибовского казенные деньги выиграли, а я, избавляя себя от нареkania, что под моим начальством то случилось, а их от стыда и от суда, принял грехи их на себя и удовлетворил своим карманом, будучи, вам известно, по горло должной человек)¹².

¹⁰ См.: Там же. С. 368–369.

¹¹ «За верность такого чтения не можем ручаться; в изданных сборниках и словарях мы этой поговорки не нашли, не вернее мы: строку, или: стрёху?» (Примечание Я.К. Грота. С. 566).

¹² Сочинения Державина с объяснениями и примечаниями Я. Грота. СПб., 1876. Т. 5: Переписка 1773–1793 гг. С. 564–567.

Это означает, что в реальности события развивались совсем по-иному. Державин занял у вице-губернатора деньги и в тайне от судебной власти (прокурор и председатель уголовной палаты) замял неприятное дело, произошедшее под его началом и по вине его протеже. Молодой приказной, чье положение было Державину знакомо, был наказан лишь пережитым стыдом и страхом за свою будущую карьеру.

К слову сказать, Грибовский не был неопытным простаком, попавшим по оплошности в сети более искусных игроков. Сам факт его игры с высокопоставленными чиновниками¹³ и операция с купцами вовсе «не плохое» начало службы. После этой истории, в 1786 г., Грибовский был уволен с должности казначея, но в 1787 г. он выхлопотал должность в военно-полевой канцелярии Г.А. Потемкина. Смерть фаворита в 1791 г. не прервала карьеры Грибовского. Он перешел на службу к новому покровителю – П.А. Зубову, став его правой рукой и получив в 1795 г. должность статс-секретаря Екатерины II¹⁴.

В реальности описанного течения событий можно усомниться и исходя из стилистики и структуры текста. Анонимные типизированные персонажи (реальные герои могли опровергнуть или подтвердить написанное)¹⁵ пассивны и действуют не отклоняясь от сценария, играют роли (вывода Грибовского на страницы «Записок» Державин отмечал, что он «после замечательную роль играть будет»)¹⁶. Остальные чиновники, принимавшие участие в улаживании щекотливого дела, не интересуют Державина, как возможные недоброжелатели или доносчики, они лишь декорация в спектакле с главными героями. Ночная беседа с глазу на глаз вне рабочего пространства и времени, оказывающаяся «сонной грезой», также весьма распространенный сюжет в кругу чтения образованных людей XVIII в. Неожиданная и изящная концовка (принял прокурора «со смехом», изодрал рапорт, выпил шампанского) уподобляет героя

¹³ Для молодых людей крупный проигрыш выступал как акт некой «инициации», приобщающий к занятию достойному благородного дворянина и переводящий их в число «настоящих» членов местного светского общества. Не случайно проигравшийся молодой человек, как правило жертва шулерских приемов, частая фигура на страницах русской литературы (Гринев, Звездич, Глов, Хлестаков, Ильин, Ростов).

¹⁴ *Бильбисов В.А.* Адриан Грибовский, составитель записок о Екатерине II // *Русская старина.* 1892. № 1. С. 13–49.

¹⁵ В переписке Державина приведены фамилии его недоброжелателей.

¹⁶ *Державин Г.Р.* Записки... С. 250.

сказочному персонажу – его несправедливо преследовали, но благодаря хитрости и находчивости он достиг лучшей доли (Петербург и новое назначение), лишь проучив своих неразумных собратьев по службе («не сделав никого несчастливым и не заведя никакого дела»). Фактически же Державин бежал с должности, испросив через нарочного отпуск, с целью добиться другого назначения¹⁷.

Само предложение о внесении тысячи Державиным самое короткое и неприметное в тяжеловесном и обстоятельном тексте. В фундаментальном жизнеописании Державина, сделанном Я.К. Гротом и легшим в основу последующих биографий поэта, этому эпизоду уделено всего пять предложений¹⁸, хотя Грот был очень внимателен ко всем жизненным обстоятельствам своего героя и ради достижения полноты изложения привлекал все доступные и им же обнаруженные документальные источники.

Очевидно, что рассмотренный эпизод из биографии Державина – это смешение правды и вымысла, по сути, историко-литературный анекдот, отвечающий тем жизненным идеалам и модели поведения, которые Гаврила Романович Державин избрал для себя и которых придерживался всю свою жизнь.

В екатерининскую эпоху в сфере государственного управления господствовала двойная мораль, обусловленная одновременным сосуществованием закона и обычая – воровать можно, но в меру; если брать, то по чину; для решения дела необходимо подобрать соответствующее постановление, а лучше снискать благосклонность очередного фаворита. Для Державина такая ситуация была неприемлема. Закон для него – это неукоснительная норма, оружие против произвола и несправия. Екатерининский «Наказ» Уложенной комиссии Державин воспринял как политическую программу самой императрицы, как потребность высшей власти в ревностных и бескорыстных служителях закона. Возвышенные предначертания «Наказа» для Державина стали руководством к действию, правилами к окончательному искоренению порока. «Простое слово За-

¹⁷ Вопреки утверждению Державина, что «указ о перемещении в Тамбовскую губернию» был известен ему до изобретательного выезда из Петрозаводска, он был издан только 15 декабря 1785 г. Державин добился этого назначения «благодаря представительству его покровителей и вниманию императрицы к его творчеству» (*Грот Я.К. Указ. соч. С. 393, 402*).

¹⁸ См.: *Грот Я.К. Указ. соч. С. 394*.

кон в русском тогдашнем воздухе прозвучало как откровение. Для Державина оно сделалось источником самых высоких и чистых чувств, предметом сердечного умиления. Закон стал как бы новой его религией, в его поэзии слово *Закон*, как Бог, стало окружено любовью и страхом»¹⁹.

При воплощении этих идей в жизнь Державин сравнивал себя с Дон Кихотом, вступившим в борьбу с ветряными мельницами государственной системы. В данном случае его «дон-кишотство» носило не прямолинейный, буйный характер (хотя в биографии Державина таких случаев было немало), а было исполнено (в тексте) с вдохновением и виртуозностью поэта. На практике щекотливый эпизод, связанный с необходимостью сохранить свое доброе имя для будущих «сражений», был разрешен как раз в духе екатерининской эпохи, а на страницах «Записок» был инсценирован, творчески переработан, сконструирован в соответствии с идеалами автора. «Потомство – грозный судия» – таким эпиграфом открываются мемуары, имевшие характер дидактического отчета перед читателями и почитателями державинского таланта. Своей желаемой инсценировкой Державин разыграл своих соперников перед лицом реальной публики (читателей текста): серьезным и важным поборникам мнимой законности в угоду начальству он противопоставил реальную законность, обличенную в юмористическую форму. Смех Державина – это не смех губернатора-начальника над своими подчиненными, это смех губернатора-поэта, считавшего российскую чиновную систему нескладной и несправедливой, прообраз смеха Гоголя в «Ревизоре».

Итак, перед нами два текста: импровизация исторического персонажа эпохи XVIII в. и импровизация автора современной эпохи, стремящегося понять эпоху XVIII в., своеобразное «подмигивание по поводу подмигивания». Американский антрополог Клиффорд Гирц, идеи которого способствовали раскрытию представленного сюжета, писал, что исследователю, ставшему на путь интерпретации, объяснения культуры, приходится «продираться» сквозь «смешанные структуры умозаключений и скрытых смыслов». В контексте этих структур «возможно моргать, подмигивать, делать

¹⁹ Ходасевич В.С. Указ. соч. С. 102.

вид, что подмигиваешь, передразнивать, репетировать, а также воспринимать и интерпретировать эти действия и без которых все эти действия (включая и нулевое морганье, которое как категория культуры в такой же степени не подмигивание, в какой подмигивание является не морганьем) не будут существовать, независимо от того, что кто-то будет делать с верхним и нижним веком своего правого глаза»²⁰. В этой связи суть метода «насыщенного описания»²¹ заключается в раскрытии и развертывании, по возможности, всех заложенных в тексте реальных и потенциальных смыслов и подтекстов, переживание многогранности, многоаспектности описываемой ситуации, понимание вызвавшей ее к жизни эпохи и духовного мира автора. «Торжество исторической критики – из того, что говорят люди известного времени, подслушать то, о чем они умалчивали», – писал В.О. Ключевский в позапрошлом веке²².

²⁰ *Гириц К.* «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. СПб., 1997. Т. 1. С. 175.

²¹ Авторство дефиниции принадлежит английскому философу Райлу Гилберту.
²² *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1993. С. 36.

Е.Н. Туманик (Новосибирск)
Декабрист А.Н. Муравьев
и его «Наставление сыну Михаилу»

Александр Николаевич Муравьев (1792–1863) является основателем первых декабристских политических объединений – Союза Спасения и Союза Благоденствия. Будучи идеологом умеренного направления в декабризме, в 1819 г., видя неизбежность радикализации тайных обществ, Муравьев, активно противодействуя этой тенденции, открыто заявил о своей особой позиции и демонстративно вышел из организации с требованием роспуска политического союза. Но тем не менее до конца своих дней именно А.Н. Муравьев, не только сохранивший свои политические убеждения, но и активно соединивший их с практикой государственной службы, оставался одним из виднейших идеологов декабризма.

В начале 1819 г. в мировоззрении А.Н. Муравьева начинает превалировать нравственно-религиозная сторона. По всей видимости, он пытался переосмыслить свои христианские убеждения и нравственную философию. Другой важнейшей составляющей мировоззрения А.Н. Муравьева после идейного разрыва с тайным обществом является складывание у декабриста определенных педагогических идей. Впоследствии проблемы педагогики и воспитания всегда будут занимать важное место в жизни А.Н. Муравьева, причем не только теоретическое, но и практическое. Интерес Муравьева к педагогике вполне объясним с точки зрения семейных традиций и даже природно-генетической склонности – его отец, Н.Н. Муравьев, являлся основателем и содержателем знаменитого «муравьевского» училища колонновожатых. Предпосылкой для становления пе-

дагогических воззрений А.Н. Муравьева можно считать и взгляды на воспитание и образование, сформулированные в недрах декабристской Священной Артели – организации, виднейшим членом которой он был в середине 1810-х гг.¹ Кстати, о Муравьеве-педагоге в нашей литературе говорить не принято, и это вполне естественно, т. к. он по своим профессиональным занятиям не принадлежал к сфере образования, в отличие хотя бы от своего знаменитого отца. Тем не менее даже для Н.Н. Муравьева старший сын как наставник юношества был достаточно авторитетен. Так, в конце 1830-х гг. по желанию деда сын Михаила Муравьева, младшего брата декабриста, Леонид на время был переселен в дом дяди и воспитывался вместе с детьми А.Н. Муравьева Иваном и Софьей. А.Н. Муравьев оказал важнейшее идейное влияние на воспитание племянников Александра и Михаила Валентиновичей Шаховских, сыграв, по сути, главную роль в складывании их взглядов на жизнь. И перечень этих примеров может быть значительно расширен.

Педагогические воззрения А.Н. Муравьева изложены в ряде сочинений, а их отголоски можно встретить в письмах и воспоминаниях декабриста². Первым произведением в этом ряду правомерно считать *«Наставление сыну Михаилу»*, написанное 15 июня 1821 г., в день, когда ребенку исполнилось два года³. «Наставление...», сохранившееся в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки в собрании П.Л. Вакселя, публикуется впервые. Название документа весьма условно (оно не является авторским); дело в том, что «Наставление...» представляет собой начальные листы альбома, или памятной книги, которую А.Н. и П.М. Муравьевы собирались передать своему сыну со многими записями и посланиями. По первоначальному замыслу «Наставление...» должно было открывать эту книгу. Но ранняя смерть мальчика прервала работу над альбомом, который, помимо родительских поучений и пожеланий,

¹ Из эпистолярного наследия декабристов: Письма декабристов к Н.Н. Муравьеву-Карскому. М., 1975.

² Там же. С. 80, 81, 89.

³ Среди наследия А.Н. Муравьева, помимо рассматриваемого сочинения, можно без особого труда даже выделить комплекс источников по данной проблематике. Это произведения, созданные во второй половине 1850-х гг.: «Об обязанностях родителей в воспитании детей и особенно об исполнении священного долга, который должно присоединять к родительской любви» и «О воспитании детей».

должен был содержать историю семьи и другие важные для ребенка подобного рода сведения: «При сем найдешь ты и краткое описание жизни родителей твоих со времени знакомства их по самый день рождения твоего; и, наконец, полные и подробные обстоятельства рождения твоего, младенчества и, может быть, и юношества твоего, если Богу угодно будет удалить все могущее прервать сии труды наши»⁴. Ю.И. Герасимова, впервые давшая краткую оценку источнику в комментариях подготовленного ею тома сочинений и писем декабриста⁵, предполагала, что листы альбома с указанными записями были уничтожены после восстания 14 декабря, но нам представляется, что они, по всей видимости, так и не были заполнены, единственной причиной чего явилась кончина Михаила в феврале 1822 г.

Все страницы памятной книги написаны рукой А.Н. Муравьева и от единственного лица, несмотря на то, что вторым автором альбома должна была стать его супруга. В посвящении памятной книги сказано: «Александр Муравьев и Прасковья Муравьева любезному сыну своему Михайлу»⁶. Кроме того, страницы пронумерованы А.Н. Муравьевым собственноручно. Страница 1 (по нумерации А.Н. Муравьева) является титульным листом альбома и содержит посвящение с эпитафией. Страница 2 (по нумерации А.Н. Муравьева) пустая, она является оборотом страницы 1. Страницы 3–7 (по нумерации А.Н. Муравьева) содержат «Наставление...». Затем нумерация А.Н. Муравьева пресекается, причем страница – оборот страницы 7 (по логике нумерации страница 8) является незаполненной. Следующий лист из альбома вырван (по логике нумерации А.Н. Муравьева страницы 9–10), а «Молитва» (второй документ памятной книги) написана на не обозначенных номерами страницах 11 и 12. Утраченным является только один лист альбома, на котором, предположительно, должна была быть воссоздана история жизни родителей Михаила «по самый день рождения» его. Но для подобного рассказа, даже учитывая то, что по замыслу А.Н. Муравьева он должен был быть кратким, одного листа или двух страниц явно недостаточно. Таким образом, можно считать, что до наших

⁴ ОР РНБ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2925. Л. 2–4.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ *Муравьев А.Н.* Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 397.

дней дошли практически все основные документы из «альбома Михаила», в частности «Наставление...» и «Молитва».

Эпиграфом к «Наставлению...» взята цитата из Арндта, проникнутая типично рыцарско-средневековой символикой и образностью для выражения смысла и назначения жизни христианина: «Да будет вера щитом твоим, молитва стрелами, слово же Христа твоего да будет острым мечом; сим оружием сокрушишь дерзость мира и диавола, и, яко мужественный воин, соверша победу свою, иди ко блаженству твоему, Христу...»⁷ Введение подобного эпиграфа представляется тщательно продуманным шагом – это яркий показатель продолжавшейся в XIX в. глорификации национального сознания. Достижение наивысшего воздействия идей христианского воспитания символически мыслилось А.Н. Муравьевым именно через создание в сознании ребенка (мальчика) прямых связей между образцами, выработку стереотипного мышления и мировосприятия («вера» = «щит», «молитва» = «стрелы», «слово Христа» = «острый меч»; все вместе = «оружие» для «победы» над злом; путь же христианина = подвигу «война»). Это обретало особый смысл еще и потому, что по традиции рода Муравьевых Михаил предназначался для военной карьеры и должен был со временем получить соответствующие воспитание и образование.

Послание к Михаилу начинается с обоснования А.Н. Муравьевым роли и прав родителей, в особенности отца, на наставление детей в жизни, что рассматривается им не только как естественный родовой закон, но и как священный долг, воля Божья. Иными словами, процесс воспитания потомства, основная цель которого воспитание во Христе, является важнейшей родительской обязанностью, пренебрегать которой дети, в свою очередь, не имеют права: «Не ветвь ли служит проводом древленому соку к листу? И не от корня ли все древо оный получает? Корень же не из земли ли привлекает оный? Когда так, то кому, как не тебе пользоваться наставлениями моими, тебе, от Бога мне врученному»⁸. Здесь мы видим философско-символическое построение не только «родового древа», но и обоснование того, на чем, собственно, базируются родительские право и обязанность – на воле Божьей. Таким образом,

⁷ ОР РНБ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2925. Л. 1–5 об.

⁸ Там же. Л. 2.

весь ход воспитания получает как естественное законное обоснование, так и определенный Богоустановленный порядок, нарушать который нельзя. Отец в этой системе становится «проводом вечной Истины», не внимать которой ребенок просто не имеет права, т. к. отрицание подобных родительских наставлений равнозначно греху.

В «Наставлении сыну Михаилу» мы можем увидеть прямое влияние педагогических идей Дж. Локка, сторонником философии которого был А.Н. Муравьев, выступавшего против выдвигания образования на первое место в системе воспитания и полагавшего только нравственное знание единственным источником силы характера и внутреннего счастья⁹. А.Н. Муравьев говорит: «Во всем Творении увидишь вечную Премудрость, если не ослепишь духовных очей своих. Все приведет тебя в радость, когда волю свою обратишь к источнику ее, когда безмолвствовать будет плоть твоя, когда жить будешь сердцем чистым, а не рассудком поврежденным»¹⁰. Полагая во главу угла нравственно-духовное становление личности, направляя формирование характера ребенка именно в данном направлении, делая при этом главным рычагом исключительно христианское воспитание, А.Н. Муравьев в то же время не стремится заключать сына в жесткие рамки запретов. Главным принципом воспитания становится выработка у формирующейся личности чувств гармонии с окружающим миром и правил добродетельного поведения в соответствии с принципами абсолютной свободы во Христе¹¹.

А вот далее, по мере превращения ребенка в юношу, в ход вступает принцип свободной воли и свободы выбора. Передав формирующейся личности «вечную Премудрость», воспитатель уже не вмешивается в дальнейший жизненный цикл своего воспитанника, когда «ударит настоящий час... испытания», когда вступит он «на путь, к жизни или к смерти ведущий»: «Тогда воля твоя будет председатьствовать во внутренности судилица духа твоего. Приговор ее будет приговором твоим. Блюда, чтобы не пали весы налево!»¹². Свобода человеческой воли и выбора является главным принципом подобного, можно сказать, истинно христианского подхода

⁹ ОР РНБ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2925. Л. 2.

¹⁰ Литвинова Е.Ф. Джон Локк // Дж. Бруно. Бэкон. Локк. Лейбниц. Монтескье: Биографические повествования. Челябинск, 1996. С. 219–220.

¹¹ ОР РНБ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2925. Л. 2.

¹² Там же. Л. 2–2 об.

к воспитанию. А.Н. Муравьев пишет: «О, ежели б я мог присутствовать в совете сем, ежели б имел я голос в совести твоей!.. Но не суждено мне присутствовать в тайном совете сем... Руке человеческой не дозволено проникать в сию таинственную храмину»¹³.

Итак, на ранней стадии становления человеческой личности устанавливается достаточно жесткая субординация, когда ребенок не имеет права отвергать наставления родителей, напротив, он обязан строго подчиняться их воспитанию. Родители же, в свою очередь, обязаны делать все возможное для развития нравственно полноценной личности. После вступления выросшего ребенка в самостоятельную жизнь они, как бы им этого ни хотелось, уже не имеют права влиять на его выбор совести, который, конечно же, зависит от характера и направления полученного воспитания. Мораль такова: всему свое время, и о том, каким вырастет ребенок, нужно заботиться именно в процессе становления его личности, от которого будет зависеть и жизненный выбор. Единственный совет, который, может дать, с точки зрения А.Н. Муравьева, отец своему сыну, перед которым стоит проблема выбора, так это призывать на помощь Бога: «Призови же Его, о, Михаил! Он не отречется... Тогда узнаешь волю Его, увидишь свет Его, услышишь Слово Его...»¹⁴.

Используя педагогические теории Локка, А.Н. Муравьев уже в самом первом своем сочинении о воспитании решительно противоречит этическому учению того же философа. Муравьев высказывает собственные противоположные Локку этические воззрения, в основе которых лежит этика христианская. «Не для веселий, не для слез дана тебе жизнь сия... Они относительно всей жизни твоей как врачевства сладкие и горькие для тела твоего... Душе нашей... возвращают... первобытную ее чистоту, светлость, силу и совершенство. Итак, мой друг, все оные суть средства, а не цель бытия нашего. Цель же – по ту сторону гроба!»¹⁵. Таким образом, «нравственно образованный» (благоразумный) человек живет не для достижения собственного удовольствия (по Локку)¹⁶, а во имя совершенствования души, чтобы донести ее в «мир иной» в перво-

¹³ ОР РНБ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2925. Л. 2 об.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Рассел Б. История западной философии. Т. 2. М., 1993. С. 130–133.

зданном качестве. Этика Локка рассматривается как путь к освобождению человека, достижение через гармонию между личными и общественными интересами (благоразумие) идеала либеральной свободы¹⁷. А.Н. Муравьев предлагает иной способ к достижению той же цели. Создается впечатление, что он, прекрасно осознавая неизбежность социально-экономических перемен в России, делает попытку создания наиболее оптимального нравственного учения, отвечающего потребностям национального культурного сознания и ведущего к той же либеральной цели – освобождению личности. Человек живет не для радостей, т. е. он должен освободиться от соблазна «сотворить себе кумира» в сфере достижения жизненных удовольствий. Человек живет не для скорби, т. к. в человеческом бытии не должно быть уныния – это тоже своеобразное «рабство». Свобода от «веселий» и «слез» – путь христианской свободы. Индивидуум, таким образом, не может начать жить ни во имя того, ни другого. Восприятие «веселий» и «слез» как «врачевств» – единственный способ освобождения личности христианина и нравственный путь к цели всей жизни, которая «за гробом».

Мы не воспринимаем доктрину А.Н. Муравьева как чисто индивидуалистскую; конечно, в «Наставлении...» не говорится о гражданских идеалах, но, проводя аналогию с этическими построениями Локка, можно напрямую связать личное с общественным. То, к чему призывает А.Н. Муравьев, является выгодным способом для достижения оптимальной жизненной философии, внутреннего спокойствия. Перед нами возникает человек, освобожденный от мнимых ценностей и идеалов, которые часто люди создают себе сами. И только такая личность чувствует себя в жизни наиболее свободно и комфортно вне зависимости от различных обстоятельств, ее внутренний уклад соответствует основополагающим нравственным ценностям, она свободна не только от внешних факторов, но и сама перед собой, т. к. ей не ведомы угрызения совести. Естественно, свободный человек свободен в своих действиях, которые он осуществляет с точки зрения нравственного выбора, и только. И именно такой гражданин наиболее полезен государству и обществу, опять же с точки зрения абсолютной нравственности, абсолютного нравственного закона.

¹⁷ Рассел Б. Указ. соч.

Таким образом, А.Н. Муравьев соединяет педагогическое учение Локка с этикой христианства, что звучит необычайно новаторски в преддверии «золотого века» русской педагогики и русской религиозной философии. Нет нужды говорить о том, что подобный подход к проблеме воспитания и оригинальная трактовка теории Локка не потеряли актуальности и в контексте современности. Воззрения А.Н. Муравьева позволяют проследить пути философского учения Локка в русской культуре и наиболее точно определить угол отражения идей английской философии XVII в. в национальном культурном сознании эпохи формирующихся капиталистических отношений.

Текст «Наставления...» приводится в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Но мы, конечно же, сохранили яркие стилевые особенности авторского языка, написание некоторых слов, что позволяет ощутить культурное своеобразие и риторiku эпохи. Подчеркнутые в рукописи слова при публикации также выделены подчеркиванием.

Наставление сыну Михаилу

Александр Муравьев и Прасковья Муравьева любезному сыну своему Михайле.

Да будет вера щитом твоим, молитва стрелами, слово же Христа твоего да будет острым мечем; сим оружием сокрушишь дерзость мира и диавола, и, яко мужественный воин, соверша победу свою, иди ко блаженству твоему, Христу. Аминь.

Арндт (Л. 2)

Любезный сын мой Михаил!

Не ветвь ли служит проводом древленому соку к листу? И не от корня ли все древо оный получает? Корень же не из земли ли извлекает оный? Когда так, то кому, как не тебе, пользоваться наставлениями моими, тебе, от Бога мне врученному.

Наставления сии не мои; я здесь служу токмо проводом вечной Истины, чрез меня тебе вещающей. Как в важных, так и в мало-важных обстоятельствах, везде услышишь ты неизменный глас ее, если только не заткнешь ушей духа твоего. Во всем Творении увидишь вечную Премудрость, если не ослепишь духовных очей своих. Все приведет тебя в радость, когда волю свою обратишь к источнику ее, когда безмолвствовать будет плоть твоя, когда жить будешь сердцем чистым, а не рассудком поврежденным.

О, сын мой! Когда сие вручено тебе будет, тогда ударит настоящий час твоего испытания, тогда вступишь ты на путь, к жизни или к смерти ведущий! (Л. 2 об.). Тогда воля твоя будет председательствовать во внутренности судилища духа твоего. Приговор ее будет приговором твоим. Блюда, чтобы не пали веса налево! О, ежели б я мог присутствовать в совете сем, ежели б имел я голос в совести твоей! Как неотступно, как громко стал бы возбуждать, уговаривать, направлять, подвигать и подкреплять сего грозного, но справедливого судию. Представил бы и мои, и всех людей опыты, указал бы и страшную бездонную пропасть, и райский христианский венец. Сколько не употребил бы я трудов, прошений и, ежели бы даже смел – и самых насилий, чтобы направить тебя на путь Истины... Но не суждено мне присутствовать в тайном совете сем – и желание сие прощается любви отцовской. Руке человеческой не дозволено проникать в сию таинственную храмину. Она есть судебная храмина Всевышнего Строителя.

Призови же Его, о, Михаил! Он не отречется; отвори же Ему, сын мой; Он стоит при дверях;пусти Его – Он сядет на престол судьи! Тогда узнаешь волю Его, увидишь свет Его, услышишь Слово Его – и где ты будешь! (Л. 3).

Не для веселий, не для слез дана тебе жизнь сия; однако и те и другие найдешь ты на пути. Какое, скажешь ты, странное мнение: вот, что беспрестанно мне встречается, а не для них я живу! Нет, мой друг, не для них. Они относительно всей жизни твоей как врачевства сладкие и горькие для тела твоего. Подобно как без оных тело твое от болезни избавиться не может, так и без радостей, и без печалей жизнь твоя исправиться не может. Но, как врачевства, разрешаясь в тончайшие части, силою своею содержат тело и возвращают оному потерянные силы его и, наконец, совершенное первое

здоровье; так и счастья и несчастья, коими вся жизнь преисполнена, если оными пользоваться, зная силу их и цену, и, непрестанно обращаясь к подателю оных, производят душе нашей величайшую пользу; и совершенною заплатою¹⁸ и искуплением духовного и телесного врача нашего Господа Иисуса Христа возвращают ей первобытную ее чистоту, светлость, силу и совершенство. Итак, мой друг, все оные суть средства, а не цель бытия нашего. Цель же – по ту сторону гроба! (*Л. 3 об.*)

Вот, любезный сын, тебе вкратце все то, чему ты учиться будешь в доме родительском или в руках тех, коим ты поверен быть можешь¹⁹. И вот что ты на деле, а не на словах только во все течение свое показывать должен. Надеемся, что в молитве нашей не откажет нам многомилостивый Бог.

Первая твоя благодарность должна быть к Создателю, что родился ты от Христиан и во Христианстве. Великое сие благодеяние, высокое сие избрание должны столько же, говоря сравнительно, и еще больше проникнуть дух твой к Нему любовью, нежели раскаленное железо проникнуто огнем. Да будет в самом основании существа твоего, и да явствуют в тебе снаружи любовь к Творцу твоему и к ближнему. Да коснется Господь души твоея. Да возжет Он волю твою пламенным желанием стремиться к Нему. Да просветит Он разум твой светом Премудрости Своея. И да наследишь²⁰ ты жизнь вечную!

При сем найдешь ты и краткое опи (*Л. 4*)сание жизни родителей твоих со времени знакомства их по самый день рождения твоего; и, наконец, полные и подробные обстоятельства рождения твоего, младенчества и, может быть, и юношества твоего, если Богу угодно будет удалить все могущее прервать сии труды наши.

1821 года 15 июня

ОР РНБ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2925. Л. 1–4.

¹⁸ Так в тексте.

¹⁹ *Быть можешь* после зачеркнутого *будешь*.

²⁰ Так в тексте.

В.Д. Юшковский (Томск)
Записка Г.С. Батенькова о состоянии
сибирских путей сообщения

В ноябре 1816 г. полковник Ф.Ф. Риддер, начальник X округа путей сообщения, уведомил петербургское начальство, что поручик Г.С. Батеньков прибыл на службу. Боевой офицер, ушедший в отставку по указу Его Императорского Высочества «за ранами, с мундиром и пансионом полного жалования», надеялся широко проявить недюжинные свои способности на новом поприще. И в первые месяцы ему это, судя по отзывам, удалось: в лице Г.С. Батенькова ведомство генерал-аншефа Ф.П. Деволанта приобрело столь образованного, деятельного, исполнительного сотрудника, каких было мало даже в столичном Главном управлении путей сообщения. Поэтому, дозволяя Ф.Ф. Риддеру «в уважении надобностей» его взять «от занимаемой должности отпуск в четыре месяца»¹, глава ведомства без всякого сомнения временно утверждает в генеральской должности поручика Г.С. Батенькова, прослужившего менее года. Молодому инженеру, который занимался в Томске благоустроительными работами, предписывают срочно явиться в Тобольск, дабы принять на себя дела по X округу.

Распоряжение было получено 24 декабря 1817 г. К тому времени инженер-поручик III класса Г.С. Батеньков, согласовывая свои действия с томским гражданским губернатором Д.В. Илличевским, успел выполнить достаточно много. Томичи под его руководством приступили к устройству мостовой, с апреля по октябрь велись работы по укреплению берега Ушайки, а в конце строительно-

¹ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 144. Л. 5.

го сезона того года произведена была «отделка въезда на Юртошную гору». Кроме того, летом и осенью Г.С. Батеньков занимался реконструкцией городского ключа и подготовкой к строительству моста через Ушайку, действуя опять-таки в полном согласии с начальником края. Уезжая из Томска принимать дела во вверенном ему округе, Г.С. Батеньков получает от губернатора превосходный аттестат, где говорится, что «в короткое время он... показал на пользу города Томска довольно успеха усердным своим старанием, деятельными всегда занятиями и искусством»². Однако вскоре отношение к энергичному, невероятно способному инженеру совершенно меняется. Причины конфликта были подробно рассмотрены в работе Г.М. Котлярова. И там же упоминался «рапорт о системе сообщений в Сибири», который Г.С. Батеньков представил на рассмотрение нового генерал-губернатора весной 1919 г. и который стал для него поистине судьбоносным.

Сходство взглядов влиятельного вельможи и безвестного молодого инженера, конечно, укрепило их отношения, а потребность в знающих дело, образованных и честных чиновниках в известном смысле предопределила неожиданное для многих «возвышение» Г.С. Батенькова. И все же обратить на него внимание М.М. Сперанского заставила именно записка о состоянии путей сообщения, на которую ссылались многие исследователи, описывая поворотный в судьбе будущего декабриста момент. Первое упоминание об этом документе находим в статье И.И. Ореуса, опубликованной в «Русской старине» спустя четверть века после смерти Г.С. Батенькова. Указывая причины, позволившие сблизиться творцам сибирской законодательной реформы, И.И. Ореус ссылался на то обстоятельство, что оба принадлежали к «франко-масонскому союзу». Но тут же добавлял, что толчком к такому сближению послужила, безусловно, записка сибиряка, представленная им в Тобольске: «Записка и ея сочинитель, в котором можно было заметить пылкое воображение, творческие идеи и, вообще, блестящие дарования, так понравились Сперанскому, что он оставил Батенькова при себе...»³.

² Котляров Г.М. Батеньков в Сибири в 1817–1819 гг. // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1933. Т. 2. С. 153.

³ Ореус И.И. Гавриил Степанович Батеньков // Русская старина. 1889. Июль – сент. С. 309.

То же самое писал К.В. Дубровский, сообщая, что «записка... была только первым шагом к плодотворному сотрудничеству... послужив началом целого ряда докладных записок, поданных Батеньковым Сперанскому... по различным вопросам устройства и управления местной жизни»⁴. Но что это за документ, каково его содержание, ни тот, ни другой исследователь не отмечали. А в статье А.А. Сабурова, как и во многих других последующих работах, записка Г.С. Батенькова вообще не упоминалась, и было непонятно, отчего вдруг перед впавшим в немилость инженером «совершенно внезапно раскрылись самые увлекательные перспективы»⁵. Не говорилось о записке и в наиболее обстоятельном, подробном исследовании жизни и деятельности декабриста, в книге В.Г. Карцова. Со слов самого Г.С. Батенькова, там лишь упоминались обстоятельства, при которых был подан доклад: «Когда Сперанский приехал в Тобольск, всякая встреча была отказана; рапорты послали мы в пакетах и должны были явиться на другой день. Застенчивость моя обратилась в совершенное замешательство... Посему первое мое появление к Сперанскому было весьма смиренным и робким. Он, однако же, вскоре подошел ко мне и, вероятно, был доволен моим рапортом, обласкал меня»⁶.

Единственная работа, где отводилось место тому важному докладу, – статья А.А. Брегмана, предваряющая книгу батеньковских писем и подготовленная на основе подлинных архивных документов⁷. Но и там о записке говорилось мимоходом, а содержание доклада, изменившего жизнь «застенчивого и робкого» Г.С. Батенькова, не послужило поводом к анализу его взглядов. Между тем документ, составленный в силу служебной необходимости и имеющий, казалось бы, чисто ведомственное значение, на самом деле даёт любопытный материал для понимания позиции известного декабриста. Равно как написанная за год до этого записка о томских

⁴ Дубровский К.В. Декабрист-сибиряк Г.С. Батеньков // Рожденные в стране изгнания. Пг., 1916. С. 25.

⁵ Сабуров А.А. Декабрист Г.С. Батеньков // Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пущина и Э.Г. Толя. М., 1936. С. 24.

⁶ Карцов В.Г. Декабрист Батеньков. Новосибирск: Наука, 1965. С. 38.

⁷ Брегман А.А. Декабрист Гавриил Степанович Батеньков // Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Иркутск, 1989. Т. 1. С. 16.

реках⁸. Оба документа хранятся в Омском государственном архиве, дополняя и в какой-то мере объясняя друг друга. Но чтобы лучше понять значимость «Записки о состоянии X округа путей сообщения» (под таким названием документ фигурирует в архиве), следует вспомнить, кому и для чего она предназначалась. «Сибирь, – писал Ф.М. Дмитриев, – находилась тогда в страшном положении. Это было место систематического грабежа. Во главе же официального разбоя находился сам прежний генерал-губернатор, известный Пестель...»⁹. Поэтому известие о том, что на смену «азиатскому деспоту» едет новый, наделенный широчайшими полномочиями наместник государя, вызвало большой переполох: опасаться нерадивым и вороватым чиновникам действительно было чего.

Как и предполагал М.М. Сперанский, с первых же дней по приезде в Тобольск ему пришлось погрузиться в жалобы, дразги, сплетни, ничтожные занятия, отвлекающие от главного, ради чего он прибыл. «Я окружен здесь хлопотами, а ты знаешь, как ненавижу я всякую хлопотливость, – сообщал он дочери. – Не дела, но безделки, чрез кои надобно пройти к делам, неприятны...»¹⁰. И вот в этой обстановке ему попадает на глаза дельная и чрезвычайно толковая записка молодого инженера, несходная с тем, что приходилось читать здесь прежде. Оставить равнодушным такой документ просто не мог, а значит, благосклонное расположение к его автору возникло у властителя края до того, как произошла встреча. Что заставило обратить на себя внимание? Прежде всего, М.М. Сперанский, как ценитель хорошего слога, отметил язык записки – очень грамотный, лишенный канцелярских оборотов и не перегруженный

⁸ Сведения о томских реках представлены были в мае 1818 г. Документ озаглавлен так: «Записка наблюдениям, сделанным в Томске инженером III класса Батеньковым над вскрытием реки Томи весной 1818 года». Сходную по содержанию записку Г.С. Батеньков подал начальству через год, весной 1819 г., прибавив: «Осмеливаюсь... передать на рассмотрение мысли мои и предполагаемое занятие по предмету общей теории стечения двух рек – Томи и Ушайки. Обе записки имели большое практическое значение: в них впервые, на основе тщательного анализа местных особенностей, даны были рекомендации по сооружению дамб и других конструкций, препятствующих весеннему разливу рек, от которого издавна страдали жители Томска (ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 167. Л. 3–10).

⁹ *Дмитриев Ф.М.* Сочинения. Статьи и исследования. М., 1900. Т. 2. С. 440.
¹⁰ Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне. М.: Тип. Грачева, 1869. С. 8.

специальными терминами. Умение излагать свои мысли простым, доходчивым языком, избегая бессодержательных и пышных фраз, умение аргументированно, но не сухо излагать позицию было при- сущее Г.С. Батенькову уже тогда. Тот «сильный и сжатый слог», который отмечал у него впоследствии В.И. Вагин, виден в документе, составленном, как можно предположить, без особо тщательной под- готовки: состояние дел в округе его временному начальнику было превосходно известно. Вероятно, при желании он мог написать и более развернутое сообщение, но, дорожа временем г-на генерал-губер- натора, представил не очень большую, на трех листах, записку.

Сибирские чиновники во всякого рода «сношениях» с выше- стоящими органами стремились, как известно, показать первым делом собственную значимость, убедить в своей незаменимости на данном государственном поприще. И провести мысль о важности той службы, которую «имели честь представлять». Ничего этого в записке о состоянии Сибирского округа путей сообщения обнару- жить было решительно невозможно. Напротив, излагать мнение о положении дел Г.С. Батеньков вздумал с того, что обрисовал хоть не исключительную, зато вполне реальную роль самого ведомства и его сибирского отделения. «Действие ведомства путей сообще- ния в сибирских губерниях, – писал он, – ограничивается един- ственно практическими изысканиями, собиранием предположений для будущего устройства округа по движению судоходства, а рав- но содержания сухопутных сообщений и переправ... и по сие вре- мя зависит на прежнем положении от местных гражданских губер- наторов»¹¹. Созданная десять лет назад, в июле 1909 г., централизо- ванная служба путей сообщения, которую возглавил не слишком сведущий принц Гольштейн-Ольденбургский, большого развития, вопреки ожиданиям, не получила. И хотя Сибирский округ фор- мально существовал давно, с 1800 г., решать возложенные на него задачи он был неспособен в силу характерных для России причин: из-за нехватки регламентирующих и предписывающих документов, казенных субсидий и образованных кадров.

Всё это М.М. Сперанскому, возможно, и было известно. Но наместника, прибывшего для преобразования края, интересовала

¹¹ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 184. Л. 4.

реальная ситуация с путями сообщения в Сибири, от которых зависело состояние торговли и промышленности в огромном, отдаленном крае. Заботило строительство дорог, развитие судоходства и «сухопутных перевозок», наличие мостов и переправ. Поэтому сведения, которые содержались в записке, для него были крайне важны. После определения значимости округа и характеристики функций инженерных чиновников, Г.С. Батеньков перешел к рассмотрению водных путей, дал подробное описание крупнейших сибирских рек – Оби, Иртыша, Ангары, а также основных их притоков. «Подъем судов вверх совершается посредством парусного плавания или обыкновенной тяги», – продолжал он¹². Не указывая прямо на слабую техническую оснащенность службы путей сообщения, чтоб не выставить в нежелательном свете своё непосредственное, благожелательное к нему начальство, автор записки всё же высказал, что хотел, сделав критический настрой «прозрачным» для умного, проницательного вельможи. Так, говоря об отсутствии машин и механизмов для расчистки русла рек, устройства причалов, он прерывает свою мысль замечанием о том, что «распоряжений по сему поводу ещё не сделано». И ставя точку, переходит к следующему пункту рассуждений, подразумевая, что распоряжения, хотя бы и вовремя сделанные, не могли в тех условиях привести к желаемому результату.

Много места в записке отводится описанию маршрутов речного плавания, показаны водные пути сообщения до Томска, Тобольска, других сибирских городов. «Река Енисей, – сообщает Г.С. Батеньков, – судоходна на всем протяжении по Томской губернии и составляет торговый путь к городу Енисейску и от него к Туруханску»¹³, служа для доставки хлебного продовольствия. Но само судоходство развития пока не получило, не говоря о «сухопутных сообщениях», которые «преимущественно совершаются по почтовым большим дорогам». Движение по ним затруднено, «через большие реки мостов нет и даже на средних большей частью устроены перевозки»¹⁴, но важность сухопутных перевозок не подлежит сомнению, особенно зимой, когда начинает действовать Ирбирская

¹² ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 184. Л. 4.

¹³ Там же. Л. 4 об.

¹⁴ Там же. Л. 6.

ярмарка и «доставляются в столицу взимаемый в ясак пушной товар и минеральные произведения Восточной Сибири»¹⁵. При этом Г.С. Батеньков рассуждает не просто как инженер, смотрящий на всё под определенным углом зрения, а пытается подняться над проблемой – показать её в государственном масштабе, представить, по возможности, наиболее полно и всеохватно. Это стремление заметно в заключительной части записки, где указано, для чего необходимо развивать пути сообщения – водные, как самые дешёвые, и сухопутные, какая от этого выгода краю и государству. Водные сообщения, писал Г.С. Батеньков, служат везде «для частной торговли и преимущественно перевозки китайских товаров, для снабжения «различных мест солью и хлебом», «к доставлению строевого леса туда, где в оном стоит нужда», а также для доставки грузов к рудникам и заводам»¹⁶.

Вряд ли экономическое значение путей сообщения надлежало рассматривать при составлении такого рода записки. Сомнительно, чтоб рассуждения о развитии Сибирского края входили в полномочия начальника округа. Но неудовольствия у М.М. Сперанского, придававшего большое значение как форме, так и содержанию служебных докладов, это не вызвало. Он увидел в авторе записки человека, который искренне заботится о благе отечества, а не о личных, своекорыстных интересах, человека разумного и неравнодушного, образованного и способного. Такого, в котором нуждался для выработки и воплощения плана преобразования края. «Сибирь должна возродиться снова, – с воодушевлением писал Г.С. Батеньков друзьям. – У нас уже новый властелин, вельможа добрый, сильный, и сильный только для добра... Имея честь приобрести его внимание, я приглашен сопутствовать ему при обозрении Сибири в качестве окружного начальника путей сообщения». И добавляет: «Грех было бы упустить такой случай, ибо это и благодарность, и надежды лучшего требуют»¹⁷. Надежды эти вполне оправдались, а в добавление счастливых перемен Главным директором путей сообщения стал генерал-лейтенант А.А. Бетанкур, высоко ценивший молодого одаренного инженера. Сообщая об этом в следующем

¹⁵ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 184. Л. 6 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пушина и Э.Г. Толля. С. 104.

письме, Г.С. Батеньков прибавляет: «Все дела приняли неожиданный и невероятный поворот... всё стеклось к моему успокоению»¹⁸.

Через три года, когда «ангел-хранитель угнетенного края» и ближайший его соратник уже пребывали в Петербурге, служа в Сибирском комитете, А.А. Бетанкуру поступил императорский указ об утверждении Устава сухопутных сообщений, который подготовил Г.С. Батеньков. Подготовил, опираясь во многом на изложенные в записке 1919 г. мысли и положения. Сообразно с «новым гражданским разделением Сибири» предписано было разделить X округ на два отделения и выработать новый штат, управление сообщениями «вверить надзору» местных административных органов, а «все изыскания, съемки и наблюдения по устройству водяных сообщений, равно гидротехнические постройки... производить через особо наряжаемых офицеров». Кроме того, упраздняясь «водоходная полиция», обязанности которой возлагались на «местную гражданскую полицию». Сообщались другие кардинальные меры, призванные улучшить и расширить пути сообщения в Сибири¹⁹.

Документ вобрал многолетний опыт предшествующей работы, показал зрелый государственный ум его автора, Г.С. Батенькова. Но вместе с тем и «Записка о состоянии X округа путей сообщения» по языку, разнообразию приводимых данных, важности поставленных задач могла быть рассмотрена как законченный документ самостоятельного значения. Она даёт ясное представление о степени подготовленности молодого Г.С. Батенькова и убеждает в том, что в его лице М.М. Сперанский нашел не просто способного, одаренного помощника, готового к «ученичеству». Бывший советник царя, «гений российской администрации» увидел в нём вполне сложившегося специалиста и, по словам В.И. Вагина, «полезнейшего сотрудника во многих своих проектах». Благодаря чему приблизил к себе будущего декабриста, и тот «заслужив всю доверенность своего начальника, сделался как бы членом его семьи»²⁰. Сотрудничество их получило развитие уже на новом этапе.

¹⁸ Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пущина и Э.Г. Толля. С. 105.

¹⁹ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 269. Л. 5.

²⁰ Корф М. Жизнь графа Сперанского. СПб.: Изд. Императорской Публичной библиотеки, 1861. С. 104.

В.Д. Юшковский (Томск)
Новые материалы об инженерно-строительной
работе Г.С. Батенькова в Томске

Архитектурное дарование Г.С. Батенькова, организаторский дар и незаурядные инженерные способности достаточно ярко проявились во время его первого пребывания в Томске. Молодой инженер, направленный в распоряжение томской администрации по требованию сибирского генерал-губернатора И.Б. Пестеля, подтвердил высокую свою репутацию и показал себя как глубоко мыслящий человек. Он подготовил ряд рукописных работ, представленных в виде должностных записок в петербургскую контору Главного управления путей сообщения. Развернул в губернском центре дорожное строительство и, несмотря на вспыхнувший позже конфликт с губернской властью, оставил здесь завершённые и начатые строительством инженерные сооружения.

В Томске Г.С. Батеньков появился 23 марта 1817 г. До его приезда благоустроительные работы велись под руководством инженер-полковника Лукина, но большого развития получить не успели. Город, который обрел статус центра губернии совсем недавно, тринадцать лет назад, почти не имел в ту пору хороших дорог, а каменных зданий насчитывалось там меньше, чем в Иркутске или Тобольске, откуда Г.С. Батеньков прибыл и где провел своё детство. Скудость городского бюджета не позволяла привести губернский центр в надлежащий порядок, к тому же томичи испытывали недостаток в грамотных специалистах. Приезд Г.С. Батенькова вселял в этом отношении особые надежды, но первым делом следова-

ло составить план предстоящих работ и выполнить некоторые предварительные расчеты.

На это ушло около месяца. В конце апреля Г.С. Батеньков представил проект работ в Совет путей сообщения и получил одобрение. В резолюции было указано, что «сей чиновник обращает должное старание к выполнению своих обязанностей и оправдывает выгодное о нем мнение главного начальства»¹. В Томске ему предстояло заняться гравийным покрытием улиц, обеспечив так называемую «хрящевую насыпь», переоборудовать городской ключ, из которого «большой частью жители довольствовались водою», обустроить взвозы на Юрточную и Воскресенскую горы, укрепить берега Ушайки. Дело продвигалось довольно успешно, особенно большие работы развернулись с наступлением тепла. В сентябре благоустройство ключа у Воскресенской горы было завершено, а 1 октября 1817 г. в присутствии томского общества и самого губернатора Д.В. Илличевского переустроенный источник был освящен. После этого, собственно, и началось строительство моста через Ушайку, о котором упоминали практически все исследователи.

Но только упоминали. Деятельность Г.С. Батенькова по сооружению моста почти во всех известных работах излагалась в духе того не вполне достоверного и схематичного описания, которое еще в конце XIX в. сделал первый биограф декабриста И.И. Ореус. История с мостом в его трактовке сводилась, по существу, к иллюстрации «беспокойного» характера молодого инженера, тогда как, напротив, Г.С. Батеньков показал себя в этом конфликте человеком выдержанным и разумным. «Местным губернатором, – писал И.И. Ореус, – подана была высшему начальству смета о стоимости постройки какого-то предполагавшегося моста. Батеньков вызвался построить его за полцены. Подобный поступок, который, вероятно, был не единственным в своем роде, мог бы при тогдашних сибирских порядках повлечь за собою крайне грустные последствия для молодого инженерного капитана. На его счастье около этого же именно времени... прибыл в Сибирь на ревизию знаменитый Сперанский...»².

¹ Цит. по: Карцов В.Г. Декабрист Батеньков. Новосибирск, 1965. С. 32.

² Ореус И.И. Гавриил Степанович Батеньков // Русская старина. 1889. Т. 63. С. 308.

Однако основной конфликта, насколько можно судить, послужило не это. Причины его вытекали во многом из двойственного положения, в котором оказался сотрудник X округа, командированный в Томск и вынужденный считаться с мнением петербургского начальства и томского гражданского губернатора. Нерешительность Ф.П. Деволанта, главного директора путей сообщения, принимавшаяся за недоверие к Г.С. Батенькову, и непомерное властолюбие губернатора Д.В. Илличевского, не терпевшего, чтобы кто-то действовал, сообразуясь с чужими наставлениями, стали фактически почвой столкновения. И первым достаточно убедительно показал это Г.М. Котляров в своей работе «Г.С. Батеньков в Сибири»³. Но и там о сооружении моста через Ушайку говорилось в той единственно мере, которая требовалась для обрисовки конфликта с властями. Подробности дела, характерные для понимания позиции Г.С. Батенькова, остались вне поля зрения автора исследования, а других серьезных работ об этом на протяжении нескольких десятилетий не последовало⁴.

Г.М. Котляров опирался на достоверные данные из архива Министерства путей сообщения. Но существуют другие источники, позволяющие увидеть, как развивались события и как поступал Г.С. Батеньков, стремясь выполнить возложенную на него инженерную задачу. Такие материалы имеются в государственных архивах Томска, где два с половиной года служил Г.С. Батеньков, и Омска, где оказались бумаги Сибирского округа путей сообщения...

Прежде всего, нужно упомянуть, что важность моста через Ушайку, который «давал сообщение частям города» и обеспечивал транзитный путь в сторону Иркутска, была для всех очевидна. И мысль о строительстве нового моста возникла задолго до приезда инженер-поручика Г.С. Батенькова. Такое решение появилось после того, как томичи убедились в невозможности «поправки» ста-

³ Котляров Г.М. Г.С. Батеньков в Сибири в 1817–1819 гг. // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1810-х годов / Изд. Всесоюз. общества политкаторжан. М., 1933. Т. 2. С. 145–161.

⁴ В других публикациях говорилось об инженерном и архитектурном даровании Г.С. Батенькова, главным образом, применительно к периоду его томской ссылки (Прибыткова-Фролова А. Архитектор-декабрист // Архитектура СССР. 1934. № 9. С. 65; Прибыткова А.М. Архитектурные работы декабриста Г.С. Батенькова // История СССР. 1975. № 6; Баландин С.Н. Декабрист Г.С. Батеньков – инженер-строитель // Изв. СО АН СССР. 1975. Вып. 3, № 11).

рого ветхого сооружения, о чем свидетельствуют документы. Первым обратил внимание на «крайнюю ветхость моста» городской голова Федор Борковский. В августе 1814 г. он обратился в думу и сообщил, что «со вступления в должность» заметил необходимость укрепления берегов Ушайки и моста, для чего потребно заготовить «немалое количество лесу»⁵. Градоначальника поддержал губернатор, который распорядился «составить смету к починке» и представить ее незамедлительно. На исполнение предписания Д.В. Илличевский дал пять дней, добавив, что позже, если оно не будет выполнено, «прикажет начать поправку ушайкинского моста» на средства работников городской думы⁶.

В тот же день, 22 августа 1814 г., городничий Бутыркин и губернский архитектор Раевский вызваны были в думу и приступили к составлению сметы. На это ушло больше десяти дней – «примерное исчисление», сколько и каких материалов и рабочих «потребно на поправление ветхого здешнего ушаешного моста», сделано было 3 сентября. Сумма оказалась сравнительно небольшой, из городского бюджета следовало выделить 664 рубля, однако губернатор, утверждая «примерное исчисление», указал тем не менее, чтобы дума «производила поправку моста сколько можно поспешнее и с большею бережливостию суммы против сметы»⁷. Торопиться следовало из опасения, что старый мост не выдержит очередного половодья и от напора льда будет разрушен. Но задача эта не была решена, работы шли медленно, и уложиться в смету дума не смогла.

Причины были понятны: должного радения гласные думы не выказали, их постоянно требовалось торопить и подталкивать. Не на высоте оказался и губернский архитектор. Недостатки в его проекте видны были настолько, что собравшиеся на осмотр моста члены думы и «лучшие люди от купечества и мещанства» сами вносили поправки в планы работ, а архитектор Раевский, «приехавши к мосту и смотря разобранный обруб, не объясня своих мыслей и расположений, уехал...»⁸. Сказывалась и нехватка рабочих рук, хотя городская полиция с первых дней «распорядилась отрядить на

⁵ ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 127. Оп. 1. Д. 818. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 2 об.

⁷ Там же. Л. 7.

⁸ Там же. Л. 24.

работу людей из числа содержащихся в тюремном остроге... подсудимых и пересыльных колодников»⁹. Не удивительно, что к весне будущего года работы по ремонту моста не были завершены, требовала продолжения и «поправка обруба». А по отчету, который представил гласный думы Михайло Клестов, выходило, что город выделил на эти цели уже 1896 рублей 43 с половиной копейки.

Но главное, все эти расходы оказались напрасны. Даже в обновленном, исправленном виде мост через Ушайку просуществовал недолго, и к тому времени, когда город по распоряжению генерал-губернатора получил нового инженера, необходимость строительства прочного, капитального моста не вызывала сомнений. В сентябре 1817 г. губернатор Д.В. Илличевский, обращаясь в городскую думу, заметил, что «стоящий чрез Ушайку деревянный мост не только по наружному его виду от разных обветшалостей требует поправления, но и снизу одного делаемое... в прошедшем году укрепление» надо «усовершенствовать и привести в прочность», дабы «не делал он никакой опасности». И следом добавил, что пока не получено из Петербурга разрешение на постройку нового моста, он «поручил г-ну инженер-поручику Батенькову с землемером и архитектором осмотреть и положить, что нужно от градской думы к приведению в надлежащую безопасность» старого¹⁰.

Здесь надо отметить, что отношения с губернатором и представителями городского управления у Г.С. Батенькова сложились поначалу неплохие. Умный, образованный, знающий своё дело инженер заметно выделялся в окружении местных чиновников. Не было к нему претензий и у начальства по службе, хотя необходимость согласовывать каждый свой шаг, ожидая благосклонного разрешения из Петербурга, Г.С. Батенькова, безусловно, тяготила. Но в то же время он сознавал, что такая необходимость при недостатке грамотных специалистов была в какой-то мере оправдана, и принимал опеку как должное. Утверждать, что «первые же столкновения с тяжеловесным... государственным аппаратом бюрократической монархии заставили... Батенькова задуматься над царившей в стране системой управления»¹¹, думается, вряд ли можно. А вот

⁹ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 818. Л. 20.

¹⁰ Там же. Д. 942. Л. 1.

¹¹ Карцов В.Г. Декабрист Батеньков. С. 33.

местные, сибирские порядки, очевидно, давали повод к размышлениям.

«Вся моя служба... еще в самом начале, – писал он другу А.А. Елагину в июле 1817 г., – кажется, не совсем бесполезно, что я отдельно действую и даю отчет в делах моих прямо высшим (sic!) начальникам. Мне предстоит укрепление берега, постройка большого каменного или чугунного моста... Проектирование и исполнитель соединены в лице моем, я мало подчинен местному начальству и пользуюсь большою свободою в выборе занятий». И следом не без гордости добавил, что проекты его получили весьма лестный отзыв и что «доказывают они знание и прилежание и убеждают начальство в самом выгодном» о нем мнении¹². Еще раньше, в мае, Г.С. Батеньков писал о своем «предположении на постройку здесь большого железного моста», что совпадало с мнением томской губернской администрации. Однако проект его отклонен был на том, видимо, основании, что сооружение такого моста требовало чрезмерно больших ассигнований.

Вынужденный исполнять приказания гражданского губернатора без предварительного одобрения непосредственного начальства, Г.С. Батеньков поставлен был в сложные условия. Тем более что «входить в хозяйственную сторону» при составлении сметы ему не полагалось, вопросами этими ведала городская дума, а документы требовали точных расчетов. И здесь он впервые столкнулся с нерадивостью представителей городского управления: сведения о ценах на строительные материалы и провоз груза, о наличии «знающих дело мастеровых и чернорабочих», несмотря на распоряжение губернатора, были представлены ему с большим опозданием. В октябре 1817 г., «осмотрев с землемером Зверевым и губернским архитектором Деевым» старый мост, Г.С. Батеньков нашел, что «удобнее и полезнее в другом месте против самого магистра построить новый простой конструкции» всего за 3000 рублей¹³. И получив одобрение губернатора, принялся за работу.

Весьма важным в этой связи представляется указать, что рапорты Г.С. Батенькова той поры встречали понимание Совета путей сообщения. Говорить, что он «почти с первых же шагов... в роли

¹² Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пущина и Э.Г. Толля. М., 1936. С. 80.

¹³ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 942. Л. 11 об.

инженера-строителя столкнулся с крайне несочувственным отношением к его новаторским начинаниям со стороны ближайшего начальства»¹⁴, нет никаких оснований. И уж тем более несостоятельным видится утверждение, что Батеньков в пору томской службы «постоянно мучительно заботился о том, чтобы «обратить на себя какое-нибудь внимание»¹⁵. Хотя томское общество, как явствует из писем, ему совершенно не нравилось, поведение его не давало повода к подобным суждениям. Он оставался предельно исполнителен и заботился только о порученном деле. Ни на что другое, собственно, времени не оставалось. «В службе не имею помощников, – жаловался он А.А. Елагину, – тьма чертежей, тьма бумаг требуют упражнения моих рук, а желание не делать ничего не обдумавши отнимает много времени»¹⁶.

Переписка с Советом путей сообщения привела к тому, что молодой инженер получил всё же разрешение делать «прочное устройство моста» под свою ответственность и по собственному проекту, хотя в нём усмотрены были определенные недостатки. Никаких типовых, «образцовых» чертежей, как утверждали некоторые исследователи¹⁷, в основу его проекта положено не было. Но, давая разрешение Г.С. Батенькову, управляющий путей сообщения Ф.П. Деволант посчитал нужным уведомить о кажущихся ему недостатках проекта сибирского генерал-губернатора И.Б. Пестеля. Обеспокоенный отзыв того, в свою очередь, послужил началом пристрастного отношения к Г.С. Батенькову томских властей. Впрочем, первый вариант проекта, наверное, имел какие-то недочеты, о чем можно заключить из оправдательного письма Г.С. Батенькова: «К составлению проектов по всем правилам науки должно мне пребороть важнейшие затруднения по совершенному неимению здесь никаких практических инструментов...»¹⁸.

¹⁴ Декабрист-сибиряк (Г.С. Батеньков) // Дубровский К. Рожденные в стране изгнания. Пг., 1916. С. 23.

¹⁵ Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь: Биографии: В 12 т. М., 1991. Т. 1. С. 733.

¹⁶ Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пушина и Э.Г. Толля. С. 80–81.

¹⁷ Так писал, в частности, А.А. Брегман во вступительной статье к письмам Г.С. Батенькова // Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во. Т. 1. С. 10.

¹⁸ Цит. по: *Котляров Г.М.* Г.С. Батеньков в Сибири в 1817–1819 гг. С. 152.

Как бы там ни было, но работы по строительству нового моста шли своим чередом. Место у реки против городского магистрата по требованию губернатора без промедления было очищено, началась закупка материалов. В обиде на не вполне справедливые высказывания управляющего путей сообщения Г.С. Батеньков порывался даже подать в отставку, но «начальство здешнее... самым лучшим расположением заставило отказаться»¹⁹ от этого намерения. В декабре того же 1817 г. рапортом в думу он извещает о том, что среди томских рабочих есть желающие взять на подряд всю деревянную обшивку моста, и просит поднять плату всем, кто участвует в работах, «по суровому времени года». А далее высказывает доводы, как лучше производить оплату для скорейшего завершения работ. Сделать нужное распоряжение Г.С. Батеньков просит городскую думу, поскольку «всё сие составляет часть хозяйственную», добавив, что приводит мнение «единственно для того, чтоб сообщить свои мысли о средствах к удобнейшему и скорейшему производству начатой работы»²⁰.

Оба предложения, насколько можно судить, остались без внимания. Тем временем начальник X округа путей сообщения инженер-полковник Ф.Ф. Риддер, испросив разрешение отправиться в отпуск, передает управление округом инженеру III класса Г.С. Батенькову. Тот вынужден был отправиться в Тобольск, чем вызвал новое неудовольствие сибирского генерал-губернатора И.Б. Пестеля. Насколько мало к этому сроку продвинулось дело со строительством моста, судить можно из рапорта, который архитектор А.П. Деев направил в думу после того, как взял на себя контроль за ходом работ. Он просил думу «через гласного Степанова о подводе леса, камня, веревок и разных инструментов», причем добавлял, что инструмент необходимо требовать от гласного Аркашева, «коего на работе никогда не бывает». Если такие задержки будут и впредь, указывал А.П. Деев, «мост до вскрытия реки не токмо не будет окончен, но даже не укреплен надлежащим образом и, значит, неминуемо будет подвержен повреждениям» от предстоящего паводка.

¹⁹

²⁰ Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пушина и Э.Г. Толля. С. 84.
ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 942. Л. 84.

Заканчивался документ просьбой о «безотлагательном содействии» в том, чтобы гласные «выполняли вскорости все необходимые надобности»²¹. Обратиться в думу с подобным заявлением Г.С. Батеньков в силу служебной специфики не мог, но немилость городских властей на себя все-таки навлек. Весьма показательной в этом отношении видится история с арестантской одеждой, где Г.С. Батеньков проявил свои лучшие качества, показал себя человеком, которому не чужда «милость к падшим».

На городских работах использовался труд колодников из острога. Их полагалось снабдить инструментами и одеждой, но только на время работы, имущество следовало вернуть по первому требованию. И вот в декабре 1817 г., незадолго до отъезда Г.С. Батенькова в Тобольск, гласный Степанов обратился в думу с откровенной жалобой на него. Он сообщил, что колоднику Федору Лебедеву выданы были сукно, бродни (кожаные сапоги) и рукавицы на 20 рублей 70 копеек. «Но ныне узнал я, что означенный колодник за преступления наказан и следует в отправку в Иркутскую губернию, – писал гласный. – Посему я сходил к г-ну инженер-поручику Батенькову и просил его с того Лебедева... одежду отобрать и мне выдать... На что г-н инженер и кавалер Батеньков уверил меня, что та одежда с Лебедева отобрана будет и в думу доставлена». Но сомневаясь, как видно не без причины, в том, что Г.С. Батеньков это сделает, гласный добавляет: «А будет ли то исполнено или нет, я знать не могу»²².

Осенью того года в письме к другу Г.С. Батеньков приводил рассказ о «несчастном, который имел некогда надежды и наслаждения». Сообщал о гвардейском капитане, «ценившем дорого свою честь и смертью дерзкого своего сослуживца отомстившем нанесенную обиду». Закованный в кандалы, тот оказался в Томске и вместе с другими колодниками привлечен был к строительным работам. В письме говорилось, что арестанта препровождают в Нерчинск, т. е. в Иркутскую губернию. «Можешь представить, какое имело его влияние на мое сердце... – сообщал Г.С. Батеньков, – я постарался утешить его, по крайней мере, ласкою и сострадани-

²¹

ГАГО. Ф.127. Оп. 1. Д. 942. Л. 95, 95 об.

²² Там же. Л. 74, 74 об.

ем». В судьбе бывшего офицера, «человека скованного... но с благородным видом» он принял живое участие, «возбудил сострадание» к нему томского общества. Написал даже в Нерчинск «главному тамошнему начальнику» с просьбой «облегчить его участь»²³.

Что это было, эмоциональный порыв или твердая установка воздавать каждому по справедливости? В другом письме, отправленном год назад, Г.С. Батеньков рассуждал о «здешнем наилучшем мире», где «истинно добрые страдают, а злодеи и клятвопреступники наслаждаются»²⁴. Стремление помогать «истинно добрым», однако, не всегда соотносилось с принятыми в обществе правилами. Так вышло в случае с одеждой, оставленной колоднику Лебедеву, о котором, как можно предположить, и говорилось в письме А.А. Елагину. Исполнить предписание думы Г.С. Батеньков не спешил, и на него поступила новая жалоба. «Дабы колодник Лебедев не мог тою одеждой воспользоваться навсегда», говорилось в документе, необходимо «сообщить г-ну Батенькову и просить, дабы благоволил снять оную одежду с Лебедева и прислать в думу»²⁵. Через несколько дней, 2 января 1818 г., дума решила еще раз обратиться к Г.С. Батенькову с той же просьбой, «поелику одежды по сие время не доставлено» и «дабы тот Лебедев не был отсюда выслан на поселение... и не мог той одеждой воспользоваться навсегда»²⁶.

Когда решение сообщили Г.С. Батенькову, тот отказался его выполнить, советуя обратиться в городскую полицию. Но в ответ на требование полиции Федор Лебедев, который работал на устройстве перил у берега реки Ушайки, ответил, что одежда изношена, а «зипун и бродни удержаны из следующей платы оною думою». Завязалась переписка, которая обнаружила новые любопытные данные. Выяснилось, что этому колоднику платили отчего-то вдвое больше, чем остальным. Плотники получали на строительстве по 20 копеек в день, а Лебедеву выдавали 40-копеечную плату. И дальше мы узнаем, что Лебедева отправили не в Нерчинск, а гораздо ближе, в Боготольский винокуренный завод Томской губернии, что тоже наводит на мысль об участии в его судьбе Г.С. Батенькова.

²³ Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пущина и Э.Г. Толля. С. 81–82.

²⁴ Там же. С. 67.

²⁵ ГАТО. Ф.127. Оп. 1. Д. 942. Л. 75.

²⁶ Там же. Л. 85.

Одежду с колодника дума, впрочем, так и не получила; это послужило уроком: впредь условились брать деньги за казенную одежду своевременно. Но в феврале 1818 г. гласный Степанов сообщил в думу, что «плотники из колодников, работавшие на постройке нового моста... которые ныне при работе не находятся и последуют из города в отсылку» вновь «получили по записке инженер-поручика Батенькова одежду» на 47 рублей 90 копеек²⁷. Г.С. Батеньков в это время находился в Тобольске. Адресовывать туда просьбы дума не стала, и история с казенной одеждой на том, видимо, завершилась. Но укрепить его отношения с городской властью она, понятно, не могла: государственному служащему, каким был Г.С. Батеньков, вести себя так не полагалось. А он, со своей стороны, не мог принять жизнь, где «кругом льды... в самих сердцах». Где «способности и воображение тупеют», а «чувства сердечные теряют свою пылкость» и леденеют, как и мозг...²⁸

Работы по строительству нового деревянного моста через Ушайку между тем продолжали идти под руководством губернского архитектора А.П. Деева. Плохое снабжение материалами, слабый контроль, нехватка рабочих рук существенно замедляли работы и вели к удорожанию строительства. Кроме того, есть основания полагать, что при этом допущены были отступления от утвержденного проекта, который представил Г.С. Батеньков. Вернувшись в Томск, всю весну и лето 1818 г. он продолжал заниматься мостом. В октябре 1818 г. городская полиция рапортовала в думу, что строительство близится к завершению, а старый ветхий мост надо сломать²⁹. Обращает на себя внимание, что всё это время, весь 1818 г., дума направляла на строящийся мост плотников и чернорабочих, там постоянно трудились колодники. Но производительность работ, очевидно, была крайне низка: велись они слишком медленно.

К тому времени отношение к Г.С. Батенькову совершенно переменялось, хотя при отъезде из Томска он получил от губернатора похвальный аттестат, а в мае 1818 г. «за особенное усердие и отличие по службе» был «помещен в должность инженера II класса с

²⁷

ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 942. Л. 111.

²⁸

Из писем Г.С. Батенькова от 8 ноября 1817 г. и 19 января 1818 г. // Письма

²⁹

Г.С. Батенькова, И.И. Пушина и Э.Г. Толля. С. 85, 87.

ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1044. Л. 14.

оставлением в X округе»³⁰. Причины, которые привели к столь странной перемене, рассмотрены были в упоминавшейся статье Г.М. Котлярова. Отголоски конфликта, в общем-то, можно заметить и в омских архивных документах. Так, в декабре 1818 г. на просьбу Г.С. Батенькова распорядиться о «потребных для производства работ инструментах» член Совета путей сообщения генерал-майор Леонтьев советовал обращаться к губернатору, ибо «влияние на сии работы главного управления путей сообщения ограничивается токмо командированием... инженера»³¹. Внешне мнение было оформлено в духе обычной отписки, но после слов о том, что Г.С. Батеньков уже «относился» с такой просьбой к губернатору и получил, как можно догадаться, отказ, документ обретал иное звучание. Получалось, что помощи томскому инженеру ни с той, ни с другой стороны ожидать было невозможно.

Большую роль здесь сыграл, конечно, генерал-губернатор И.Б. Пестель. Его вмешательство придало конфликту особую остроту, Г.С. Батеньков даже просит дозволения «оставить навсегда Томск», поскольку его труды «теперь при беспрестанных огорчениях... делаются... менее, нежели бесполезными»³². Г.С. Батенькова втягивают в разбирательство по поводу якобы плохо сооруженного городского ключа. Причем позиция Совета путей сообщения по мере возрастания недовольства гражданских властей становится менее взвешенной и объективной. Если вначале ведомственный Совет пытался сохранить непредвзятость, признавал сотрудника своего «не подлежащим никакому обвинению», указывая, что действия его, «сообразные с правилами искусства и должную бережливость, засвидетельствовать могут похвалу»³³, то затем всё более очевидным становилось желание Совета уйти от неприятных трений. Среди прочего Г.С. Батенькову ставили в вину неоконченные работы по строительству моста.

В письме И.Б. Пестеля на имя правящего должность главного директора департамента путей сообщения Ф.П. Деволанта после слов о городском источнике говорилось: «Равно остаётся неокончен-

³⁰ ГАОО (Государственный архив Омской области). Ф. 4. Оп. 1. Д. 129. Л. 25.

³¹ Там же. Д. 176. Л. 29.

³² Цит. по: *Котляров Г.М.* Г.С. Батеньков в Сибири в 1817–1819 гг. С. 157.

³³ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 176. Л. 54.

ным и... строение чрез протекающую средь города речку Ушайку нового моста. Батеньков уведомил губернатора представлением, что вместо поправки старого моста... готов сделать новый простой конструкции и что оный стоить будет не более 3 тысяч рублей, чего бы и починка старого потребовала, и что постройка сего моста будет окончена в конце 1818 года. Но, напротив, построение оного продолжается поныне, и стоит уже городу более 12 тысяч рублей...». А жители города не надеются «при всех сих задержках, судя по действиям вешней воды, чтобы оный мост устоял»³⁴, что, собственно, и произошло. Но винить в том следовало не Г.С. Батенькова и не архитектора А.П. Деева, который достраивал мост, а городскую власть, не сумевшую должным образом организовать работы.

Осенью 1819 г. губернатор Д.В. Илличевский обратился в городскую думу с требованием представить соображения о том, как исправить поврежденный от весеннего половодья новый мост. Г.С. Батеньков в ту пору уже находился в свите М.М. Сперанского и работал в Иркутске, обвинить его теперь было невозможно, а работы по-прежнему шли из рук вон плохо. Через три месяца после грозного предписания относительно моста губернатор отправляет в думу новое требование ускорить работы, «дабы с наступлением весны без всякой опасности можно было иметь по оному проезду»³⁵. Об этом же пишет, обращаясь в думу, губернский архитектор А.П. Деев. Город снова выделил деньги, приобрел материалы, нанял рабочих, но по-настоящему взяться за дело и довести его до конца, видно, не смог. Летом 1820 г. по предписанию губернатора была создана очередная комиссия для осмотра новых повреждений моста, на этот раз куда более серьезных. Смета «к поправлению моста» составлена была уже на внушительную сумму в 5 199 рублей 5 копеек³⁶. Денег таких город не имел, но губернатор предоставил думе «свободно изворачиваться», чтобы покрыть непредвиденные издержки.

Не лучше обстояло дело и с укреплением берегов Ушайки: работы на «обрубе» реки из-за нерадивости городского управления тоже растянулись на долгие годы. Только при губернаторе Е.П. Ковалев-

³⁴ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 158. Л. 393 об.

³⁵ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1044. Л. 40.

³⁶ Там же. Л. 62 об.

ском, как можно судить из документов, в строительных работах наведен был некоторый порядок и налажен контроль. Заботясь понастоящему о сбережении городских средств и говоря о необходимости укрепить у нового моста ледорезы, губернатор в марте 1832 г. сообщал в думу: «Могу дать разрешение об употреблении на сие денег из градских доходов не прежде, пока не получу от оной думы донесения о той цене, какую выпросят за таковое исправление ледорезов желающие»³⁷. А в августе того же года при ревизии «шнуровых книг бывшей томской комиссии по устройству города» обнаружился перерасход средств на перестройку моста через Ушайку, «якобы выданных подрядчикам»³⁸. По поводу «лишних» денег (2 068 рублей 99 копеек) возникло разбирательство, но на запрос Томской казенной палаты, с кого взыскать эти явно присвоенные деньги, ответа не последовало.

Строительство моста тем не менее показало в полной мере лучшие профессиональные качества Г.С. Батенькова. Первая его крупная работа как инженера и архитектора стала не только важным этапом его биографии, но и помогла укрепить жизненную позицию, лучше понять происходящее, повлияла на взгляды будущего декабриста.

³⁷ ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 316. Л. 25.

³⁸ Там же. Л. 64.

Л.И. Шерстова (Томск)
«Устав об управлении инородцев» как
источник по этнополитической истории
сибирских аборигенов

Общая европеизация российского общества, начавшаяся при Петре I, во многом определила тенденции его развития на протяжении XVIII–XIX вв. В XVIII в. распространившиеся идеи Просвещения сформировали представления, существенно повлиявшие на восприятие европейцами «нецивилизованных народов». Основной их постулат сводился к тому, что современные «отсталые, примитивные народы» – наглядный пример ранних стадий развития человечества, пройденных и предками европейцев. Здесь отчетливо проявилось понимание единства человеческой истории¹ и, исходя именно из этого понимания, фактически оправдывалось вмешательство в образ жизни «дикарей» и «варваров», дабы «подтянуть» их по уровню к «цивилизованным народам». На практике с помощью новейших прогрессивных идей обосновывалась культуртрегерская функция западноевропейской цивилизации. Впрочем, одновременно многие мыслители стали осознавать разрушительность такого вмешательства, начали разрабатываться теории, признававшие за неевропейскими народами право сохранения ими привычного уклада существования. В реальности последнее, в конце концов, выразилось в политике их обособления, искусственной замкнутости извне, например в создании индейских резерваций.

Идея Екатерины II о «подчиненном Сибирском царстве» в представлениях Александра I претерпела обусловленную временем ме-

¹ Токарев С.А. Истоки этнографической науки. М., 1978. С. 126.

таморфозу и вылилась в создание особого «Учреждения об управлении Сибирью», а покровительство «Сибирской автономии» – в разработку «Устава об управлении инородцев». Появление этих законодательных актов обуславливалось также и дальнейшим структурированием российского общества, укреплением законодательных тенденций в системе государственности. Однако принципы устройства сибирских аборигенов, подходы к взаимоотношениям с ними во многом базировались на идеях эпохи Просвещения, при этом использовался опыт долголетнего управления коренными народами Сибири, учитывались их собственные управленческие традиции.

Вначале М.М. Сперанский вынашивал идею устройства только бурят, быть может, потому, что в Иркутской губернии, где они проживали, им было вскрыто максимальное количество злодеяний, беспорядков и произвола. Но в ходе знакомства с жизнью разных сибирских территорий и групп коренного населения, в процессе сбора сведений и конкретных материалов относительно их хозяйственно-бытовых укладов и способов внутреннего управления родился крупный законодательный документ общесибирского значения – «Устав об управлении инородцев» (1822). Позже на основе «Устава» были созданы аналогичные акты законодательства для некоторых других нерусских народов империи: «Об инородцах Астраханской и Ставропольской губерний»; «Об управлении киргизов» (казахов); «Об инородцах Архангельской губернии».

В «Уставе» М.М. Сперанского впервые в качестве официального термина для наименования сибирских аборигенов (позже и других нерусских народов) появляется слово «инородцы». По свидетельству современников, слово это было введено в широкий оборот по инициативе Г.С. Батенькова. Позднее в «Своде Законов Российской империи», над которым также довелось работать Сперанскому (уже в николаевские времена), было представлено определение понятия «инородец»: «Под именем инородных разумеются все племена не российского происхождения, в Сибири обитающие»². Такая трактовка знаменательна: в XVII–XVIII вв. для обозначения

² Свод законов Российской империи повелением Государя императора Николая Павловича составленный. СПб., 1833. Ч. 4–5. С. 358.

сибирских аборигенов чаще всего употреблялось слово «ясачные», а с начала 1700-х гг. в документах используются аналоги – «иноземцы», «иноверцы», хотя и значительно реже. Собственно, все три термина, особенно первый, никак не выделяют сибирское коренное население в этническом плане среди прочих народов страны, а отражают либо его податной статус, либо неправославное вероисповедание, либо, наконец, местообитание за пределами Европейской России. Эти трактовки полностью вписываются в «евразийское наследие» России. Термин «инородец» обозначал концентрацию внимания законодателя на национальной – не русской, а инородной – принадлежности человека и знаменовал собою внесение этнического разделения в юридическую практику.

Европейское влияние в форме просветительской идеи о прогрессивном поэтапном развитии человеческого общества в большей мере выразилось в принципе разделения сибирских аборигенов на несколько «разрядов», соотнобразующихся со степенью их «цивилизованности» или, наоборот, «примитивности». В «Уставе» М.М. Сперанского этот критерий обозначен так: «Все обитающие в Сибири инородные племена, именуемые поныне ясачными, по различному степени гражданского их образования и по настоящему (т. е. тогдашнему. – *Л.Ш.*) образу жизни разделены на 3 главные разряда». Далее все сибирские аборигены «рассортировываются» по схеме общественного развития «от низшего – к высшему», от «бродячих» через «кочевых» – к «оседлым». Существенно, что показателем степени развитости является близость данной этнической (этносоциальной, податной) группы к русскому крестьянскому образу жизни: «...оседлые инородцы сравниваются с крестьянами во всех податях и повинностях, кроме рекрутской»³.

Еще одним важным проявлением нового европейского мировоззрения в XIX в. стало отождествление разных групп сибирского населения с этапами развития человечества. Постепенно на южносибирских тюрков, не так давно имевших свою государственность или входивших в государственные образования Центральной Азии, переносились черты эпох «дикости» и «варварства», а сами они безапелляционно соотносились с первобытностью.

³ Устав об управлении инородцев // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 38. С. 394–395.

Однако нельзя забывать о том, что «Устав об управлении инородцев» сыграл важнейшую роль в защите прав сибирских аборигенов. К этому пространному документу относились по-разному. Современники из прогрессивно настроенной сибирской общественности воспринимали его с изрядной долей скепсиса, а иногда и просто не принимали. «Замечательно доброжелательный по духу (Устав) не мог осуществиться и повел... только к недоразумениям... этот Устав не привился на деле в Сибири. Дух его остался непонятым, не усвоенным, а быт инородцев остается в том же, если не худшем виде, чем до Устава», – писал, например, Н.М. Ядринцев⁴. С ним, в общем-то, солидаризировались и другие: «Устав Сперанского, – отмечал С.С. Шашков, – не привел сибирских инородцев к тому благосостоянию, которое, конечно, имел в виду составитель этого устава»⁵.

В современной историографии социально-экономические последствия введения «Устава» для аборигенов Сибири оцениваются двояко. Одни исследователи считают, что основное направление документа – сохранение самобытного уклада коренных сибирских народов, а его главная задача – ограничение вмешательства в их внутреннее самоуправление со стороны местной администрации (С.В. Бахрушин, Н.А. Миненко). Другие придерживаются диаметрально противоположных взглядов, доказывая, что «Устав» Сперанского был ориентирован не на консервацию социально-экономической отсталости, а на создание условий для постепенного сближения инородцев с государственными крестьянами и на интеграцию первых в общероссийскую административную и экономическую системы. При этом подчеркивается, что функции органов крестьянского самоуправления ненамного разнятся с функциями родовых и инородческих управ, что последние приближаются к первым (Л.М. Дамешек, В.Г. Марченко, А.Ю. Конев). А.Ю. Конев уточняет: «Трудно согласиться с мнением об Уставе как о консервативном. Другое дело, что его создатели выступили против немедленной ломки традиционного уклада»⁶.

⁴ Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891. С. 204–205.

⁵ Шашков С.С. Сибирские инородцы в XIX столетии // Собрание сочинений. СПб., 1898. Т. 2. С. 584.

⁶ Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX в.). М., 1995. С. 91.

Опираясь на данные, изложенные нами выше, необходимо высказать по поводу второй точки зрения следующие соображения. Во-первых, сибирские аборигены с самого начала присоединения Сибири и в ходе последнего тут же включались в социально-экономическую структуру государства через объясачивание и сразу же двигались по пути оформления особого российского податного сословия, во многом сходного с прочими, но и с явными отличиями, обусловленными как специфическим образом жизни, так и особым характером налогообложения. Во-вторых, все формы низового самоуправления (по А.Ю. Коневу, три уровня такового: традиционное, смешанное и государственно-административный контроль⁷) существовали у аборигенов с XVII в. в политически и географически сбалансированном виде. В XVIII в. после земской реформы именно земские уездные суды и земские исправники осуществляли административно-контрольные функции по отношению к аборигенному обществу. М.М. Сперанский же, по существу, всего лишь унифицировал все эти институты и свел их в едином законодательном акте. В-третьих, не стоит противопоставлять крестьянское самоуправление аборигенному по сущностному принципу, а социально-экономическую систему Сибири рассматривать вне изначального присутствия в ней аборигенного компонента, или этносоциального низового страта.

Представляется, что определяющей характеристикой этого законодательного акта явилось следующее: М.М. Сперанский, как мудрый государственный муж, свой европейский взгляд на уже сложившиеся формы управления инородцами, на их самоуправление, на их социально-экономическую жизнь смог кодифицировать в соответствии с европейскими же юридическими нормами. Именно юридическая безукоризненность «Устава» предопределила его многолетнее функционирование в меняющемся обществе, несмотря на попытки пересмотра этого уникального документа.

Краткое содержание «Устава об управлении инородцев» может быть сведено к следующему. Прежде всего, для него не характерна евразийская традиция определения одних лишь обязанностей подданных перед властями. Объясняются и права ясачных. Первая часть

⁷

Конев А.Ю. Указ. соч. С. 89.

документа так и называется: «Права инородцев» и состоит из 6 глав. В первой главе оговаривается принцип классификации сибирских аборигенов и предварительно обозначаются их группы по разрядам. Так, в § 3 ко второму – «кочевому» – разряду причислены: кочующие земледельцы буряты хоринские, селенгинские, аларские, а также некоторые кочинцы и часть других ясачных Бийского и Кузнецкого ведомств; южные скотоводы и промышленники – сагайцы, бийские и кузнецкие ясачные и др.; северные скотоводы и промышленники – якуты, остяки нарымские, березовские и обские и др.

Между инородцами и другими сословиями и по «Уставу» Сперанского не существует непреодолимых барьеров: в § 13 сказано, что «все вообще оседлые инородцы сравниваются (т. е. уравниваются. – *Л.Ш.*) с россиянами в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступают». В § 57 отмечается, что «позволяется кочующим, если некоторые из них водворяются оседло, по собственной их воле вступать в сословие государственных крестьян, равно в городские жители и записываются в гильдии, без всякого ограничения и стеснения и притом с свободою от рекрутства». Явственно выступает здесь сохраняющаяся евразийская двойственность. Понятие «инородец» (этническое определение) и прежний его аналог «ясачный» (податной эпитет), как и раньше, обозначает сословную российскую принадлежность человека. Социальное начало подменяет собою этническое, ибо иначе непонятно, как из определяемого по национальному признаку сословия можно перейти в сословие, в основе которого – специфический образ жизни и вид деятельности, т.е. изменить прежнее податное состояние. Важно подчеркнуть, что «Устав» сохранил все прежние условия для перманентного этнического подпитывания русских: переход «инородца» в «русское» сословие медленно, но верно должен был сопровождаться серьезными этнокультурными и ментальными переменами, даже прямой метисацией.

Среди главных «прав инородцев», закрепленных в «Уставе», особо значимо право на земли, «ими владеемые» (§ 20) или «ими обитаемые» (§ 28). В § 31 «строго запрещается россиянам самовольно селиться на землях, во владение им (кочевым. – *Л.Ш.*) отведенных». Столь же важны § 34 и 85, касающиеся внутреннего самоуправления: инородцы «управляются собственными своими

родоначальниками и почетными людьми, из которых составляется их степное управление» и «по степным законам и обычаям, каждому племени свойственным», т.е. на основе обычного права. К этим положениям примыкает § 53, по которому «кочевые инородцы пользуются свободою в вероисповедании и богослужении», ограничивая, таким образом, миссионерскую деятельность и делая принятие христианства делом личным и добровольным.

Даже приведенные здесь выдержки из «Устава об управлении инородцев» показывают, что в нем, наряду с созданием условий для ассимиляции и аккультурации с русскими, кодифицированы основания для сохранения собственного образа жизни и традиций. Следовательно, ненамеренно, но неизбежно открывается возможность возникновения очагов новых конкретных этногенезов, укрепляются и ускоряются уже протекающие этнические процессы, в первую очередь консолидационные. Помимо всего прочего, законодательство ограничивало торговлю горячительными напитками в инородческих волостях, а также запрещало торговать с инородцами «служившим в той же губернии чиновникам» (§ 46–48). Определялось право «на отлучки по словесному позволению их старшины в соседние города, селения, ярмарки хотя бы и далее 100 верст». На отъезд свыше 500 верст требовалось, правда, письменное разрешение от земской полиции (§ 52).

Часть вторая называлась «Состав управления Сибирских инородцев» и состояла из 10 глав. Первая определяла особенности управления оседлых инородцев, причем учитывалось их расселение: если они жили «особыми деревнями», то выбирали сельских старост на общих правилах («о сих старостах в русских селениях»). Если «число душ в селениях достаточно», то они «составляют особенную волость», и волостная управа в этом случае аналогична той, что действует в крестьянских волостях. Если же селения не могут составить особой волости или инородцы не образуют особого селения, то их причисляют к русским деревням и русским волостям. По сути дела, составители статей «Устава» исходили из тогдашней реальности: к началу XIX в. в Южной Сибири многие русские деревни располагались чересполосно с инородными, а в русских селениях часто проживали инородцы.

Так, по данным 1820 г., в Смоленской волости Бийского округа – единственной, где жили государственные, а не приписные крестьяне, и потому подведомственной губернии – насчитывалось 17 населенных пунктов. В 8 из них, наряду с государственными крестьянами, отставниками и поселенцами, жили «ясашные крещеные, занимающиеся земледелием». При общей численности населения 871 д. о. п. последние насчитывали 123 человека, т. е. 14% всех поселян. В селениях соотношение русских и инородцев различилось: в редуте Бехтемирском было 11 казенных крестьян и 3 крещеных ясачных; в редуте Николаевском соответственно 15 и 7; в селе Енисейском – 14 и 15; в редуте Новиковском жили 3 отставных, 30 казенных крестьян, 7 государственных крестьян и 3 ясачных; в селе Солтонском – 25 казенных крестьян и 14 ясачных; в редутах Сайлапском и Сайдыпском и в деревне Усяцкой (соответственно 29, 35 и 17 д. о. п.) указаны лишь «ясашные крещеные, занимающиеся хлебопашеством», русских не было. В последнем случае, несомненно, фиксируется совместное поселение членов одной большой патриархальной семьи (толь), типичное и традиционное для Южной Сибири. В Верхне- и Нижне-Кумандинской волостях крещеных ясачных насчитывалось в деревне Березовке 69 д.о.п., в деревне Быстрянской – 204⁸. Все эти ясачные автоматически попали в разряд оседлых инородцев, и соответствующим образом были определены их органы управления. Впрочем, в этих же волостях другие их соплеменники продолжали оставаться в разряде кочевых.

Во второй главе второй части «Устава» определяется состав управления кочующих инородцев. Для этого разряда характерно сочетание уже сложившихся принципов управления с новыми, направленными, как и в случае с оседлыми, на количественное наполнение податных единиц. Поэтому улусы численностью не менее 15 семейств имели «собственное свое родовое управление», а небольшие улусы причислялись к ним (§ 94, 95). Несколько улусов «одного рода» подчинялись Инородной управе (§ 103). Статья 97 определяет, что «староста избирается или наследуется по обычаю между своими сородичами, он может носить имена: князь, зайсанг

⁸ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 144. Оп. 1. Д. 14. Л. 4–6 об.

и пр., но в сношениях с правительством... имеет называться староста». Таким образом, аборигенная элита как бы не отстраняется от власти, но не повсеместно, поскольку юридически закрепляется принцип выборности старост. Общий контроль сохраняется за местными властями: и выборные, и наследственные старосты утверждаются губернатором (§ 147). Вместе с тем реальная, хотя и во многом условная власть сосредоточивается в руках «голов» Инородных управ и «главных родоначальников» – тайшей, зайсангов (§ 115), представлявших наиболее многочисленные административные образования – Степные думы, т.е. «многие роды, соединенные в общую зависимость» (§ 114). Поскольку же Инородные управы и Степные думы являлись нововведениями, возглавлять их могли только выборные лица. «Устав» здесь продолжил общую тенденцию снижения значимости и веса наследственной – родовой, улусной – аристократии. Введение новых административно-фискальных объединений дополнительно укрепляло позиции местных русских администраций и их жесткий контроль над инородцами. Степные думы, как и Инородные управы, имели следующие обязанности перед государством: «Народосчисление, расклад сборов, правильный учет всех сумм и общественного имущества, распространение земледелия и народной промышленности и ходатайство у высшего начальства о пользе родовичей (§ 119)». Статья 157 определяла подчинение инородцев земским судам и земской полиции и никому более, т. е. ограничивала законом вмешательство во внутренние их дела.

Часть третья, названная «Наказ управлениям инородцев» и содержащая 13 глав, юридически определяла «существо и пределы власти различным установлениям в губерниях... присвоенной». Фиксируется, что то и другое в инородческой и русской средах сохраняют одинаковые «значение» и объем, «но образ действий сей власти в отношении к инородцам требует особенных применений» (§ 168). Чувствуется, что законодатель имел ясное представление о специфике инородческого сословия. Статья 170 констатирует: состояние инородцев кочующих и бродячих отличается «непостоянством их жительства, степенью гражданского образования, простотою нравов, особыми обычаями, образом пропитания, трудностью взаимных сообщений» и т. д. И аборигенным органам (родо-

вым и Инородным управам, Степным думам), и земским судебнопольцейским властям предписывается действовать, сообразуясь с конкретными особенностями данной группы аборигенов, а также определяется ряд предметных мер по нескольким направлениям – торговому, финансовому и др. Тут же оговариваются те причины и обстоятельства, по которым в инородческие стойбища могут быть посланы чиновники или казацьи разъезды; определяются обязанности «словесной расправы», следствия, суда; постулируются принципы казенной продажи, богослужений и, наконец, надзора и ответственности губернского начальства.

Важно, что в этой части «Устава» не только перечисляются обязанности инородческого самоуправления перед органами контроля, т. е. земскими и губерскими властями, но и устанавливаются обязанности этих последних по отношению к инородцам. Не являясь исключением и сам губернатор. Имеется немало причин такого подхода к делу, включавшего, в частности, учет культурно-бытовой специфики инородцев при действиях земского и губернского начальства. Главных, пожалуй, две. Во-первых, к 1820-м гг. этнокультурное своеобразие населения Сибири, «непохожесть» его на русских воспринимались последними уже гораздо рельефнее, нежели в XVI–XVII вв.: и русский этнос развивался, и аборигены нищали и деградировали. Во-вторых, в сознании образованных русских к XIX в. закрепилось европейское представление о далеко не всегда благоприятном для «дикарей» их взаимодействии с «цивилизованными» людьми, о желательности, даже необходимости покровительственного, снисходительного отношения к инородцам.

Отсюда ставка на государственный патернализм для защиты «естественного человека» от «пороков цивилизации». Поэтому земская полиция должна была «неукоснительно доносить начальству, ежели предвиден будет недостаток в народном пропитании» (§ 216). На нее же возлагалось «попечение о прививании инородцам предохранительной оспы» (§ 218). Она же наблюдала, «чтоб торгующие не брали подвод у инородцев, иначе как по их согласию и за установленную плату» (§ 221). И разумеется, земская полиция «имеет надзор над Инородными управами и Родовыми управлениями» (§ 219). В ряде статей перечисляются те причины, которые только и могут вызвать появление в стойбищах «разъездов каза-

ков и чиновников», что очень важно в смысле смягчения произвола. Они суть таковы: те или другие имеют право и необходимость въезжать в инородческие поселки для ревизии порядка по управлению, для следствия, для сбора податей (в случае каких-либо неурядиц с этим у туземных управленцев) и для надзора за порядком на ярмарках – и только (§ 238, 239, 240, 241). Подчеркивалось особо, «чтобы разезды сии были редки и никогда не требовать большего числа подвод» (§ 237), вообще стараться во время одного разезда совмещать разные задания (§ 239). Появляться же за ясаком надлежало только в том случае, когда выплаты не производились в течение 2 лет (§ 240). К тому же «для ревизии порядка земское начальство может посещать стойбища кочующих 1 раз в 2 месяца, а бродячих инородцев 1 раз в год» (§ 238).

Три статьи «Устава» предписывают губернатору лично или его доверенному чиновнику один раз в год «подробно входить в дела инородцев»: посещать их «стойбища или места, с которыми они удобное могут иметь сообщение, внимать их жалобам и нуждам, доставлять удовлетворение, прекращать беспорядки, отсылать виновных к суду» (§ 293). После каждой годовой ревизии губернатор должен был доносить начальству о положении инородцев (§ 294), и «справедливость таковых удостоверений лежит на личной ответственности губернатора» (§ 295). Столь непосредственное участие начальника губернии в инородческих делах объясняется в рассматриваемом документе как ссылкой на традицию («в свое время именно воеводы отвечали за спокойствие» ясачных), так и предшествовавшими приезду М.М. Сперанского в Сибирь событиями, получившими в России широкий резонанс. В 1814–1816 гг. в Туруханском крае из-за плохой охоты и отсутствия муки в хлебных магазинах среди тунгусов разразился небывалый голод, сопровождавшийся людоедством. Местное и губернское начальство постаралось скрыть этот факт, и только благодаря деятельности нескольких мелких чиновников в Петербурге узнали о трагедии⁹. Уголовное следствие и суд в отношении инородцев проводились только в случаях тяжких преступлений и важных происшествий (§ 244–256). Менее важные дела и проступки

⁹ Шашков С.С. Указ. соч. С. 554–558.

рассматривала Словесная расправа (§ 233–235), используя нормы обычного права.

В этом контексте уместно заметить, что государственный патернализм, какими бы благими помышлениями он ни был продиктован, имеет обратную сторону, крайне неблагоприятную для системы жизнеспособности нерусских традиционных этносов: этническую и общественную пассивность, развивающуюся в конечном счете в маргинальное иждивенчество – сначала в психологии, затем и в быту. Эту отрицательную тенденцию чутко уловили еще в середине XIX в. «сибирские патриоты», и С.С. Шашков писал: «Иноходец уверен, что казна если не накормит его досыта, то, по крайней мере, не даст ему умереть от голода, и он мало заботится о будущем, вполне надеясь на казенную помощь»¹⁰. Не нуждается в доказательствах мысль о том, что такая иждивенческая жизненная позиция лишь усугубляла общий экономический и социальный регресс инородцев Сибири, их ментальное и физическое вырождение.

Наконец, часть четвертая «Устава», озаглавленная «О порядке сборов податей и повинностей с инородцев», состояла из 12 глав. В ней рассматривалась во всей многогранности основа основ всей сословно-инородческой государственной политики в России – система податного обложения. Регламентировались наложение и исчисление сборов, их раскладка по волостям и душам, виды сборов и порядок их оценки (если речь шла о пушнине), употребление этих сборов, а также формы отчетности и порядок взыскания недоимок. «Все вообще сборы с инородцев суть 3 родов: казенные подати, земская повинность, повинности внутренние – на содержание Степного управления или Инородных управ» (§ 296). «Подати могут сдаваться мягкой рухлядью или деньгами через Инородные управы или Степные думы, при их отсутствии через Родовые управления сборщикам, отдельным заседателям или в Земские суды под квитанции» (§ 324, 329). Земские суды, в свою очередь, передавали полученные деньги и часть пушнины в уздные казначейства, которые, исходя из присланной суммы, «расчисляют сообразно с присланным из Казенной палаты расписанием в Казенную подать и в земские повинности» (§ 342). Основная часть шкур передается в

¹⁰ Шашков С.С. Указ. соч. С. 616.

губернский город, где либо продается, либо передается в Кабинет в Санкт-Петербурге (§ 344). Исчисление сборов шло сверху вниз, т. е. губернатор составлял подробное расписание сборов ежегодно – как же тут не следить за состоянием инородцев! – для казенной палаты. Последняя рассылала скорректированный документ по городам, а те препровождали его в степные думы (§ 309–311). Кроме родовых управлений, никто не вправе производить сбор с инородцев, даже инородные управы и земское начальство (§ 312–314).

Анализ отдельных частей «Устава» М.М. Сперанского и всего законодательного акта в целом приводит к выводу о том, что в нем органично сочетаются традиции и новации управления инородцев (и инородцами). Часть четвертая не является исключением, хотя в ней, как представляется, в большей степени присутствует традиция: именно семья выступает в роли основной податной единицы (первичного подразделения), а то, что именуется Родовым управлением не что иное, как волость XVII–XVIII вв. И то и другое обозначает административно-фискальную организацию, строящуюся на принципе «физического наличия» тяглого населения – групп семей, которые совсем не обязательно родственны одна другой по крови: в «Уставе» нигде нет указаний на кровное родство как признак и принцип организации Родового управления. Хотя «управляющий родом приемлется в значении старшего лица, как будто бы род составлял одно семейство» (§ 173), в данной фразе стоит усматривать, скорее, метафору. Впрочем, в ряде случаев она могла точно соответствовать действительности – там, где податной единицей сделалась разросшаяся большая патриархальная семья, что также не противоречит давней южносибирской традиции. Ею же объясняются и порядок сбора податей, и та роль, которая принадлежит родовому старосте, имевшему, как помним, общепринятое в той или иной этнической группе название.

Итак, появление «Устава об управлении инородцев» явилось смелой попыткой юридически оформить статус разных категорий сибирских этносов, опираясь при этом на прогрессивные идеи Западной Европы («естественные права естественного человека»; Кодекс Наполеона и др.), а также на собственный государственный опыт, на практическое знакомство с бытом аборигенов и с традициями взаимоотношений с ними властей. М.М. Сперанский

и Г.С. Батеньков осмыслили уже отработанные за полтора-два столетия нормы и правила, исходя из представлений о поступательности развития человечества и о соотносительности «примитивных народов» и их социальной структуры с начальными этапами истории. Вместе с тем, и это отражает гуманистические убеждения составителей, «Устав» недаром открывается разделом о правах инородцев. Пожалуй, это один из первых государственных документов и не только в России, но и во всем «цивилизованном» мире, который может считаться «кодексом национальностей» и изначально признает за «дикарями» человеческие права.

Важнейшим правом сибирских инородцев, по «Уставу», является сохранение ими собственных традиций и образа жизни. Юридически оформленное признание их специфики, фигурально выражаясь, этнически уберегло сибирских аборигенов от поголовной ассимиляции, помогло им многое сберечь из своего богатого этнокультурного наследия, гарантируя то же самое в обозримом будущем. Гарантированное «владение землями, ими обитаемыми», как будто бы завершало давний процесс прикрепления тягловых людей к определенным землям. Но оно имело и другой, более существенный аспект: обладание землями способствовало их более или менее стабильному существованию в привычном состоянии, поскольку предоставляло юридические основания для защиты аборигенных этнических территорий и просто земельных владений и мест обитания. В условиях неуклонно усиливающейся русской колонизации Сибири, особенно крестьянской колонизации Верхнего Приобья, Хакасско-Минусинской котловины, верхнего левобережья Чулыма и Енисея, ссылки инородцев на только что упомянутую статью «Устава» являлись одним из немногих законных оснований для удержания их земель. Между тем этническая территория – необходимое условие, непременный атрибут рождения, сохранения и развития любого этноса.

Сперанский, очевидно, уловил многоплановость и противоречивость протекавших в Российской империи, в том числе в инородческой среде, общественных и этнических процессов и постарался поставить их в юридические рамки. Отсюда, в частности, допущение перехода из бродячего и кочевого разрядов в оседлый, приравненный к государственным крестьянам, что открывало путь

для дальнейшей естественной русско-инородческой ассимиляции и, главное, аккультурации, и этим самым продолжило формирование этнической базы русских сибиряков и в XIX в. Одновременно «Устав» не затронул многих черт традиционной жизни, обеспечив благоприятные условия для протекания уже начавшихся консолидационных процессов в среде, например, южносибирских тюрков. Может быть, одно из главных достоинств «кодекса Сперанского» в том и состоит, что он заключил давно начавшиеся процессы в оболочку четких юридических правил, закрепив тем самым их государственную правомерность. В этом смысле документ 1822 г. не потерял своего значения и ныне. И все же провозглашенный в «Уставе» государственный патернализм по отношению к сибирским инородцам много помог возникновению взгляда на них «свысока», а акцент на их этнических особенностях, на «нерусскости» обуславливал рождение более жестких проявлений оппозиции «свои – чужие». То и другое, быстро распространившись в широкой народной среде, особенно в переселенческой, подтолкнуло общество к укоренению начал взаимного недоверия русских и аборигенов, а в некоторых случаях – и к прямой межэтнической неприязни. Но это, разумеется, не вина создателей уникального законодательного акта, побочное действие которого не может умалить его государственной, общественной и этнополитической значимости.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 03-01-00359а.

В.П. Зиновьев (Томск)

**В.Е. Воложанин и сибирское областничество
Из истории одной полемики**

Имя Валентина Евгеньевича Воложанина, организатора первого рабочего социал-демократического кружка в Томске, прочно вошло в историю города Томска, историю Сибири, социал-демократического движения в России¹. Из исторического небытия его имя вернул Н.В. Блинов². Мне также приходилось писать о В. Воложанине как о революционере³. Однако в Томске в начале XX в. он был более известен как публицист, редактор прогрессивных печатных изданий. Этой стороне его деятельности и посвящена настоящая публикация.

Биографическая справка

Родился В.Е. Воложанин в 1878 г. (по данным ОГПУ, в 1876 г.) в семье томских мещан, учился в гимназии, где проникся революционными настроениями. С идеями К. Маркса его познакомил студент университета С. Данилов. В конце 1895 г. Валяна (гимназическая кличка В.Е. Воложанина) решил уйти из гимназии, чтобы за-

История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. Т. 3. С. 233; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. С. 217; Томск: История города. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 167-168.

Блинов Н.В., Матвеев М.И. У истоков Томской большевистской партийной организации. Томск. 1964. С. 10; Блинов Н.В. Распространение марксизма и формирование социал-демократических организаций в Сибири. Томск, 1972. С. 92-99.

Зиновьев В.П. Забытое имя (Валентин Воложанин) // Наука в Сибири. 1988. 25 авг.; Он же. Валентин Воложанин – томский социал-демократ // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Томск: ТГПУ, 1999. С. 22-27.

няться революционной пропагандой, восхищенный примером хождения в народ. Он создал кружок самообразования среди типографских рабочих, который постепенно перерос в социал-демократический. Этот кружок стал основой для городской организации социал-демократов, Сибирского социал-демократического союза, Томской организации РСДРП. В 1901 г., под угрозой ареста, В. Воложанин скрылся из Томска, жил в Иркутске, Омске. По возвращении в Томск занялся легальной деятельностью, редактировал газету «Утро Сибири», где и публиковал свои статьи. По мнению Н.В. Блинова, выступления В. Воложанина «могут быть отнесены к лучшим образцам легальной партийной литературы в Сибири»⁴.

После революции 1917 г. В. Воложанин не принял тот вариант социалистических преобразований, который осуществлялся большевиками. В годы нэпа пытался организовать свое предприятие, в 1929 г. побывал в числе лишенцев⁵, едва не был репрессирован. Отсидел в 1930 г. 4 месяца в тюрьме, но был освобожден по прекращению дела⁶. Более подробные сведения наверняка есть в архиве УФСБ по Томской области. В.Е. Воложанин затем долго трудился бухгалтером в народном хозяйстве, пережил всех учеников, соратников и недругов, по выходе на пенсию жил в Подмоскovie. Умер в начале 70-х гг. Жена В.Е. Воложанина – М.И. Дубровина (Воложанина) – была известным в Томске зубным врачом⁷.

Приведенные ниже статьи В.Е. Воложанина посвящены его выступлениям против областничества. Доклад «Эволюция сибирского областничества» был сделан на годовом собрании Томского общества по изучению Сибири 9 февраля 1916 г., а статья «г. Колосов и областники» была опубликована им в газете «Утро Сибири» 23 сентября 1916 г. В этих публикациях Воложанин критикует идеи областничества как утопические, тем продолжает традицию критики областничества, начатую еще просветителями в 70-е гг. XIX в.⁸

⁴ Блинов Н.В. Очерки дореволюционной историографии и источниковедения рабочего класса Сибири. Томск, 1974. С. 64.

⁵ ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 346 от 11.12. 1929 г.

⁶ Боль людская: Книга памяти репрессированных Томичей. Томск, 1994. Т. 4. С. 74.

⁷ Воложанин В.Е. Отзыв на автореферат диссертации Н.В. Блинова. С. 8 // Архив автора.

⁸ Зиновьев В.П. Забытый спор: Н.М. Ядринцев – Н.В. Скорняков // Научная конференция памяти Николая Михайловича Ядринцева. Секция Историография и методология истории. 29 – 30 октября 1992 г. Омск, 1992. С. 8–11.

Полемику неизвестного автора с Н.М. Ядринцевым на страницах газеты «Сибирь» можно рассматривать как борьбу западников и славянофилов применительно к Сибири⁹. Позднее против областников выступала газета «Сибирский вестник» (редакторы – В. Картамышев, В. Корш, И.И. Емельянов, Г.В. Прейсман), придерживавшаяся либерально-буржуазного направления и западнических настроений. За это «Сибирский вестник» получил клеймо рептильной и реакционной газеты, каковой ее часто именовали и в советской историографии. «Сибирский вестник», в свою очередь, привил областникам стойкое предубеждение против пришедшей российской интеллигенции.

В конце XIX в. в полемику с областниками включились марксисты, на которых у областников сразу же сформировалась аллергия в острой форме. К наиболее ярким выступлениям марксистов против областнических идей можно отнести статьи Л.Б. Красина «Судьбы капитализма в Сибири», М.К. Ветошкина «Сибирское областничество», В.А. Ватина-Быстрянского «К юбилею областничества»¹⁰.

В.Е. Воложанин достойно продолжил эту эстафету, показав в своих статьях бесплодность сибирского областничества как освободительной идеи и его слияние с буржуазным либерализмом. Отход областников от демократических традиций подтвердил характер их участия в Гражданской войне, в которой они пошли на союз с А.В. Колчаком. Заметим, что В.Е. Воложанин, верно критикуя областничество за недооценку развития капитализма в Сибири, вместе с тем сам не учитывает регионального истока областничества, суть которого не зависит от его идеологической начинки. Пока сибирское население будет себя чувствовать обделенным пасынком, почва для областнических идей в Сибири не исчезнет.

⁹ Я сделал предположение, что неизвестный автор «Ъ» – это Никита Виссарионович Скорняков, известный публицист из Енисейска.

¹⁰ Красин Л.Б. Судьбы капитализма в Сибири // Восточное обозрение. 1896. 13, 16, 18 окт.; Ветошкин М.К. Сибирское областничество // Современный мир. 1913. № 3. Отд. II; Ватин-Быстрянский В.А. К юбилею областничества // Сибирский архив. 1915. № 12.

*Эволюция сибирского областничества*¹¹

«Приводим в общих чертах содержание доклада В.Е. Воложанина, прочитанного на последнем годичном собрании членов общества изучения Сибири.

Областничество в Сибири, по мнению докладчика, возникло в тот исторический момент, когда страна, как бы забытая людьми и Богом, представляла самую жалкую и неприглядную картину. Духовные запросы не интересовали массу. Даже чиновничество и духовенство, единственные представители краевой интеллигенции того времени, были чужды высоких интересов. Массонская ложа «Восточное светило», организованная в Томске Батеньковым в 20-х годах прошлого столетия, была чуть ли не единственным обществом во всей Сибири. Сибирский публицист Шашков характеризовал тогдашнюю жизнь в мрачных красках: «Парады и разводы, гоняние солдат сквозь строй и наказание кнутом преступников были главнейшим развлечением жителей».

Другой публицист, Вагин, писал: «Жизнь общественная в 40-х годах была настолько однообразна, что можно сказать ее вовсе не было».

Некоторый перелом в сибирской общественности произошел значительно позднее. Особенно огромное влияние на историю сибирской мысли оказали 60-е годы. Этот подъем, вера в народные силы, характерные для той эпохи, не могли не затронуть глубин сибирской молодежи, приехавшей в столицу для получения знаний. Неподдельный энтузиазм охватил сибиряков, готовых верить, что их родина также ждет только призыва, чтобы принять участие в общем подъеме. Сходки, кружки, землячества волновали сердца сибиряков, а расстроенное воображение рисовало им радужные перспективы. «В нашем юном воображении, – писал впоследствии Н.М. Ядринцев, – нам представлялся сибирский университет открытым. Мы представляли его в виде роскошного здания, к которому стекались все разнообразные произведения нашей родины». С необычайным жаром и поспешностью принялись сибиряки, ох-

¹¹ Доклад В.Е. Воложанина, сделанный на годичном собрании Томского общества изучения Сибири 9 февраля 1916 г. // Сибирская жизнь. 1916. 12 февр.

ваченные общим настроением, изучать вопросы, имеющие отношение к истории и жизни Сибири.

Глубокое впечатление произвели на сибиряков лекции историка-областника Костомарова. Не без влияния осталась для сибиряков литература о попытках распространения федеративных взглядов при помощи организации общества «Соединенных славян» и «Кирилло-Мефодиевского братства».

Пламенные лекции Щапова, учившего, что русская история в самой основе своей есть по преимуществу история областных масс народа, история постепенного территориального устройства и разнообразной этнографической организации, окончательно убеждали сибиряков в том, что областное самоуправление и федерализм есть та политическая система, без которой немислима гражданская жизнь Сибири. Областной элемент послужил началом и для теоретического обоснования «сибирского патриотизма» – этого главнейшего залога областничества. Служить для Сибири и на пользу Сибири стало важнейшим вопросом момента, нравственным обязательством каждого, родившегося в Сибири. «Когда мы развивались, говорил Н.М. Ядринцев, когда страстное биение жизни коснулось и нас – то мы не могли не проникнуться более сознательным отношением к судьбе нашей родины; когда все жило общественными вопросами русской жизни, русского народа, когда так мечталось, так верилось, и мысль высоко парила в грядущем, – могли ли мы, сибиряки, не подумать о своем забытом крае, с которым связаны были рождением, родством, всеми нашими симпатиями... Появилась мысль о служении нашей родине, о возвращении домой».

Далее Ядринцев говорит: «Мы мечтали о счастливой будущности нового девственного края, подобно Америке и Австралии, перечисляли неистощимые ее богатства, рисовали ее в будущем мировым рынком, царицей Азии. Широкие исторические перспективы открылись нашему духовному взору». В результате, замечает докладчик, целая плеяда молодых писателей-сибиряков, во главе с Ядринцевым, Потаниным и Шашковым, покинули столицу и уехали в Сибирь для насаждения там великих начал эпохи. Это движение интеллигенции из центра на окраину было своего рода паломничеством в народ, которое представляет одну из прекрасных страниц в эволюции нашей общественной мысли.

В Сибири молодые люди в первую очередь выдвинули открытие университета, полагая, что без высшего светоча нельзя пересоздать Сибирь. Но чем больше проникали они в глубины сибирской общественности, тем больше огорчений встречали на своем идейном пути. К какому бы вопросу ни подходили они, – им приходилось рассчитывать только на свои силы. Народная масса не понимала заданий своих учителей и не принимала никакого участия в строительстве своей будущей жизни.

В народившейся сибирской прессе постепенно один за другим стали подниматься вопросы об отмене уголовной ссылки, о раскрепощении сибирского потребителя от московских мануфактуристов, о положении инородцев, о колониальной политике, переселении и об абсентеизме молодежи. Главным рычагом здесь явились Ядринцев, Потанин, Шашков, которые, неумолимо сотрудничая в российских и сибирских газетах, будировали общественную мысль, призывая население к независимой от центра жизни. Автономная Сибирь, по мысли Ядринцева, должна создать материальное благоденствие, а университет – дать Сибири ее духовную жизнь. Огромное влияние на направление мысли сибирской молодежи имел взгляд Словцова, указавшего, что Сибирь – это золотое дно, как страна, но как государство – ничтожная и безгласная область. В общем, по мнению докладчика, Сибирь рисуется первыми сибирскими публицистами, как обездоленная штрафная колония, отставшая от метрополии потому, что связана центром, в угоду кучке капиталистов. Отсюда зарождается протест сибирских областников-патриотов против метрополии. Представляя Сибирь, как страну. Резко отличающуюся от Европ. России по своим климатическим, этнографическим и экономическим условиям, сибирские патриоты верили, на подобие близких по духу народников, что исторические пути Сибири – это особенные пути, не похожие на пути, по которым идет метрополия. На этой почве полнейшего обособленчества и крепились, по мнению докладчика, начала областнической идеологии.

Областники считали необходимым проведение в жизнь начал культурного сепаратизма. Последний, по мнению областников, должен проявляться в музыке, и в театре, и в живописи, и в литературе, и в патриотизме. В Сибири должно быть все свое, все нужды, как духовные, так и материальные, должны удовлетворяться ис-

ключительно местными силами. Поднимая вопрос об устройстве сибирских финансов, о защите естественных богатств Сибири от расхищения, о защите сибирского труда от эксплуатации, областной приходе к выводу, что Сибири нужна Областная Дума. Последняя должна служить для разработки социальных нужд Сибири и должна быть общей для всей Сибири. В отдельных частях Сибири должны быть учреждены более мелкие ответственные органы. Такие же органы необходимы и для инородческих племен, причем интересы каждого племени должны быть объединены учреждением для каждого отдельного племени одной общей думы. Так, все бурятские ведомства должны быть объединены одной общей бурятской думой, киргизы должны получить думу для целого киргизского народа, алтайские общины должны слиться в лице одной алтайской думы. Областная Дума должна быть совершенно автономна, с соответствующими исполнительными органами и с выделением сибирских финансов из финансов государственных, с предоставлением этому областному парламенту заведовать всем хозяйством колонии.

Девятисотые годы, по мнению докладчика, должны быть вообще памяты в истории сибирского областничества. В эти годы оно пережило небывалый расцвет, а в эти годы была им пропета, по уверению докладчика, лебединая песнь. С введением проекта булыгинской думы сибирские областники пробудились к жизни. Сибирская печать усиленно заговорила о реформе городского самоуправления, о введении в Сибири земских учреждений, суда присяжных и т. д. и тогда же областники заговорили об объединении. На земском совещании в составе нескольких бюро и 5 томских просветительных обществ областники выдвинули идею создания сибирской Областной Думы. Эта мысль была поддержана сибирским областным союзом, организованным в Томске почти одновременно с земским совещанием. Параллельно с проектом создания Областной Думы сибирские областники выдвигали и другие вопросы, как-то: изъятие аграрного вопроса из ведения переселенческого управления и передачу его на рассмотрение местных органов самоуправления, упразднение челябинского перелома, предоставление Сибири права пользования известным процентом с доходов

государственной казны от золотопромышленности, с таможен, устроенных на сибирско-азиатской границе.

В настоящее время, по мнению докладчика, областники не дают исчерпывающего однородного ответа на вопрос: что такое областничество? Так, например, Ядринцев под областничеством разумел поднятие духовных и гражданских сил всего народа, не вдаваясь в оценку политического положения страны. Для Г.Н. Потанина областничество выражается в совокупности имеющих исключительно местное значение требований, предъявляемых к метрополии, с реорганизацией народохозяйственной жизни Сибири на централистских началах, во главе с союзом областей. Для В.И. Анучина областничество представляется как только программная надстройка, приемлемая для всякой прогрессивной партии. С.П. Швецов на областничество смотрит как на инстинкт самосохранения, вызванный к жизни прямым противостоянием централизму. Наилучшей формой государственного устройства, по мнению В.И. Анучина, будет союз областей на основах равноправия и самоопределения. Г.Н. Потанин до известной степени исключает возможность полного равенства областей. Так, с точки зрения Г.Н. Потанина, Дальний Восток, как аванпост Сибири, должен быть снабжен политическими учреждениями более свободными, чем остальная Сибирь.

Переходя к критике областничества, докладчик высказывает мнение, что областничество не увлекло наиболее сознательные слои сибирской интеллигенции. Недаром Г.Н. Потанин упрекает сибирское общество и печать в индифферентизме к областничеству. «Сибирские вопросы, – жалуется Потанин, – исчезли, а вместо них вниманию сибиряков преподносят рассказы о движении бельгийских рабочих». Впрочем, и сами областники начинают, по мнению докладчика, колебаться в прочности своей идеологии. Если не считать некропных статей, помещающихся в газетах и малопопулярных журналах в защиту областничества, имеющих агитационное, но не научное значение, то можно сказать, что областничество, теоретически не удовлетворяющее трудовые массы и рабочих, стремления которых не могут быть представлены вне пролетарского движения, утратило свою самостоятельность. Соотношение сил меняется, характерные черты момента уходят, а группа областников про-

должна жить, упорно цепляясь за то, что давно уже утратило, по мнению докладчика, конкретное значение.

Докладчик идет дальше в своих построениях и утверждает, что сибирское областничество, зародившееся как внеклассовое интеллигентское движение, все более и более приобретает классовый характер, драпируясь флагом кадетизма, захватившего пальму первенства в областнической среде. Кадеты, опираясь на защиту крайних нужд и интересов, в лице областников нашли, по мнению докладчика, хороший цементирующий материал для создания наиболее сплоченного и организованного национал-либерализма. Признание же необходимости существования в Госуд. Думе особой областной сибирской группы явилось началом более тесного областнически-кадетского союза. Докладчик ссылается на Ветошкина, утверждавшего, что сибирская группа является филиальным отделением к-д фракции. В дальнейшем докладчик высказывает мнение, что кадеты находят в лице областников верных союзников в деле защиты классовых интересов сибирской буржуазии. Более ясно выражена классовая точка зрения у депутата Востротина, стоящего за отмену пошлин на ввоз машин и орудий и за установление пошлин на чай, соль и др. предметы массового потребления. В общем, по мнению докладчика, сибирское областничество, поскольку оно вступает в союз с кадетами, является отражением воззрений буржуазии. Стоит только присмотреться к пониманию областниками широкой политической реформы, как она представится в простом желании иметь право на самостоятельное решение местных вопросов.

Кардинальным требованием областников по-прежнему остается Областная Дума, но докладчик уверен, что областники, расчленяющие само понятие патриотизм на «русский» и «местный», не имеют достаточно оснований верить в Областную Думу как в учреждение, которое разрешает с достаточной полнотой нужды колонии. По мнению докладчика, пока не изменится характер народного представительства, пока не осуществится сдвиг в существующем бюрократическом механизме в сторону демократизации, до тех пор никакое областное самоуправление не в силах правильно поставить местное хозяйство и удовлетворить культурные нужды Сибири. Сама Областная Дума при существующей политической

конъюнктуре явится не более, как исполнительным органом, могущим сделаться проводником велений центра. Однако, заявляет докладчик, пора перестать верить областническим грезам, ибо нужды Сибири не удовлетворяются по тем же самым причинам, как и общероссийские. Сибирь, вступившая на путь капиталистического развития, не может избежать общей нивелировки, а это ведет к тому, что все местные вопросы и нужды, на которые ссылаются областники, являются фактически вопросами и нуждами всей России. В Сибири нет и не может быть каких-то особенных, ей одной только присущих местных проблем. Своим отношением к институту Областной Думы областники только затушевывают истинную социальную подпочву определенных политических явлений. Ибо, заканчивает докладчик, будущее Сибири зависит не от укрепления начал областнических тенденций, а от развития демократии».

А. Б-овъ

*Г. Колосов и областники*¹²

«В последней (августовской) книжке «Сибирских записок» Е. Колосов¹³ в статье «Сибирские областники» полемизирует с Н.Ф. Чужаком¹⁴ по вопросу о краевой интеллигенции. Е. Колосов, небезызвестный публицист, взял на себя почетную роль присяжного защитника сибирских областников, которые становятся все менее и менее заметными в развитии сибирской общественности. Народившаяся сибирская демократия выдвинула новые требования к Сибири, новые лозунги.

Областничество в том виде, как оно диктуется его апологетами в лице Г.Н. Потанина, С.П. Швецова et cetera, не удовлетворило трудовые классы, концентрирующиеся вокруг кооперативного движения и приближающиеся к коллективному строительству, при влиянии снизу, а не сверху, оно не удовлетворило и наиболее сознательные слои рабочих, стремления которых не могут быть представлены вне пролетарского движения, совершенно чуждого областникам; областничество не могло удовлетворять требованиям де-

¹²

¹³ Утро Сибири. 1916. 23 сент.

¹⁴ Евгений Евгеньевич Колосов – социалист-революционер, публицист. Николай Федорович Насимович (Чужак) – ссыльный социал-демократ, публицист.

мократически мыслящей интеллигенции, глубоко верящей, что без политической свободы для всех российских граждан не может быть реформ и для Сибири.

Постепенно наклоняясь в сторону наименьшего сопротивления, в то же время не удовлетворяясь одной только культурнической работой, областники подпали под влияние кадетов и под одним флагом с ними вошли в Государственную Думу.

Кадетская группа в Сибири, явившаяся как протест буржуазии против нарождающегося в Сибири рабочего движения, оказалась более близкой областникам, нежели сибирская демократия.

В свою очередь сибирские кадеты, опираясь на защиту крайних нужд и «местных дел», в лице областников нашли хороший цементирующий материал для создания наиболее спаянного и организованного национал-либерализма, признаваемого сибирскими кадетами единственным средством возрождения и оздоровления общественного строя России.

Однако это обстоятельство не смущает г. Колосова, и он силится во что бы то ни стало представить областничество как течение, родственное демократии. К сожалению, Е. Колосов берет областническую идеологию не в полном ее виде, а только одну сторону ее, говорящую об отношении областников к краевой интеллигенции.

Г. Чужак позволил себе охарактеризовать областников как беспринципных культуртрегеров, стоящих на точке зрения сектантского отщепенства. Г. Колосову не понравилось это выражение, и он, обрушиваясь со всей силой своего темперамента на г. Чужака, обвиняет его в голословности и в подтасовке фактов. Я не имею намерения говорить за г. Чужака, но думаю, что справедливость требует сказать, что далеко не прав и Е. Колосов, допустивший ряд едких замечаний по адресу г. Чужака без достаточных к тому оснований.

Областничество, поскольку оно базируется на противопоставлении интересов метрополии интересам Сибири, при данных политических условиях и при тождественности правового положения населения Европ. России и Сибири – беспринципно. Если в прошлом, во времена Н.М. Ядринцева, когда Сибирь была только местом ссылки и расправы, можно еще было думать, что сибирская окраина являлась вотчиной для метрополии, то ныне, когда железная дорога прошла от края до края, когда обширная страна явилась

богатым рынком и важнейшим центром сельскохозяйственного производства, говорить о том, что Сибирь обойденная колония – это значит закрывать глаза перед действительностью. Конечно, Сибирь нуждается во многом, население Сибири испытывает на себе всю тяжесть экономического и умственного неблагоустройства, но такое же неблагоустройство испытывает на себе и метрополия, которая в этом отношении ничем не отличается от своих окраин.

С точки зрения областников, Сибирь является страной, которая резко отличается от Европейской России многими физическими и общественными особенностями. Сибирь, по выражению Г.Н. Потанина, – это рай мужиков. Мужичье царство, хотя и покоится на индивидуалистических началах, представляющих полный контраст общине – этой реликвии русской общественности, тем не менее врожденная склонность к коллективизму, при наступлении известных условий, все же приведет к общинному строю. Причем все это, по мнению областников, может совершиться без ломки укоренившихся понятий, обычаев и привычек. Так как, по словам Г.Н. Потанина, ломать нечего. Важно только одно, чтобы Сибирь перестала быть зависимой от метрополии.

«Сибирское общество, развиваясь политически, не может не сознавать, что прогресс области замедляется условиями, стоящими вне области. Если бы развитие области было поставлено в более независимое от центра положение, Сибирь в некоторых случаях могла бы послужить почвой для полезных политических опытов и даже стать примером для развития демократических учреждений в Европейской России».

Таким образом, чисто утопическая мысль, что Сибирь при данных экономических и политических условиях может явиться примером для политических опытов для Европейской России, как раз и свидетельствует о том, что прав был г. Чужак в своем указании о беспринципности областнической идеологии.

Но не менее прав Чужак и в оценке отношений областников к краевой интеллигенции. Областники сетуют на то, что пришедшая интеллигенция диктует свои вкусы и обычаи в ущерб укреплению начал «сибирского патриотизма». Так, например, Г.Н. Потанин упрекает сибирское общество и сибирскую печать в индифферентизме к областничеству. Сибирские вопросы, жалуется Г.Н. Потанин,

исчезли, и задачей газет стало не пробуждение областного самосознания, а воспитание в духе партии. Теперь в Сибири нет ни одной патриотической газеты, а есть газета соц. дем., партии нар. Свободы, Союза 17 октября и т.д. Такое противопоставление местного патриотизма вопросам глубокого социального характера как раз и говорит о том, что областники умеют танцевать не только от угла.

Е. Колосов пытается вынести поправку, он пишет, что назначение местной печати – есть обсуждение местных дел, а потому де не мешает и никогда не мешало всем представителям областнической литературы, от самого Потанина до Клеменца, обращать должное внимание на движение «бельгийских и всяких иных рабочих». Но превращать местный орган в обслуживание совсем других интересов и ради этих интересов топить все вопросы местной жизни – это, по выражению Е. Колосова, есть несомненная политическая ошибка. Но, позвольте, уважаемый коллега, не будет ли такой же политической ошибкой и то, что если при обсуждении местных дел вы будете отстаивать краевые интересы в ущерб общей эволюции.

Областники как раз и стоят на этой точке зрения, выступая с неопределенным и расплывчатым девизом «местные дела местным людям».

Центр, вот враг, с которым следует бороться всей Сибири, такова была исходная точка областников в прошлом, таковой она осталась для них и в настоящем. Это привело к тому, что областники съезжились в размахе и довольствуются тем, что Бог послал, лишь бы это не выходило за пределы своих местных дел и интересов. Даже земство, которое стало почти трюизмом, встретило чрезвычайно суженную и неопределенную оценку. Для нас важно хоть какое-нибудь земство, заявляют областники, между тем как даже сибирская буржуазия, в лице хотя бы иркутского биржевого комитета, смотрит на этот вопрос более широко. В своей докладной записке иркутский биржевой комитет, между прочим, пишет, что все местные городские самоуправления и общественные организации должны единодушно и громко поднять свой голос за введение у нас действительного земского самоуправления, а не жалкой видности, прикрывающей все ту же старую бюрократическую сущность. Таким образом, в то время как сибирское купечество учитывает, что развитие производительных сил страны находится в пря-

мой зависимости от расширения правовых норм населения, сибирские областники довольствуются хоть каким угодно земством.

Признавая патриотизм, да еще местный, как самостоятельную двигательную силу, областники доходят до того, что вооружаются, именно вооружаются против чужеземной интеллигенции, находя ее вредной в том отношении, что она несет свои «Взгляды и вкусы» и непатриотична.

Е. Колосов не желает согласиться с этим; он даже старается уверить, что творцы областнической идеологии «никогда не отрицали и отрицать не могли значения со стороны пришедшей интеллигенции. И даже более того, роль пришедшей интеллигенции в Сибири была поистине огромна».

«Кто теперь не знает, что целый ряд сибирских фамилий получил воспитание и культурное просвещение от декабристов?»

«Декабристы являлись, уверяет Е. Колосов, попечителями знания, культуры, просвещения». Они были врачами, изобретателями и даже администраторами. Все это, конечно, верно, никто не говорит, что творцы областничества вооружаются против всех, кто пришел сюда из-за Урала. Иначе пришлось бы вооружиться и против самих себя.

Вопрос лежит совершенно в иной плоскости, и странно, что г. Колосов приводит факты, которые всем и каждому известны. Никто не обвиняет областников в том, в чем силится защитит их Е. Колосов. Было бы чрезвычайно странно и непонятно, если бы областники, признавая значение культуры и науки в жизни человечества, устраивали бы гонения на врачей, учителей, изобретателей и т.п., как на таковых, только потому, что они в Сибири случайно или временно гости.

Но это нисколько не мешает областникам проявлять антагонизм к тем же врачам, учителям и т. д., если последние не смотрят на Сибирь с общей с областниками колокольни и не разделяют взглядов на мнимое различие политических и территориальных интересов центра и окраин.

Областники не желают считаться ни с какими законами политической экономии и стоят на той утопической точке зрения, что развитие Сибири должно идти своими какими-то особенными путями, резко отличающимися от метрополии. Это противоестественное

желание обособиться, отгородиться от центра китайской стеной и вызывает со стороны областников чувство страха перед чужеземной интеллигенцией, которая, по их мнению, внесет сюда, о ужас! свои требования и вкусы.

Помируйте, со страхом восклицает Г.Н. Потанин, несовершенство избирательного закона в Гос. Думу может вызвать такой курьез: «Губернии предоставлено право избирать только одного представителя, в губернском городе есть железнодорожные мастерские с тысячами рабочих: это сплошь уроженцы Европейской России; они доставляют большинство в пользу соц.-демократа, который, прибыв в Петроград, записывается в соц.-дем. Партию и не только не принимает участия в работах сибирской фракции, но может стать к ней во враждебное отношение». Если рабочий не записался в сибирскую фракцию, то он уже, по мнению областников, непременно станет во враждебное отношение к трудовому населению Сибири. Это грубое и реакционное непонимание как раз и было отмечено г. Чужаком в ссылках на труды Г.Н. Потанина.

(окончание следует)¹⁵

(Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 03-01-00359а).

¹⁵ Окончание статьи напечатано не было.

М.В. Дорофеев (Новокузнецк)
Земельные конфликты в Западной Сибири
в конце XIX – начале XX в.

В нашей стране после 1991 г. формируется новое законодательство о земле, при создании которого необходимо учитывать исторический опыт.

Земельные конфликты в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. были связаны в первую очередь с такой особенной формой сибирского землепользования, как заимочная. Сущность ее заключалась в неограниченной возможности поселенца захватить в свое пользование заимку. Заимочная форма еще не имела общинного характера. Так как свободной земли было много, а процент ее использования ничтожен, то обязательное и уравнительное наделение участками не проводилось. Эта форма соответствовала низкому уровню развития производительных сил и малой освоенности Сибири¹. Заимочное землепользование, с возникновением относительной земельной тесноты, сменилось на вольно-захватное, которое стало господствовать в Западной Сибири во второй половине XIX в. Отличие этой формы от заимочной состояло в том, что здесь уже не было права на образование заимок. Каждый крестьянин захватывал по своему усмотрению участок и владел им до тех пор, пока обрабатывал его, а если бросал, то земля становилась «вольной» и ее мог занять любой желающий². Вольное пользование су-

¹ *Горюшкин Л.М.* Феодалные пережитки и аграрный вопрос в Западной Сибири // Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск, 1967. С. 235.

² *Кауфман А.А.* Очерк крестьянского хозяйства в Сибири // Сборник статей о Сибири и прилежащих к ней странах. Томск, 1894. Т. 183. С. 6.

ществовало в двух формах: не ограниченное местом и размером и ограниченное обществом, которое устанавливало определенные границы наделов. Последняя форма, преобладавшая в Западной Сибири в конце XIX в., представляла собой уже начало общинного землепользования. Но в отличие от общины пользование землей при этой форме еще носило подворно-наследственный характер³.

Следствием захватного землевладения можно считать существование в Сибири так называемых «волостных общин», т. е. такого порядка землевладения, при котором селения, входившие в состав одной волости, владели и пользовались землей в одной общей, постепенно образовавшейся даче⁴. Землепользование отдельных сел, составляющих волость, не разграничивалось и не закреплялось. Важнейшие хозяйственные угодья – пашни, выгоны – находились в совместном пользовании нескольких селений⁵.

Волостная община обычно состояла из мелких деревень, разбросанных на огромных просторах. Например, Вознесенская волость была разделена на мелкие части, называемые сибирскими обществами и состоящие из очень маленьких деревень, что обременяло эти деревни выборами сельских должностных лиц. «...И общества эти по несостоятельности своей не смогли держать писарей, так как жалование последним достигло минимума, 7 руб. в год... поэтому, сознавая все невзгоды дробления на мелкие части. Волостное общество ходатайствовало о соединении 19 сельских обществ в 7»⁶.

С характером колонизации края и захватным способом землевладения тесно связана такая особенность пользования землей в Сибири, как разбросанность земельных участков и чересполосица. Часто пашни крестьянина какого-либо одного села чередовались с пашней крестьянина другого селения⁷. В пределах волостных дач среди крестьянских участков располагались оброчные и кабинетс-

³

Горюшкин Л.М. Указ. соч. С. 235.

⁴

Кауфман А.А. Сложные формы землевладения в Сибири по местным исследованиям 1887–1892 гг. // Известия ВСОРО. Т. 26. СПб., 1897. С. 4, 17, 20.

⁵

Кауфман А.А. Крестьянская община Сибири (По материалам исследования) 1886–1892 гг. СПб., 1897. С. 3–4.

⁶

ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 94. Л. 1.

⁷

Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 1975. С. 34, 36.

кие арендные статьи, а также незаселенные, свободные земли, находившиеся в непосредственном распоряжении государства и Кабинета. Это обостряло чересполосицу и дальноземье в сибирской общине. Поскольку сибирские крестьяне получали землю не во владение, а в бессрочное пользование, государство и Кабинет сохраняли за собой право изъятия из волостных дач лучшей земли, если представлялась возможность использовать ее с большей выгодой, например сдать в аренду на более выгодных условиях⁸.

Сложившееся положение приводило к земельным конфликтам. История сибирского землевладения и землепользования полна упоминаний о «поземельных спорах», происходивших между сельскими жителями. Эти конфликты возникали как между различными группами сибирского населения (русские крестьяне, казаки, «инородцы»), так и между селениями, станицами и улусами. Эти конфликты значительно усилились во второй половине XIX в. и к началу XX в. стали повседневным явлением в Сибири, что было связано с захватным землевладением и его последствиями – неурегулированностью землевладения (отсутствие землеотводов), неравномерным распределением земельных угодий между населенными пунктами, разбросанностью и чересполосицей. Все это усугублялось служебными злоупотреблениями землемеров, гражданских и судебных чиновников, для которых эти конфликты служили одним из источников обогащения. Вот два примера:

1-й пример: поземельный спор между деревнями Сосновый Лог и Ново-Тарабинской. В прошении доверенного от крестьян деревни Сосновый Лог Д.П. Чебакова говорится: «Кандидат Полосухин не может быть руководителем при распределении спорной местности, как человек с большим недостатком умственных способностей и близкий родственник крестьянам д. Ново-Тарабинской, а в особенности бывшему Волостному Заседателю Александру Тучину...

...крестьяне д. Соснового Лога спорными местами пользуются около 100 лет, то новотарабинские крестьяне не имеют никакого права на владение теми местами, если бы даже место то оказалось в их грани...»⁹

⁸ Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С. 252–253.

⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 58. Л. 2.

2-й пример: жалоба крестьян из ссыльных Томского округа Ишимской волости Горбунова И. и Лашева П. о том, что они с товарищами ходатайствовали перед Управлением государственных имуществами о разверстании земель с отводом в пользование просителей земельных угодий в особом участке. На что «... Уpravление от 14 марта 1888 г. объявило просителям, что впредь до поземельного устройства сельского населения Томской губернии, крестьяне Ишимской волости смогут разверстаться между собой полюбовно или при содействии Чиновника по крестьянским делам... но означенный Чиновник, как видно из поданного Лашевым прошения, никакого содействия не оказал...»¹⁰.

Но более остро стояли конфликты между русским населением и «инородцами».

Из прошения томскому губернатору от поверенного от инородцев д. Осинниковой Барнаульского округа: «...о насильственном и самовольном захвате разработанных земель для посева хлеба 200 десятин крестьянами Карасукской волости, деревни Зубковой, кои 27 апреля сего года [1893] выехали на наши пашни более 100 человек с ружьями, револьверами, ножами, топорами, дубинками. Мои доверители и я, видя такое преступное деяние, отступили от своих вечных земель, прося защиты у исправника Лудшева... но защиты не получили... нам грозит разорение»¹¹.

Существующее положение привело к изданию законов от 23 мая 1896 г. («Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев, водворявшихся в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской на казенных землях»)¹² и от 4 июля 1898 г. («Правила о порядке определения земельных наделов и о производстве поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов»)¹³.

Согласно этим законодательным актам на каждую душу мужского пола отводился земельный надел в размере 15 дес. удобной земли и лесной надел до 3 дес.

¹⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 161. Л. 1, 2.

¹¹ Там же. Д. 348. Л. 8.

¹² ПСЗРИ. Собр. 3. 1896. Т. 16. Стб. 12998.

¹³ Там же. Т. 18. Стб. 15539.

Проведение землеустроительной реформы было связано с попытками ослабить остроту аграрных противоречий в стране, поэтому одной из главных целей землеустройства сибирского крестьянства стало создание колонизационного фонда. Николай II в письме к Столыпину в сентябре 1910 г. писал, что прочное землеустройство крестьян внутри России и такое же устройство переселенцев в Сибири – вот два краеугольных вопроса, над которыми правительство должно неустанно работать»¹⁴.

Сибирское землеустройство можно условно разделить на два этапа. Первый – с 1899 г. по 1905 г., когда землеустройство сводилось в основном к определению и закреплению за селениями фактического владения землей. Второй период начинается с 1906 г., когда землеустройство практически полностью подчиняется интересам переселенческой политики правительства и переходят в ведение переселенческого управления.

В ходе землеустройства постоянно вспыхивают конфликты, связанные с практикой изъятия «лишних», превышающих 15-десятичную душевую норму. Министерство государственных имуществ, переселенческое управление и земский отдел Министерства внутренних дел, местные сибирские учреждения были буквально завалены жалобами крестьян Сибири на расхищение их земель¹⁵. Особенно активному наступлению со стороны землеустроителей подверглись земли сибирских крестьян. Труд не одного поколения затрачен был на устройство такой заимки, ее хозяйства, и вдруг все подвергается разорению и разрушению¹⁶. Даже в Государственной думе было заявлено, что от поземельного устройства «...стон стоит по всей Сибири»¹⁷. В результате землеустройство определялось не соображениями рационализации крестьянского хозяйства, а установлением границ крестьянского землепользования и ограничения его по твердо установленной норме с целью изыскания земельных «излишков» для переселенческих и запасных участков и ка-

¹⁴ История Сибири. Л., 1968. С. 305.

¹⁵ Худяков В.Н., Козут М.Т. Роль землеустроительных работ в подготовке аграрного законодательства царизма в Сибири в конце XIX в. // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. Томск, 1984. С. 95.

¹⁶ Остафьев В.А. Бытовые формы сибирского крестьянского землевладения и землепользования // Юрид. вестн. 1892. Т. 10, кн. 1. С. 66.

¹⁷ История Алтая. Барнаул, 1995. Ч. 1. С. 265.

зенно-оброчных статей. Условия поземельного устройства сибирских крестьян в корне отличались от таковых в Европейской России, где земля передавалась в частную собственность, а в Сибири земля, как и раньше, отводилась лишь в пользование по 15-десятинной норме¹⁸.

¹⁸ *Сухотина Л.Г.* Землеустроительная политика правительства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. (по материалам Томской губернии) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1965. Вып. 2. С. 65.

А.К. Кириллов (Новосибирск)
История податной инспекции в 1917 г. как
зеркало «демократической альтернативы»
в русской революции

Одно из дел, хранящихся в Государственном архиве Омской области в фонде податного инспектора Омского уездного участка Акмолинской области, озаглавлено «По реорганизации податных инспекторов»¹. Документы этого дела, не очень многочисленные, тем не менее позволяют воссоздать историю, связанную с организацией всероссийского союза податной инспекции.

Уже в 60–70-х гг. XIX в. стала проявляться нехватка в системе финансового управления особых чиновников для ведения дел по налогообложению. Такие чиновники под именем податных инспекторов появились в России в 1885 г. в связи с реформой предпринимательского обложения. По этой реформе в промысловом налоге, помимо патентного сбора (имеющего твёрдый размер), появи-

¹ 2 мая 1916 г. вышел закон о привлечении к дополнительному промысловому налогу вновь возникших неотчётных предприятий и личных промысловых занятий и о порядке обложения предприятий и занятий в год их прекращения. 13 мая 1916 г. – об установлении временного (в связи с военными условиями) налога на прирост прибылей торгово-промышленных предприятий и вознаграждения личных промысловых занятий. Отчётными именовались предприятия, обязанные каждый год публиковать в центральной или губернской периодике отчёты о своей деятельности (обычно – акционерные предприятия). Они вели бухгалтерию по официальным правилам, вследствие чего их прибыль можно было установить точно. В противоположность им остальные предприятия, не обязанные официальной отчётностью, назывались неотчётными. Прибыль большинства из них оказывалось возможным определить лишь приблизительно. К личным промысловым занятиям относились служба на высокооплачиваемых должностях в частных предприятиях, маклерская, нотариальная деятельность и т.п. доходные занятия, не требовавшие наличия значительных капиталов и представлявшие, по существу продажу высокооплачиваемых услуг.

лась новая составляющая – дополнительный сбор. С акционерных предприятий он собирался в виде процентного налога с прибыли; для большинства же имел раскладочный характер. Сумма сбора с каждой губернии утверждалась Министерством финансов ежегодно в зависимости от степени экономической развитости, определяемой числом выбранных патентов. Самую трудную задачу, которую оказалось невозможно решить без податных инспекторов, составило распределение губернской суммы сбора между уездами и далее – между отдельными плательщиками. Этим занимались присутствия по промысловому налогу (уездные и губернское). Инспектор председательствовал в уездном присутствии, руководя работой нескольких выборных от плательщиков данного налога. Основываясь на своих примерных оценках, эти выборные определяли для каждого плательщика сумму годовой прибыли, исходя из которой и распределялась сумма раскладки, назначенная на уезд. Инспектор же следил за тем, чтобы выборные не допускали явных отклонений от действительности. На подобных основаниях строилась и работа присутствий по государственному налогу с городских недвижимых имуществ (созданных в 1893 г.) и присутствий по государственному квартирному налогу (взимавшемуся с того же 1893 г.).

Очевидно, что даже при опоре инспектора на осведомлённость членов присутствия на его долю всё равно приходился колоссальный объём работы по приблизительной (хотя бы) проверке этих сведений и по разработке систем оценки облагаемой базы для различных налогов. Он должен был представлять хозяйственную конъюнктуру своего участка, быть лично знакомым с основными предприятиями, знать цены на строения разного качества в различных частях города, ориентироваться в уровне арендной платы за различные квартиры; если к его ведению относился сельский участок – знать уровень платёжеспособности разных селений, развёрстывать между обществами уездный оклад оброчной подати в соответствии с самостоятельно определёнными показателями доходности крестьянских хозяйств; оценивать обоснованность ходатайств о рассрочках недоимок... К тому же в обязанности инспектора входил и надзор за соблюдением налогового законодательства. Хотя непосредственным выявлением нарушений на местах занимались

чины полиции и местного самоуправления, все протоколы о нарушениях стекались для принятия мер к податному инспектору.

Поэтому штаты податной инспекции с 1885 по 1917 г. постоянно росли; появлялись помощники инспекторов, дробились участки, росла канцелярия. Численный рост инспекции происходил и за счёт увеличения территориального охвата по мере распространения налоговых реформ на окраины. В частности, в Сибири податные инспектора появились в 1894 г., после введения квартирного налога, требовавшего индивидуального определения облагаемой базы для каждого плательщика. В итоге численность податной инспекции возросла с 222 человек в июле 1885 г. до 1283 к началу 1910 г.²

Личный состав податной инспекции отличался довольно высоким образовательным уровнем. Так, в Тобольской губернии на 1902 г. из 17 инспекторов и их помощников 8 имели университетские дипломы (в т. ч. 6 – Московского, 1 – Петербургского, 1 – Харьковского университета; большинство – после юридических факультетов)³. Такая же картина характерна и для России в целом⁴. Поэтому инспектора с самого начала не стали ограничиваться ролью полицейских чиновников, беспрекословно исполняющих приказания начальства. Да и сам характер работы способствовал развитию самостоятельности – новая налоговая система, основанная на капиталистическом подоходном принципе, только формировалась, многое приходилось делать впервые, экспериментировать, искать наилучшие пути... Поэтому с первых лет деятельности податные инспектора стали ежегодно собираться на съезды, по ито-

² В документах встречается разночтение этой фамилии: Нюрнберг или Нюренберг. В каждом случае она приводится в соответствии с документом.

³ Ни в дореволюционной России, ни в 1917 г. налоговой полиции не существовало; обязанности по взыванию сборов распределялись между податными инспекторами, полицией и местным самоуправлением.

⁴ Промысловый налог подразделялся на основной и дополнительный. Основной взимался в виде выборки промыслового свидетельства, имевшего твёрдую цену и именовавшегося иначе патентом. Отсюда – “патентная система”: налог, не зависящий от дохода; такая система сохранилась с начала XIX в., хотя доля этой составляющей в общей сумме промыслового налога постепенно уменьшалась. Реформами 2-й половины XIX в. усиливалась 2-я составляющая – дополнительный промысловый налог, взимавшийся в процентах от дохода по определённым ставкам, иначе именовавшимся окладом (отсюда – “окладная система”: налог, взимаемый пропорционально доходу или другой единице обложения). Кроме этого, в течение указанного периода наблюдалась тенденция усиления прогрессивного характера промыслового налога: чем выше доход (в процентах к капиталу), тем выше ставка налога.

гам которых в большинстве случаев издавались объёмные журналы. Обсуждались всевозможные насущные проблемы, относящиеся к деятельности инспекторов, нередко высказывались пожелания по изменению законодательства. Само собой, до 1917 г. такие съезды организовывались непосредственно казённой палатой как органом финансового управления губернии и проходили под председательством управляющего палатой, а то и в присутствии более высокого губернского начальства.

Но Февраль 1917-го выпустил из бутылки дух свободы, и податные инспектора решили выйти на новую ступень самоорганизации. 8 апреля в Омске было получено обращение податных инспекторов Владимирской губернии «о необходимости объединения податной инспекции ввиду происшедшего политического обновления родины»⁵. Четыре инспектора Омского уезда, собравшиеся 14 апреля для обсуждения этого предложения, решили действовать без промедления. Постановив разослать полученное обращение всем инспекторам Омской палаты и поддержать Владимир в вопросе о созыве всероссийского съезда, они создали временное исполнительное бюро Союза податных инспекторов и их помощников ведомства Омской казённой палаты, в которое сами и вошли (М.П. Михайлов, П.П. Невзоров, И. Похитонов, во главе – П.М. Нюрнберг), оставив за собой право действовать от имени Союза. Ближайшей задачей был намечен созыв общего съезда инспекторов Омской палаты для организации самого названного Союза.

Кроме того, совещание 14 апреля решило присоединиться, вместе со служащими канцелярий, к недавно созданному союзу служащих в казённой палате и казначействе, причём выдвинутый присутствовавшими П.М. Нюрнберг в течение ближайших дней получил поддержку большинства членов этой организации и оказался

⁵ Для взимания промыслового налога торговые предприятия подразделялись на 5 разрядов (с отнесением к 5-му развозной и разносной торговли), промышленные – на 8. Самые мелкие из них (низшие два разряда по каждой шкале), а также все новые предприятия (проработавшие меньше года), освобождались от дополнительного промыслового налога. Последний взимался двумя способами. Для отчётных предприятий (или неотчётных, ведущих бухгалтерию по установленным нормам) – в виде налога с основного капитала и процентного сбора с прибыли. Для неотчётных (не ведущих надлежащей бухгалтерии) – в виде раскладочного сбора и процентного сбора с прибыли, превышающей определённый процент.

избран в комитет союза. Однако двое других инспекторов (В.С. Тер-Погосьянц из Усть-Каменогорска и В.В. Мельницкий из Петропавловска), через 9 дней оказавшиеся в Омске и приглашённые по такому случаю на заседание временного бюро союза податных инспекторов, выступили решительно против объединения столь разнородных служащих, поэтому П.М. Нюрнберг вышел из упомянутого комитета. Зато гости из отдалённых уездов решительно поддержали идею съезда для создания собственной организации податных инспекторов. Любопытно, что и председатель Палаты М.А. Васильев, присутствовавший на заседании вместе с начальниками отделений, выразил полное сочувствие этому делу. Съезд этот состоялся 25 июня – 6 июля 1917 г.; главным его итогом стало принятие устава союза податной инспекции района Омской казённой палаты.

Не пересказывая содержание этого документа, приведённого в настоящей публикации полностью (см. № 1), отметим основную его особенность. Устав, по существу, ставит Союз инспекторов выше их прямого начальника, управляющего казённой палатой. В качестве наиболее яркого проявления можно указать на ст. 7 (по которой управляющий палатой должен получать одобрение комитета Союза на все действия, «касающиеся деятельности и личного состава податной инспекции») и ст. 17, расшифровывающую приведённую выше общую формулировку. Мало того, Союз ставит себя на равных с самим правительством, оговаривая свое право рассматривать отчёты ревизоров (ст. 17) и обсуждать не только различные вопросы налогообложения, но и саму целесообразность тех или иных налогов (ст. 23). Как видно из документа № 3, в котором речь идёт о Нижегородской и Ярославской губерниях, устав Союза омской палаты не очень отличался от уставов других союзов, принятых в это время. Повсюду требовали права принимать решения.

Это стремление вполне проявилось на 1-м Всероссийском съезде податных инспекторов и их помощников, состоявшемся в Москве с 7 по 17 августа 1917 г. Уже упоминавшиеся инспектора Нюрнберг и Невзоров, принявшие участие в этом мероприятии, представили по возвращении подробный доклад (см. № 2), позволяющий получить полное представление как о круге обсуждавшихся вопросов, так и о царившей на съезде приподнятой атмосфере торжества свободы, равенства и братства.

Показательно для характеристики чаяний и устремлений делегатов, что основная их часть выбрала секции, работавшие над вопросами реформы податной инспекции и улучшения её материального снабжения; секции же, посвящённые насущным вопросам собственно податного дела, пользовались меньшим вниманием.

Всероссийский союз, устав которого в общем виде был принят на съезде, возник как федеративное объединение местных союзов, имеющее целью защиту прав этих союзов. Одновременно съезд разработал программу реформирования податной инспекции. Собравшись вместе, инспектора насмелились пойти дальше, чем на своих местных заседаниях. Податную инспекцию решили вывести из подчинения казённым палатам и организовать на началах самоуправления, т.е. установить выборность как самих инспекторов, так и их начальства; предполагалось, что губернский инспектор, которому передавались полномочия управляющего казённой палатой, будет лишь «первым среди равных». Более того, и по отношению к Министерству финансов податная инспекция должна была оказаться самостоятельной организацией – министру оставили лишь право назначать ревизоров из числа кандидатов, выбираемых на съездах инспекторов, при том что ревизорские отчёты должны являться открытыми и для самих проверяемых, и для местных союзов инспекторов. Съезд также оговорил за Союзом право посылки делегатов с правом решающего голоса в МФ при решении любых вопросов, касающихся податного дела, включая и разработку общероссийского законодательства.

Поручив руководству Союза доработать необходимые материалы и сфотографировавшись в общей группе, инспектора разъехались по домам. Однако, по всей видимости, доработать устав Союза его правлению так и не пришлось. Уже и прежде бывали случаи судебных отказов в утверждении уставов местных союзов. Теперь же, в предпоследний день работы съезда, дело дошло до рассмотрения уставов союзов податной инспекции Нижегородской и Ярославской губерний Юридическим совещанием при Временном правительстве (см. № 3).

Не ограничившись указанием на противоречие уставов существующим законам, Совещание терпеливо и подробно разъяснило в своём постановлении неприемлемость предлагаемых инспекто-

рами организаций для государственного управления. Поскольку податные инспектора являются государственными чиновниками, т. е. наёмными служащими, они обязаны выполнять приказания начальства, и ни о каком самоуправлении речь идти не может. Вердикт же был твёрд и однозначен: предложенные уставы утверждены быть не могут. По-видимому, департамент окладных сборов (директор которого Г. Курило без восторга отнёсся к августовскому съезду) не случайно передал нижегородский и ярославский уставы на рассмотрение Юридического совещания именно в это время. Теперь для всех стало очевидно, что если даже проект Всероссийского союза податных инспекторов и будет представлен на официальное утверждение, такового он никогда не получит. В течение следующих полутора месяцев заключение Юридического совещания было разослано на места и доведено до сведения податных инспекторов.

На этом заканчивается дело Омского архива – заканчивается, по всей видимости, и история союзов податных инспекторов. Начавшаяся на волне поднятой Февралём волны энтузиазма в отношении слома старого монархического аппарата, она проявила стремление интеллигенции к переустройству общества и государства на началах демократии и самоуправления. Но столкнувшись с прозой жизни, в которой управление государством подразумевает безоговорочное исполнение приказаний начальства, инспектора вынуждены были оставить мечты и смириться с сохранением прежней системы. Думается, эта история характеризует не только податную инспекцию, но и более широкие демократические круги в 1917 г.

Документы

№ 1. Устав Союза податных инспекторов Омской Казённой Палаты.

25 июня – 6 июля 1917 г.

Копия.

Устав Союза Податных инспекторов и их Помощников и служащих их канцелярий района ведения Омской Казённой Палаты.

Отдел I. Общие положения.

1. Податная инспекция района ведения Омской Казённой Палаты организуется в своей служебной деятельности в Союз на соответствующих новому государственному строю началах самоуправления в целях выяснения практики и улучшения постановки податного и налогового дела и защиты своих интересов.

2. Членами Союза состоят все Податные Инспекторы и их Помощники района ведения Омской Казённой Палаты.

3. Местопребывание Союза и органов его самоуправления – гор. Омск Акмолинской области.

4. Средства Союза образуются из членский взносов, размер коих устанавливается на общем Съезде членов Союза, а также и из могущих быть других поступлений.

5. Органами самоуправления Союза, объединяющими служебную деятельность его членов, являются: а) Съезд Податной Инспекции и б) Комитет Союза Податной Инспекции.

6. Указанные учреждения (ст. 5) сносятся непосредственно с Министерством Финансов, со всеми губернскими и областными учреждениями и разными организациями, причём о переписке с Министерством Финансов означенные учреждения одновременно осведомляют Управляющего Казённую Палатую.

7. Все действия и мероприятия Управляющего Омскою Казённою Палатую, касающиеся деятельности и личного состава Податной Инспекции (ст. 5), осуществляются им не иначе, как по предварительному соглашению с Комитетом Союза Податной Инспекции.

8. Органы самоуправления Союза имеют право приглашать сведущих лиц с правом совещательного голоса по своему усмотрению.

9. Настоящий устав может быть изменяем и дополняем по постановлениям Съезда Податной инспекции.

10. Союз имеет печать с надписью: “Союз Податной Инспекции района Омской Казённой Палаты”.

Отдел II. О Комитете Союза Податной Инспекции.

11. Исполнительным органом Союза является Комитет Союза.

12. Комитет Союза состоит из председателя и трёх членов; к ним избираются четыре заместителя. Все эти лица избираются простым большинством голосов из числа членов Союза сроком до ближайшего Съезда прямым, равным и тайным голосованием на-

личным составом Съезда. За отсутствием или болезнью Председателя его замещают члены Комитета Союза в порядке старшинства голосов, полученных при избрании; такой же порядок соблюдается и при замещении членов Комитета Союза заместителями.

ПРИМЕЧАНИЕ: В случае вступления заместителя в постоянное исполнение обязанностей члена Комитета Союза, этот Комитет принимает меры к переводу его в г. Омск.

13. Очередные заседания Комитета Союза происходят не менее двух раз в месяц, экстренные же созываются Председателем по его инициативе или по требованию членов Комитета.

14. Председателю Комитета Союза предоставляется право по собственной инициативе или по желанию членов Комитета приглашать в качестве сведущих лиц с правом совещательного голоса как членов Союза, так и посторонних лиц.

15. Заседания Комитета Союза считаются действительными при наличии не менее трёх членов, считая в том числе Председателя.

16. Все вопросы решаются в Комитете Союза простым большинством голосов, при равенстве же их голос Председателя даёт перевес.

17. Ведению Комитета Союза подлежат:

а) проекты мероприятий и циркуляров Управляющего Казённую Палату по общему направлению деятельности Податной Инспекции.

б) обсуждение и оценка служебной деятельности отдельных членов Союза, а также рассмотрение жалоб на служебные действия Податных Инспекторов, их Помощников и всех служащих их канцелярий, и принятие по этим жалобам соответствующих мер.

в) все вопросы о назначении, перемещении и увольнении Податных Инспекторов и Помощников безотносительно к тому, кем они возбуждены: самим же Комитетом Союза или же Управляющим Казённую Палату, причём все эти вопросы обсуждаются и решаются Комитетом Союза совместно с управляющим Казённую Палату и, по достижении соглашения, представляются на решение Министерства.

ПРИМЕЧАНИЕ: В случае недостижения соглашения с Управляющим Казённую Палату по вопросам, указанным в п.п. а), б) и в) сей статьи, а также в случае издания им распоряжения, несогласного с постановлением какого-либо органа самоуправ-

ления Союза, или не прошедшего, вопреки сего Устава, чрез Комитет Союза, то Комитет Союза, смотря по надобности, или откладывает вопрос до ближайшего Съезда Податной Инспекции, или представляет мотивированное постановление в Министерство Финансов.

г) все отчёты Податных Ревизоров относительно постановки дела в податных участках, причём своё заключение по этим отчётам и представлениям Комитет Союза может представлять в Министерство Финансов, и

д) все вообще другие дела, относящиеся к деятельности Союза.

18. Комитет Союза представляет ближайшему Съезду членов Союза отчёт о своей деятельности и, независимо от сего, не менее одного раза в год рассылает таковой же отчёт во все податные участки района Омской Казённой Палаты; помимо этого, Комитет Союза периодически рассылает в податные участки копии всех журналов своих постановлений.

19. Жалобы на действия Комитета Союза вносятся чрез этот Комитет на Съезд Податной Инспекции.

Отделение III. О Съезде Податной инспекции.

20. Высшим органом самоуправления Союза является Съезд Податной инспекции.

21. Съезд Податной инспекции созывается председателем Комитета Союза или по постановлению этого Комитета, или же по требованию не менее одной третьей части общего числа Податных Инспекторов и их помощников района Омской Казённой Палаты, или же по требованию всей Податной Инспекции каждой области, входящей в район Казённой Палаты; во всяком случае Съезд Податной Инспекции должен созываться не менее одного раза в два года.

22. Съезд Податной Инспекции состоит из Податных Инспекторов и их Помощников района ведения Омской Казённой Палаты и открывается он Председателем Комитета Союза, а для дальнейшего ведения заседаний избирает из своей среды особого председателя; при этом Председатель Комитета Союза, его товарищ и члены Комитета Союза не могут быть избираемы Председателем Съезда.

23. К ведению Съезда Податной Инспекции относятся: а) обсуждение вопросов по существующим и проектируемым прямым налогам, о целесообразности налогов, проведении их в жизнь и пр.

б) защита экономических, правовых и политических интересов членов Союза.

в) рассмотрение отчётов Комитета Союза о всей его деятельности за истекшее после последнего Съезда Податной Инспекции время, и в частности, докладов Комитета по вопросам, перечисленным в ст. 17 – о [по-видимому, имеется в виду один из пунктов данной статьи] – сего Устава.

г) общее направление деятельности Комитета Союза.

д) избрание председателя, его товарища и членов Комитета Союза и их заместителей.

е) рассмотрение вопроса о средствах Союза, и

ж) все вообще дела, вносимые Комитетом Союза или отдельными членами Союза.

24. Все вопросы личного характера, касающиеся членов Союза, решаются как в Съезде Податной Инспекции, так и в Комитете Союза закрытой баллотировкой.

25. Члены Союза заблаговременно извещаются о времени созыва Съезда, а равно о вопросах, предположенных к обсуждению; со своей стороны, члены Союза заблаговременно сообщают Председателю Комитета Союза, обсуждение которых на Съезде, по их мнению, было бы желательно: Комитет Союза по подлежащим его ведению вопросам представляет Съезду своё заключение.

26. Журналы Съезда Податной Инспекции печатаются и рассылаются всем членам Союза и во все другие места, по указанию Съезда.

27. Настоящий Устав действует временно, до реорганизации Института Податной Инспекции на новых началах.

Отдел IV. О служащих в канцеляриях Податной Инспекции.

28. Служащие в канцеляриях Податной Инспекции впредь до осуществления ими самостоятельной организации имеют представительство в Комитете Союза Податной Инспекции с правом решающего голоса по вопросам их личного состава (о назначении, перемещении, увольнении и пр.) и делопроизводства, в числе равном с числом членов Комитета Союза, причём в числе представителей должно быть не менее двух делопроизводителей Канцелярий.

ПРИМЕЧАНИЕ 1-ое: заседания Комитета Союза с представителями служащих в канцеляриях Податной Инспекции считаются дей-

ствительными, если в них участвуют не менее шести лиц, считая в том числе и Председателя Комитета.

ПРИМЕЧАНИЕ 2-ое: Служащие Канцелярий Податных Инспекторов г. Омска и Омского уезда временно признаются выразителем воли служащих канцелярий остальных Податных Участков района Омской Казённой Палаты.

29. Служащие в канцеляриях Податной Инспекции имеют представительство также и в Съезде Податной Инспекции.

Подлинный подписали: Председатель Съезда Податных Инспекторов и их Помощников района Омской Казённой Палаты Податной Инспектор 1-го Омского городского участка П. Нюрнберг. Члены Съезда: Податной Инспектор Омского уездного участка М. Михайлов, Податной Инспектор Омского 2-го городского участка П. Невзоров. Податной Инспектор Омского 3-го городского участка Илья Похитонов. Податной Инспектор Устькаменогорского участка Тер-Погосьянц. И. д. Податного Инспектора Павлодарского участка Н. Лимонов. Податной Инспектор Семипалатинского городского участка А. Тарасов. Секретарь Съезда Податной Инспектор Каркаралинского участка И. Курочко.

С подлинным верно: Председатель Съезда [подпись:] П. Нюрнберг.
ГАОО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 71. Л. 4–6 об. Машинопись с рукописными исправлениями опечаток и личной подписью. Копия.

№ 2. Доклад податных инспекторов Омской казённой палаты о 1-м Всероссийском съезде податных инспекторов и их помощников.

конец августа – сентябрь 1917 г.

СОВМЕСТНЫЙ ДОКЛАД

Податных Инспекторов П.М. Нюрнберга и П.П. Невзорова, бывших делегатами на 1-м Всероссийском съезде Податных Инспекторов и их Помощников 7–17 августа 1917 года в Москве.

1-й Всероссийский съезд Податных Инспекторов и их Помощников, несмотря на возникавшие по разным вопросам крупные разногласия между членами съезда, принимавшие в иных случаях очень острый характер, вызывавший напряженное состояние и грозивший серьезным расколом между инспекцией, как наприм., по

вопросу о включении или невключении в союз Инспекции Делопроизводителей Канцелярий Податных Инспекторов, о возбуждении ходатайства об увеличении содержания также и для Податных Инспекторов, и др., закончился, к общему удовлетворению, полным объединением всей Податной Инспекции России. Ныне институт Податной Инспекции не является уже состоящим из отдельных разрозненных ничем не объединенных членов, а представляет собой единую сплоченную организацию, готовую продолжать работать в интересах государства с еще большей готовностью и пользой, и способную, в то же время, защищать и отстаивать и свои справедливые интересы и нужды. Теперь со взглядами Податной Инспекции, как известной организованной силы, нужно думать, уже нельзя будет не считаться Министерству Финансов, в противоположность бывшему до сего времени положению, когда целый институт культурных, опытных и сведущих работников оставлялся ведомством, при разработке всякого рода податных и налоговых вопросов, в полном пренебрежении. Не к чести ведомства, к сожалению, надо отнести и то отсутствие надлежащего внимания, которое проявилось с его стороны даже и к 1-му Всероссийскому съезду. Съезд не посетили ни Министр Финансов Некрасов, ни Управляющий Министерством Финансов Бернадский, ни даже Директор Департамента Окладных Сборов Курило. От Бернадского и Курило поступили лишь самые краткие приветственные телеграммы, присланные и то уже во время работ съезда. Очевидно, новые влияния туго проникают в ведомство, и старая бюрократическая закваска остается еще достаточно сильной. Зато очень сочувственно, долгими, не смолкавшими аплодисментами, встречены были посетившие Съезд в разное время председатель 4-й Государственной Думы Родзянко и бывший Министр Финансов Шингарев, приехавшие в Москву на происходившее одновременно со Съездом Податной Инспекции Государственное Собрание. Оба, взволнованные горячей встречей, приветствовали Съезд речами, в которых, указывая на переживаемое страной исключительно тяжелое время, призывали положить все силы на благо родины. Шингарев некоторое время председательствовал, в качестве почетного председателя, на происходившем в момент его прибытия пленарном заседании, на котором обсуждался доклад 3-й секции по вопросу об Инструкции

по подоходному налогу. Между прочим, на упомянутое Государственное Собрание Съезд признал желательным делегировать и своих представителей, о чем и было возбуждено ходатайство перед Министерством почт и телеграфов Никитиным, непосредственно заведовавшим делом устройства Собрания, но ходатайство оказалось запоздавшим, так как состав Собрания уже был определен окончательно и изменению не подлежал. Назначенный для Съезда семидневный срок (с 7 по 13 августа) оказался, как уже можно было предполагать и ранее, далеко не достаточным, и Съезд продолжился до 17 августа, но и при этом многие из вопросов, за недостатком времени, остались частью не обсужденными в пленарных заседаниях, а частью даже не рассмотренными и в секциях, и все такие вопросы переданы для разработки во вновь организованный Центральный Комитет Всероссийского Союза Податной Инспекции. Заседания Съезда происходили в аудиториях нового здания Университета.

Съезд открыт был Председателем Организационной комиссии Податным Инспектором г. Москвы Чистяковым, предложившим избрать президиум Съезда.

Большинством голосов председателем Съезда был избран Податный Инспектор г. Москвы Шрамченко (Старшина Московской Податной Инспекции), и товарищами председателя – Податные Инспекторы: г. Харькова – Степаненко и г. Петрограда – Загорский, Секретарем – Податный Инспектор г. Серпухова, Московской г. Соколов, и в помощь ему, в качестве товарищей Секретаря, четверо лиц из Помощников Податных Инспекторов.

По предложению организационной комиссии, почетными председателями Съезда избраны бывшие Министры Финансов Терещенко и Шингарев, Министр Финансов Некрасов и Управляющий Министерством Финансов Бернадский, и почетными гостями – Директор Департамента Окладных Сборов Курило и Управляющий Московской Казенною Палатою Шевцов – последний присутствовал на нескольких заседаниях Съезда.

Председатель Шрамченко произнес приветственную речь, в которой отметил, что только спустя 32 года явилась, наконец, возможность для Податной Инспекции собраться на 1-й Всероссийский Съезд. Раньше обстоятельства были таковы, что об этом не при-

ходило и думать. В единении – сила, и теперь надлежит направить все старание на то, чтобы это единение состоялось, и члены Податной Инспекции слились в одно целое. Податная инспекция всегда старалась на совесть работать и принести государству возможно большую пользу, а ныне она особенно должна принять все миры и старание на пользу родины.

Письменное приветствие Съезда было прислано Главным казначеем армии Ястрембским. Управляющий Московскою Казенною Палатою Шевцов выразил приветствие от своего имени и от имени Казенной Палаты. С приветственными речами выступали также некоторые из делегатов Съезда, указывавшие на выступившие новые условия Государственной и общественной жизни, а в связи с этим – и новые условия работы, и выражавшие пожелания, чтобы Съезд выработал новые твердые Положения Податного Управления, а также проявил заботы и о соответствующем обеспечении Податной Инспекции и служащих канцелярий. Податной Инспектор г. Гомеля Каминский произнес речь, посвященную памяти известного финансового деятеля Бунге, память которого почтена была затем Съездом вставанием.

Из доклада организационной комиссии, сделанного членом ее Податным Инспектором г. Москвы Полонским, усматривалось, что с самого же начала возник вопрос, каким должен был быть Съезд – профессиональным ли только, или и общегосударственного значения. В конце концов решено было, что, по условиям времени, Съезд должен быть больше организационным. Терещенко, бывший тогда еще Министр Финансов, отнесся очень благожелательно к ходатайству Организационной Комиссии о Съезде и выразил желание присутствовать на Съезде. Бывший затем Министром Финансов Шингарев также сочувственно поддерживал идею Съезда. Но со стороны Директора Департамента Окладных Сборов Курило расположения встречено не было. Последний находил, что лучше отложить Всероссийский Съезд Податных Инспекторов, а предварительно созвать, ввиду важности вопросов, которые могли бы подлежать обсуждению, особый Съезд из представителей Департамента Окладных Сборов, Управляющих Казенными Палатами и Податных Инспекторов. К этой мысли сначала склонялись, как оказалось, и Петроградск. Податные Инспекторы, но, по сношении

с Московской Организационной комиссией, последние признали, что Податные Инспекторы и сами должны и могут обсудить и вырешить все вопросы податного управления, решения же объединенной организации Податных Инспекторов не могут не быть компетентны и авторитетны для Министерства. В конце концов Съезд хотя и разрешен был, но мысль об упомянутом выше особом Съезде не оставлена, и предполагалось осуществить этот Съезд в сентябре – октябре текущего года. На расходы по устройству Съезда Министерством ассигновано было 50 тысяч руб., из которых 10000 руб. – на печатание трудов Съезда, но в самое последнее время эти 10000 р. доданы не были.

На Съезд прибыло всего 122 делегата. Некоторые из этих делегатов к началу занятий Съезда не успели приехать и прибывали впоследствии. От некоторых же губерний, как наприм. Волынской, и других фронтовых местностей, делегатов, ввиду военных обстоятельств, и совсем не было.

Так как с некоторого времени представители Петроградской Податной Инспекции стали приглашаться Департаментом Окладных Сборов к участию в разных комиссиях по разработке новых налоговых законопроектов, то Петроградские Податные Инспекторы в первом же заседании, к сведению Съезда, сделали доклад, прочитанный г. Загорским, о новых финансовых законопроектах, разрабатываемых в Департаменте в видах усиления государственных доходов. Таковыми являются: во-1-х, законопроект о наследственном налоге, разрабатываемый взамен действующего ныне налога с наследственных пошлин, дающего всего лишь в среднем 13.000.000 руб. в год и признанного вообще устаревшим и подлежащим переработке в подобающую по современным условиям форму. В основу законопроекта в новом виде положены два принципа: 1) Налогу будет подлежать вся наследственная масса и 2) обложение будет прогрессивным. При этом самый налог делится на основной – со всей наследственной массы – и дополнительный – с долей, которые потом причтутся наследникам по разделе наследства. Обложение проектируется возложить на Казенные Палаты, но затем, когда будут образованы Податные Присутствия, дело будет передано в эти присутствия; во-2-х, поимущественный налог, который будет определяться по ценности имущества, а не по доход-

ности, о чем должно будет иметь в виду при соображениях о платежеспособности плательщиков, принимая во внимание наличие в то же время оставшегося налога с недвижимых имуществ, определяемого по доходности; этот новый налог предполагается ввести уже с 1 января 1918 года; и в-3-х, налог на прирост ценности имуществ, только что начатый обсуждением 4 августа сего года; детали его еще не вырисовались, но, по-видимому, установлены будут, для определения прироста ценности, периоды, наприм., пятилетние, и с разницы в ценности, какая окажется за тот или иной период, и будет взиматься налог.

Всего на Съезде представлено было по разным вопросам 52 доклада, но из них вполне разработанных и обоснованных было не очень много.

Вся главная работа прошла в секциях, которых образовано было пять: к предметам 1-й секции относились: выработка нормального устава для местных организаций Податной Инспекции и устава Всероссийского Союза Податных Инспекторов и их Помощников, затем – устава кассы взаимопомощи и сберегательной кассы, и вопрос о печатном органе Всероссийского Союза Податной Инспекции. 2-й секции – реформа Податной Инспекции, финансовая полиция, новые органы общественного управления и Податная Инспекция (взаимоотношение между ними). Податная Инспекция и плательщики налогов и материальное обеспечение Податной Инспекции и служащих канцелярии Податных Инспекторов. 3-й секции – Подоходный налог (дефекты Положения и Инструкции, несовершенство форм, проекты их изменения, практические затруднения, встреченные при проведении налога). 4-й секции – Промысловый налог, в частности, патентная система, переход от раскладочной системы к окладной, несовершенство законов 2 и 13 мая 1916 г., реформа обложения подотчетных предприятий, существенные недостатки положений о других прямых налогах – гербового сбора, квартирного налога, военного и налога с недвижимых имуществ, статистические работы и выполнение отдельных поручений; и 5-й секции – вновь проэктируемые прямые налоги, о которых сделан был, как уже сказано, доклад Петроградской Податной Инспекцией.

Наиболее всего делегатов записалось в первую, и особенно во вторую секции, ввиду особой важности для Податной Инспекции

обсуждавшихся в этих секциях вопросов. Ваши делегаты – Податные Инспекторы Омских городских участков – 1-го – П.М. Нюренберг и 2-го – П.П. Невзоров (третий делегат Податной Инспектор Устькаменогорского участка В.С. Тер-Погасьянц на Съезде не был) записались для работ: первый – во вторую секцию, а второй – в первую, взяв их для себя за основные. Ввиду особой заинтересованности всех в работах первой и второй секций и сложности рассматривавшихся в них вопросов делегатам вашим, как и другим участникам этих секций, почти не пришлось принимать участия в работах иных секций.

Наибольшее время в первой секции, в коей председательствовал Податной инспектор г. Петрограда Казаков, занято было выработкой нормального устава для местных организаций Податной Инспекции. От местных организаций в секцию поступило 24 устава, в том числе и устав нашей организации. Относительно состава местных организаций уставы были довольно разнообразны. Некоторые организации включали в состав свой также и Делопроизводителей и всех прочих служащих Канцелярий, другие включали одних лишь Делопроизводителей, причем в обоих случаях была еще разница – Делопроизводители и Служащие включались то по всем вопросам, то лишь по вопросам делопроизводства и личного состава. Третьи же сохраняли чистую организацию – одних лишь Податных Инспекторов и их Помощников. Вопрос о служащих Канцелярий, и особенно о их Делопроизводителях вызвал продолжительные прения, и секция не могла придти ни к какому соглашению, разделившись при голосовании на 2 почти равных половины. Так как вопрос этот одинаково касался всех Податных Инспекторов, то, ввиду таких результатов голосования, он перенесен был на предварительное обсуждение Съезда в пленарном заседании, но и здесь определенного соглашения достигнуто не было. Защитники включения Делопроизводителей указывали, что в их Союзы на местах Делопроизводители уже вошли, и было бы неудобно теперь исключать их, что среди делопроизводителей есть серьезные и знающие работники, что они работают с Податными Инспекторами в одной и той же профессии и включение их в союз было бы даже лучше и для дела, что общение их в Союзе с Податными Инспекторами повысило бы при том и самый уровень делопроизводителей.

Иначе же, при непринятии их в Союз, результатом могут быть одни лишь недоразумения и даже вражда. Противники включения Делопроизводителей заявляли, что как положение, так и интересы совершенно различны у Делопроизводителей и Податных Инспекторов, что состав Делопроизводителей пока еще не выяснился, и в большинстве является случайным, что если включить Делопроизводителей в Союз, то было бы последовательнее включить и всех остальных служащих, но тогда в корне нарушилась бы самая идея Союза Податной Инспекции, то вообще соединения разнородных по положению и интересам элементов, наоборот, скорее поведет к разъединению; самостоятельное же объединение служащих в союз, к чему они уже и стремятся, было бы решением вопроса самым правильным и наиболее отвечающим как интересам Податной Инспекции с одной стороны и служащих с другой, так и вообще новому демократическому строю. За недостижением единогласия и в пленарных заседаниях, пришлось в конце концов разрешить этот вопрос компромиссом. Признано, что Союз состоит из Податных Инспекторов и их Помощников, но в нормальном уставе допущено примечание в том смысле, что в решении вопроса о включении в состав Союза Делопроизводителей и других служащих по Податной Инспекции каждый местный союз автономен. Однако в тех местных организациях, где Делопроизводители и служащие Канцелярий будут включены в Союз Податной Инспекции, представительства во Всероссийском Союзе Податной Инспекции Делопроизводители и служащие иметь не будут.

В общем выработанный нормальный устав по существу и частностям довольно близок к нашему местному уставу, но только по вопросам, касающимся взаимоотношения местных организаций к Управляющим Казенными Палатами Съезд принял менее категоричную и более уступчивую форму положения, имея в виду, что действующие законы на этот предмет не отменены, и что на этом же основании некоторым местным Союзам Податной Инспекции, представившим в Суд свои уставы для регистрации, в таковой Судом было отказано ввиду несоответствия их с действующими узаконениями. Наименования для органов самоуправления местных организаций приняты, вместо съездов и комитетов, общие собрания и Правления. Ввиду того, что у нас, напр., по местным условиям,

значительную часть дел, подлежащих при нормальных условиях, ведению Съезда Податных Инспекторов, пришлось отнести к ведению Комитета, в нормальном уставе включен пункт и в § 28-м, которым предоставляется Правлениям ведать, кроме перечисленных в том параграфе дел, и всеми другими делами, возлагаемыми на него по постановлениям общих собраний. Точно так же ввиду особых местных условий, как наших, так и других районов Сибири, включены в устав § 18, устанавливающий, что при невозможности созыва общего собрания, вопросы, подлежащие его ведению и признанные Правлением неотложными, могут быть решены путем референдума, и § 21-й, определяющий, что кворум общих собраний устанавливается сообразно местным условиям. Нормальный устав признан Съездом обязательным для местных организаций, но последним предоставлено право делать в своих уставах те или иные отступления, вызываемые местными условиями и нуждами, с тем лишь, чтобы отступления эти не противоречили общему духу и направлению нормального устава. За недостатком времени на Съезде, окончательная редакция устава поручена Особой редакционной комиссии. По получении на местах устава, выработанного в окончательном виде, местные организации должны приступить к пересоставлению, в чем потребуется, своих уставов, применительно к нормальному уставу, и к представлению своих уставов в Суд на регистрацию, а затем копии зарегистрированных уставов препроводить в Центральный Комитет Всероссийского Союза.

При выработке устава Всероссийского Союза Податных Инспекторов и их Помощников в основу был положен схематический проект, предложенный Податным Инспектором г. Москвы Полонским. Наибольшие суждения здесь вызвал вопрос, где быть Центральному Комитету Всероссийского Союза. Лица, высказывавшиеся за Москву, приводили те соображения, что Комитет, находясь в Петрограде, может подпасть под то или иное влияние Департамента Окладных Сборов, а это совсем не желательно для Союза, органы которого в своих действиях должны быть совершенно безукоризненно самостоятельны и независимы. Кроме сего, Москва – центр России, более всего удовлетворяющий всех и в отношении расстояния от местных организаций. Но большинством признано было необходимым иметь исполнительный орган Всероссийского Союза

в месте нахождения высших правительственных учреждений – в Петрограде, так как только здесь Комитет всегда будет в курсе дел, тогда как в Москве нередко возникающие в ведомствах вопросы и предположения становятся известными лишь через довольно продолжительный срок, а теперь именно такое время, когда своевременная информация вообще имеет большое значение. То же касается опасений за возможность, благодаря близости к Департаменту, нежелательного направления деятельности Комитета, то, для устранения этих опасений, постановлено также образовать Центральный Комитет, число членов коего определено в 15-ть, чтобы от состава Петроградской Податной Инспекции в нем было не более 7 членов, а остальные – из других мест, но ближайших к Петрограду, чтобы фактическое участие иногородних в Комитете было всегда возможным. Между прочим, заседания Центрального Комитета установлены для всех членов Комитета открытыми (с правом совещательного голоса).

По выработанному уставу, Всероссийский Союз, в который объединяются губернские и областные Союзы Податных Инспекторов и их Помощников, имеет целью, во-первых, содействие местным союзам к возможно лучшему использованию их членами своего служебного долга в интересах государства и общества, и во-вторых – защиту профессиональных, правовых и экономических интересов местных союзов, входящих в состав Всероссийского Союза. Всероссийские съезды – делегатские, и установлены двоякого рода – большие (очередные) и малые (экстренные – в особых случаях), причем делегаты на большой Съезд, созываемый в сроки по постановлению предыдущего большого или малого съездов, избираются от местных союзов по 1 на каждые 10 человек от общего числа входящих в эти союзы Податных Инспекторов и их Помощников (неполные десятки в 5 и более человек считаются за полные), а на малые съезды, созываемые или Центральным Комитетом, или по требованию 15 местных союзов, избираются постоянные делегаты по 1 от каждого местного союза заблаговременно, чтобы он всегда мог, когда потребуется, выехать (Союзы, в состав коих входит более 50 Податных Инспекторов и их Помощников, избирают 2 делегатов). Неделегированные члены местных союзов могут участвовать во всех съездах с правом совещательного голо-

са. По общему правилу, делегаты избираются на местных общих собраниях, но в исключительных случаях допущено избрание и путем референдума. Средства Всероссийского Союза установлены: из членских взносов местных союзов ежегодно в суммах по расчету от каждого Податного Инспектора 10 руб. и Помощника 3 руб., причем ответственность за уплату членских взносов возлагается на Правления местных организаций; затем – из пособий Министерства Финансов, от издательской деятельности и из случайных поступлений. Одним из постоянных учреждений Союза, между прочим, будет Справочное Бюро при Центральном Комитете для нужд Членов Союза; подробная разработка положения об этом Бюро возложена на Комитет. Устав Всероссийского Союза, в коем, надо сказать, нашли себе отражение все пожелания, высказанные на нашем местном съезде относительно всероссийской организации, также подлежит, за недостатком бывшего на Всероссийском Съезде времени, окончательному редактированию в особой редакционной Комиссии.

По вопросу о печатном органе секция единогласно высказалась за необходимость для Союза иметь свой печатный орган, причем издание его признано было желательным начать в нынешнем же году и, по возможности, с ближайшего времени. Единственным серьезным обстоятельством в этом деле являлась дороговизна издания, ввиду сильного вздорожания цен на бумагу и печатание, имеющего к тому же тенденцию к дальнейшему повышению, что в известной степени делает неустойчивыми и какие-либо определенные соображения относительно финансовой стороны дела. На этом обстоятельстве долго останавливался и Съезд в пленарном заседании, где раздавались опасения со стороны некоторых делегатов, указывавших на возможность крупного дефицита, который придется покрывать Членам Союза. Однако удовлетворяться единственным пока органом, издающимся в Москве – “Вопросы податного обложения”, составляющим приложение к издаваемой частной коммерческой компанией газете “Коммерсант”, никоим образом не приходится, так как если в этом журнале и затрагиваются в известной степени вопросы податного дела, то только лишь в специальных целях, кои преследуются издателями в своем издательском коммерческом деле. И хотя, с одной стороны, издание теперь собствен-

ного органа и потребует значительных средств, но, с другой стороны, именно в настоящее время, когда разрабатываются новые законопроекты как по разным налогам, так и по реформе податного Управления, необходимо Союзу иметь свой печатный орган для своевременного и полного ознакомления Податной Инспекции со всеми возникающими в ведомстве предположениями, и вместе с тем, – более успешного проведения в жизнь взглядов и решений Союза. В этих видах, и так как расходы на первое время исчислены примерно до 60.000 руб., Съезд принял предложение Секции установить для нынешнего года взнос для каждого Податного Инспектора и Делопроизводителя по 10 руб., причем в счет этих сумм издание будет высылаться до конца года, а с будущего года, по более подробном выяснении положения дела, установлена будет определенная подписная плата. Выписка журнала обязательна для всех членов Податной Инспекции. Задачами нового органа намечены своевременное и широкое ознакомление со всеми новыми законопроектами, инструкциями, решениями Сената и циркулярами Министерства, решение всякого рода вопросов податного дела (отдельные статьи и выдержки из журналов местных Съездов) и пр.; особыми отделами будут: хроника, библиография и критика, вопросы и ответы для податных инспекторов и плательщиков налогов, податной календарь и др. Для целей более широкого распространения издания особое внимание будет обращено на то, чтобы оно было интересным и для плательщиков налогов. Проведен принцип платности работ, почему все статьи и заметки, как лиц редакционного состава, так и присылаемые с мест, обязательно будут оплачиваться гонораром. Издателем органа будет Центральный Комитет Союза, а ближайшим образом вести дело будут два лица – редактор и заведующий хозяйственной частью; вознаграждение тому и другому назначено по 1600 рублей в год (также будет платный и Секретарь). Местом издания будет Петроград, причем и редактор, и заведующий хозяйством будут ex officio входить в качестве членов в состав Центрального Комитета. Выбор и назначение этих лиц предоставлены Съездом Центральному Комитету.

По учреждаемой при Всероссийском Союзе кассе взаимопомощи на случай смерти и потери трудоспособности работала особая подсекция, выделенная из 1-й секции. Из всех видов взаимо-

помощи наиболее желательным, по заключению подсекции, было бы учреждение эмеритальной кассы, но тут требуются точные расчеты, основанные притом на подробном всесторонне разработанном материале; иначе, при несовершенстве в каком-либо отношении расчетов или непринятии во внимание того или иного фактора, все дело может грозить крахом, как уже и было это с военным ведомством, миллионный крах эмеритальной кассы которого удалось ликвидировать только при поддержке государственной казны. Нужных же расчетов и материалов пока не имеется. Подходящей формой взаимопомощи было бы также коллективное страхование в Государственной сберегательной кассе, которую для коллективов предоставляются особые льготные условия, но по этому делу тоже пока не имеется разных нужных данных. Однако и выработанный подсекцией проект устава кассы взаимопомощи Съезд признал основанным на недостаточно разработанных данных, ввиду чего и так как в тесной связи с теми или иными расчетами стоят и суммы взносов, кои подсекцией определялись в значительной цифре – по 5 руб. в месяц или по 60 руб. в год с каждого Податного Инспектора и Помощника при уплате наследникам по каждому смертному случаю суммы в 6.000 руб., постановил передать этот проект для пересмотра и более подробной разработки в Центральный Комитет, коему вместе с тем поручил обсудить и разработать и другие подходящие виды взаимопомощи. Пока же, чтобы не оставлять уже и теперь семьи членов Союза без вспомоществования, единогласно принято, в виде временной меры, установление обязательных для всех Податных Инспекторов и Помощников взносов – с каждого единовременно в 10 руб. (из них 1 % – на делопроизводство и 3 % – в запасной капитал) и, периодически, по каждому случаю смерти – по 3 руб. до образования запасного капитала в сумме до 20 тыс. руб., когда периодические взносы могли бы быть понижены, а затем со временем и вовсе прекращены, и уплаты в сумме до 5 тыс. руб. по каждому смертному случаю производились бы уже из %% с капитала.

Вторая секция, бывшая особенно многочисленной, работала под председательством Податного инспектора г. Петрограда Портянко. Все подлежавшие ей вопросы обсуждались в ней весьма подробно, и выработанные материалы вносились в пленарные заседания

Съезда постепенно. Работы ее, ввиду особого интереса вопросов, вызывавшего горячее участие членов ее в обсуждении, затянулась почти до самого последнего дня Съезда, причем некоторые из вопросов все-таки пришлось отложить за недостатком времени. Все пожелания нашего Съезда, относившиеся к предметам заседания этой секции, вошли в ее постановления.

По вопросу о реформе Податной Инспекции, согласно докладов секции, Съездом приняты следующие резолюции.

Основания реформы – 1. Податная Инспекция выделяется в самостоятельный от Казенных Палат институт.

2. Устанавливается выборное начало при назначениях и перемещениях чинов Податной Инспекции; выборы как участковых, так и губернских податных инспекторов должны производиться исключительно членами корпорации, причем губернские Инспекторы избираются на срок, и

3. Коллегиальность всех учреждений.

Круг обязанностей Податной Инспекции – отделение обложения от взыскания; относительно последнего на обязанности Податной Инспекции должно лежать только лишь общее наблюдение.

Члены организации Податной Инспекции – Участковые и Губернские (или областные) Податные Инспекторы; Губернский Инспектор наблюдает за постановкой податного дела в губернии (вместо Казенной Палаты и Управляющего) и несет узко административные функции, являясь при этом как бы старшим товарищем (*primus inter pares*), руководящим общей деятельностью участковых Податных инспекторов.

2. Участковое податное Присутствие под председательством Податного Инспектора и подсобные органы (Канцелярия Податного инспектора, агенты при Пожарном Инспекторе по наружной службе и пр.); члены Присутствия избираются представителями общественного самоуправления).

3. Губернское податное Присутствие – председательствует Губернский Податной Инспектор – инстанция апелляционная.

4. Губернский Податной Совет, состоящий под председательством Губернского Податного Инспектора, из одного или двух помощников его и такого же числа участковых инспекторов, – инстанция административная. Проводит в жизнь постановления Гу-

бернского съезда Податной инспекции, ведет списки наличного состава Податной Инспекции, имеющих свободных вакансий, лиц, ходатайствующих о назначении и перемещении и пр., и

5. Губернский съезд Податных Инспекторов и их помощников – высший местный административный орган управления, объединяющий деятельность Податных Инспекторов.

Податные ревизоры – состоят при Департаменте и назначаются Министром Финансов из кандидатов, выбираемых на Всероссийском Съезде из состава Участковых Податных Инспекторов, причем ревизоры могут быть как в качестве постоянного органа, так и назначаться ad hoc по усмотрению Министерства; ревизии должны производиться ими при делегате от членов местной податной корпорации, причем акты ревизии, подписанные ревизором, а также и делегатом и лицом ревизуемым, сообщаются в копии местной Податной организации.

Высшими учреждениями являются – Сенат – кассационная инстанция – и Всероссийский Съезд Податных Инспекторов и их Помощников, исполнительный орган которого ведает всем делом по выборам кандидатов в Податную Инспекцию и, соответственно сему, ведет списки, на основании получаемых от губернских советов материалов, как обо всех чинах Податной Инспекции, так и о кандидатах к назначению или перемещению.

Отношение к Департаменту Окладных Сборов – право делегирования членов корпорации в Департамент с правом решающего голоса при разработке всякого рода законопроектов и вообще податных дел, а также по вопросам личного состава Податной Инспекции и материального ее обеспечения, и особенно по делам, возникавшим из докладов Податных Ревизоров по произведенным ими ревизиям.

Что касается вопроса о материальном обеспечении Податной Инспекции и служащих канцелярий Податных Инспекторов, то здесь секция остановилась прежде всего на общих нынешних тяжелых условиях работы Податной Инспекции и, по подробном рассмотрении и обсуждении их, пришла к заключению, во-1-х, что при том материальном обеспечении, которое сейчас имеется в Податной Инспекции, существовать при нынешней, столь резко изменившейся конъюнктуре жизненных условий не только весьма затруднитель-

но, но и почти невозможно, и во-2-х, самое количество работы у Податных Инспекторов настолько велико и обременительно, что работать становится совершенно непосильным. Необходимо поэтому теперь же озаботиться как соответствующим улучшением материального положения Податной Инспекции, так, вместе с тем, и принятием мер к увеличению числа податных участков для разгрузки работы и, между прочим, к увеличению числа Помощников Податных Инспекторов. Перед безотлагательным удовлетворением указанных нужд Министерство не должно бы останавливаться и в интересах самого дела, имея в виду, с одной стороны, что нынешняя необеспеченность Податной Инспекции не может, само собой, не отражаться неблагоприятно на качестве самой работы Инспекции, а с другой – что расходы, сопряженные с устранением перегруженности в работе Инспекции, несомненно окупятся бы для страны с избытком. В частности, для облегчения труда Податного Инспектора секция признала необходимым 1) образование нормальных податных участков, 2) в каждом податном участке учредить не менее 1 Помощника Податного Инспектора, для возложения на него ответственных поручений (на делопроизводителей таких поручений возлагать невозможно) и для замещения Податного Инспектора при его отлучках, и 3) усиление штата Канцелярии Податного Инспектора новой должностью Помощника Делопроизводителя, так как Делопроизводителю часто приходится отлучаться из Канцелярии по разным служебным делам (выборка на местах данных из книг и пр.) и соответствующим количеством писцов, которых в каждой канцелярии должно быть не менее трех; также должен быть один служитель при каждой Канцелярии для уборки комнат и разности пакетов. Все эти мероприятия должны подлежать определению и разработке на местных Губернских или Областных Съездах.

В отношении увеличения содержания продолжительные прения в секции вызвал вопрос о том, должно ли содержание Податных Инспекторов быть одинаковым повсеместно или же различным, по классам местности, как то имеет место ныне, разделивший членов секции на две половины.

Сторонники установления содержания по классам местности указывали, что более крупные центры никак нельзя сравнивать с мелкими, так как в первых обыкновенно и квартиры, и отопление

значительно дороже, также и стоимость продуктов гораздо выше, и вообще условия проживания требуют гораздо больших расходов. Защитники же одинакового повсеместно содержания приводили соображения, что по местам и в мелких сравнительно пунктах жизнь не дешевле, чем в более крупных центрах, и что даже если считать и дешевле, то, с другой стороны, воспитание и обучение детей и связанное с этим содержание их обходится значительно дороже, так как на местах нет учебных заведений и детей приходится отправлять в более крупные города, вследствие чего и общие расходы в действительности уравниваются с расходами в крупных центрах, не говоря уже о том, что уравнивание содержания явится отчасти компенсацией за необходимость проживания в участках, лишенных культурных условий, труд же, с другой стороны, и там, и тут, в общем, одинаков; уравнительность содержания желательна еще и потому, что отпало бы стремление менять места из-за высшего оклада, что наблюдается ныне и проходит нередко в ущерб делу. При голосовании вопрос прошел в смысле уравнивания содержания перевесом одного лишь голоса Председателя секции. Содержание Податного Инспектора принято секцией в сумме 7200 руб. в год, и за каждые 5-летки по 500 руб., причем число их должно быть неограниченным – до выслуги полной пенсии. Единогласно затем прошло постановление, что содержание должно быть одной суммой, без подразделения на жалованье, столовые и квартирные, как ничем в действительности не вызываемого.

Помощнику Податного Инспектора содержание принято секцией в размере 60 % содержания Податного Инспектора – 4320 руб. (входят столовые и квартирные) и три 5-летки по 300 руб. Делопроизводителю – 45 % содержания Податного Инспектора – 3200 руб. (с квартирными и столовыми) и... [так в документе – по-видимому, машинистка не смогла разобрать слово в рукописи] 5-летки (также в размере 45 %) – 225 руб., причем относительно делопроизводителей постановлено, что они, если не имеют высшего образования, не могут быть назначены ни Податными Инспекторами, ни Помощниками; Помощнику Делопроизводителя – 1800 руб., без пятилеток, так как он, в сущности, будет являться лишь старшим писцом; писцам – по расчету не свыше 1800 руб. на каждого писца, в подотчетное распоряжение Податного Инспектора, причем

циркуляр, не допускающий на должность писца женщин, должен быть отменен, а что касается родственников и членов семьи, то временно, за недостатком служащих, они могут быть допускаемы к письменным занятиям; сторожу – до 1200 руб., в подотчетное распоряжение Податного Инспектора. Кроме сего, секцией приняты дополнительные ассигнования чинам Податной инспекции: 1) единовременное пособие в размере месячного оклада – к Пасхе и Рождеству, каковые выдачи, вызываемые значительными расходами в эти праздники, были бы собственно не наградой, а пособием за труд; 2) пособие на воспитание детей – 200 руб. в год на каждого ребенка; 3) в тех случаях, когда Податным Инспекторам и Помощникам приходится выезжать по служебным делам за пределы участка – прогонные и суточные, размер которых устанавливается на местах; 4) на лечение – по 500 руб. одинаково Податному Инспектору, Помощнику и Делопроизводителю; и 5) разъездные – в одинаковой сумме для Податных Инспекторов и их Помощников – городским по 900 руб., и уездным – по 1800 руб. В общем на содержание участка, по приведенному расчету, приходилось бы до 37000 руб. в год – сумма хотя и значительная, но, по сравнению с ассигнованиями на другие учреждения, далеко не выдающаяся, когда, наприм., на продовольственный комитет в губернии ассигнуется до 300.000 руб. Остались не разработанными в секции, за недостатком времени, вопросы об ассигнованиях на канцелярские и типографские расходы, о пенсиях, о площади канцелярий Податных Инспекторов и др.

В пленарном заседании, рассматривавшем эти заключения секции, однако, признано было, по условиям времени, неудобным рассматривать ныне штаты, а в целях улучшения материального положения – возбудить ходатайство об увеличении содержания по дороговизне в известном проценте на все время войны и действия %% добавок. Если, при этом, о прибавках для увеличения содержания Помощникам Податных Инспекторов и служащим канцелярий не было никаких разногласий, то в отношении Податных Инспекторов вопрос вызвал продолжительные прения, принявшие даже страстный характер, так как значительная часть членов Съезда признавала, ввиду весьма затруднительного, дошедшего до полного расстройств, финансового положения государства, неудобным для

Податных Инспекторов выступать с ходатайством о прибавках для себя и настаивала на сохранении в этом отношении занимавшейся до сего времени Инспекцией позиции, приглашая как-либо претерпеть переживаемые затруднения и в дальнейшем. В конце концов, большинством членов, находивших, что ввиду все более и более усиливающейся дороговизны, пределы возрастания которой притом не предвидятся в ближайшем будущем, терпеть далее нет сил и для Податной Инспекции, так как и теперь уже ей приходится входить в задолженность, вопрос решен все-таки за ходатайство и о Податных Инспекторах. Добавка для Податных Инспекторов принята Съездом в размере 100 % всего содержания (нынешняя военная прибавка отпала бы), для Помощников Податных Инспекторов и Делопроизводителей увеличение принято на 150 %, на наем писцов – на 200 % плюс так называемая Плехановская прибавка (принцип, выработанный комиссией об увеличении содержания железнодорожникам под председательством Плеханова), по которому, если из отпускаемого кредита приходится тем или иным служащим получать менее 100 руб. в месяц, то всем таким служащим казна отпускает особые прибавки с расчетом, чтобы содержание этих служащих составляло 100 руб. в месяц. Вопрос о прибавке сторожам поручен рассмотрению Центрального Комитета. Ему же поручено настоять в Департаменте Окладных Сборов на увеличении сумм, отпускаемых на наем помещений для Канцелярий, и возмещении произведенных Податными, инспекторами перерасходов по оборудованию Канцелярий. В Центральный же Комитет передан на разработку и вопрос об уравнивании разъездных денег для Податных Инспекторов и Помощников, не вызывающий сочувствия у многих членов Съезда, признававших, что Помощники, наоборот, должны больше находиться в Канцеляриях Податных Инспекторов, а не в разъездах, а также и все вопросы, оставшиеся в секции не разработанными. Особо поручено Комитету разработать вопрос о сокращении срока на пенсию до 25 лет и принять меры к скорейшему возмещению всех потерь чинам Податной инспекции – беженцам из местностей, занятых неприятелем, каковые потери, как выяснилось, до сих пор не возмещены им, не в пример прочим беженцам, между тем как многие из Податных Инспекторов потеряли все имущество и совершенно разорились.

Вопросы о финансовой полиции, о взаимоотношениях между новыми органами общественного управления и Податной Инспекцией и об отношениях к плательщикам налогов, за недостатком времени, остались в секции без подробной разработки, и по ним установлены положения лишь в общей форме. По первому – относительно взыскания налогов и недоимок, которое должно относиться к ведению финансовой полиции, на обязанности Податной Инспекции должно лежать лишь общее наблюдение за взысканием их, без фактического участия [в] деле взыскания; по второму – отношения к новым органам общественного управления должны определяться исключительно финансовыми задачами, преследуемыми деятельностью Податной Инспекции, и по третьему – отношения к плательщикам должны быть истинно справедливыми, на началах строгой законности.

По работам 3-й секции, в которой председательствовал Податной Инспектор г. Москвы Частухин, наибольшие суждения на Съезде вызвал доклад секции о желательности теперь же отмены Инструкции о применении Положения о государственном подоходном налоге. Необходимость отмены мотивировалась тем, что Инструкция хотя и содержит в себе некоторые разъяснения Положений закона, но в общем, ввиду множества неясностей, противоречит закону, и пр., приносит больше вреда, чем пользы, не говоря уже о том, что и составлена она очень громоздко и неудачно, являясь в большинстве лишь перифразом закона, с неудачным притом расположением материала. Практическое же значение немедленной отмены Инструкции, помимо устранения вносимой ею путаницы в понимании закона, заключалось бы, между прочим, и в том, что отпала бы для Податной Инспекции, переобремененной теперь делом, обязательность непременно всех бесчисленных форм делопроизводства, установленных Инструкцией, во многих случаях введенных без особой надобности и только усложнивших работу Податного Инспектора. Обсудив этот вопрос, Съезд, соглашаясь вполне со всеми доводами и соображениями секции, не усмотрел, однако, особой настоятельной необходимости в немедленной отмене инструкции, тем более, что, по доложенным представителем Петроградской Податной инспекции г. Загорским сведениям, со стороны Департамента Окладных Сборов, сознающего затруднительность для Инспекции

применения всех форм, не будет требования выполнять все формы, в частности, например, Департаментом частным образом разрешено Петроградской Инспекции не применять формы № 31 (свод податных сведений о плательщиках), № 30 (карточки алфавита), № 32 (список плательщиков), вместо какой-либо формы достаточна форма № 27 (список лиц, имеющих самостоятельный доход), № 35 (поверочный лист), № 36 (обращение Председателя к плательщикам за разъяснениями). Кроме сего, формы о штрафах № 42–43 вполне могут быть заменены одной формой по образцу, например, штрафного списка по квартирному налогу, а по ф. № 21 (сведения о лицах, получающих жалованье, пенсии и пр.) в случаях, когда данные этой формы расходятся с декларациями плательщиков, можно запросов для выяснения не делать. Съезд признал, что все эти разрешения Департамента, данные Петроградской Инспекции, могут быть приняты к руководству и прочими Податными Инспекторами.

По отдельным вопросам по подоходному налогу секцией вынесены следующие резолюции, принятые Съездом: 1) Валовым доходом за текущий год считать не только действительно полученный доход, но и причитающийся за тот год; 2) вторую половину ст. 14 Положения (о принятии в расчет дохода лишь от тех источников, которые были в наличности на 1 января окладного года) желательным отменить, а доход брать в полной сумме за предшествовавший год, предоставляя плательщикам доказывать уничтожение источников, а не их состояние на 1 января; 3) отдельными источниками дохода считать лишь перечисленные в ст. 2 Положения и в том именно виде, как они изложены в 6-ти пунктах, а не понимать отдельным источником дохода, наприм., каждую процентную бумагу, акцию и пр., как то изложено в § 23 Инструкции; и 4) желателен периодический пересмотр прожиточного минимума и увеличение до 1500 руб.

4-я секция, которой подлежали все остальные действующие налоги, ввиду малого числа бывших в ее распоряжении вполне разработанных докладов и материалов, вынесла резолюции, касавшиеся лишь основного и дополнительного промыслового налога. Наиболее существенным был доклад о желательности полной отмены патентного сбора и введения взамен него окладной системы на началах прогрессивности с установлением минимума, не подле-

жащего обложению, а в связи с этим и о необходимости в коренной переработке Положения о промысловом налоге, к которой следует Министерству приступить немедленно при неприменном участии Податной Инспекции. По этому поводу одним из представителей Петроградской Инспекции, г. Казаковым, доложены имеющиеся из Департамента сведения, по коим отмена патентной системы пока считается Департаментом несвоевременной ввиду того, что нынешняя система дает определенный источник дохода к началу года и, кроме того, с этого источника пользуются определенным доходом города, земства и др. Съезд признал замену патентной системы окладною вполне назревшей и присоединился к докладу секции, высказавшись лишь против прогрессивности здесь обложения, ввиду и без того уже значительной обременительности для плательщиков обложения со введением новых налогов. По вопросу о привлечении торговых предприятий IV разряда и промышленных VII и VIII разрядов, а также развозной и разносной торговли к платежу раскладочного и % сборов, впредь до полной отмены патентного сбора, Съезд также присоединился к секции, но начальным годом, с коего ввести обложение этих предприятий, признал не 1917 г., как высказывалась секция, а 1918 г. Резолюции секции: 1) по привлечению предприятий, не выбравших промысловых свидетельств, но по сведениям Податной Инспекции или Членов Раскладочного Присутствия, действующих, к дополнительному промысловому налогу до выборки ими промысловых свидетельств, составляя в таких случаях соответствующие журналы в Раскладочном Присутствии, так как при соблюдении ныне действующих на этот счет правил закона, привлечение таких предприятий замедляется иногда на очень значительное время, что является ущербом для казны, и 2) об отмене с нынешнего же года утверждения раскладок Казенными Палатами, а также – высказанное секцией пожелание о передаче дел об обложении акционерных предприятий из Казенных Палат Податным Инспекторам – отклонены Съездом. По вопросу о вновь возникших предприятиях, облагаемых по закону 2 мая 1916 г., высказано пожелание, чтобы при обложении таких предприятий не производить установленных законом расчетов непременно для всех предприятий, а принять во внимание условия работы предприятий (есть, например, сезонные предприятия, также

– работающие не круглый год, но выполняющие за время своего функционирования весь круг своих действий и пр.), и облагать такие предприятия, хотя бы они и были вновь возникшие, по общему порядку, как годовые, причем и зачет у них промыслового налога, как и у таких же проштрафившихся, должен производиться по стоимости полных годовых свидетельств. Некоторые вопросы по более мелким предметам, как, наприм., об отмене представления предварительных сведений о контингенте раскладочного сбора, какие могли бы быть заменены сообщением полученных по производстве раскладки точных уже данных о суммах оборотов и прибылей, и пр., остались не рассмотренными секцией, и материалы переданы в Центральный Комитет.

В 5-й секции (о вновь проектируемых налогах) рассматривались собственно принципиальные основы новых налогов, изложенные уже выше в настоящем докладе. В частности, относительно поимущественного налога признано необходимым учреждение особого кадра оценщиков, без которых работа для Податной Инспекции окажется весьма затруднительной. В связи с идущей теперь в Министерстве разработкой новых законопроектов Съезд, согласно заключению секции по вопросу о том, каков должен быть общий характер финансовой политики, вынес резолюцию, что обложение должно иметь характер не как жертвы со стороны плательщиков, а как исполнения с их стороны гражданской обязанности. По только что введенному новому единовременному налогу сомнительная для понимания 3 статья закона об этом налоге во второй ее части, давшей возможность разного толкования, разрешена признанием характера прогрессивности за обложением по этому закону, из чего и должно вытекать определенное понимание второй части указанной статьи.

Во время заседаний Съезда от Совета Петроградской Податной Инспекции получены были из Петрограда сведения, что Департаментом Окладных Сборов, обсуждавшим вопрос о прибавках Податной Инспекции, решено назначить Податным Инспекторам по 400 руб. в год, Помощникам Податных инспекторов по 800 р. и Делопроизводителям по 700 руб., кредиты на наем помещений для Канцелярий и на канцелярские расходы – удвоить. Столь ничтожная прибавка Податным Инспекторам по сравнению, наприм., с

установленной по Департаменту Государственного Казначейства прибавкой для Начальников отделений Казенных Палат (по 1000 руб. в год) объясняется, по сведениям Петроградского Совета, главным образом тем, что Департамент Окладных Сборов имел в виду как бы оказать давление на Податных Инспекторов и таким образом побудить последних к занятию должностей Начальников отделений Казенных Палат. Такое недостойное отношение к Податным Инспекторам со стороны Департамента, никогда притом и раньше не отличавшегося не только какой-либо заботливостью о Податной Инспекции, но и сколько-нибудь внимательным и приличным отношением, вызвало на Съезде большое негодование, и не из-за размера собственно суммы прибавки, а из-за той недостойной тенденции, которая связывалась Департаментом с этой прибавкой и которую он позволил себе даже и в этом насущном для Податной Инспекции деле. Съезд единогласно постановил отказаться от этой подачки Податным Инспекторам (не касаясь добавок Помощникам и Делопроизводителям из опасения отнятия их и от этих лиц) и изложить о этом, а также и вообще о бывшем до сих пор недостойном отношении Департамента к Податной Инспекции, в особой резолюции, которую и представить в Министерство. Резолюция эта была затем выработана и одобрена Съездом.

Выборы в Центральный Комитет Всероссийского Союза на должность председателя и двух товарищей его производились сначала записками, в коих назначались кандидаты, а затем баллотировкой шарами. В Председатели Комитета большинством голосов выбран Податной инспектор г. Петрограда г. Загорский, а Товарищами его – Податные Инспекторы г. Петрограда Зайцев и Портянко; в члены Комитета избраны по запискам в порядке большинства голосов Податные инспекторы Гинтерман (Петроград), Градовский (Пгд), Казаков (Пгрд), Степаненко (Харьков), Покровский (Р. на Д.), Вербицкий (Новгород), Полонский (Москва), Хмелевский (Москва), Росницкий (Петр.), Честухин (Москва), Шрамченко (Москва) и Дарков (Петр.). Кандидатами к ним избраны 10 Податных Инспекторов из ближайших к Петрограду губерний. Выборы в Ревизионную комиссию отложены до следующего Съезда. В редакционную комиссию, для окончательного редактирования трудов Съезда, избраны все московские делегаты, как оставшиеся на месте, и Президиум Съезда.

О месте и времени следующего Всероссийского Съезда предложено решить Центральному Комитету путем референдума.

На память о 1-м Всероссийском Съезде все члены Съезда снялись в общей группе.

Г. Омск.

Податные Инспекторы Омских городских участков –
1-го – П.М. Нюренберг. 2-го – П.П. Невзоров.

ГАОО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 71. Л. 12–23 об. Копия, отпечатанная на машинке под очень бледную фиолетовую копируку. Слова, в настоящей публикации подчёркнутые, отпечатаны в оригинале под красную копируку. Есть рукописные исправления опечаток или непропечаток.

№ 3. Циркуляр управляющего Омской казённой палатой с приложением циркуляра Департамента окладных сборов и заключения Юридического совещания при Временном правительстве по проектам уставов организаций Податной Инспекции.

6 октября 1917 г.

М. Ф.

Циркулярно.

УПРАВЛЯЮЩИЙ
ОМСКОЮ
КАЗЕННОЮ ПАЛАТОЮ

6 Октября

1917 г.

№ 59726

Омск

Податным Инспекторам областей: Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской.

Препровождаю г.г. Податным Инспекторам изложенные ниже в копиях циркуляр Департамента Окладных Сборов 1 минувшего Сентября № 9575 и заключение Юридического Совещания при Временном Правительстве по проектам уставов организации Податной Инспекции Ярославской и Нижегородской губерний.

Управляющий Палатою [подпись неразборчива].

За Секретаря [подпись неразборчива].

МИНИСТЕРСТВО Копия.
ФИНАНСОВ Циркулярно.
ДЕПАРАТМЕНТ
ОКЛАДНЫХ Г.г. Управляющим Казёнными Палатами.
СБОРОВ
Отделение I.
Стол I.
1 Сентября 1917 г.
№ 9575

В Департамент были представлены проекты Уставов организации податной инспекции Ярославской и Нижегородской губерний.

Имея в виду, что чины податного надзора других местностей равным образом могут пожелать организовать по примеру инспекции вышеуказанных губерний, Департамент находит желательным ознакомить подведомственных Вам чинов податной инспекции с заключением по означенным проектам Юридического Совещания при Временном Правительстве, вследствие чего препровождает при сём копию такового для надлежащих с Вашей стороны распоряжений.

Подписал: Директор Г. Курило. Скрепил: Начальник Отделения В. Шпаковский. Верно: за Столоначальника А. Нестеров.

Копия.

Юридическое Совещание, рассмотрев в заседании 16 Августа 1917 года проекты Уставов организаций податной инспекции Нижегородской и Ярославской губерний, пришло к следующему заключению:

Проекты уставов организаций податной инспекции Нижегородской и Ярославской губернии, препровождённые на заключение Юридического Совещания, являются совершенно неприемлемыми как ввиду полнейшего смешения понятий, положенных в их основу, так и ввиду явного противоречия их положений действующим постановлениям об организации органов административного управления вообще и податного надзора в частности.

Прежде всего, Юридическое Совещание отметило, что податная инспекция есть исполнительный орган государственной власти,

призванный исполнять определённые функции государственного управления.

Организация податной инспекции, в силу этого, всецело определяется запросами государственной власти и её воззрениями на наилучший способ постановки податного надзора. Вместе с тем, лица, составляющие податную инспекцию, являются назначенными правительством должностными лицами – чиновниками, осуществляющими в своей деятельности не свои самостоятельные интересы, а чуждые им интересы государственной власти, причём лица эти объединены между собой случайным признаком – назначением от правительства исполнять одинаковые функции государственного властвования. При таком служебном, несамостоятельном характере податной инспекции применение к этой инспекции и её деятельности начал самоуправления представляется совершенно невозможным.

Податная Инспекция, действуя как орган исполнительной власти, осуществляет не свои интересы, а интересы этой именно власти. Ввиду этого представляется совершенно неправильною попытка построить осуществление чужих интересов на началах самоуправления, так как эти начала могут иметь применение лишь там, где данное общество имеет ясно сознанные самостоятельные интересы. К тому же обладатель интереса, каковым в данном случае является государственная власть, не может быть лишён права выбирать наилучшие способы и средства осуществления этого интереса, потому что в противном случае интерес этот потеряет для него всякое значение.

Засим для наличия самоуправления требуется живое единение всех сил данного общества, основанное на естественном сожительстве всех его членов и на вызываемых этим сожительством реальных общих интересах. Между тем такого общества между лицами податной инспекции не имеется, так как связь между ними не идёт далее защиты их профессиональных интересов, как оплачиваемых государством работников. Поэтому попытки организовать само ведение дела податного надзора на началах самоуправления заранее обречены на неудачу, ввиду отсутствия достаточно прочного для сего базиса.

Неправильность исходной точки, положенной в основу проекта и стремящейся соединить столь противоположные начала, как го-

сударственная служба и самоуправление, в дальнейших положениях Уставов влечёт за собой целый ряд противоречивых действующему законодательству постановлений. Так, проекты предполагают предоставить податным съездам право решать вопросы о назначении, перемещении и увольнении членов податной инспекции, причём все заключения съездов по сему поводу предоставляются через Управляющих Казённых Палат в Министерство Финансов.

Вместе с тем проект постановляет, что на рассмотрение съездов вносятся проекты мероприятий и циркуляров Управляющих Казённой Палатой по общему направлению деятельности податной инспекции, причём в случае недостижения соглашения с Управляющими Казённой Палатой, а также в случае издания ими распоряжения, несогласного с постановлением какого-либо органа податной инспекции или не прошедшего, вопреки Уставам, через этот орган, податные комитеты обращают на это внимание Управляющих и Податных Советов, смотря по надобности, или отлагают вопрос до ближайших податных съездов или представляют мотивированное постановление в Министерство Финансов.

Между тем все означенные постановления стоят в коренном противоречии с общепризнанными началами устройства административных органов власти и порядка их деятельности, признаваемыми и действующим нашим законодательством.

Вся ответственность за правильность и незамедлительность решения дел, подлежащих ведению тех или других правительственных установлений и должностных лиц, всецело возложена на их начальство. Вследствие этого последнее наделяется соответствующим комплексом прав. К числу таковых прав относится свободный выбор подчинённых начальству лиц и определение их дальнейшего продвижения по службе, а равно право общего руководства их деятельностью путём издания общих циркуляров и инструкций. Без этих прав начальство не может отвечать за правильное течение дел в подведомственных ему учреждениях. В полном соответствии с этим законом [должно быть: “закон”] не устанавливает при начальствующих лицах каких-либо совещательных органов, коим бы поручалось обсуждение списка кандидатов, подлежащих назначению на должности, а также просмотр и одобрение издаваемых начальством инструкций и циркуляров.

В связи с этим представляется также неправильным предположение проектов о необходимости доводить до сведения податных съездов отчёты и представления ревизоров по податной части Департамента Окладных Сборов относительно постановки податного дела в отдельных податных участках и губернии, причём съезды свои заключения по существу означенных отчётов и представлений могут представлять в Министерство Финансов. Начальство, ответственность за правильность ведения дел в подведомственных ему учреждениях, имеет право производства ревизий как общего, так и частного характера, причём от этого начальства зависит, смотря по интересам службы, либо содержать данные этих ревизий в тайне, либо сообщать их заинтересованным лицам.

Наконец, Юридическое Собрание не могло не обратить внимания на постановление проектов, в силу которого податные съезды рассматривают жалобы на служебные действия податных инспекторов, их помощников и делопроизводителей.

Не говоря уже о неправильности представления разрешения жалоб заинтересованным лицам, каковыми являются все податные инспектора в отношении служебных неправильностей, допущенных их товарищами, означенное постановление противоречит действующему законодательству, которое устанавливает совершенно определённый порядок принесения жалоб на служебные действия чинов податной инспекции.

На основании изложенных соображений Юридическое Собрание признало рассматриваемые Уставы организации податной инспекции, как заключающие в себе явные противоречия с теорией государственного управления и действующим законодательством, не подлежащими применению на практике.

Подписал: Заместитель Председателя (подпись), скрепил Заведывающий делопроизводством (подпись).

С копией верно: Управляющий Омскую

Казённую Палатую [подпись неразборчива].

Сверял: за Секретаря [подпись неразборчива].

ГАОО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 71. Л. 32–34 об. Машинопись на типографском бланке с подлинными подписями. Подлинник. Вверху – входящий номер (124) и дата (11.X.17). На левом поле – надпись: “К делу о Союзе Под. Инсп. [подпись неразборчива]”.

III. НАРРАТИВНЫЙ ФОН ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

О.А. Жеравина (Томск)

Некоторые аспекты повседневной жизни
на страницах дневника саламанкского
студента XVI в.

Среди весьма редких свидетельств университетского прошлого Испании, оставшихся в виде заметок, дневников или писем многочисленной армии студентов, известен дневник Гаспара Рамоса Ортиса, молодого выходца из среды деревенских собственников, проживавших в селении Масуэко, недалеко от Саламанки, у границы с Португалией.

Дневник студента, сохранившийся в Библиотеке Саламанкского университета, был опубликован Луисом Энрике Родригесом-Сан Педро Бесаресом в 1987 г. и переиздан в 1999 г.¹ Документ является частью своего рода семейной книги, в которой несколько поколений семьи Рамос Ортис-Мартинес Мало делали различные записи на протяжении второй половины XVI – начала XVII в. Началом этим записям и положил отчет Гаспара Рамоса Ортиса, саламанкского студента 1568–1569 гг., обо всех его расходах в период учебы в университете.

Информация, касающаяся студенческой жизни и представленная даже в виде скупого на подробности финансового отчета, ценна и интересна уже тем, что дается самим непосредственным героем этой жизни. Университетский мир XVI в. предстает здесь сквозь призму повседневных нужд отдельно взятого студента, его запросов, расходов и материальных проблем. Именно поэтому дневник

Rodriguez-San Pedro Bezares, L.E. Vida, aspiraciones y fracasos de un estudiante de Salamanca. El diario de Gaspar Ramos Ortiz (1568-1569). Salamanca, 1999.

Гаспара дает вполне осязаемую картину повседневной жизни саламанкского студента, с ее бытом, житейскими радостями и испытаниями².

Летом 1568 г. Гаспар Рамос Ортис приехал в Саламанку учиться юриспруденции. Выбор специальности был вполне закономерным для юноши; в его семейном окружении преобладали государственные служащие, алькальды, коррехидоры, служители церкви, многие родственники имели юридическое образование. Подобное предпочтение не было случайным. Как отмечает Р.Л. Каган, в обществе, где жизнь подавляющей части населения была связана так или иначе с землей, различного рода споры и тяжбы относительно земельной собственности и отношений, с нею связанных, были весьма характерной чертой повседневности. Востребованность специалистов-законников побуждала значительное число студентов избирать именно эту профессию. Юристы составляли большинство выпускников испанских университетов, в частности Саламанкского³.

Однако учиться Гаспар Рамос отправился далеко не по страстному желанию. Скорее, по семейным обстоятельствам: не заладились отношения с отцом и мачехой. О своем равнодушии к учению молодой человек откровенно признается, начиная дневник своей студенческой жизни: «...я всегда говорил отцу и убеждал его в том, что не хочу учиться и что если я это и сделал, то потому только, что он не хотел ни держать у себя дома, ни поддерживать меня где-либо в другом месте; и, чтобы не умереть с голоду, я отправился на учебу».

Социальное происхождение Гаспара позволяет отнести его к той части университетского люда, которая составляла тогда его боль-

² О проблемах повседневной жизни см.: *Alejo Montes, F.J. La Universidad de Salamanca bajo Felipe II. 1575-1598.* Burgos, 1998; Alvarez de Morales, A. *Estudios de Historia de la Universidad Española.* Madrid, 1993; Carabias Torres, M. *Colegios Mayores: Centros de poder.* Vol. 2. Salamanca, 1986; Cortes Vazquez, L. *La vida estudiantil en la Salamanca clásica.* Salamanca, 1996; Garcia Mercadal, J. *Estudiantes, sopistas y picaros.* Madrid, 1954; Garcia Zarza, E. *La actividad universitaria salmantina.* Salamanca, 1986; *Rodriguez-San Pedro Bezares. Vida estudiantil cotidiana en la Salamanca de la edad Moderna // Miscelanea Alfonso IX.* 2001. Salamanca, 2002; Rodriguez-San Pedro Bezares, L.E., Martinez del Rio, R. *Estudiantes de Salamanca.* Salamanca, 2001; Torremocha, M. *La vida estudiantil en el Antiguo Regimen.* Madrid, 1998.

³ *Kagan R.L. Students and Society in Early Modern Spain.* Baltimore, London, 1974. P. 372-379.

шинство. Именно из средних слоев общества выходила большая часть студентов и преподавателей испанских университетов, при этом значительным был и процент бедных студентов, обучавшихся благодаря поддержке церкви, а также создаваемым специально для этой категории коллегиям.

Гаспар Рамос Ортис, принадлежа по рождению к небогатому слою, мог рассчитывать на помощь семьи, хотя и не вполне избыточную. Возможно, последнее обстоятельство и предредило дальнейшую судьбу незадавшегося студента: проучившись чуть больше года, Гаспар был вынужден покинуть Саламанку, оставшись без финансовой поддержки отца. Начинать же он свою студенческую жизнь вполне обычно, как сотни его сограждан, с приобретения того необходимого, в чем и с чем надлежало предстать перед университетским начальством, чтобы быть допущенным к занятиям.

Итак, с начала июля 1568 г. Гаспар Рамос Ортис со всем тщанием начинает обзаводиться всем необходимым для учебы и жизни в Саламанке, тогда же появляются первые строки в его дневнике. Среда уже взрастила задатки собственника и воспитала в нем привычку к скрупулезному учету всех денежных поступлений и собственных трат. Неудивительно, что Гаспар Рамос начал именно с покупки тетради для записи своих расходов, связанных с обучением в университете. «Первого июля заплатил четыре реала за эту тетрадь» – так начинается история повседневных забот саламанкского студента. Свои подсчеты Гаспар ведет, естественно, в денежных единицах своего времени. Упоминаются им мелкие медные монеты – мараведи; старинная испанская монета реал, делившаяся на 34 мараведи, и дукат – золотая монета стоимостью в 375 мараведи.

Время начала обучения в Саламанке строго не фиксировалось, трижды в год публиковались списки студентов: в ноябре, после Рождества и после Пасхи. С момента записи и отсчитывался курс для каждого учащегося. Кто-то слушал лекции и не стремился попадать в списки студентов; кто-то записывался, но в университетские аудитории не спешил. Общее число студентов в Саламанке доходило до 6 тысяч, что составляло внушительную цифру даже для периода наивысшего расцвета университета в XVI в. при населении города примерно в 17000 человек. Многие записывались в университет лишь с целью получения привилегий. Принадлежность

к университету позволяла пользоваться академическими привилегиями, освобождала членов университетской корпорации от знаменитого своей тяжестью налога – алькабалы. Именно с этой целью в университет в качестве служащих записывались держатели пансионов, перевозчики, посыльные и многие другие.

Отметим, что вносить свое имя в университетские списки было ежегодной обязанностью всех членов университета, включая ректора, канцлера, профессоров, студентов и служащих. Из дневника Гаспара Рамоса Ортиса следует, что он дважды записывался в списки студентов, заплатив при этом 10 мараведи, о чем свидетельствует одна из его декабрьских пометок. Посещать же занятия он, судя по всему, начинает с лета. Едва оказавшись в Саламанке, он деловито и стремительно начинает обзаводиться всем необходимым для учебы и жизни в новой для себя среде.

Желавший стать студентом должен был по прибытии в Саламанку предстать перед канцлером и судьей университета в соответствующем одеянии, которое составляли сутана и плащ. Высокое университетское начальство при этом выдавало абитуриенту специальную бумагу, где было отмечено: «В одежде аккуратен». Без этой характеристики записаться в студенты было невозможно. Университетский устав предписывал студентам носить скромную повседневную одежду для занятий, состоявшую из короткой сутаны, панталон, простых башмаков и плаща из сукна Сеговии. Запрещалось носить цветные блузы, одежду из шелка, кожаные куртки с разрезами, выделанные перчатки, пояса. Нарядная праздничная одежда могла соответствовать моде в зависимости от индивидуальных финансовых возможностей студента.

У саламанкского торговца Ледесмы Гаспар покупает классическое студенческое одеяние – короткую сутану и плащ, а также четырехугольную шапочку. Как будто бы все выдержано в рамках требований – одежда приобретена именно из грубого сеговийского сукна, как отмечено среди первых июльских затрат Гаспара. Но уже через несколько дней студент делает запись о семи реалах, потраченных на ткань для подкладки для сутаны, и трех реалах за тафту для подпушки. Далее Гаспар Рамос деловито отмечает купленные в июле воротники и манжеты из голландского полотна. В дальнейшем он неоднократно покупает то же полотно и для изго-

товления воротников и манжет. Как вещь необходимую каждодневно он сразу приобретает башмаки за четыре реала, которые меняет почти каждый месяц, чуть реже покупаются комнатные тапочки.

В декабре он покупает перчатки, берет на подкладке из тафты, кожаную куртку на темно-лиловой подкладке. В феврале 1569 г. он платит 5 реалов портному за изготовленный на заказ камзол с пуговицами, покупает узкий шелковый пояс, дорогие чулки. Приобретения явно противоречат требованиям устава. По свидетельству современника Гаспара и выпускника Саламанки Диего Переса де Меса, «никому из студентов не дозволялось носить шелка, даже в отделке и небольших деталях строгой по закону одежды». Нарушение каралось изъятием «камзола, чулок или какого-либо иного вида одежды из шелка или с шелковой отделкой... Все одеяние должно быть льняным или шерстяным, без воланов или жабо...»⁴.

Судя по всему, Гаспар Рамос пополнил ряды той части университетской братии, чьи вкусы и возможности находились в постоянном конфликте со строгими уставами. Во второй половине XVI в. вопрос о нарушении требований в отношении скромности в одежде неоднократно обсуждался на ученых советах, становился предметом озабоченности короля и одним из важных аспектов инспекторских проверок и университетских реформ. Все это свидетельствовало о весьма распространившемся среди школяров пренебрежении к идее монашеской строгости студенческого одеяния и утверждению в повседневной жизни практики, противоречившей уставам.

Студенты-юристы первого года обучения должны были посещать лекции по началам юриспруденции. В июле Гаспар Рамос покупает небольшую книгу «Начала» Теофила за 5 с половиной реалов и «Римское право» за 143 реала. 12 мараведи он уплатил за сборник испанских законов. В первые же дни своего пребывания в Саламанке Гаспар приобретает и все необходимое для занятий – перья, чернильницу, чернила и колбу для их хранения; ножик для разрезания бумаги и ножницы, 50 листов бумаги, ленты и ремни для перевязки книг, подсвечник и лампаду. Осенью и зимой 1568/69 г. он почти ежемесячно пополнял запасы чернил и бумаги.

⁴ Цит. по: *Beltran de Heredia, V. Cartulario de la Universidad de Salamanca. Salamanca, 1970. P. 594.*

Покупкой одежды, книг и письменных принадлежностей не ограничивался круг первостатейных забот начинающего студента. Необходимо было где-то обосноваться, иметь крышу над головой. Своим питомцам Саламанка предлагала в этом отношении несколько вариантов.

В XVI в. весьма популярными были пансионы для студентов. Университет был заинтересован в развитии такой формы студенческого общежития, где молодежь получала не только кров и стол. Университетские власти лицензию на право содержать пансион давали лицам, имевшим начальные академические степени бакалавра или лиценциата.

Хозяин пансиона, обычно бакалавр, в доме которого селились несколько студентов, должен был опекать своих подопечных; на него ложился ежедневный контроль, ответственность за учебу, воспитание, соблюдение учениками религиозных и моральных норм. По утрам бакалавр проверял готовность студентов идти на занятия, будил проспавших. Вечерами следил, чтобы те занимались, и обязан был выдавать им свечи, служившие не менее трех часов. В ночные часы нравственность пансионеров охранялась строгими правилами, по которым двери пансионеров закрывались на ключ в шесть вечера зимой и в девять – летом. Женщинам не позволялось появляться в пансионах; запрещены там были и азартные игры. В определенные часы бакалавр обедал и ужинал вместе с учениками за общим столом, причем каждому полагалась определенная порция барашка ежедневно. На праздники подавалось более обильное угощение.

Благополучие студентов-пансионеров зачастую зависело от характера и личных качеств хозяина-воспитателя. Многократно осмеянные и ярко выписанные в плутовском романе патологическая жадность, гротескный аскетизм, невежество хозяев таких заведений дают представление об атмосфере, царившей в пансионах, как сугубо нищенской и беспросветной. В действительности далеко не всегда дело обстояло именно таким образом. Пансионы инспектировались университетскими властями, обнаруженные злоупотребления могли повлечь за собой изъятие лицензии у бакалавра на право содержать пансион. При всех имевшихся различиях в условиях и стоимости проживания в различных пансионах последние представ-

ляли собой заведения лишь для вполне определенных категорий молодежи, происходившей из весьма состоятельных социальных слоев.

Существовали и менее дорогие способы устройства на постой. Студенты могли нанимать отдельные комнаты с предоставлением еды и услуг прачки. Можно было также снимать только комнату и питаться при этом в таверне. Идеальным для многих студентов считалось поселиться компанией, или «республикой», деля расходы на питание и основные каждодневные нужды. Свободы, а также вариантов при таком устройстве было гораздо больше, чем в пансионах, и обходилось это намного дешевле.

Весьма редкими на общем фоне были студенты, снимавшие целые дома, где они селились вместе со своими слугами и управляющими. Такое могли себе позволить только дети высокопоставленных особ или выходцы из высшей аристократии. Таковым в студенчестве был, например, дон Гаспар де Гусман, будущий граф Оливарес, фаворит Филиппа IV.

Гаспар Рамос Ортис, принадлежа к социальному большинству саламанкских студентов, устроился так, как обычно и устраивалось это большинство. Правда, если его собратья-юристы чаще селились в пансионах, составляя основную часть их обитателей, Гаспар предпочел снять комнату. Уже в июле он меняет свое первоначальное жилище у Римского моста через Тормес, где и по сей день живописные строения напрямую связаны с университетской жизнью, а о превратностях судьбы напоминает выразительный монумент знаменитому плуту Ласарилью.

Один реал был уплачен носильщику, который помог перенести вещи студента в его новое жилище, расположенное возле церкви Сан Хуан дель Алькасар, неподалеку от августинского монастыря. Любопытно, что в последнем проживал в то время выдающийся саламанкский профессор Луис де Леон, возглавлявший тогда кафедру на факультете теологии. Памятник ему был поставлен впоследствии напротив главного корпуса университета.

Скромный же студент, устроившись на новом месте, начинает обзаводиться всем необходимым. У старьевщика за 8 реалов он покупает тюфяк для кровати; ткань на наволочки для подушек, набитых шерстью и промытой по его просьбе. У него появляются

длинный стол из сосны и скамья, за доставку которых уплачено тому же носильщику. Среди покупок также два блюда и две миски для еды, два кувшина, щипцы для снятия нагара со свечей. За 14 реалов Гаспар приобретает сундук для вещей, за доставку которого уплачивает 6 мараведи.

Хозяйственный Гаспар покупает даже иголки для шитья, нитки пуговицы и наперсток. Нитки, белые и черные, как указывалось в дневнике, он приобретал еще не раз. Очевидно, что-то из мелкого ремонта одежды он производил сам, но приходилось обращаться и к профессионалам. Так, 14 ноября 1568 г. им отмечена оплата портнихе за поставленную заплатку на порванной простыне из домотканого льна, починку двух порванных воротников и изготовление волана на манжете.

Хозяйке он должен был платить по четыре реала в месяц. За эту плату она готовила ему еду, для чего использовался огонь, как учитывает Гаспар, стирала белье и убирала комнату.

Два месяца спустя, в сентябре, Гаспар вновь меняет место проживания. На сей раз он поселяется вместе с другом, «дном Педро» у некоего Эрнандо де Санта Крус. Жилье друзья снимают за 14 дукатов в год, «от святого Михаила до святого Михаила», т. е. с 29 сентября 1568 г. Вместе они оплачивают и работу слуги, закупавшего провизию, выполнявшего другие мелкие поручения. Хозяйке Гаспар платил здесь поначалу 5 реалов в месяц. Один раз в дневнике в своем декабрьском отчете он упоминает ее имя – Каталина. Причину перемены жилья Гаспар не указывает, но в дневнике отмечены расходы, связанные с оказавшимся кризисным в жизни новичка периодом с конца июля до начала сентября, что, видимо, имело какую-то связь с последующим переездом. 26 июля 1568 г. студент заболел. Поражены были печень и селезенка, больного мучила лихорадка.

Саламанкский университет имел собственный госпиталь, который располагался в здании, занимаемом сейчас ректоратом. Еще в начале XVI в. госпиталь функционировал как приют для страждущих, как здоровых, так и больных. Позднее он обрел более конкретное медицинское предназначение, но никогда полностью не утрачивал средневековых черт благотворительного учреждения. В 1504 г. впервые было принято решение о функционировании уни-

верситетского госпиталя исключительно для больных студентов и их родственников, но реализовано оно было лишь спустя годы.

Согласно уставу университета с 1529 г. университетский госпиталь служил для принятия и лечения бедных студентов, которые не имели заразных и неизлечимых болезней. Число больных было определено тринадцатью, и это количество пациентов должно было получать все необходимое.

Больного снабжали лучшим питанием, лечили, не жалея средств. Университетская больница в Саламанке, как ее описывает один из очевидцев, была «огромной и великолепной. Построена она была с тем же величием, что и здания университета. У нее были свои капелланы, экономки, больничные служители и прочий персонал. Больница имела большие денежные средства, которые тратились только на лечение и на вспомоществование больным студентам. Никто другой, кроме университетских, здесь не лечился. Очень высокое вознаграждение имел доктор медицины, прилагавший все усилия для успешного лечения больных этого заведения... Больница эта, скорее, была похожа на изысканный дом какого-нибудь гранда».

Вместе с тем современники отмечали и все возрастающую тесноту в университетском лазарете, которая пагубно отражалась на состоянии больных. Кроме того, место, которое занимал лазарет, было холодным и очень шумным.

В палате, где лечились студенты и где сегодня располагается зал заседаний ректората, по отчетам 1569 г., имелось 13 кроватей из орехового дерева и 11 прикроватных столиков. Поскольку устав 1561 г. допускал увеличение числа больничных мест до 18, имелись также 8 кроватей из сосны, а также несколько больших скамей, которые при необходимости служили кроватями. Палата имела шесть окон, которые выходили на север. Наибольшее беспокойство больным, помимо холода, доставлял шум, доносившийся с улицы и из домов, стоявших напротив. Мастера-перчаточники, жившие там, мало заботились о покое находившихся по соседству больных. Ни днем, ни ночью не прекращался шум, доносившийся из типографии, которая располагалась в доме рядом с госпиталем. Лишь в первой четверти XVII в. университет постановил не сдавать здесь дома в аренду под типографии.

Университетские власти пытались бороться и с другими неудобствами⁵.

Среди специалистов университетского госпиталя числились дириольник-кровопускатель, хирург и терапевт. Своей аптеки госпиталь не имел. Городские аптекари, поставлявшие в госпиталь лекарства, назначались голосованием университетского совета депутатов. Этой должности, хотя и не оплачиваемой, добивались самые известные аптекари Саламанки, и по большей части она передавалась от отца к сыну.

Университет снабжал госпиталь зерном, необходимым для производства хлеба в течение всего года; платил аптекарям за поставляемые лекарства, выплачивал жалование управляющему, экономке и слугам госпиталя, а также медицинскому персоналу. На ежедневные расходы по госпиталю, включая питание больных, управляющий каждые восемь дней подписывал соответствующее распоряжение о выплате средств, которые не должны были превышать 15 дукатов. Сумма, превышающая указанную, утверждалась советом депутатов.

Чтобы попасть в университетский госпиталь, необходимо было представить справку от госпитального врача, подписанную ректором и инспектором, в которой подтверждалось, что данное лицо является заболевшим студентом. По уставу 1561 г. в госпитале следовало вести книгу учета больных, в которой капеллан-администратор записывал имя каждого больного, откуда он родом. Учитывались также имевшиеся при поступлении в госпиталь вещи и одежда студента, с целью их возврата владельцу в случае его выздоровления. Если больной умирал, записанные на него вещи переходили в распоряжение госпиталя.

Университет стремился достойно хоронить умерших в его госпитале больных. Их погребали в церкви Св. Николая, расположенной в предместье, на правом берегу Тормеса. По каждому умершему в госпитале студенту-бедняку служили четыре заупокойные мессы на оставшиеся от него средства, а если таковых не было – за счет университета.

⁵ Об устройстве и функционировании университетского госпиталя см.: *Santander Rodriguez, T. El Hospital del Estudio. Salamanca, 1993. О больных и лечении в Кастилии XVI в. см.: Rojo Vega, A. Enfermos y sanadores en la Castilla del siglo XVI. Valladolid, 1993.*

В конце XVI в. практиковались распродажи имущества покойных. Они производились в самом госпитале, куда приглашались старьевщики с улицы Серранос. Часть денег от распродаж шла на мессы по усопшим. Деньги и одежда передавались также выздоравливающим беднякам, которых отправляли поправляться в родные места; вдовам и прочим нуждающимся.

Болезнь Гаспара Рамоса, начавшаяся у него через месяц после приезда в Саламанку, возможно, была достаточно тяжелой. Он даже позаботился о завещании, о чем свидетельствует пометка об уплате писцу за составление документа. Заплачено было также за благодарственную службу в день выздоровления.

Гаспар Рамос не был бедняком и лечился не в университетском госпитале, а у приглашенных на дом докторов. 45 дней болезни обошлись нашему студенту в 8772 мараведи (258 реалов), или 23 с лишним дуката. Из этой суммы 94 реала – почти третью ее часть – Гаспар заплатил докторам Васкесу, Кубильясу и Брабо, которые лечили его на протяжении половины времени течения его болезни. По одному реалу за день он заплатил санитарке, которая тридцать дней ухаживала за больным. За снабдь, приготовленные одной женщиной, было уплачено 11 реалов. Цирюльнику, которому обычно Гаспар платил за стрижку волос полреала, на сей раз было заплачено три, так как помимо стрижки тот делал ему кровопускания. Судя по более поздней записи об однократном применении подобного вида лечения, эта процедура стоила студенту полреала. Из этого можем заключить, что во время летней болезни Гаспар перенес пять кровопусканий.

Три реала больной студент потратил на розовую ароматическую мазь. Аптекарь Саласар отпустил ему лекарств от болезни печени на 12 реалов. Потратился Гаспар и на чистку тюфяков, выколывание шерсти. Заплатил он также за нитки, с помощью которых из двух вычищенных тюфяков ему сделали более удобный один. Понадобились во время болезни три больших глиняных кувшина, кувшин с ручкой, кружка и три горшка, а также точило в футляре, две пары чулок и шерстяные носки.

Поиздержался больной и на усиленное питание во время болезни, когда помимо обыкновенной пищи в рацион были включены птица, печенье, сахар, миндаль, изюм, яйца, хлеб и фрукты. Еже-

месячные 5 реалов были уплачены хозяйке за уборку и приготовление пищи, правда еще одна запись этого же месяца уточняет, что жалованье за сентябрь, видимо в связи с болезнью подопечного, ей было выплачено последним в размере 5 с половиной реалов. С ноября такая сумма оплаты труда хозяйки становится постоянной.

Болезнь Гаспара продолжалась до 8 сентября, но в этом же месяце он вновь вынужден был обратиться к врачу из-за возникшего вдруг рецидива. На сей раз студент обошелся помощью одного доктора Васкеса, которому должен был заплатить 12 реалов. Лекарства стоимостью в 1054 мараведи больному в своей аптеке отпускал фармацевт Сепульведа.

Ослабленный новой атакой болезни, Гаспар Рамос по совету врачей принимает понемногу вина в качестве лекарства и увеличивает стоимость дневного рациона питания в октябре до 32 мараведи. Уже в ноябре и в последующий период на еду он начинает тратить ежедневно по 23 мараведи, пока эта сумма в последние месяцы его пребывания в Саламанке летом 1569 г. не снижается до 22–20 и даже 18 мараведи в день.

После выздоровления студент продолжает активно обустроить свой быт. В октябре он приобретает два висячих замка, заплатив за них по четыре реала за каждый; покупает два столовых ножа в футляре, три блюда, три суповые миски, солонку и глиняный таз. За 6 мараведи он покупает 8 птичьих перьев для письма и на два мараведи приобретает серы для изготовления серных спичек. Имеется запись и о расческе за 12 мараведи. В ноябре среди привычных трат на еду, башмаки и услуги портнихи встречаем упоминание о покупке большого ключа для центральной двери.

На декабрь пришлись немалые расходы на упоминавшуюся выше нестрогую одежду студента. В январе 1569 г. Гаспар расплачивается с доктором Васкесом и аптекарем Сепульведой, которым задолжал со времени своего сентябрьского повторного заболевания.

Короткий февраль, на который пришлось в том году 28 дней, Гаспар проводит в самых разнообразных хлопотах. Он продолжает пополнять свой гардероб, закупает голландское полотно на воротники и манжеты. 7 реалов он отдает за большой стол, еще 4 с половиной – за пюпитр и стулья. Есть в этом месяце упоминание об единственных такого рода тратах за время учебы: студент покупает

сушеного морского угря, фасоль и горошек и отправляет в подарок отцу.

В феврале появляется и первая запись о выплате жалованья слуге. Возможно, именно тогда он и был нанят. Слуге платили по 8 мараведи в день, 4 мараведи – Гаспар, и остальные 4 – дон Педро. Гаспар отметил выплаченные им 112 мараведи за 28 дней февраля, а также свою половину, полагающуюся ежемесячно на покупку башмаков слуге. По этой статье друзья по комнате выплачивали по 42,5 мараведи каждый, из чего можно заключить, что слуга довольствовался обувью за 2,5 реала, тогда как Гаспар покупал себе башмаки за 4 реала.

Среди заметок о февральских тратах Гаспара обращает на себя внимание интригующая запись, сделанная им, как обычно, без единого комментария. «Еще я уплатил три реала, когда Судья поместил меня в тюрьму; один реал пошел тюремщику, а два – как полагается по закону, – писцу и Судье». Понятно, что речь идет об одном из эпизодов, демонстрирующих реальное проявление важнейшей составляющей университетской автономии, согласно которой все члены университета подпадали под юрисдикцию университетского суда. Гаспар Рамос, будучи студентом, был помещен именно в университетскую тюрьму, и дело его рассматривалось именно университетским судьей.

Неясной остается причина происшедшего. Автор дневника упоминает о случившемся лишь в обычном контексте финансовых затрат, деловито помещая отчет о судебных издержках вслед за пометкой о потраченных реалах на покупку голландского полотна.

В связи с этим нельзя не упомянуть и еще об одной неясности, сквозящей в ноябрьской записи 1568 г. Гаспар сообщает о том, что заплатил писцу 32 мараведи за показания в пользу отлучения от церкви рехидоров из Масуэко и 16 мараведи – судье за подпись. Рехидорами в ту эпоху называли в Испании членов городского совета, а также служащих, представлявших королевскую власть. Дневник не дает ответа на вопрос, связаны ли эти два события между собой и что, собственно, произошло с некими рехидорами из Масуэко и самим Гаспаром Рамосом, их земляком.

Скорее всего, не эпизоды с рехидорами и университетским правосудием могли радикально подействовать на течение повседневно-

ной студенческой жизни. Судя по всему, автора дневника занимала беда покрупнее. Явное неблагополучие сквозит в его записях весны 1569 г.

Будучи студентом и не членом коллегии, Гаспар Рамос мог рассчитывать на материальную поддержку только своей семьи. Все расходы сына в Саламанке должен был оплачивать его отец, Балтасар Рамос Ортис. Последний, как следует из уже упомянутых первых строк дневника, не отличался особой щедростью по отношению к своему сыну от первого брака. Очевидно, отца тяготили траты молодого студента; считая их чрезмерными, он отказывался их оплачивать. В самых общих чертах сквозь туман почти отсутствующих подробностей вырисовывается несомненная картина конфликта, приведшего к закономерному, но, как оказалось, не во всем печальному финалу.

В марте 1569 г. Гаспар сообщает о расходах, связанных с получением документа, подписанного судьей и писцом и отправленного студентом своему отцу. Документ этот назван в дневнике как «Отлучение...». Восемь реалов он платит за доставку писем в Масуэко. Оплачен им и какой-то документ, связанный с темой долгов. В этом же месяце он составляет подробный отчет о потраченных суммах с момента своего приезда в Саламанку, учитывая при этом все обычные повседневные расходы, а также дополнительные, связанные с болезнью.

В целом с конца июня 1568 до конца марта 1569 г., т. е. за 9 месяцев пребывания в Саламанкском университете, студент Гаспар Рамос потратил примерно 140 дукатов, или 52500 мараведи. (Заметим, что величина годового жалованья многих университетских преподавателей и служащих была значительно меньшей. Например, 35 лет прослужив в университете педелем, Херонимо де Альмарас, по его личной просьбе, получил повышение жалованья с 14000 до 21000 мараведи. А врач и преподаватель, лицензиат Амбросио Нуньес жаловался университетскому совету на недостаточность выплачиваемых ему 15000 мараведи. Преподавателю канонического права платили 30000 мараведи в год)⁶.

⁶ Величина выплачиваемого жалования, материальные проблемы университетских преподавателей и служащих нередко становились предметом обсуждения университетских советов. См., например: *Beltran de Heredia, V. Cartulario de la Universidad de Salamanca*. Salamanca, 1970. P. 73, 197, 212, 258.

Деньги на повседневные траты давались Гаспару Рамосу в долг неким домовладельцем и заимодавцем Хуаном Гомесом, причем в первые месяцы пребывания в Саламанке деньгами его ссужал некто Диего Харамильо. Подводя определенный финансовый итог в марте 1569 г., едва ли не в стиле долговой расписки, Гаспар, указывает, что все истраченное им его отец должен возместить заимодавцу.

В записях последних месяцев пребывания Гаспара Рамоса в Саламанке находим частое упоминание о тратах «при содействии Хуана Гомеса». Студент по-прежнему тратил деньги на чернила, бумагу, свечи; покупал себе башмаки, заказывал воротнички и манжеты из припасенного голландского полотна, платил хозяйке. Его ежедневный рацион по-прежнему состоял из хлеба, баранины, фруктов и вина.

Из итоговой записи августа 1569 г. следует, что расходы студента, которые в полном объеме должен нести его отец, были оплачены последним лишь до конца марта. Последующие же пять месяцев Гаспар Рамос жил на средства, предоставленные ему Хуаном Гомесом, что подтверждалось бумагами, на которые ссылается автор дневника. «Все расходы, изложенные выше, – пишет Гаспар, – были произведены за счет моего господина отца, и он должен оплатить их ни много, ни мало за апрель, май июнь, июль и август, что составляет пять месяцев; он обязан сделать это, согласно условиям, изложенным в бумагах, переданных мною Хуану Гомесу, домовладельцу университета Саламанки».

Это была последняя запись студента. К сентябрю 1569 г. он навсегда покидает университет, лишившись материальной поддержки отца и не желая, видимо, довольствоваться более скромной долей неимущего студента.

Итак, учась в Саламанкском университете, Гаспар Рамос Ортис снимал комнату, обставлял ее приобретенной им мебелью, платил слуге за покупку провизии, хозяйке – за приготовление пищи и уборку, неплохо одевался, пользовался платными услугами носильщика; заболев, лечился у трех докторов, приобретал необходимые лекарства и месяц платил санитарке. Он покупал и все необходимое для учебы, включая дорогостоящие книги, бумагу, чернила, перья и прочее.

Существовала ли возможность учиться в Саламанке, не имея на все это средств? Ответ можно дать утвердительный, памятуя о бедных студентах, довольствовавшихся миской бесплатного монастырского супа, получавших кров при условии услужения благополучным собратьям и умиравших нередко в переполненном университетском госпитале для бедняков.

Гаспар Рамос Ортис принадлежал к другому социальному слою и, лишившись материальной поддержки родителя и не испытывая особого рвения к учебе, протиснулся с Саламанкой без особого, вероятно, сожаления. Уже в октябре того же 1569 г. его ждала выгодная женитьба на небедной дворянке Марии Лассо де Чавес.

М.И. Львова (Томск)
«Хованщина. Моя семья»

В начале 90-х гг. прошедшего века я получила в дар от Марии Ивановны Львовой, моей свекрови, несколько толстых тетрадей, в которых были описаны все события ее жизни, начиная от раннего детства и заканчивая 1970–80-ми гг. жизни семьи в Томске. Сложилось так, что далеко не сразу мне стала очевидной исключительная ценность записей. Совершенно по-иному предстала для меня и личность Марии Ивановны, наделенной поразительной способностью исторической памяти, совершенно исключительной этнографической наблюдательностью.

Мария Ивановна Львова родилась в 1905 г. С младенческих лет жизни ее воспитывали бабушка и дед, жившие в селе Хованщина Епифановского уезда Тульской губернии. Девочка была болезненной, долгое время плохо ходила, и, очевидно, это обстоятельство сформировало очень глубокую и поразительно наблюдательную натуру. Память ее сохраняет мельчайшие впечатления, краски и наблюдения. Это качество оставалось присущим Марии Ивановне на протяжении всей жизни. Удивительна ее литературная одаренность – чистый, ясный, прозрачный слог; ничем не изуродованная классическая русская речь.

Жизненный путь ее оказался очень скромным. В 1955 г. она вышла на пенсию, проработав до этого более десятка лет на заводе резиновой обуви. Она очень любила читать и обладала хорошим литературным вкусом в выборе книг. Но никто из родственников не знал, что все эти годы она создавала мемориальный текст, по-

священный собственной истории, истории своей семьи, родового гнезда и всего того, что, в сущности, есть основание личной историософии.

Этнографии в наши постмодернистские времена практически отказывается в существовании как исследовательскому жанру, но вполне признается ее реальность в качестве этнографического метода. Есть, как пишет В.А. Тишков, в мировой науке определение того, что можно считать этнографией в этом смысле: «Это отличительный метод производства знания об обществе, который основан на прямом контакте и даже соучастии (включенное наблюдение или участвующее наблюдение) с целью наиболее детального изучения малых сообществ и других социальных групп и коалиций»¹.

Ни в едином слове это определение не противоречит возможностям исследовательских контекстов, заключенных в записках Марии Ивановны. Их этнографическая значимость мне, как этнологу, представляется бесценной ведь мы имеем возможность заглянуть в историческое прошлое глазами его непосредственного участника. Современное этнографическое поле материала такой полноты, разнообразия не дает, и уже одно это придает всему тексту дневника качество абсолютной уникальности, являясь образцом холистического подхода, при котором эмпирически описанное целостное прошлое оказывается больше, чем сумма его частей. Описание разных сторон культуры органически слито с тонкими, эмоциональными, этически осмысленными суждениями автора.

Внимательному читателю открывается особый мир крестьянской культуры со всеми ее сложностями и противоречиями, житейскими горестями и радостями. Личная историософия автора дневников вполне сопоставима по своему содержанию с академическим нарративом, а по силе впечатления оказывается гораздо сильнее последнего.

Э.Л. Львова

¹ *Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 36.*

Мой дедушка

Мой дедушка Константин Никифорович Гусев родился при крепостном праве в Тульской губернии, Епифановского уезда, село Хованщина. Говорили, что сюда привез местный помещик мастеровой люд из Новгородской губернии. Мужики были толковые, знающие какое-нибудь ремесло.

От нашего села в 12 верстах было Куликово поле. Говорили, около Хованщины в овраге Дриски сидел Мамай и в подзорную трубу наблюдал за битвой на Куликовом поле. В ясную погоду виден памятник, где происходил бой с татарами.

Через село протекала речка Сухая Табла, приток Дона. Она причудливо извивалась, то широко разливалась, превращаясь в полнуюводную зеркальную красавицу, а то сильно сужалась и текла так, что можно было перейти ее вброд. Речка эта приточная, а через 4 километра у села Себино протекала речка – Мокрая Табла, – тоже приток Дона. В 30 километрах от нашего села Дон берет свое начало.

Если подъезжали ближе к Хованщине, то открывался красивый вид села – много зелени, почти у каждой избы растут ракиты. Многие избы покрыты железом, которое покрашено в зеленый или красный цвет. Среди зелени это выглядит красочно и празднично. Кроме того, из камня известняка построены кухни, сенцы, амбары, погреба, сарай, риги, хлева для скота. Издали создается впечатление, что село очень чистое и опрятное, но это только так кажется.

Когда въедешь в село, то невольно удивляешься, почему около каждой избы с весны до поздней осени лежат кучи навоза? Зимой он накапливался, а весной, когда оттают кучи, его, раскидывали вокруг избы, шевелили граблями, как сено, и только когда хорошо просохнет, где-нибудь в сторонке аккуратно складывали в кучу. Это было главным топливом состоятельного мужика. У кого нет коровы, тому совсем беда с топливом. Тогда с весны до поздней осени надо ходить за стадом и собирать засохшие лепешки коровьего навоза. Дома его подсушить и аккуратно ссыпать, запасая для зимы.

На одном берегу реки простиралась ровная долина, на которой две слободы изб стояли в два ряда. На высокой горе возвышалась кирпичная церковь, которая далеко была видна в окрестности. Народ здесь был более развит, чем в других местах, и занимался от-

хожим промыслом. Большинство было печников-каменщиков. На другом берегу реки простирались известковые горы, изрезанные оврагами. Жившие там люди не так были развиты, во многом отличались от тех, которые жили на долине. Люди, жившие на горе, отхожими промыслами не занимались, жили беднее и невежественнее, чем соседи за рекой. Говорили, что там был другой помещик, он своих крепостных продал нашему помещику. Слободы слились, но все же чувствовалась разница среди крестьян.

Имение с селом Хованщина переходило из рук в руки. Сначала село называлось Архангельское в честь престола в церкви Михаила Архангела, а потом стало называться Хованщина. Наверное, князь Хованский купил это имение и переименовал село в Хованщину. Во время крепостного права крестьяне работали на барина. Женщин заставляли так тонко прясть пряжу, что моток должен был пройти через кольцо.

В этом же селе жили слуги Никифор и жена Феодора. Как бы ни старалась Феодора прясть пряжу тонко, все равно ее моток не проходил через кольцо. Женщина замучилась очень, боясь своих господ. Приказчик, который принимал пряжу, принудил ее к сожигательству. Она родила от него сына и назвала Константином. Это был мой дедушка.

Как рассказывала мне моя тетя Поля, Никифор принял ребенка как родного сына, жену не упрекал, зная, что она не виновата. Тогда было крепостное право, человек был не волен себе. Вскоре крепостное право отменили, так что дедушка рос не крепостным, был грамотным и хорошим песенником. Как я начала помнить, дедушка был уже пожилым мужчиной. Дедушка был красивый – лицо белое, щеки румяные. Он был жгучий брюнет, черные густые волосы на концах вились, черная окладистая борода тоже вилась, при этом черные глаза и статная фигура. Вообще, дедушка был представительный мужчина, и все уважали его.

Земли у мужиков было очень мало, да и та, истощенная, ничего не родила. Своего хлеба хватало только до Рождества, редко у кого до Масленицы. Вот и собирались мужчины ранней весной в артель, ходили по имениям, по городам. Кто печи клал, кто дома строили. На заработанные деньги сводили концы с концами. Богато не жили, но не голодали, как другие, у которых не было никакого ремесла.

Дедушка был вспыльчив, своенравен, горяч. Любил в глаза говорить правду. Старик был умный, развитой. Когда собиралась артель, дедушка был за старшего. Уходили с ранней весны работать до глубокой осени. Дома оставались старик-отец да бабы с ребятишками. В помощь брали мальчика-подростка. Всю хорошую землю помещик забирал себе и луга тоже. Скотину кормить было нечем, потому ее много не держали. Скот кормили зимой соломой, которую мелко резали на специальных козлах, потом ошпаривали кипятком. В запаренную солому добавляли немного отрубей и тщательно перемешивали. Точно так же кормили лошадей, только «резка» была из овсяной соломы, которая и считалась конячьей и более капитальной. Зимой, когда наступали сильные морозы, теленка брали в избу, иногда пускали и корову. Хорошо, если у кого есть кухня, она там стоит. А у кого одна только изба? Там и теленок, и корова, овца, окотившаяся, с ягненок, и другие ягнята, а там и поросенок, и своих детей куча, и сами хозяева. Откроешь дверь в такую избу, тебя сразу обдаст запахом свежего навоза.

Вот в каких антисанитарных условиях жили тогда люди! Жили впроголодь и работали, как волы, а уж про женщин и говорить нечего – они жили хуже скотины. Не все мужья были сознательные, таких были единицы. Туалетов (отхожих мест) ни у кого не было, даже моды такой не было, ходили в туалет кто где сумеет. А ведь кругом известняк был, строй какой угодно туалет, копей да строй! Бани общественной тоже не было, мылись в корыте. Мужики парились в печке, да какая тут парка, где столько воды взять? Как только начиналась весна, налетала такая мухота, гудели, как пчелиный рой! Кроме мух, тараканы – красные, большие черные, а сколько было вшей! Одних головных мелких тысячи, а других – белых, крупных, более всего. От тараканов, блох, мух, можно хотя бы днем уйти, а уж от вшей никуда не уйдешь, всюду с собой носишь! Чтобы избавиться от вшей, чего только бабы не делали, даже белье грязное в золе замачивали, потом его ополаскивали, стирали, клали в огромный чугунок и парили, и снова стирали. Высушенное белье катали на скалке рубелем (это валик такой длинный, у которого с изнанки вырублены зубцы). В субботу, как только вынут из печки хлеба, чистое белье кладут на железные противни и загоняют в печь – жарить. А все равно, как посмотришь, у любого

человека в белье, которое и носил-то всего неделю, кругом уйма вшей и гнид. Они сидят во всех швах, особенно любят гнездиться в бабьих рубашках – в остебочке воротника. Там много сборок, вот они там и плодятся. Даже на тесемках, на которых носят кресты, было много вшей. В бабьих головах им было раздолье, ведь волосы расчесывали только в субботу, а в остальные дни голова была запечатана повойником. У мужиков тоже были вши – в подштанниках и в рубашках, там, где швы. При крепостном праве, говорят, еще хуже жили.

В нашей семье была корова, две лошади, шесть-семь овец, поросенок и 8 кур. Это у тех, кто занимался отхожим промыслом, а те, кто занимался только хлебопашеством, те жили, чуть ли не впроголодь. Дедушка, в общем, был добрый, отзывчивый к чужой нужде. Очень любил детей, в особенности мальчиков. Девочек он не уважал, называл их «навозными кучами», а у самого был один сын и три дочери, в которых он души не чаял. В общем, дедушка был горяч. Наверное, бабушке было трудно с ним жить из-за его вспыльчивости. Дедушка был очень религиозен, читал книги «Жития Святых», любил молодежь, любил красу человечью. Дедушка очень любил лошадей и поле. Помню, вечером, когда придет с поля, умоется, перекрестится и скажет:

– Поле как скатерть, такая ширь и гладь – Божья благодать!

Последнее время, когда его старость стала одолевать, он уже не ходил на заработки. Его сменил сын.

В нашей местности лесов не было, а если и были небольшие лесочки, они принадлежали помещику. Обьездчик никого не пускал ни в лес, ни в луга.

Все дети дедушки были грамотны, развитые, способные. Все были красивы, имели хорошие голоса и пели в церковном хоре. В семье был большой порядок. Детей физически не наказывали. Если кто из детей провинится, достаточно было кому-нибудь из старших свернуть утиральник (полотенце) вдвое, потрясая над головой провинившегося. Ой, как было страшно! Втянешь, бывало, голову в плечи и думаешь:

– Ну, теперь пропал совсем!

Вот и все наказание.

Бабья доля

(рассказ моей бабушки)

Шестинедельным ребенком привезла меня бабушка к себе в село Хованщина и растила меня до 15 лет. Бабушка моя была замечательный человек. Ее мать родила двух девочек. Сама умерла и умерла одна из девочек, а другая стала жить. Это была моя бабушка. Отец ее, Аввакум, больше не женился, так что бабушке с мачехой жить не пришлось. Раньше, когда родится ребенок, ему давали такое имя, в какой день назывался какой угодник, а родители должны были подчиняться священнику. Он нарекал имя новорожденному по книге, которая называлась «Святцы», и хранилась эта книга в церкви. Вот почему в деревне были такие странные имена: Аввакум, Потап, Селивестр, Севастьян, Никифор, Никанор, Зенон и целый ряд других. Такие же были и женские имена: Улита, Евлампия, Фекла, Василиса, Мелания, Матрена, Марфа.

Отец бабушки, Аввакум, был умный и хороший человек, спокойного нрава, богобоязненный. Он был большой специалист по крашению и выбиванию рисунка на самотканой холстине. Раньше ситца не было, одежды шили из самотканого холста. Холст был льняной, посконный – это из конопли. Конопля давала семечки, а ствол ее шел на «моченник» (пеньку). Из пеньки вили веревки и ткали мешковину. Та конопля, которая была без семян, называлась «посконь». Холст был грубый, из его шили «верета» (вроде теперешнего пододеяльника). Верето клали на телегу, в него насыпали зерно, так что оно должно было за один раз перевезти много зерна. Бабушка говорила, что ее отец Аввакум такую холстину на сарафан выбивал кубового цвета или другого какого, а по ним цветочки или горох, что просто залюбуешься! Краски не линяли. Окрашенная вещь до старости хорошо сохранялась. Работа эта была трудоемкая, и он мог обеспечить не только своих. Бамам ткань нужна была на сарафаны, кофты, фартуки, а мужикам – на шаровары и рубахи.

Кроме бабушки, у него была замужняя дочь Наталья и взрослые сыновья. Я помню бабушку только старушкой.

Прежний головной убор назывался «бабочка», когда заложенные на темени косы покрывались «повойником» (это такой чепчик), а сверх повойника надевался легкий платок. Бабе ходить в одном

повойнике считалось бесстыдством. Поэтому судить о лице бабушки я не могу. Только могу предполагать, что бабушка была блондинкой со светлыми голубыми глазами. Сын ее Дмитрий был блондин со светло-голубыми глазами. Говорили, что он похож на меня, а я – на мою бабушку.

Спала я с бабушкой на одной постели. Постель была сделана как нары, только сбоку ребром прибивалась доска, чтобы солома не сваливалась на пол. Называли эти нары «кутником». Солому клали ровную, не спутанную, обмолоченную цепями, которая называлась «сторновкой». Потом стлали дерюжку, сотканную из поскони. Дерюгу подвертывали с обеих сторон, чтобы не выскакивала солома. Потом бабушка стлала вторую дерюжку, сотканную из тряпок. Эта дерюжка была помягче и служила как бы простыней. В Хованщине не любили матрасов – их трудно растрясать. Когда просто так лежащую солому бабушка растрясет, ее постель становится и пышная, и мягкая, и очень удобная. Подушка у нас была одна – в красной наволочке и не квадратная, а наподобие детского матраса. Покрывалась она также дерюгой из тряпок. На день постель покрывалась одежкой. Это тоже была дерюжка, только сотканная из крашеной шерстяной пряжи, тканная в клетку – красная, черная, как шахматная доска.

Рубахи у баб были длинными, до пола, с маленьким воротничком, который назывался остебочкой, и с длинными рукавами. Рубашки были широкие, в остебочке собирались многими складками. На день подпоясывали рубаху поясом, чтобы она не выглядывала из-под сарафана. На ночь бабушка поверх рубахи надевала чистую старенькую кофту и сарафан, но без проймы (вроде юбки), на ноги – чулки. На голову поверх повойника – старый платок. Вот в таком виде она ложилась спать. Верхнюю часть рубахи шили из более тонкого полотна, называлась она станушком (станушка – это означает около стана). Она была длиной до талии. Вторая часть была из более грубого холста (из поскони). Она называлась подставой, то есть подставленной к станушке. Спереди рубахи была прореха для кормящих матерей, чтобы удобнее было кормить ребенка грудью. Днем поверх рубашки одевали также домотканую из грубой шерсти юбку колячную – из четырех кол. Поверх этой юбки надевали сарафан широкий из шести кол. Под грудью подвязывали фар-

тук, тоже широкий, из двух кол и кофту в распуск, с длинными рукавами и узеньким воротничком, который плотно прилегал к шее.

Головы кутали, на себя надевали разные юбки и сарафаны, а ноги были совершенно голые. В Хованщине считалось неприличным, чтобы бабы носили штаны. Чулки вязали только до колен, а выше было все голое. После родов баба идет зимой корову доить или корм скоту давать – все равно, выше колен – ноги голые. Придет, сердечная, зимой с речки, где белье полоскала, коленки и выше – все багровое, и не простужались!

Когда утром все встают, первым долгом бабы берутся убирать постели. Какая бы погода ни была, все равно они на улице трясут свои дерюжки, одежки, взбивают солому и тогда только делают постель. В дерюжках пыли не было, но блох было много. После завтрака бабы берутся за свою работу – шьют на руках. Машин швейных тогда не было, но керосиновые лампы уже были. А еще раньше все делали с лучинами, но я этого не застала. Все были заняты: кто ткал, кто пряд. Мужики тоже были заняты: кто из хвороста кошелки (корзины) плел, кто сбрую чинил, кто веревки вил. Опрятно жили на селе, а у тех, которые жили за рекой на горе, жизнь была неряшливой.

Бабушка меня очень любила и жалела, что у меня в Хованщине нет матери, которая живет в Москве в услужении, а отца своего я не знаю, и любой может обидеть меня. Она часто твердила мне:

– Бойся, душенька, тебя могут обидеть.

Я всех боялась, сидела в уголке, как мышонок, боясь лишней раз пошевелиться. Спать ложились рано – сэкономили керосин. Я, бывало, прильну к бабушке, она прижмет меня к себе, гладит меня по голове своей заскорузлой рукой, приговаривая:

– Касатка ты моя, ягодка душистая!

Как мне дороги были ее ласковые слова, как я любила ее руки, ладони которых были покрыты трещинами, в которые въелась копоть от чугунок так, что руки полностью не отмывались. Ведь она целый день целыми днями возится с чугунами – то надо приготовить еду для большой семьи, то сварить пойло для свиней и овец.

Бабушка рассказывала мне о том, как выдали ее замуж в 17 лет. Горькая доля быть снохой: всем надо угодить! В первую очередь угодить мужу, а потом его родне – свекру со свекровью, золовкам

(сестрам мужа), деверьям (братьям мужа). Это только угодить – быть на побегушках. А кроме того, сколько наваливается на 17-летние бабьи плечи обязанностей! Надо работать в поле, во дворе, на огороде, ухаживать за скотиной. А тут пойдут свои дети, надо везде успеть все сделать. Когда бабушка вышла замуж, свекровь была совсем молодая, у нее был грудной ребенок, но по особенностям того времени родители мужа уже считались стариками. Свекровь знала только одну печь, а свекор уход за лошадьми.

Через год бабушка родила. Новая забота – надо кормить и ухаживать за своим ребенком. И никакой скидки! Кроме того, бабушка была очень доброй, отзывчивой к людям. Бабушка рассказывала мне, как в субботу вечером вымоет всех, уложит спать, а сама идет в конец села – там какая-то одинокая старушка, дряхлая. Бабушка постелит ей свежей соломы, оденет во все чистое, накормит и пойдет в другое место. Там старик совсем слепой, безродный. И того надо привести в порядок. Добрая, ласковая, ко всем приветливая, всем хотела сделать хорошее. С ее губ не сходили ласковые слова – душенька, ягодка, касатка. Очень любила она молодых баб, которые отделились от свекрови. То одна придет к бабушке, то другая со своей нуждой. Одной надо основу натянуть, другой стан поставить, чтобы холст ткать. Всем один ответ:

– Сейчас приду, ягодка-касатка, сделаю.

В беде она человека успокоит, даст разумный совет. Свои личные дела бросит, а других выручит, поможет.

Годы шли, бабушка родила шесть человек детей. Двое умерли еще во младенческом возрасте, а четверо детей выросли: сын Дмитрий и три дочери – Анюта, Наталия, Поля. Бабушка хорошо воспитала своих детей, они были послушные. Со своими детьми бабушка тоже была ласковая, называла их ласкательными именами. Для меня бабушка была каким-то неземным существом, она мне казалась какой-то воздушной.

Мой дядя Дмитрий Константинович Гусев

Дядю я помню молодым мужчиной. Я звала его папашей так же, как его дети. Дядя был блондином со светло-голубыми глазами. Глаза были как незабудки! Высокий стройный, очень видный. В нем было какое-то врожденное благородство. Он не был похож на

мужика-неряху. Всем своим обликом он походил на учителя. Любая одежда красила его. Он окончил только четыре класса сельской школы, но знал куда больше! Хорошо запомнился он мне в день ранней весны, когда он был одет в поддевку из тонкого сукна стального цвета. Он напоминал молодого купца. Хорош был Папаша, хоть картину с него пиши!

У него был очень хороший голос, все время он пел в церковном хоре, потом был регентом – управлял церковным хором. Папаша с отцом ходили на заработки – печи класть. Ходили по разным городам и имениям. Там он набирался ума-разума. Все его уважали – от малого до старого. Он был очень религиозен, соблюдал все посты. Бабушка очень гордилась своим сыном-первенцем.

Папаша был резко противоположен своему отцу. К полю он был равнодушен, к лошадям тоже. Обижать он их не обижал, но особого внимания и душу свою им не отдавал. И к полю тоже любви не питал и, как отец, им не восторгался. Печник он был неплохой, впоследствии, когда стал пожилым мужчиной, всех своих сыновей научил печному делу, несмотря на то, что все они были очень способными и некоторые даже талантливыми.

Первый раз папаша женился, когда меня еще на свете не было. Женился на очень хорошей девушке Наталии. Эта девушка на лицо была хороша и нравом своим была не плохая. Наталия всей мужниной родне пришлась по нраву. Свекор со свекровью души в ней не чаяли. Через год у них родилась дочь Саша.

Когда Саше исполнилось семь лет, ее мать в летнюю пору белила и на сквозняке сильно простудилась. У нее заболело горло и, проболев три дня, Наталья скончалась. У нее был дифтерит – так сказал врач. Ей сделали операцию на горле, но она ее не перенесла. Дядя в это время был на заработках. В живых он ее не застал. Приехал в самые похороны. Горю и отчаянию его не было границ. Вдруг он пропал, исчез. Все в ужас пришли: осиротевшая Саша, мать умерла и отец куда-то пропал! Через некоторое время он появился. Оказалось, ходил в Троице-Сергиеву Лавру, хотел постричься в монахи. Игумен его не благословил, сказал, что он единственный кормилец у своих престарелых родителей и должен покоить их. Всей семье горю не было границ. Все очень любили эту

молодую кроткую женщину. Бабушка всю жизнь оплакивала ее. Папаша был в отчаянии, да еще осталась дочка Саша без матери.

Потом дядя женился, взяв за себя старую деву Сашу Терентьеву – девушку нашего села, которая считалась уже вековухой, а ей было всего 23 года! Раньше девушки выходили замуж 16–18 лет. Как только засидится какая девушка, так подруги и парни избегают ее. Она начинает жить одиноко. Молодые девки ее не принимают – она стара! Женщины тоже дружбу с ней не имеют – она девка-вековуха.

Саша красивая была: щеки румяные, и такой яркий румянец – даже на виски заходил, глаза черные, длинные густые ресницы и брови были черны, и на фигуру была видная. Саша была из очень бедной семьи. Мать Саши, Анна, была очень хорошая, трудолюбивая женщина, умная, способная, а муж ее Иван был легкомысленный человек, любил почудить, всех посмешить, никакого ремесла не знал. Все заботы, все тяготы жизни пали на плечи Анны. Мучилась она, трудно ей было и обидно, что муж такой нерадивый. Вскоре она умерла, оставив семь человек сирот. Вот почему Саша засиделась в девках и решила выйти за вдовца на чужого ребенка. Где же тут до снаряда! В ее семье дети, конечно, и не видели никакого воспитания, жили впроголодь. Одежды у них не было, в школу ходить было не в чем. Они остались все неграмотными. Когда она вышла замуж за моего дядю, бабушка очень уделяла ей внимание. Она научила ее всему рукоделию, которое должна знать крестьянка. Саша оказалась умной, способной всему научиться. Впоследствии она научилась хорошо шить и обшивала всю семью.

Папаша с большой любовью относился к ней. Женившись второй раз, дядя как-то успокоился, остепенился и забыл про монастырь. Стала Саша родить детей, да таких крепких, красивых, способных! Она ему родила 10 человек детей – восемь сыновей и двух дочерей, двое детей умерли в детском возрасте.

Дети были все красивые, способные, некоторые даже талантливые. Один из них хорошо рисовал, другой сочинял стихи, дочь хорошо шила. У всех детей были хорошие голоса, они хорошо пели и играли на гармонике. Одни из детей были отчаянные – те, кто пошли в родную мать, другие – спокойные по отцу. Но все – и те и другие были очень способными. Все окончили сельскую школу.

Надо было бы им и дальше учиться, но не было средств, и все сыновья стали печниками. У них были хорошие голоса и музыкальные способности, и все осталось на точке замерзания. Так и пропали их таланты! От первой жены дочка была большая рукодельница.

Моя мама

После дяди, у бабушки с дедушкой была дочь Анюта – моя мама. Она была брюнетка, круглолицая. Лицо было белое, с нежным румянцем. Фигура ее была стройной, она была среднего роста. Волосы у мамы были густыми и длинными.

В селе мою маму считали красавицей, она действительно была видная. Она полюбила одного парня, жившего по соседству, звали его Василий. Родители его были дворовыми – его мать была ключницей при барыне. Василий был красивый развитый паренек. Мама его горячо любила, и он ее тоже. Бабушке он не нравился – такой бойкий! Она считала его озорным. Дедушка мой тоже был бойким, и ей, наверное, трудно было с ним жить. Для своей любимицы она искала жениха смиренного. Отдали мою маму против ее воли за Ивана Журавлева. Он действительно был тихим и смиренным, потому что был болен туберкулезом легких. Мама никак не хотела выходить за него замуж, у нее был любимый Вася! Когда ее собирали к венцу, она плакала, вырывалась, рвала на сарафане помочи. Вот так насильно выдали мою маму за постылого.

Прошел год. У мамы родилась девочка Анюта, которая вскоре умерла. Потом еще одна девочка – Мария. Прожив с постылым мужем три года, мама овдовела, муж умер. Мама осталась 20-летней вдовой с грудным ребенком на руках. Свекор со свекровью говорят ей:

– Жить – живи с нами, кормить мы тебя будем, а одевать обувать – нет, как хочешь, сама себе справляй!

Маму в селе все любили и жалели ее. Один наш односельчанин жил в Москве у богатых людей поваром. Узнав о несчастье моей матери, он ей прислал письмо, в котором писал, что ей он нашел место кормилицы и пусть она едет в Москву. Жить моей маме как-то надо было, и она решила ехать в Москву. Раньше это было очень тяжело для женщины, кроме того, она должна была оставить у моей

бабушки свою грудную дочку. Пока переживала, да собиралась, да приехала в Москву, у нее пропало грудное молоко. Моей матери пришлось тогда поступить в няни, потом она стала работать горничной. Прожив 8 лет, мать встретила одного человека, полюбила его и забеременела мною. Мама от всей своей родни, а также от меня скрыла, кто мой отец. Бабушка Агафья, кухарка тех господ, говорила, что мой отец – хороший человек. Он очень любил мою маму. Причина разрыва у них была одна – отец мой не хотел венчаться, а мама без венца не хотела быть его незаконной женой. Она боялась, что вдруг у нее будет еще ребенок и он ее бросит, а она не сможет всех прокормить. Мама обиделась на моего отца. Он хотел материально помогать растить меня. Мама ему ответила:

– Дочь – моя, как сумею, так и воспитаю!

Отец навещал маму. Когда он приходил, мама уходила в господские комнаты и находилась там до тех пор, пока он не уходил. Бабушка Агафья – кухарка приглашала его заходить чаще, а он ей отвечал:

– Я прихожу, а Анюта даже видеть меня не хочет!

Бабушка Агафья говорила, что в четырехлетнем моем возрасте отец держал меня на коленях, но я этого не помню. Она говорила, что я очень похожа на отца. После революции отец уехал к себе на родину в Тамбовскую губернию. У него еще были два брата, женатые, а он остался старым холостяком. Он все продолжал любить мою маму. Так говорила мне бабушка Агафья.

Чтобы отправить меня в Хованщину с бабушкой Анной, которая специально для этого приехала в Москву, мама справила мне богатое детское приданое, накупила всем родным подарки, растратила все свои деньги и с одной десяткой денег начала новую жизнь. Так же было все хорошо и много спокойнее – ведь матери родной доверила свое сокровище. Но не учла того, что в деревне незаконно-рожденных детей почти не было. Это было большим позором! Вот этот позор полностью лег на мои плечи, не коснувшись моей матери. Когда мама приезжала в Хованщину шикарно одетая, ее звали уже не Анютой, а Анной Константиновной. Ее наперебой звала к себе в гости сельская интеллигенция. Походит мама, погостит две недели и снова уезжает в Москву, а я остаюсь с бабушкой. Таких детей, как я, раньше называли нагульными. Вот таким клеймом зак-

леймили меня, как тяжелой глыбой придавили, пока я жила в Хованщине.

Отправив меня с бабушкой в деревню, мама поступила в горничные к знаменитому по тому времени врачу-гинекологу Венере. Красивая, статная с хорошим спокойным характером, она понравилась всей семье врача. Врач этот имел частную лечебницу на сколько-то коек и свой кабинет, где он принимал больных женщин, конечно же, из богатых семей. Вскоре мама стала работать с ним во время приема больных, вроде хирургической сестры. Она выполняла должность белой горничной. Ей дали в помощницы женщину средних лет Анюту, а маму мою господ звали Аннушкой.

Семья доктора состояла из четырех человек: сам доктор – Адольф Адольфович, его жена – Юлия Федоровна, их сын подросток-гимназист Рудольф и сестра жены – старая дева Лидия Федоровна. Всех господ называли по имени-отчеству, а барин барыню-барышня, сына – Рудь. Жили они в большом каменном доме на углу Харитоневского переулка в доме Тестова, кажется, на втором или третьем этаже, точнее не помню.

Почти рядом были Чистые Пруды, большой бульвар. Из прислуги у этого доктора были мама, кухарка Агафья – уже старушка и Анюта – помощница моей мамы. Наверное, врач Венер и его семья были русскими подданными, так я предполагаю потому, что в войну 1914 года их не тронули, а свояченицу Лидию Федоровну ссылали куда-то на Урал. Потом она вернулась в их семью.

Мама у них служила с 1905 года до 1919 года. Маму мою господ ценили и дорожили ей. Во время революции отобрали у них несколько комнат, так что мама вынуждена была уволиться. Со слезами на глазах они расставались с ней. Мама поступила в большое учреждение на Мясницкой улице в Союзнефть или Нефтесиндикат и там работала курьером до самой смерти.

Средняя сестра моей матери

Про эту женщину много не напишешь. Всю жизнь прожила она, лежа на перине из гусиного пера. В то время только у Бузиных да у мельника были гуси. Муж моей тети, которую мы, дети, звали крестной, был учитель. Он был старшим учителем в земской школе нашего села, где учились одни мальчики. Учитель получал жало-

ванье каждый месяц. Он не занимался сельским хозяйством и огородничеством. Степан Николаевич мальчиком уехал в Москву. Его родной дядя служил поваром у одного богатого человека, который имел какое-то учебное заведение, в котором учились сыновья богатых родителей. Этот же повар и мою маму устроил в Москве на работу после того, как мама овдовела.

Повар выписал себе на подмогу своего племянника Степку. Мальчик был бойкий, смысленный, имел хорошую память. В свободное от работы время он ходил в класс и учился как вольнослушатель. Прошло несколько лет. Степка сдал экзамены, приехал в родное село и стал там учителем. Теперь его односельчане уже не звали Степкой, а Степан Николаевич Бузин.

Он женился на маминой средней сестре Наталии. Говорили, что в то время она была тоненькая девушка, интересная, грамотная. Степан Николаевич решил, что лучше хованских девок нет, они красивые, статные. Кроме того, Наташа была грамотная, она кончила церковно-приходскую школу для девочек. Он думал причастить ее к культурной жизни, развить ее кругозор, дотянуть до себя, но ничего не получилось. Жена его от своих баб-подруг отстала, а до сельской интеллигенции не дошла. Муж пробовал сам с ней заниматься, да охота ли было ей! То и дело лежала на перине и сладко ела – муж-то был не только учителем, но он от дяди научился и кулинарному искусству. Дядя был знаменитый повар. Степан Николаевич и жену научил хорошо готовить. Вместо того чтобы развивать свой кругозор, Наталия Константиновна опускалась. Целыми днями спала и ничем не занималась. Родила она 13 человек детей, из которых только двое остались живы.

Сам Степан Николаевич был интересный человек. Он много знал и много рассказывал детям. Учителем он в родном селе много лет. Высокий, худощавый, с длинным острым подбородком, с тонким носом, с большими тонкими ушными раковинами. Вообще лицо было какое-то заостренное, но не лишено симпатичности. Уроки он свои вел прекрасно. Не только в нашем селе знали его, но далеко за пределами нашего уезда все уважали его. Народ в то время был темный, многие женщины были совсем неграмотными. Он среди своих хованских односельчан являлся прямо просветителем, и это на самом деле было так.

Он крепкую дружбу имел с дураками и дурочками, а их в то время в Хованщине было много, да и по окрестным деревням тоже были. Они охотно ходили к нему. Он ласково принимал их, поил чаем, кормил, вел с ними беседу, как бы изучал их. Все эти умственно отсталые люди с большим доверием относились к учителю. Остальные хованские люди к таким несчастным относились плохо, глумились над ними. Ребятишки толпой бегали за дураком или дурочкой, бросали в них камнями.

Девочки мало кто кончали церковно-приходскую школу. Мало-мальски может нацарапать свою фамилию – и хватит зря тратить время на безделье – так думали некоторые родители. Зачем девке грамота, она и без нее прожить может, лишь бы была на остальную работу ловкая! Только у наших дедушки с бабушкой все четверо детей окончили школу, и по тому времени они были хорошо грамотны. Вот по этой причине мужиков было больше грамотных, чем баб.

Крестная моя была удивительно флегматичная женщина. Ее даже сравнить нельзя с младшей сестрой Полей. Та была подвижная и энергичная. Крестная была вялая, неповоротливая. От такой неподвижной жизни она стала полнеть, заплывать жиром. Целыми днями она лежала на мягкой перине. Встанет, в голове почешет и скажет: «Чтой-то голова у меня болит, к погоде, что ли? – и снова кувырк на подушку. У крестной только одна была забота и работа – то беременной ходить, то кормящей матерью. Роды у нее всегда были тяжелые. Детей только родила, а растила их и пеленки за ними стирала золовка Дуня – старая дева. Что сказать про детей? Большинство из них были похожи на отца. Такие же, как и он, угловатые, костлявые, с большими тонкими ушами и при том очень были слюнявы.

Моя любимая тетя Поля

Тетя Поля, младшая сестра моей матери, тоже была брюнетка. На вид она была красивая – стройная, высокого роста. Она была очень похожа на своего отца. Тетя Поля была грамотная, энергичная, рассудительная. У нее были густые длинные волосы и очень хороший голос. Она пела дисконтом в церковном хоре.

Удивительно, от кого у всех детей бабушки были такие хорошие голоса, в особенности у дяди и тети Поли? Дедушку я никогда не

слышала, чтобы он пел, бабушку тоже. Когда у дяди выросли дети, то они все хорошо пели, а также и внучата. Когда меня, шестинедельную крошку, привезли в Хованщину, тетя Поля сразу стала нянчиться со мной. Я даже звала ее няней. Она ласкала меня, любила и жалела. Я очень привязалась к своей тете. Я также любила ее, и мне казалось, что около нее больше света и воздух чище. Когда тетя Поля выходила замуж, мне потом говорили, что я так кричала, плакала, что меня никак не могли унять.

Вышла тетя Поля по любви за своего соседа Александра Марковича. Еще в детстве они играли вместе, их детская дружба потом переросла в любовь, они поженились. Муж тети Поли был совсем неровня ей. Она такая красивая, видная, полная энергии, со звонким голосом. Она больше была похожа на городскую, так красиво она говорила. Он был страшный – скуластый, весь угреватый, с некрасивым ртом и в то же время в чем-то обаятельный. У Александра был очень хороший характер, все односельчане уважали его. Я думаю, из-за его мягкого характера тетя Поля полюбила его. Бабушка была не против, она все хотела, чтобы у дочерей были бы мужья тихие, смирные. Тете Поле с ним было жить нелегко. Он не мог защитить ни себя, ни семью. Мужчину был умный, а часто попадал впросак: то его обманут, то его обворуют.

Часто тете Поле приходилось выручать его из беды. Две первые девочки у тети Поли умерли, одна совсем маленькая, а другая, Нюша, четырех лет. Девочка была красивая, умная, большая говорунья. Тетя Поля всю жизнь оплакивала ее. Потом тетя Поля родила шесть сыновей. Все они были страшно похожи на отца, как только тетя Поля ни ухаживала за своими мальчишками, под носом у них было сыро и кожа была красной. Умом они тоже не отличались от других, особенные таланты у них не проявлялись.

Тетя Поля была очень аккуратная, любила чистоту. У нее в избе, как и во дворе, был порядок. Сама всегда выглядела праздничной. Когда тетя Поля вышла замуж, тогда сарафаны уже не носили. Носили юбки верхние темного цвета и блузки нежных цветов – сиреневые, голубые, розовые. Фасон такой, какой на Дону был у казачек. Эти блузки облегали фигуру и делали еще стройней. «Бабочка» на голове ей очень шла, она делала ее величавой. Сашу я очень любила, он всю жизнь относился ко мне очень хорошо.

Свекор у тети Поли был суровый и властный человек. У свекрови болели ноги, открывалась больная рана. Она вскоре умерла. Остался старик вдовцом. Начались кутежи, наведет своих друзей, и пьют вино, а тетя Поля должна за ними ухаживать. Наконец неугомонный свекор женился – взял старушку своего возраста из села Молодежное. Тетка Авдотья была умная хорошая женщина с властным характером. К дяде Саше она относилась как к родному сыну. Очень хорошо относилась к тете Поле, к ее ребятишкам, усмиряла своего неугомонного мужа. Все стало на свое место. Потом свекор умер, а его жена, тетка Авдотья, еще много лет жила в семье тети Поли, близкая и всеми любимая.

Как я начала жить в Хованщине

Только меня, шестинедельную, привезли в Хованщину, дядя второй раз задумал жениться. Взял себе в жены девушку 23 лет. Она уже по тому времени считалась вековой. Саша была брюнеткой – черные волосы, черные глаза, брови и длинные черные ресницы. Лицо было белое с густым румянцем, который был не только на щеках, но и доходил до висков. На щеках были глубокие ямочки. Она была интересная, а замуж не вышла и засиделась в девках потому, что не было у нее «снаряды» – дерюг, холстов, полотенец, одежек и остальной одежды.

Она была из очень бедной семьи. Мать ее рано умерла, оставив сиротами семь человек детей – двух мальчиков и пять девочек. Мать ее была очень хорошая женщина, очень чистоплотная. Мне бабушка рассказывала про нее. Анна имела только одну рубашку. Поздно вечером Анна придет домой, выстирает рубашку, около печки высушит, рубелем выкатает, на утро наденет – и чище ее никого из баб нет! Муж у Анны, Иван, был легкомысленный человек. Когда был «запой» – так называли гостины (смотрины), дедушке будущая сноха понравилась. Он еще сыну говорил: «Митька, где ты нашел себе такую красавицу, в Америке что ли?» Перед свадьбой дед говорит сыну: «Пойди, пригласи моих друзей на твою свадьбу!» Папаша ответил: «Я их никого не знаю, ты пригласи». Дед ответил: «Женишься ты, а не я». Вообще, так или иначе, а дедушкиных друзей никто не пригласил. Они на это очень обиделись.

Когда Саша вошла в дом, дедушка с самого начала стал недолюбливать ее, а во мне души не чаял.

Мне бабушка говорила, что я была здоровым, хорошим ребенком. Недалеко от нас жила одна старуха, ее называли Ариной-хохлушкой. Говорили, что она ведьма, колдунья. Вот однажды бабушка купает меня, входит Арина-хохлушка. Прямо с порога удивленно говорит:

– Анна! Какая же у тебя девка, как пышка сдобная!

И ушла. Бабушка говорила, как начала я кричать, день и ночь не переставая. Стала худеть, болеть. Бабушка говорила, что меня сглазила Арина-хохлушка.

Дедушка очень любил меня и называл бесприданницей. Это его самая большая похвала. Он считал, если хорошая, красивая девушка, ее берут замуж без всякого приданого (приданое – это придача). Бабушка тоже сильно заботилась обо мне, и вся остальная окружающая родня внимательна была ко мне. Я росла хилым, болезненным ребенком. До трех лет не ходила, все сидела, поджав под себя ноги колесиками. Когда стала ходить, у меня стучались коленка о коленку, и мне говорили, что у меня «коленки грызутся».

Сноха бабушки затаила ко мне злобу, решив, что я во всем виновата. Если бы не я, то дедушка относился бы к ней хорошо. Она стала недолюбливать меня. Когда около меня из старших никого не было, смотрела на меня зло исподлобья. Я чувствовала себя такой слабой, беззащитной, собиралась вся в комочек, лишь бы только не видеть ее черных глаз, которые так зло смотрели на меня. Она никогда не ласкала меня. В нашей семье стало две Саша. Мачеха была просто Сашей, а падчерицу звали, по обычаю Хованщины, Саньтя.

Изба наша была на два крыла и имела два крыльца. Перед избой росли две старые ракиты. Какие это хорошие деревья! Они неприхотливы и не требуют особого ухода. Даже был вот такой случай. На усадьбе на задворках все сеют коноплю, а папаша решил развести сад. Сад надо было чем-то огородить, столбов для изгороди не было. Тогда папаша срубил толстые нижние сучья, обрезая с них тонкие ветки, обтесал один конец, и получились столбы. Он вбил в землю эти столбы, прибил к ним перекладины. Получилась хорошая ограда. Потом купил саженцы (куда-то ездил за ними) и

посадил их на усадьбе. Через год все прижились и (о чудо!) столбы ограды тоже стали расти. Через два года ограда была живая, зеленая. Те старые ракиты, которые папаша обрубал, продолжали расти еще полнее. Да, хорошее дерево ракита, и цветет оно красиво и обильно желтыми цветами. Цветы напоминают больших желтых гусениц. Какие только эти ракиты пытки не перенесли от человека! В их ствол вбивали гвозди или крюки для веревок, на которых сушат белье, и скворечники прибивали, а они все краше и тенистее становились! Вот такое чудесное дерево ракита! Все село утопало в зелени, и это придавало селу живописный вид.

Ноги мои были прямые, но они настолько были слабы, что я с трудом стояла на них. Боясь, что упаду, я скорее старалась сесть. Через маленькую канавку Катюша, моя неизменная маленькая товарка, переводила за руку меня. Я не могла перешагнуть эту канавку от страха, просто слепла. В гору я еще могла идти, хотя и с трудом, а под гору – никак не могла. Я тогда садилась и таким образом сползала вниз. Мои ноги были очень слабые, в раннем детстве у меня был рахит. Ноги были слабые, их надо было закалять, укреплять, а получалось все наоборот. Были чудесные теплые вечера, роса обильно ложилась на траву. Хорошо было детям бегать по росистой траве босиком. Любящая моя бабушка принесет мне теплые валенки, только что снятые с печки, подает их и говорит:

– На, душенька, надень тепленькие, роса холодная, ты еще больная, просудишь свои ножки.

Надену валенки, шага два сделаю – они мокрехоньки. Так и сажу с мокрыми ногами, но зато в валенках. Как бы я не протестовала, она на своем настоит! Бабушка спокойна: душенька обута в теплые валеночки. И не знала того, какой вред наносила моим ногам!

У нас через речку Таблу, в том месте, где было тонко, узко, был перекинут мостик из двух досок. Мостик был без перил. Все девчонки и мальчишки бегали на этом мостике, плясали, кувыркались. Я не могла пройти по нему, у меня кружилась голова. Я только тогда пройду, если передо мной будет идти человек. Мне надо только прикасаться к нему, но не держаться – страх моментально пропадает, я спокойно иду через мост!

У всех детей были папаши или «тятяи». Дядю своего я звала папашей, как и его ребята, но я знала, что он не мой отец. Мне

бабушка говорила, что мой отец Иван Журавлев умер. Мне этого объяснения было довольно.

В нашем селе женщины были очень скромные и стыдливые. Боже сохрани, чтобы у женщины было видно голое тело! Это считалось за стыд. Мама мне присылала хорошие платья из дорогой материи городского покроя. Ни одного я не износила сама. Платья были короткие, какие носят в городе.

На Пасху в первый день по селу девушки носят большие иконы из церкви, по две девушки на икону. Ходят по избам и поют:

– Христос Воскресе...

За ними идут священник и дьячок. Они заходят в каждую избу и читают молитвы, поют тропарь «Воскресение Христово...». Потом христосуются с хозяевами избы и их домочадцами. Как только икону вынесут из избы, священник и дьячок выходят вслед за иконой. При христосовании священнику и дьячку дают крашеные яйца, так что за иконой едет подвода, нагруженная корзинами, в которые священник и дьячок складывают яйца.

При приближении шествия к нашей избе бабушка поспешно снимает с меня городской наряд, надевает свой, заранее приготовленный и сшитый тетей Полей по указке бабушки. Сначала она оденет меня в кофту со сборками на груди, с длинными рукавами и с высоким воротником. Потом наденет сарафан с проймой не длинной, но широкой, на коротких проймах, на сборках. Потом надевает фартук, тоже широкий, в сборку. Фартук без нагрудника, с нагрудником не носили. В довершение всего моего праздничного туалета покроет мою голову красивым кашемировым полушалком, подвяжут узлом под подбородком. Отойдет от меня шага на два – стоит перед ней маленькая матрешечка! Глядит и не нарадуется на свой наряд, выдуманный ей! К каждому большому празднику так и готовили для меня свой наряд. Мои городские платья лежали почти что не надеванные. Ну, постою я под иконами минут пять – вот и все мои ношения. Все отдавали Маньке Бузиной – моей двоюродной сестре. Той не стыдно было носить и короткие городские платья, она – дочь учителя! Бабушка, бывало, любителю на свою внучку в сарафане:

– Вот как хорошо, душенька, сейчас ты как ягодка, а то выставишь свои коленки – стыд-то какой! Глаза бы не глядели!

Дети в нашей семье были красивые, цветущие, со сверкающими глазами, с ямочками на щеках, под носами сырости не было и также слюней. Все были чистенькие, к нам как-то и грязь не прилипала. Если кто из маленьких провинится, его тумачами не награждал никто из старших. Свернут вдвое «утиральник» (полотенце), потрясут над головой виноватого, тот втянет голову в плечи – страшно! Думаешь, вот сейчас убьют! А до него даже и не дотрагивались. К маленьким относились нежно, считали, что они – ангельские души.

Только единственный случай помню я. У соседей Потаповых Лизу выдавали замуж, «запой» происходил после Крещения. У нас в селе был такой обычай: молодые, все гости и толпа зевак ходят по всему селу с гармошкой и песнями, а за ними, как всегда, ребята, мальчишки – ведь без них ничего не обойдется! Пошел и наш Ленька (по счету среди братьев четвертый), ему было шесть лет. Было очень морозно, а он в стареньком ватном пиджачке с короткими рукавами, из которого давно вырос. Он страшно замерз. Село большое, пока его обойдешь, много времени пройдет. Когда он вошел в свою избу, у него текли слезы, сопли, слюни, а голые руки были багровыми. Как только он показался в избе, мама Саша бросилась к нему, сдернула с него верхнюю одежду, повалила его на пол и давай его мять и таскать по избе. Ленька от страха выпучил глаза, орет, а мать его тискает и мнет как тесто на доске. Я удивлена была, ведь мама Саша так не поступала с детьми! Я держала маленького ребенка на руках, одной рукой хотела оттолкнуть ее от Леньки. Она мне кричит: «Не подходи, Машка, а то и тебе достанется!» Потом она в корыто налила горячей воды. Вымыв и одев Леньку, она загнала его на печь. Успокоившись, она мне сказала, что нарочно так сделала, чтобы разогреть Леньку.

В общем-то, она была очень нежная мама к своим детям. Летними вечерами у нас было очень много комаров, как рой они вились над головой. У ее детей удивительно длинные были ресницы. Смотришь, то один, то другой бежит, кричит – комар попал в глаз и ему очень больно. Мама Саша подбежит к нему как наседка, приседает к пострадавшему, углом фартука извлекает из глаза комара. Ну, вот и боль прошла! Можно опять бегать, а бегать есть где! Спреди избы и сбоку были две большие лужайки. С возрастом ноги

мои стали крепнуть, я уже могла немножко бегать. С Катей Александринной я не расставалась, так и бегала за ней, она мне казалась совершенством. Ранней весной мы караулили с Катькой на усадьбе полперета туши, чтобы ее грачи не клевали. Бабушка что-то прихворнула, лежала в постели. Катя вдруг мне говорит:

– Манья! Я с тобой водиться не буду!

У меня перехватило дыхание. «Почему?» – со страхом спрашиваю я. «Моя мама, – говорит Катька, – говорила тетке Марии, что ты нагульная». «А что это такое?» – спрашиваю я.

– Я сама не знаю, что это такое!

С громким плачем я побежала домой. Кричу, плачу навзрыд. Бабушка встревоженная поднялась, спрашивая, что случилось. «Бабушка, – горько плача, говорю я, – Катька Александринна со мной водиться не хочет. Она говорит, что я нагульная. А что это такое?» Бабушка прижала мою голову к своей груди, крупные слезы катились по ее сморщенным щекам, утешала меня:

– Ты, душенька, не играй с этой дурищей, играй одна!

Не прошло и получаса, как мы с Катей снова вместе и я, как тому следует быть, снова следую за ней. В детскую душу запали сомнения: что так, почему я не такая как все? Вот как-то раз пошли в слободку – село, где жила тетя Поля. Посидели у нее немножко, я пошла к ее соседям, которые жили через дорогу. Прозвище у этих соседей было Сухушкины. Семья состояла из шести человек: отец, мать, взрослые сын Иван, дочь Мария и еще были две девочки: Поля, чуть постарше меня, и Анюта четырех лет. Родители их куда-то уходили и старшие дети тоже. Жили они очень бедно и были большие лодыри. Вот играем мы тряпочными куклами, приходят Алешка и Ванька. Они спрашивают меня:

– Маня, кто твой отец?

Мой отец Иван Журавлев. Он умер.

Они начали оба так хохотать, прямо до слез, и говорят:

– Твой отец не Иван Журавлев, а чужой мужик!

Я с удивлением смотрела на них, а внутри была какая-то горечь.

– Вы все врете, у вашей Польки отец не чужой мужик, значит, у меня тоже не чужой!

После этого я больше не ходила к Поле играть. Тете Поле я ничего не сказала, да и другим родным тоже ничего не говорила, было как-то стыдно. Неприязни к матери становилось все больше и больше...

Бабушка мне говорит:

– Ты, Маша, стала большая, когда приходишь к чужим, надо говорить»: «Здравствуйте», что дают, надо сказать: «Спасибо».

О, как трудно было говорить вначале эти два таких простых слова! Бывало, иду, а в сердце все изнывает – долго не могла привыкнуть, все мучилась.

В то время мне было очень тяжело. Родные мне не говорили, кто мой отец, я ничего не говорила им. Я чувствовала, что какой-то рок тяготеет надо мной. Я чувствовала, что я не такая как все. Что-то стоит плохое за мной, а что, так и не смогла понять. Я не говорила родным, как меня обижали мальчишки. Бывало, полощу белье на реке, по мосту проходит мальчишка, мой ровесник, и кричит:

– Маньтя, кто твой отец?

Со стыда сгораю. Чтобы меньше попадаться на глаза мальчишкам, я уже старалась ходить по задворкам или мимо сараев, а не посреди улицы.

У нас в семье был заведен такой порядок: мы не ели на голом столе, когда завтракали, обедали, ужинали. Обязательно стелили «столешник». Столешник был из самотканого холста, сшитый из двух кол, а посередине вшивалась простая круглая прошивка. Одну неделю бабушка стлала свой столешник, а на другую неделю – мама Саша. Когда закончат есть, столешник аккуратно снимают, выходят на крыльцо, стряхивая крошки птичкам. Каким благоговением старшие брали каравай хлеба, завернутый в чистое полотенце. Каравай огромный, как колесо, аккуратно резали ломтями. Хлеб так просто не лапали. Хотя детей было много, но дети сами хлеб не брали, ломоть определяли взрослые.

Полы мыли только по большим праздникам. Мужики не давали своим бабам мочить доски, говорили, что они скоро сгниют. У нас доски были на вес золота. В нашей местности лесов не было, сплошное поле. Вот почему так дороги были доски и бревна. Хотя полы мыли редко, но в избе сору на полу не было. Подметали полынными вениками, которые запасали в большом количестве на зиму.

Ели из общей чашки деревянными ложками. У каждого была своя ложка со своей отметкой. Одни на черенке делали рубчик – один или два, кто крестик. По селу ездил изредка мужик на лошади с телегой и кричал: «Ложки! Ложки! Кому ложки?» Люди сбегались к нему со всего села покупать ложки. Ложки делали из клена и красиво красили их. Дедушка любил ложку, чтобы она была емкая, широкая, с коротким черенком. На ребят, бывало, не наготовишься ложек, они во время еды обгрызали края ложек. Через несколько дней из новой ложки получалось что-то вроде лопатки, приходилось заменять запасной, если есть такая. Как это получалось? Я просто не знаю.

Обязательно, когда ребяташки садятся за стол, их просто разбиаает смех. То там, то тут раздается приглушенный смех, фырканье. Однажды дедушке надоела эта возня, он рассердился на шалуна и как даст ему по лбу своей ложкой! У дедушки в руках остался короткий черенок от ложки, а у проказника на лбу – красное пятно, которое он смущенно потирал.

В Хованщине особый разговор. Говорят на «я» и слова немножко растягивают. Речь получается тягучая и очень красиво звучит. Например, «душника» – душечка, «подушника» – подушка, «картошика» – картошечка, «уже» – это сделать потом, «науже» – прошлый раз, «слухай» – слушай, «чаво» – что, «утиральник» – полотенце, «столешник» – скатерть, «потинушка» – тряпка, «в лясу» – в лесу, «святочек» – цветочек и целый ряд других.

Когда кличут, зовут детей, добавляют окончание «тя», например, говорят мне: «Иди, покличь ребят обедать». Я иду к реке, где они купаются, и кричу: «Колятя, Петятя, Ванятя, Лентя, Жентя, Дуньтя! Идите обедать!». Меня звали дома Машкой, а чужие Маньтей.

У нашей бабушки были разные «потинушки» – одними все стирает со стола, другими моет чугунки, третьими вытирает загнеток. Еще потинушка – вытирать ручку рогача (ухвата).

Вышла молодая девушка замуж 17–18 лет, ее уже зовут полным именем – Наталья, Марья, Прасковья или просто «молодая». Например, вон Потапова молодая пошла или Гусева молодая идет. Пришла девушка в семью мужа, его братья, сестры мужа должны звать «невестка», а она родителей мужа, то есть свекровь со свекром, должна звать «матушка, батюшка». Родится у молодоженов

первая дочка, до глубокой ее старости младшие ее сестры и братья будут звать ее няней. Были такие случаи, в одной семье две снохи – одна постарше, другая помоложе. Все равно их зовут «старая молодая» и «вторая молодая». Дети родителей зовут папаша, мама. Некоторые отца называли «тятя». При крещении восприимных родителей звали крестной и крестным, а родителей новорожденного – кум, кума. А те, в свою очередь, крестных тоже называли кум и кума.

Крепостное право отменили, а земли у крестьян было мало, да и та истощенная, плохо родила. Все луга, пастбища, хорошая земля остались у помещика. В Хованщине помещик не жил, его управляющий распоряжался его имением. Лесов больших не было, а какие были лесочки, принадлежали помещику. Охранял эти лесочки и луга объездчик. Он не пропускал ни девок, ни баб за травами, ягодами и грибами. Бывало, утром встанешь с постели, на столе навалена целая гора щавеля или кочатков (стволы щавеля, на которых растут семена). Кочатки вкусные, они толстые, сочные, приятные. Или пупарки. Это стволы тмина, тоже стволы сочные, толстые, но только пресные. Это взрослые девки со своими парнями-залетками делали набег ночью на помещичьи луга, когда объездчик спит. Моя двоюродная сестра Саньтя была уже взрослой девкой. Она на семь лет старше меня. Вот она ходила на добычу со своими товарками и своими залетками. В июне ночи бывают светлые, теплые. Ходили на луг, который назывался «телятник». Кто знает, может, когда-то на этом лугу пасли господских телят? Название так и осталось. Девки носили фартуки широкие. Наберут по целому фартуку, конечно, с помощью своих любимых. Принесет Саньтя, высыплет на стол целую гору – ликование для детей! Натощак набьем себе животы, и никакой дизентерии не было. Вся эта зелень была толстая, сочная, когда жуешь, сок так и брызжет!

В Хованщине в некоторых семьях детей было много. Допустим, детей много и все девки, а земли давали только на мужчин, так называемую «мужскую душу». В такой семье была беспросветная нужда. Один отец получал маленькую полоску земли, а у него семь человек иждивенцев. Отхожим промыслом он не занимался, да ему и некогда: помощника нет, одни бабы! Вот почему раньше с большой радостью встречали рождение сына. На его душу землю дадут, да и отцу в поле помощник будет, и под старость кор-

милец. У кого были дети мальчики, те еще могли как-то жить, сводить концы с концами, а где много девок, там жили впроголодь.

Чуть подрастет девчонка до семи лет, ее отдают в няньки, а она сама еще ребенок. Когда станет взрослой, идет работать под Москву батрачкой к огородникам или на торф. Специально приезжали вербовщики.

Земли мало, хозяин голову ломает, как распределить, ее ма-тушку. В основном сеют рожь, овес, сажают картошку. А потом выкраивают, что еще посеять – немножко вики для корма скота. Часть этой вики оставляют дозревать на семена, а другую часть, когда только появится стручок, скашивают на корм скоту вместо сена. Которая вика созрела, ее обмолят, часть викового гороха оставляют на семена для будущего года, а остальную часть на мельнице смелют на муку для посыпки. Когда кормят коров соломой резаной, ее ошпаривают горячей водой, чтобы она была мягкой, и солят, и посыпают или отрубями или вот этой виковой мукой. Сеют немножко чечевицы, это едят уже сами хозяева. Варят суп, кисель, делают блины. Правда, эта еда не очень вкусная, но лучше, чем ничего. Эта еда на Великий пост. Потом сеют немножко проса, думаю, – на пшено. Просо родилось хорошее, кисть прочная, зерно крупное. Обрушенная крупенка – желтая, как подкрашенная. Каши и кулеш были вкусные, хотя сварены были на воде. Потом немного сеют гречи для гречневой крупы и гречневой муки на блины на масляную неделю. Еще на своей усадьбе около избы некоторые сажали коноплю, а некоторые кормовую свеклу для скота.

Пастбищ никаких нет, когда вечером пригонят стадо, корова-то голодная. Для нее заготавливали мешок травы. Откуда же тут молоко? Не дай Бог засуха, так совсем беда! Вот, уже при Советской власти была засуха – в 1919 году, земля вся перешла к народу, объездчиков уже нет, ходили в лес за травой. Я уже была большая, идем с мамой Сашей в лес и буквально по травинке собираем, а надо мешок нарвать. В лес-то ходили не одни хованские, и из других деревень тоже. Потом этот мешок на себе надо нести четыре версты, а трава сырая, тяжелая. Придешь домой, скинешь мешок с плеч, вытряхнешь траву да раскидаешь по всему полу амбара, чтобы не согрелась, а то быстро загниет. Не в лес, так в поле идешь,

где посеяно свое просо. Там растет трава, кладешь ее в мешок, а она такая тяжелая. Мама Саша кричит на меня:

– Манька, не надрывайся, а то заболешь!

А что делать? Корову-то как-то кормить надо. В стойло мама Саша идет, туда полмешка травы несет, а из стада придет корова голоднешенька. Бывало, ляжешь спать, закроешь глаза, и кажется, кругом висит трава – по потолку, по стенам.

Я как-то невольно наблюдала, чем семья бедней, тем дети и взрослые здоровей. Если много детей, а земли мало, семья живет впроголодь. Основной пищей у них является тюря. Для этого в большую глиняную чашку накрошат ржаной хлеб, нальют сырой воды, посолят. Если есть лук, накрошат лука, и кушанье готово. У кого была корова, те по воскресеньям утром наварят пшеничного кулеша на завтрак, забелят его молоком. На обед обязательно кислые щи из серой капусты. Варили кто как. Если у кого есть мясо, те – с мясом. Семьи были большие, по 10–12 человек. На огромный чугунок положат 500 граммов соленой баранины или свинины. Мясо почти все время было соленое (солонина). Свежее мясо варили только тогда, когда резали скотину. Больше всего осенью. Щи варят из серой капусты, других овощей не добавляли, хотя они и были. Щей варили много – надо пообедать и чтобы осталось на ужин. Даже у середнячков мяса было мало. Вот почему так варили, мясо клали только для запаха, потому что скотины было мало, ее нечем было кормить.

У нас супы называли так: из капусты – щи, из лапши – лапшой, а вот картофельный суп – похлебкой, из пшенной крупы называли кулеш. Еще был у нас особый суп, но он бывал не у всех, только у кого скотина была или куры. Поздней осенью, когда начинаются заморозки, режут лишнюю скотину, чтобы зря не кормить ее. Ведь корма-то мало, надо сохранить его для другого скота, пущенного в зиму. Также и молодых кур, петушков. Вот тогда осенью за один раз режут несколько кур, также баранов.

Из потрохов ничего не пропадало, все уходило в дело. Вот из этих потрохов на завтрак варили пшеничный суп, который назывался «ушное». Эти отходы так тщательно скоблят ножом, моют в горячей воде, снова скоблят. После такой тщательной обработки даже баранья труха вся шла в «ушное». У кого не было ни скоти-

ны, ни кур, конечно, «ушное» не варят. Прошло сорок семь лет, как я уехала из Хованщины. До сих пор там варят ушное, хотя там теперь питание хорошее, все есть – любое мясо. Почти в каждой семье есть гуси. Уже разводят индеек. Жителям ее плохие серые щи, у кого пустые, а у кого заправленные мясом, это первое на обед. Второе – большой чугунок отварной картошки в кожуре. Половину ее съедят, прихлебывая квасом, а вторую половину оставят «на потом». Истолкут ее толкушкой, два яйца разобьют, немного молока туда нальют, у кого оно есть, и в печке запекут. Получается как запеканка.

Вообще, Хованские бабы – плохие кулинарки. Почти ничего не умели ни варить, ни жарить. Даже не умеют и до сих пор, несмотря на то, что сейчас в деревне все есть, живут богато. Тогда не из чего было, а теперь ленятся. В Хованщине, если кто хорошо готовил, над тем смеялись, называли сладкоежками. Одна старая дева несколько лет жила в Москве в прислугах. Потом вернулась в родное село, сварила варенье и пила с ним чай. Так ее пожилые мужики прославили, как будто она делает что-то непристойное. Вот такая была темнота и невежество в нашем селе! Наше село по сравнению с другими соседними селами Рязанской губернии считалось более просвещенным, много мужиков было грамотными, а в тех захолустьях было еще хуже.

Осенью у кулака-огородника Егора Тарасовича Малафеева покупали возами свежую капусту. Капусту серую заготавливали для щей большими кадками. Серая капуста такая: грязные листья счищают и там еще остаются зеленые листья, все вместе и рубят. У нас говорили, не сечками секли, а тятками тятали. Крестьяне считали, что такая капуста «прочней на желудке». Небольшую кадку капусты рубили как для закваски. Много кочанов оставалось, их резали коровам. Когда шел капустный сезон, в избу приносили деревянное корыто. Приходили девки – Сашины товарки – и начинали руками тятать капусту. Такой стоял перестук от рубки и девичьих песен. Ребятишки, как кролики, грызли кочерыжки. На другой день Саньтя идет отрабатывать – рубить капусту у товарок и т. д.

Кто занимался отхожим промыслом, те еще как-то сводили концы с концами, а остальные сидели на тюре. Только несколько человек жили в нашем селе хорошо и сытно. Это священник, дьячок,

учитель, урядник, старшина, староста, лавочник, мельник, огородник. В их избах было чище потому, что печку топили не навозом, а дровами. Питались они лучше. Все получали каждый месяц жалованье. Священник и дьячок имели доход от церкви.

Село Хованщина было большое. Там на горе подковообразно тянулась длинная слобода, где избы стояли в два ряда. Эта слобода делилась как бы на отрезки. Каждый такой отрезок имел свое название, например Крутой конец, Новоселки, Кисленка, Углянь, Вшивая Горка. На Вшивой Горке было не более восьми изб, в том числе одна землянка, в которой жила Варя – вековуха со своей старой матерью. Несмотря на такое некрасивое название и бедных людей, которые там жили, в их избах было чисто, опрятно, особенно в землянке Вари. Все эти названия слободы на том берегу реки Сухой Таблы. Здесь на большой долине растянулись две слободы. Их избы стояли в два ряда.

В конце этой долины возвышалась гора известняка. На горе стояла большая кирпичная, построенная на городской лад церковь, которая далеко была видна в окрестности. Первая слобода называлась Красное Село. Это начало всех начал Хованщины. К этой слободе относились: церковь, школа церковно-приходская для девочек, дом священника, дом дьячка, старшины, писаря, урядника, лавочника, волостного управления. Вообще, жила вся сельская знать.

На этой слободе все мужики были грамотные, и большинство из них занималось отхожим промыслом. Многие бабы здесь также были грамотные. Красивые, степенные, большие рукодельницы. Говорили они немножко нараспев, разговорная речь звучала мелодично. Все моды шли из этой слободы. Девки здешние считались в чести. Многие имели хорошие голоса и пели в церковном хоре. Пели хорошо. Дочь священника Мария Ивановна Ивановская была учительницей в церковно-приходской школе. Она пела очень хорошо и научила этому искусству хованских девок. В школе она тоже давала уроки пения. Регентом церковного хора был мой дядя (Папаша).

Позади слободы Красное село выросла новая слобода, тоже длинная, в два ряда изб. Эта слобода была совсем молодая, новая. Положил начало ей мой дедушка с папашей. Дедушка разделился со своим братом Иваном и вместе со своим сыном Дмитрием (Папашей) задумали сами построить избу и жить вместе одной семьей.

Место для своей избы выбрали красивое. Спереди избы и сбоку расстилались лужайки, поросшие одуванчиками. Эту слободу называли Каяновкой, то есть нахальной. Без всякого схода и разрешения наши мужики взяли да поставили тут избы. Потом к их избе стали строиться другие. Дедушка вынужден был отойти на Каяновку, так как на Красном Селе не было места для их семьи. Слобода Каяновка быстро выросла в два порядка изб. Украшением этой слободы была земская школа для мальчиков. Здание школы было кирпичное, высокое, просторное. Соединялись эти слободы – Красное Село и Каяновка – длинным проулком. Здесь народ был, как и на Красном Селе, бывалый, мастеровой.

На углу Села и проулка стояла большая изба лавочника Ивана Терентьевича Журавлева. Мужик был умный, ловкий. Дом он свой поставил так, что когда народ шел из церкви или ещё откуда, то обязательно должен был проходить мимо лавки. К его большой избе примыкало большое помещение лавки как магазин, а с другой стороны избы – пекарня. Торговал он бойко, товар, как продукты, так и все другое, были хорошие. Выпечка из белого теста, такая как ситный, плюшки, баранки, – вся была вкусная. Конкуренентов у него не было. Если кто и думал заняться торговлей, быстро прогорал и вынужден был закрывать свою лавку. Этот богобоязненный мужик заодно действовал с бандой конокрадов. Гришка Корченко, тот не только Хованщину обворовывал, уводил породистых коней, но и обворовывал амбары, в которых хранятся наряды девок.

Мне бабушка говорила, что раньше изба была курная, без труб. Затопят, так дым по всей избе растекается. Люди только сидя на полу могли дышать. Все стены покрывала копоть, и от копоти стены блестели, как будто они покрыты черным лаком. Раньше, в глубокую старину, мне бабушка говорила, кухонь не было, а только изба да сени.

Изба вся была покрыта соломой. Если случался пожар, то полсела сгорало. Керосина не было, сидели с лучиной. Ткали, пряли, вышивали, строчили в пяльцах филейную работу, хорошие кружева вязали к утиральникам – все при лучине. В общем, наши хованские девки были на все большие мастерицы. А жили лучше те, у кого было больше земли, а значит, у кого было больше мальчиков в семье, ведь землю только на их «душу» давали. Как говорится в

пословице, курица не птица, баба не человек. Женщина – это рабыня, даже религия обрекает ее на рабство. Когда венчает священник, читает молитву, что «жена да убоится мужа своего». Эта рабыня все должна сделать, всем угодить. Хорошо, если муж найдется с добрым сердцем и не бьет жену, но таких было мало. Другой мужик доброго слова не стоит, а он господин, кормилец. У его «души» земля есть, а у жены – ничего, она как обуза. А на этой обузе весь дом стоит, она все делает и везде должна успеть.

Крестьяне любили квас. Без кваса – никуда, ни одно празднество не обойдется: свадьба ли, крестины, похороны, поминки – везде квас. Его подают и к скоромному студню, и в постный день к отварной и соленой рыбе, к кислой капусте, в какой день попадет-ся какое торжество. Запивают вареный картофель. Допустим, если свадьба, кладут студень, хрен или редьку в обязательном порядке и наливают квас. В будни он просто необходим. Раньше чай пили не многие, считали это роскошью. Надо покупать самовар, чай, сахар, а где взять такие деньги? У мужика порой ни копейки. Вот наведут бочку этого кваса, и пей себе на здоровье! Мало стало – подлей воды, она снова закиснет. Если хорошая хозяйка мало-мальски любит готовить, то и квас выйдет хороший. На квас небольшие затраты, вот вам и квас готов! На завтрак отваривали чугунок картофеля «в мундире». В общую чашку натрут немножко редьки или хрена, положат капусты кислой, соли и нальют кваса. Едят разваристую картошку деревянными ложками из общей чашки, прихлебывают квас. Как вкусно было! В обед тоже без кваса не обходились. Кружка с квасом ходила по кругу.

Как задумаешься о прошлом, ужас берет! Питались плохо, пища грубая, полураздетые, полуразутые, а народ был сильный и крепкий. У крестьян было свое какое-то врожденное чутье. Вот почему ели щи только из серой капусты да варились они постоянно. Значит, в верхних зеленых листьях было больше питательных веществ, усваиваемых организмом! Хлеб был ржаной, тоже очень полезный. Также еду прихлебывали квасом, этим помогали желудку переваривать пищу. Квас и сам делался из ржаной муки, очень полезной.

Ни вилок, ни глубоких и мелких тарелок не было. Например, отварят на свадьбу мясо, нарежут его кусками, положат в общую чашку и едят прямо руками.

В поле летом брали целый жбан с квасом (жбан – это небольшой деревянный бочонок, который закрывался деревянной затычкой, чтобы не проливался). Люди доживали до глубокой старости, а у многих были целы зубы.

Удивительно, какой крепкий народ был! В каждой семье детей было по 10–12 человек. Некоторым родителям младенцев нечем было кормить такую ораву, а они росли и крепили. Родился ребенок, мать нажует кусок черного хлеба, добавит немножко сахара, завернет эту жвачку в сырую редкую холщовую тряпку, завяжет ниткой и сунет ребенку в рот. Вот и сосет он этот сосок, и не орет даже, не беспокоит. Крепко спеленают его свивальником. Глаза покроют чистой тряпкой, которую так и называли – «наглазник», и лежит он как полешко – ни ручкой, ни ножкой не может двинуть. Из какого-нибудь старого сарафана сделает мать полог, чтобы мухи не заползали ребенку в рот и чтобы он лежал в полной темноте. Постелет в люльку (люлька – это такой продолговатый деревянный ящик с высокими боками) немного соломы, покроет куском дерюги – вот тебе и простынка! Лежи, полешко! Матери с ним возиться некогда, она или около скотины, или на огороде. Люльку подвешивают на крюк, прибитый к матице. К люльке с четырех углов привяжут по веревке, чтобы люлька свободно качалась. Еще привяжут веревку с двух концов – это прищепка. Мать берет эту прищепку и легко раскачивает люльку. Люльку вешают около постели матери, чтобы ей было легко укачивать ребенка. Старые мужнины рубахи и старые рубахи матери – все идет на пеленки младенцу. Все старое идет в дело, новый только кусочек белого материала, обшитый узкими кружевами. Это и есть «наглазник».

Вот в таком виде мать оставляет ребенка, а сама идет в поле. Хорошо, если есть добрая свекровь, она заглянет к ребенку, а если свекрови нет, то оставит на дочку семилетнюю. А если и той нет, то берет в няньки у бедной соседки девочку, тоже лет семи. Вот такие-то няньки уродовали детей. Заиграется нянька, и забыла про ребенка. Ребенок сидел на лавке, упал, стукнулся головой об пол и получил сотрясение мозга. Потом гадай – родился, как будто был

умный, смысленный, а стал расти – ничего не стал понимать. От такого ухода растет младенец или горбатый, или кривой, или глухой, или заика.

Бывало и так, что совершенно не с кем оставить ребенка, тогда мать берет его с собой в поле. Положит его под копну, сунет в рот хлебный сосок – лежи и молчи, не мешай матери работать! Оставит его и бежит опростеть рожь вязать. Если подрос ребенок, сварят ему молочной каши гречневой, мать кашу нажует, смочит ее своей слюной, потом кладет кашу в открытый рот ребенка. Подрстет ребенок, вместе со взрослыми серые щи хлебает. Целый день бегаёт, прибежит домой – дадут ему кусок хлеба. Беги с глаз материнских долой, только не спеши!

Весной собираются артели на заработки, договариваются с хозяином, чтобы со столом. Обязательно выговаривают, чтобы были к столу серые щи, гречневая каша, квас и ржаной хлеб. Так уже свои врожденные профессора диктуют, что полезно и покрепче для желудка.

Рукопись подготовлена к печати А.Л. Бийчаниновой и Э.Л. Львовой.

В.М. Кулемзин (Томск)
«Медведь, далекий от политики»

Этнографы уже давно подметили, что общество и культура в целом сохраняют устойчивость постольку, поскольку традиции преобладают над инновациями. Различные государственные, регионально-административные постановления, циркуляры дают эффект и продуктивно «работают» только тогда, когда являются продолжением традиций. Иначе говоря, «хороший» закон должен быть развитием и юридическим оформлением какой-то традиции. Если закон является непривычным нововведением, то он обязательно встречает активное или пассивное сопротивление. Это лишает общество стабильности, придает ему неустойчивость, поскольку определенная часть социума делается незаконопослушной. Непредсказуемость всегда опасна, а в социальном организме особенно.

В предложенных читателю публикациях я выбрал из своей полевой тетради несколько показательных в этом отношении рассказов.

Здесь невооруженным глазом видно, что герой рассказа, обычно простой, если не сказать кондовый мужик, в общем человек с положительным зарядом, сбит с толку, выбит из колеи, растерян. Он не имеет никакой ориентации, потому что на протяжении жизни вынужден был выполнять взаимоисключающие законы: запрет продажи спиртного – свободная его продажа; коллективное хозяйство – индивидуальное предпринимательство; деньги – презренный металл и основа благосостояния.

Однако, несмотря на мировоззренческую растерянность, мужик все-таки не пропадает: как-то приспосабливается, живет и со-

бирается жить дальше. Он оптимист, и этот оптимизм неистребим, хотя и непонятно, какова мужицкая стратегия. Точно так же непонятно, какова концепция автора рассказов, т. к. он нераздельная часть этого общества. Впрочем, пусть читатель сам делает вывод и свои приводит примеры: на то и демократия.

Медведь, далекий от политики

Когда в 1969 году я работал среди ваховских хантов, из нашего Томского музея поступила просьба привезти медвежью шкуру. В общем, эта задача проблемы бы не составила: мне иногда приходилось бывать на национальных медвежьих игрищах, но всякий раз в конце игрищ ханты от туши зверя отрезали кончик носа и все когти. По их объяснению, это делалось для того, чтобы возродившийся медведь не учуял того охотника, который его добыл и доставил в поселок. Именно в целях возрождения недопустимо дробить кости: тушу разделявают по суставам.

И тут вдруг случай. Мой сосед Иван Кунин в верховьях Ваха обнаружил медвежью берлогу. Я объяснил Ивану, что нужна шкура с когтями и неиспорченной мордой. «Чучело зверя должно быть без дефекта», – пояснил я ему.

Охотники запрягли оленей и поехали в верховья Ваха. На другой день приехали и привезли медведя, устроив родовой праздник. После окончания всех церемоний с песнями, плясками, пантомимой, театрализованными сценками, Иван принёс мне шкуру, которая, согласно обычаю, должна быть помещена в священный амбарчик: для меня сделали исключение, вернее, для музея. Однако я сразу увидел, что кончик носа отсутствует, как и когти на лапах.

– Иван! – взмолился я. – Ты же коммунист, и жена у тебя учительница, у тебя все дети школьники, все грамотные, неужели ты веришь в эти древние, несовместимые с научным мировоззрением предрассудки?

– Владислав Михайлович, ты ученый, пишешь книги, а самого главного не знаешь: медведь не станет разбираться, коммунист ты или не коммунист: поймает в лесу и задавит.

«Ежели бы не эта проклятушшая охота...»

«Ежели бы не эта проклятушшая охота, может, из меня какой толк бы вышел, но веришь – нет, мил человек, далась мне эта охота. Увижу где в куче весеннего наноса кусок от остяцкого запора, али где в брошенном доме острогу, али где на чердаке покоробленную лыжину, али старинную пороховницу – рубаха на спине примерзает от страсти. Так всю жисть: книжки не читал, не писал, а все сети плёл да патроны заряжал. Глядя на меня, и сыновья неучами стали. По первости я их силком усаживал за книжки, да вижу толку нету, ежели сам плету то морду, то сети. Так по книжному делу они и не пошли. Да и нонешний день: осерчал на среднего, он – в одну сторону, а я – в другую».

Мой попутчик похлопал себя по всем карманам в поисках спичек и предложил, как и прежде, не пряча ни слова.

«Я – дурак, баба – дура и три сына тоже дураки. Особенно меньший. Те то хоть двое из Колпашева баб взяли, а третий откельто из Берёзова остячку привел – оттель не каждый муксун до нас доберётся. Оттель в томскую тюрьму по цельному месяцу везут. Пойди найди этот Берёзов, да и не каждый дурак искать его будет. А мой Ванюшка нашёл, да мало того, что нашёл – совсем туда собирается, почитай на край земли, там уже и Обь-то в море-окиян уходит. Два брата при отце, а третий у чёрта на куличках – видано ли дело? Не зря в сказке сказано – средний был и так и сяк, а меньший вовсе был дурак. Видно, на роду написано, я тоже у своего батьки-крестьянина. Откель у меня ум, ежели я шестой по счёту?»

*Беседа у рыбацкого костра,
или Реально-виртуальный мир*

На берегу реки у костра сидят двое мужчин. На чурках лежит доска-стол. На столе – котелок, нарезанные хлеб и лук, стаканы. Неподалёку – палатка. Сразу за дорогой – выкошенное поле, и дед аккуратно кладет на макушку копны навильники сена. Мужчина (профессор) другому (тоже профессору) говорит: «Деда надо к столу пригласить, может, что про старинную жизнь интересного расскажет».

Дед со словами «выпивать-то я не буду, а вот ухи похлебать надо бы» садится на свободную чурку. Так и состоялся разговор.

– Да ладно шшучонок попался, а ежели бы не он, то, поди кось, сечку бы варили. А сечка – это какая еда: с ней много и наметаешь.

Дед то и дело поглядывает на небо, продолжает:

– У нас тут в Богословке раньше был дед Дементий, так он з день наперед этот дождь чуял. Завсегда метал сено вовремя, гляд на него, и другие. Пока он был жив, сено ни у кого не гнило.

– У нас на работе один мужик был, доцент, – так не хуже ваше го деда, покос чуял за два месяца вперед. Пока в обкоме парти решают, какой институт в какую деревню послать, этот мужик, готс во дело, – уже палатки выписал, косы со склада получил, поварих назначил. Он сам и косы отбивал, и дрова колол. Огонь – не мужи был. Жаль, сгорел. Прямо на работе, от водки, вместе с любовни цей, она-то и была поварихой. Её, слава богу, отходили, она не стс рела, а в машине угорела, как потом рассказывала; ни дверцы от крыть, ни двигатель выключить, шибко пьяный мужик был.

– У нас в деревне один мужик был, так он совсем не выпивал. Он всё время на зароде стоял, а снизу ему такие же здоровые му жики подавали. Бывало, приедем на покос, он первым лезет на з род, да так ловко заскакивал! Кто с похмелья, – так ловко не заск чить! Но тот, верно, и не выпивал. Разве что один-два стакана сз могону, но при хорошем обеде это, считай, что в рот не брал.

– У нас такой же был. Бочку керосина с саней себе в сара заносил без остановки. Тоже не выпивал, да и за стол не садилс: когда выпивают. Тот всё делом занимался, пасаку держал, пимс катничал, на ходу один-два стакана опрокинет, и дальше пошёл. Н брагу, ни водку, ни самогон в доме не держал. Верно, как-то одн осень полную медогонку заквасил рябины. Что под окном росл: чтобы медогонку зазря на зиму не мыть. Как бы не соврать, вс деревня пьяная была недели две кряду, да и сам он возле медогон ки валялся, пока заморозков не было. Шестнадцать ведер, пока т их одолеешь! После этого его в кино бесплатно на первый ряд с: дили – киношник ходил чаще всех к этой медогонке.

– У нас один из хозчасти института раньше был кандидатом мастера спорта, и так бы он, может, мастером стал, но из-за пок сов спился. Как-то раз упал в силосную траншею, его деревянны ми трёхрожковыми вилами доставали. Он, было, кинулся бежать

деревню, с утра баню затопил, да справа и слева дороги силосные траншеи, он вернулся, два стакана водки хлеснул и под теплегу спать лёг.

– Сейчас если бы эту бутылку не допили, то хоть бы грамм сто в ней да осталось. А то вон оно, донышко, наскрозь светится.

– Надо другую доставать, может, пригодится, водка редко когда не к месту!

– Как не пригодится! Ежели брал с собой, то и доставать надо, а ежели не брал, то чего ты достанешь? Тут хоть все сумки перетряси на десять раз. Из дому не брал, значит, в лесу нету. Я так мыслю: ежели уж работать, то работать, а ежели выпивать, то выпивать. А есть мужики – ни то, ни сё. Я, к примеру, енту копну завтра в одну менталь доделаю, там осталось-то навильников пять-шесть бросить. Завтра и уху заварю, тут в кустах в озерко сетку бросил, шшучонок и запутался с краю, прямо с берега достать можно.

– Дед, ты сперва погляди путем, может, «ентот шшучонок» уже давно распутался. Мы же не сечку ели, с сечки-то не наработаешь?

– Завтра, ежели вы тут останетесь, я бредень привезу, стакан водки мне оставите, а копну я после обеда доделаю. На коня подсобите забраться, силы нету запрячь... Поеду помаленьку, конь дорогу знает, не впервой. А ежели дождь соберется, завершите копну, не обессудьте, люди добрые, не гнить же сену. Ученые, они сено знают.

Странички из дневника Николая Шляпникова

Во время длительной работы на Севере в 1969 году среди моих знакомых был некий Коля Шляпников. В национальном поселке Корлики он дежурил на дизельной станции. Ремонтировал ружейные замки местным охотникам, лодочные моторы, бензопилы. То время было далеко еще до рыночных отношений, и заказчики обычно рассчитывались с ним водкой за любую выполненную работу. Бутылка тут же, на месте, и распивалась. Видимо, по этой причине Николай так и не мог реализовать свою мечту: накопить денег и уехать на берег Черного моря, где бы он построил большую белокаменную дачу. Вместо этого он угодил на лечение от алкогольной зависимости и через полгода вернулся как огурчик в свою мастерскую, которая одновременно была ему и домом.

И решил начать новую жизнь – по утрам делать зарядку, днем выполнять заказы, а по вечерам вести дневник.

Сказано – сделано. Правда, спустя месяц мастерской начал «пригублять». Сперва чисто символически, а дальше и больше. Однако писательское мастерство не бросил.

Однажды он побежал в магазин за очередной порцией водки, а мне доверил прочитать и осмыслить одну из своих многочисленных тетрадей. Я переписал несколько страниц, которые, без сомнения, представляют и художественную и этнографическую ценность.

19 апреля. Вороны летят с утра в сторону зверофермы.

20 апреля. Вечер. В паху не болит.

21 апреля. Додельваю вторые двери, где взять двести второй подшивник? Без пилы – как без рук.

24 апреля. Опохмелился и разобрал трубу.

25 апреля. Захотел холодца и проснулся, попил воды и расхотел.

26 апреля. Днем заходил к Хохулину, но он ушел к Лебедеву. Пошел к Лебедеву. А они ушли к Серебрякову, а они ушли от него к деду Шаньгину. Дед Шаньгин всегда даст, если есть, а если нету, то пообещает. Едва-едва их нашел, но они не могли отворить мне двери, все лежали на полу. Знал бы, не искал.

2 мая. Потерял 21 рубль. Или у Хохулина в огороде, или возле бани, или на берегу в песке, или возле дома.

3 мая. Сперва взяли одну на троих, потом две на двоих, потом каждый взял по одной.

4 мая. Резануло живот сверху вниз и направо. Деньги так и не нашел, да я про них не думаю.

5 мая. Весь день выносили бочки с клюквой.

6 мая. Помогал на звероферме, почти не выпивали.

8 мая. Бензопилами резали торф.

10 мая. Зашел ко мне Акулов, я ему сказал, что завязал, и прогнал его. Потом они зашли ко мне вместе с Садовиным и уговорили меня. Взяли одну на троих. Они сами сказали, что хватит. Сказали, да поздно, я уже постучал соседу, а тот всегда наготове. Принес две.

11 мая. Ремонтировал насос в бане.

14 мая. Хохотали на берегу – упал в воду Зверев. Вылез мокрый, как ондатр.

16 мая. Зашел ко мне Лебедев и говорит: «Николай, у тебя есть гражданская совесть? Через две недели должен быть ледоход на Вахе, а у нас с тобой – ни в одном глазу». И кинулся меня обнимать, как будто сто лет не видел, а только вечером от меня ушел чуть тепленький.

17 мая. Не могу.

IV. ЮБИЛЕИ

Блинов Николай Васильевич (к 75-летию юбилею)¹

Одним из ведущих профессоров кафедры отечественной истории, развивавших традиции историографических и источниковедческих исследований, является Николай Васильевич Блинов, который в настоящее время работает в Российском университете дружбы народов. Он коренной сибиряк, родился 15 августа 1929 г. в деревне Старая Покровка Анжеро-Судженского района Томского округа Сибирского края. Родители его были крестьянами, а позже, спасаясь от раскулачивания, переехали в Анжеро-Судженск, где стали рабочими. По рассказам Н.В. Блинова, он в 15 лет ушел из дому для того, чтобы попасть на фронт. После достаточно опасных приключений он стал воспитанником бригады морской пехоты, участвовал две недели в боевых действиях в августе 1945 г., затем учился в Военно-морском подготовительном училище во Владивостоке. За годы учебы получил среднее образование и военно-морскую подготовку. Однако был признан негодным к воинской службе и демобилизован. В сентябре 1947 г. поступил в Владивостокскую школу мореходного обучения № 7, где учился на радиооператора до февраля 1948 г. Был оставлен воспитателем той же школы, а в апреле 1948 г. направлен на курсы повышения квалификации в Новосибирск.

¹ Составил В.П. Зиновьев по очерку, посвященному 70-летию Н.В. Блинова, его автобиографии (Сибирь в составе России / Ред. Б.К. Андрищенко. Томск, 1999. С. 3–7) и сведениям библиографического словаря «Профессора Томского университета» (Т. 3: 1945–1980 / С.Ф. Фоминых и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 38–41).

В сентябре 1948 г. он стал студентом Томского государственного университета (историко-филологического факультета), с 1953 г. – ассистент кафедры марксизма-ленинизма, с 1960 по 1962 г. аспирант кафедры истории СССР марксизма-ленинизма. Кандидатскую диссертацию он защитил на тему “Возникновение социал-демократических организаций в Сибири” (1962 г.), а докторскую – в 1975 г. по теме “Историография рабочего класса Сибири”.

Работал доцентом кафедры истории КПСС с 1964 г., а с 1966 г. – кафедры истории СССР дооктябрьского периода, профессором – с 1976 г. Своими научными руководителями и наставниками он считает Л.В. Алякринского, И.М. Разгона, А.П. Бородавкина, З.Я. Бояршинову, П.А. Зайончковского.

В 1979–1981 гг. Н.В. Блинов заведовал Проблемной научно-исследовательской лабораторией истории, археологии и этнографии Сибири. В 1981 г. он переехал в Москву и до 1992 г. работал в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС старшим, главным научным сотрудником, заведующим отделом. В 1992–1994 гг. работал ведущим научным сотрудником в Институте национальных проблем образования Министерства образования РФ. С 1994 г. по настоящее время – профессор кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов.

Индивидуально и в соавторстве опубликовал 8 монографий общим объемом свыше 250 печатных листов, свыше 100 научных статей по проблемам истории, историографии, источниковедению социал-демократии, рабочего класса Сибири и России, политической истории России, археологии, государствоведению. Читал основные и специальные курсы, вел специальные семинары по истории КПСС, истории СССР, историографии и источниковедению истории России, истории Сибири, истории государства и права России, теории и методике исторических исследований, руководил подготовкой аспирантов (защитилось более 25 человек), трое его учеников защитили докторские диссертации. Был и является членом диссертационных советов.

В Томском университете Н.В. Блинов активно занимался общественной работой, был председателем спортклуба ТГУ, председателем Томского областного совета ДСО «Наука»; секретарем комитета ВЛКСМ ТГУ, секретарем партбюро кафедр общественных

наук, истфака, 7 лет членом парткома ТГУ, секретарем партбюро и членом парткома Института марксизма-ленинизма, избирался депутатом рай- и горсовета, членом разных министерских комиссий и проч.

Первым браком Н.В. Блинов был женат на профессоре ТГУ О.И. Лейтан (Блиновой). Их сын Владимир – доктор биологических наук, профессор ТГУ. Дочь Ольга – журналист.

Второй женой Н.В. Блинова является Н.А. Иванова – ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук.

Среди учеников Н.В. Блинова – доктора исторических наук Л.И. Галлямова (Владивосток), Н.М. Дмитриенко, В.П. Зиновьев (Томск), В.А. Скубневский (Барнаул), А.П. Толочко (Омск), кандидаты исторических наук Б.К. Андрущенко, А.Л. Афанасьев, В.И. Зиновьева, П.С. Коновалов (Томск), В.Н. Большаков (Смоленск), Л.И. Давыденко (Новокузнецк), А.Е. Плотников (Омск) и др.

Профессор Николай Васильевич Блинов является одним из наиболее известных исследователей общественного движения в России, истории Сибири. Почерк его индивидуален и узнаваем в коллективных трудах по краткости изложения и емкости мысли, характерным оборотам.

Его первые труды посвящены отечественной социал-демократии, а кандидатская диссертация – возникновению социал-демократических организаций в Сибири. Николаю Васильевичу посчастливилось знать участников революционных событий, героев его статей и книг Валентина Евгеньевича Воложанина, Григория Иннокентьевича Крамольникова, Михаила Кузьмича Ветошкина, Николая Николаевича Баранского.

Труды Н.В. Блинова по истории социал-демократических организаций в Сибири стали новым словом в историко-партийных исследованиях, они органично включили историю партийных организаций в историю общественной жизни края. Не случайно, что из большого числа преподавателей кафедр общественных наук Сибири именно Н.В. Блинову редколлегия “Истории Сибири” доверила подготовку глав по истории социал-демократического движения за Уралом. Это явилось признанием научной значимости его исследований.

Организаторский дар Н.В. Блинова не раз привлекал внимание партийных органов, однако он не стал делать партийную карьеру. Наука для него стала не просто средством для существования, а смыслом жизни. Когда в конце 60-х гг. развернулась работа над другим фундаментальным проектом по истории рабочего класса и крестьянства Сибири, доценту Н.В. Блинову главная редколлегия “Истории рабочего класса Сибири” поручила подготовку первого тома труда, который должен был освещать историю дооктябрьского периода. К этому времени Николай Васильевич перешел работать на кафедру Истории СССР досоветского периода, заведовала которой З.Я. Бояршинова. Такое решение было естественным и принципиальным, потому что Н.В. Блинов, как и его учителя И.М. Разгон и А.П. Бородавкин, всегда считал историю коммунистической партии не отдельной исторической дисциплиной, а частью отечественной истории.

Напряженная работа над новыми курсами “История Сибири” и “История СССР периода капитализма” совпала с руководством группой аспирантов и научных сотрудников сектора “Рабочего класса” Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири, который был создан для подготовки книги по истории дореволюционного рабочего класса Сибири. Это были в основном выпускники 1971 г. из спецсеминаров Н.В. Блинова и А.А. Говоркова.

Николаю Васильевичу предстояло не просто координировать работу опытных специалистов, таких как Г.Х. Рабинович, А.А. Мухин, О.Н. Вилков, Д.И. Копылов, А.Т. Коняев, Д. М. Зольников и др., взаимодействовать с редактором издания, директором Института истории СО АН СССР академиком А.П. Окладниковым и заведующим сектором истории капитализма института профессором Л.М. Горюшкиным, но и воспитывать из вчерашних студентов историков-исследователей. Это было самое сложное. Консультации превратились в многочасовые сидения. Положение спасал постоянно действующий семинар, на котором обсуждались сначала доклады сотрудников и аспирантов, затем – статьи, наконец – диссертации. Там же обсуждались проблемы свободы исторических исследований, репрессии, обрушившиеся на историков в 1930-е и 1970-е гг.

В процессе подготовки книги по истории рабочего класса изучались также экономика Сибири, буржуазия, общественное движе-

ние в целом. Был выпущен ряд сборников, библиографический справочник, хроника стачечной борьбы. Ежегодно проводились конференции в Новосибирске, Томске, Барнауле, где мы имели возможность познакомиться с историками всей Сибири.

В основу изучения социально-экономических и политических процессов, происходивших в дореволюционной Сибири, были положены статистические методы. Н.В. Блинов А.Е. – один из тех историков, которые выкорчевывали иллюстративный метод, удобный для аргументации любых априорных положений. Воюя с историческими мифами, Николай Васильевич прививал студентам уважение к историческим фактам, учил читать труды классиков марксизма не как хранилище бесспорных истин, а как плод человеческой мысли, ограниченной и несовершенной, рожденной в определенной исторической ситуации. В условиях, когда подгонять факты под цитаты классиков было обычной практикой в среде историков, такого рода наука многого стоила. Сам постоянно ходивший на грани идеологического фола, Н.В. Блинов способствовал расширению творческого поля учеников.

Большая часть текста “Истории рабочего класса Сибири в до-октябрьский период” была написана сотрудниками сектора рабочего класса Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири при Томском университете. Он мог определить направление дальнейшей работы группы историков, подготовивших книгу. Новой коллективной темой стала «Хроника рабочего движения в Сибири». Подобная работа разворачивалась в академических центрах страны. Сибирь стала зоной ответственности Томского университета.

Н.В. Блинов принял самое активное участие в разработке методики составления хроники и статистики рабочего и социал-демократического движения в России. Тогда же (в 1981 г.) по семейным обстоятельствам он переехал в Москву и стал сотрудником Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Принимая участие в подготовке обобщающих изданий по истории революционного движения в России, он не забывал и сибирские исследования. Заметным было его участие в трехтомной “Хронике рабочего движения в Сибири”, инициатором подготовки которой он являлся, в работе над новым проектом – “Хроника общественного движения в Си-

бири". Под его руководством продолжали защищаться в Томском университете кандидатские диссертации, готовиться докторские диссертации.

В начале 90-х гг. наступил некоторый перерыв в научном творчестве Н.В. Блинова, долгое время он не мог найти работу по душе, пока не стал преподавателем Российского университета дружбы народов в 1994 г. Сейчас он вновь публикует статьи по истории общественного движения, общественной мысли, историографии, методологии истории, руководит подготовкой диссертаций.

Круг научных интересов Н.В. Блинова по-прежнему широк, как и круг научного общения. Всегда мысливший автономно от идеологических догм, он и сейчас от них свободен. Николаю Васильевичу, как и ранее, претят конъюнктурщина, внешние атрибуты научного успеха. Среди знатоков отечественной истории мнение его по-прежнему авторитетно.

Список авторов

Бэр Марина Леонтьевна – аспирант кафедры отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета.

Бийчанинова Альбина Львовна – канд. мед. наук, микробиолог, г. Томск.

Дорофеев Михаил Васильевич – проректор Кузбасской государственной педагогической академии.

Дутчак Елена Ерофеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Томского государственного университета.

Есипова Валерия Анатольевна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Научной библиотеки Томского государственного университета.

Жеравина Аниса Нурлгаяновна – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета.

Жеравина Ольга Александровна – канд. ист. наук, доцент, докторант кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета.

Зиновьев Василий Павлович – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Томского государственного университета, декан исторического факультета, академический директор ТомМИОНа.

Катионов Олег Николаевич – канд. ист. наук, доцент, декан исторического факультета Новосибирского государственного педагогического университета.

Ким Елена Алексеевна – ст. преподаватель кафедры отечественной истории Томского государственного университета.

Кириллов Алексей Константинович – канд. ист. наук, науч. сотр. Института истории ОИИФФ СО РАН.

Комлева Евгения Владиславовна – канд. ист. наук, науч. сотр. Института истории СО РАН.

Котляров Александр Никитич – канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Томского государственного университета.

Кулемзин Владислав Михайлович – д-р ист. наук, профессор кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета.

Львова Элеонора Львовна – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Томского государственного университета.

Никулин Петр Федорович – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Томского государственного университета.

Соснер Илья Яковлевич – сотрудник РГАДА, скульптор, член МОСХ.

Сыров Василий Николаевич – д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Томского государственного университета.

Туманик Екатерина Николаевна – канд. ист. наук, науч. сотр. Института истории ОИИФФ СО РАН.

Шевцов Вячеслав Вениаминович – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета.

Юшковский Виктор Данилович – журналист, соискатель кафедры истории и докуменетоведения исторического факультета Томского государственного университета.

Шерстова Людмила Ивановна – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории и регионоведения Томского политехнического университета.

Программа “Межрегиональные исследования в общественных науках” была инициирована Министерством образования Российской Федерации, “ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)” и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) и Института “Открытое общество” (Фонд Сороса) в 2000г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОН), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. “ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)” осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на искание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей Программы: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а/я 231

Электронная почта: info@ino-center.ru,

Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

Министерство науки и образования Российской Федерации (Минобрнауки России) является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в области образования и координирующим деятельность учреждений высшего и среднего профессионального образования, научных и иных организаций системы образования, аттестацию научных и научно-педагогических кадров в высшей квалификации.

Минобрнауки России участвует совместно с другими федеральными органами исполнительной власти в формировании и реализации государственной научной и научно-технической политики. Разрабатывает федеральные целевые, межгосударственные и межведомственные программы и проекты в области образования, научной деятельности и молодежной политики. Обеспечивает выполнение обязательств Российской Федерации, вытекающих из договоров с иностранными государствами по вопросам образования, международного сотрудничества в области молодежной политики, а также программ международного научно-технического сотрудничества, межведомственных договоров и соглашений.

В структуру Минобрнауки России входят несколько сот вузов и научных организаций. В составе вузов имеются: проблемные научно-исследовательские лаборатории, технопарки, НИИ, конструкторские бюро, инженерные, научные и методические центры, опытные производства. В вузах и организациях работают около двухсот тысяч человек профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников.

АНП "ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)" – российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Биллингтона и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX века, который благодаря своим стараниям и книгам о России сыграл важную роль в развитии лучшего понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от мира политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки "развития и распространения знаний и понимания". Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии

со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна “творить реальное и прочное добро в этом мире”.

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются: образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) – частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека; а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению результатов, просвещения и профессиональной подготовки, и практической деятельности.

Научное издание
ЧЕЛОВЕК – ТЕКСТ – ЭПОХА

Выпуск 1

Формирование жизненной среды и менталитета

Гигиенический сертификат
77.99.02.953. Д.001977.03.02 от 24.03.02

Редактор Т.В. Зелева
Технический редактор Р.М. Подгорбунская
Компьютерная верстка Г.П. Орлова

Лицензия ИД № 04617 от 24.04.2001 г.
Подписано в печать 9.09.2004 г. Формат 60х90^{1/16}.
Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ.л. 20; уч.-изд. л. 18,36; Тираж 500 экз. Заказ № 186.

ФГУП «ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГУ», 634029,
г. Томск, ул. Никитина, 4

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Издательство Асиновское»
г. Асино, ул. Проектная, 24.

Межрегиональные
исследования
в общественных
науках

T

